

Наталья Веселова

ПРЕДПОСЛЕДНИЙ ДЕКАМЕРОН

*Сказы
морового
поветрия
XXI века*

УДК 82-313.3
ББК 84(2)6
В38

Книга издается в авторской редакции

В38 Веселова Наталья

Предпоследний Декамерон: Роман. / Наталья Веселова. – Санкт-Петербург: СУПЕР
Издательство, 2020. – 312 с.

ISBN 978-5-996512-22-5

В недалеком будущем на планете свирепствует очередная опасная эпидемия. В лесу неподалеку от небогатого подмосковного садоводства обнаружен бункер-убежище времен СССР. Там и спрячутся на неопределенное время десять человек из садоводства, желающие избежать принудительной обсервации после того, как болезнь обнаружена в одном из домов. Люди различных убеждений и социальных групп, среди которых двое детей, вынуждены сосуществовать в подземелье почти в полной темноте, без гаджетов и книг, в тяжелых условиях. Что им делать, чтобы не сойти с ума и не поддаться унынию или агрессии? Кто-то из них вспоминает про эпидемию чумы, уже прошедшую по земле семьсот лет назад, когда Джованни Боккаччо написал свой бессмертный «Декамерон». Почему бы теперь не повторить опыт средневековых персонажей? Но прошло много веков, и рассказы теперь совсем другие – и вот уже перед нами своеобразная энциклопедия русской жизни начала двадцать первого века...

www.super-izdatelstvo.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

© Наталья Веселова, 2020
© СУПЕР Издательство, 2020

ПРЕДПОСЛЕДНИЙ ДЕКАМЕРОН

или сказы морового поветрия XXI века

*В конце времени будет
только два класса людей:
те, которые однажды сказали Богу:
«Да будет воля Твоя»,
и те, которым скажет Бог:
«Да будет по вашей воле».*
К.С. Льюис

Пролог

Yersinia pestis

- Паутинки в лесу – лету конец... – один из двух немолодых мужчин, уже порядочно запыхавшийся, остановился передохнуть, придумав для этого формальный предлог – сосредоточенную протирку своих якобы запотевших стильных очков.

Ему явно не хотелось показать презренную слабинку своему спутнику, одетому в поношенный камуфляж, с грацией тяжелого хищника из семейства кошачьих непринужденно преодолевавшему чудовищные препятствия на данной пересеченной местности: поваленные дремучие ели в этом подмосковном лесу, казалось, были свежими семечками в коричнево-бронзовых шишках еще при Юрии Долгоруком.

- Как вы думаете, Максим... Вот этой... ёлочке... сколько лет? – тщедушный очкарик в ладных джинсах и чистой светлой куртке кивком головы указал на мощный, иззелена-черный ствол, с корой, напоминавшей кожу дряхлого слона. – Мы же ее и вдвоем, наверно, не обхватим!

Товарищ его – гладко выбритый, широкоплечий, с невытравливаемой военной выправкой, бросил на дерево небрежный оценивающий взгляд и коротко уронил:

- Лет триста, – и отвернулся, устремив непроницаемый взгляд в сторону светлой просеки, над которой быстро рассеивался рассветный туман, похожий теперь на медленно опадавшую золотистую тюлевую занавеску.

И непонятно было – любитесь ли он летучей холодной прелестью первого осеннего утра или взгляд его повернут внутрь – в таинственную брутальную душу, поставленную и воспитанную совсем не так, как привык развязный московский гуманитарий. Зато и сомневаться не приходилось в том, что интеллигентская хитрость собеседника им давно разгадана, и, ничуть не уставший, крепко сбитый, в свое время привыкший к дальним броскам с полной выкладкой, он снисходительно дает жалкому школьному учителешке время отдышаться.

- В прошлом году в этот день линейки во всех школах шли... – грустно пробормотал тот, подслеповато шурясь на сверкающие стразы росы, дружно вспыхнувшие там и тут в желто-зеленой ажурной вязке березовой листвы. – Цветы кругом, банты у девочек белые... И в ноль седьмом, когда мои в первый класс шли, так было, и в девятьсот восемьдесят четвертом, когда – я сам... Казалось, всегда так будет... И вот...

- А мой, может, и вовсе не пойдет, – жестко сказал Макс, оттолкнувшись плечом от ствола, к которому было прислонился; он метнул в учителя спокойный, но все-таки едва уловимо презрительный взгляд: – Все, кончен привал. Ведите дальше, Станислав. Хорошо дорогу помните?

Стас послушно подхватился:

- Да-да, конечно... Это дерево, у которого вы стоите, – как раз приметное. Видите – я специально ветку сломал, видите? Это я так дорогу отмечал. Теперь нам туда, наискосок, метров двести – и будет большой такой муравейник, а оттуда уже совсем близко... Только везде эти стволы проклятые... Будто в тайге после Тунгусского метеорита, честное слово. Шею свернешь, пока перелезешь... И сучки острые отовсюду торчат... Того и гляди... Гм...

- «Мужики, мужики, яйца не поколите!» – «А что, бабка, яички ве-зешь?» – «Да нет, гвозди», – легко махнувший через толстенную поваленную березу Макс без всякого выражения и без тени усмешки изрек странную фразу, про которую Стас только спустя несколько минут догадался, что это старый анекдот.

Сам-то Станислав без крайней нужды и не пытался перелезть через постоянно преграждавшие путь то почти лежачие, то под углом сломавшиеся деревья, а, скрючившись, кое-как протискивался, иногда даже проползал под ними, зелена на спине и животе свою опрятную бежевую курточку, а когда перебираться через них все-таки приходилось, то выглядел неуклюжим состарившимся отличником, застрявшим верхом

на спортивном «коне» на потеху всему классу. У созерцавшего эти уни- зительные маневры Максима чуть дрожал левый уголок когда-то раз и навсегда обветренного рта, а глаза превращались в острые стальные буравчики.

«Классовая неприязнь, – постановил про себя прекрасно замечавший непроизвольную, но достаточно выразительную мимику спутника пе- дагог. – Тут никакая демократия не поможет... А я еще и в очках к тому же», – будучи образованным москвичом в пятом поколении (далее в глубь веков осведомленность не дотягивалась), он считал себя в полном праве так думать.

И ошибался. Глядя на него, Максим, умудренный почти всем спек- тром тяжелого человеческого опыта, просто испытывал странную грустную зависть: он тоже мог поступить в институт сразу после шко- лы в середине девяностых. В точных науках шарил нормально, а с со- чинением на вступительных уж как-нибудь поднатужился бы – да и тех, кто математику и физику на пятерки сдал, на русском особо не вали- ли, потому что к последнему экзамену конкурса в технических вузах уже почти не было... Да как-то не поперло – в их роду ни про кого с «вышкой» и не слыхали, не поняли бы его батяня с маманей... Школа – армия – завод, об ином не помышляли. Да кто ж знал, что армия обер- нется кровавой бойней, а когда оттуда полуживым выберется, заводы уже прочно встанут, и судьба ему другой путь укажет – по охранному ведомству: вроде, и при оружии, и при деньгах каких-никаких – а все ж обслуга и обслуга, как ни посмотри... Другое дело Стас этот – руки чистые, всю жизнь теплый и сытый, рассуждает, небось, все про ум- ное; даже в зубы за всю жизнь не получал ни разу, не то что пулю в живот, двойню вырастил в отдельной благоустроенной квартире, жена хоть и ровесница, за полтинник, – да выглядит не старше его, Макса, Катюхи тридцатипятилетней... И не из белых воротничков – действи- тельно презренного офисного планктона, а, вроде, нужным и нелегким делом занят человек, детей истории учит, не зря хлеб свой ест. Ну, а что хлюпик – так это издержки: просто не потребовалось ему в жизни физическую силу развивать – головой работал. А мозги, известно, цен- нее рук и ног... И жена – по книгам там что-то – в Ленинке научным отделом заведует: недавно Катюхе толстый журнал показывала, целую статью в нем написала про какие-то летописи. Макс сына своего, когда подрастет, обязательно в Третьяковку водить будет, и в Большой театр,

и в Кремль по всем церквям, какие там есть, и на экскурсии всякие... В Питер обязательно свозит: сам только раз ездил – дух захватило, так красиво... Нет, неправы были его предки в том, что знать всего этого не желали, – дескать, дело надо делать, а не дурью маяться... Он своего сына по-другому воспитает, обязательно высшее образование ему даст, когда тот подрастет и школьный аттестат получит... Макс резко остановился, словно налетев на стеклянную стену: «Вот идиот. Аттестат, как же. Ему бы еще родиться. Живым и здоровым...». Всего два месяца назад он был в этом почти уверен – заранее врачу толковую нашли через знакомых, место в клинике забронировали, денег поднакопили... Но теперь... И это ему, мужику здоровому, страшно – а что должна чувствовать Катюха, после восьми выкидышей родить отчаявшаяся, но успевшая робко порадоваться почти осуществившейся мечте – мечте, которая опять оказалась под прицелом... Да что ж это за жизнь за такая – конца и краю не видно несчастьям!

- Пришли! – оборвал его невеселые мысли преувеличенно бодрый голос Станислава. – Вот он!

Стоя на коленях, тот суетливо разгребал пахнувшие прелым теплом нежно-лимонные листья и бурую влажную хвою у едва возвышавшегося пригорка, поднимал толстый сухой пласт мертвого мха, и через несколько секунд совершенно очистил чуть утонувшую в земле круглую, когда-то добросовестно выкрашенную темно-коричневой краской чугунную крышку на толстых петлях. Очки Станислава сверкнули снизу слегка виновато:

- Давайте вместе, а? Я, когда один ее позавчера поднимал, – так чуть... пупок не развязался... Я тут ножом вокруг все вычистил и палку вставил – видите, приподнята? Подцепить только... – он скромно гордился своей предусмотрительностью.

Макс молча кивнул, и вдвоем мужчины, ухватившись за толстый край этой явно куда-то ведущей двери, окончательно выворотили ее из проема и последним усилием откинули на петлях. Из круглой дыры, такой черной, что казалось, она доверху наполнена темнотой, как водой, повеяло склепом. Станислав нагнулся, шаря в кармане в поисках фонаря.

- Смотрите, какая щеколда внутри здоровенная! И этот... штурвал. Если там запереться, то снаружи открыть нереально, резать надо. В тот раз у меня, кроме айфона, ничего с собой не было – но в нем фонарик уж больно слабый, только ступени и увидел, потому и не полез – мало ли, что там...

- Или кто, – не приметно усмехнулся Максим.

- Ну, это вряд ли, – с деланным хладнокровием улыбнулся Станислав, которому этот неведомый «кто» как раз и примерещился в первую очередь, когда он случайно наткнулся, мирно собирая грибы, на, похоже, заброшенный бункер; еще месяц-другой назад он через полчаса и думать забыл бы о такой находке – не мальчишка ведь по подземельям лазить – но теперь... – Мы же с вами не в фильме ужасов...

Бровь Макса дернулась вверх:

- Да? – только и произнес он, но от короткого словечка лицо компаньона мгновенно побелело.

- Хотя, конечно... – пробормотал учитель и взял себя в руки: – В любом случае, надо проверить.

Макс уже направлял мощный луч вниз – но ничего, кроме недлинной цепочки железных скоб, вмонтированных в круглую бетонную стену колодца-тоннеля и ведущих в непроглядную тьму, увидеть не удавалось.

- Ладно, – сказал он, прилаживая фонарь на лоб. – Чего зря гадать. Я первый. Пойдите пока тут и посветите, я крикну. Вдруг там вообще вода на дне – так зачем вам попусту лезть, еще сверзитесь...

Он ловко бросил тренированное тело в люк и стал быстро спускаться – вот уже круглая, почти наголо под машинку стриженная голова оказалась прямо у резиновых сапог Станислава – и тот спохватился, выдавил дрогнувшим голосом:

- А если... Если не крикнете?..

Голова неприятно улыбнулась, приглушенный свет упал сквозь поредешую листву на сразу прижмурившиеся сталистые глаза:

- Ну, значит, меня там едят уже.

Тонкий пластмассовый фонарик, весной купленный в полупустом вечернем вагоне московского метро между «Щукинской» и «Октябрьским полем», дрогнул в руке историка:

- Ну и шулки у вас, – напутствовал он быстро уменьшавшийся в темноте освещенный белым небольшой живой шар.

«Иду я сейчас, Василий Иванович, по полю, и вдруг навстречу мне настоящий колобок катится! Я ему и говорю: Колобок, Колобок, я тебя съем! А он меня – матом...» – «Дурак ты, Петька, лучше бы помог Котовскому окопы рыть!» – очень кстати вспомнился и Стасу анекдот, услышанный еще в детском саду во время тихого часа от бойкой девочки, лежавшей на соседней кровати...

* * *

Обратный путь опытный Макс укоротил со знанием дела: буквально за десять минут вывел выбившегося из сил, но упрямо продолжавшего храбриться Станислава на знакомую просеку, залитую ровным прохладным светом белесого сентябрьского солнца, – а там шли уже по прямой до латаной асфальтовой дороги, ведущей к высоким ржавым воротам с облезлой надписью: «Садоводческое товарищество «Огонёк»» и печатным плакатом, прикрученным проволокой к прутьям и защищенным полупрозрачным полиэтиленом: «Очаг особо опасного инфекционного заражения»; снизу, для вящего устрашения, был изображен злобно оскалившийся черный череп...

Потянув на себя визгливую створку, мужчины спокойно прошли в очаг и зашагали по заметаемой ранним листопадом гравиевой дорожке. Они уже не помнили, когда перешли на свойское «ты», – вероятно, еще там, в замечательном советском бункере. Теперь говорил, в основном, обычно немногословный Максим, незаметно, но с полным правом захвативший лидерскую позицию.

- Цены нет твоей находке, – ровно звучал его сипловатый тенор, странный в таком солидном мужике, достойным, по крайней мере, звучного баритона. – Крышка люка ударную волну задержит, не только химию. Спасибо большевичкам, на века убежища строили. Видел табличку? Нет? Ну, как же: «Сооружение возведено (*«Низведено»*, – рассеянно поправил по привычке Стас.) военными строителями МВО в 1976-1979 годах». Надо же, вентиляция работает – и свет включается, хоть и тусклый. Сдыхает, наверное, аккумулятор... А уж канализация! На дачах у некоторых дырки в будках, а тут унитазы со сливом... Должна быть где-то дизельная с генератором, у которого запас топлива лет на двать... был... и прочие обеспечивающие системы: вода опять же, фильтрация воздуха – и где это все? («За той дальней дверью со штурвалом – где еще...», – снова ввернул Станислав.) Да уж, штурвал прямо как приваренный... Ну, будет время – дверь эту мы разъясним... – Максим искоса глянул на товарища: понял ли тот прозрачный намек на то, что и он, Макс, не дуболом какой-нибудь, а тоже классику в школе читал... или смотрел, какая разница – но спутник его никак не прореагировал, лишь очки под русым с проседью чубом поблескивали. – Что мы имеем? Пيشеблок с электроплитой и кастрюлями – то-то бабы наши порадуются, только плита, скорей всего работать не будет. Коммутаторная с пульта-

ми и телефонами – не удивился бы, если б не мертвые оказались, – но это уж действительно из области фантастики. И целых пять кабинетов со столами и стульями, в одном даже ретро телевизор есть, а в другом – целый диван из клеенки, видел? Минимум неделю придется там прокантироваться, пока вся дрянь осядет. Ихнюю дезинфекцию можно и не пережить, а у меня Катюха на сносях... («А у моей Лели вообще астма, а баллончики с лекарствами вот-вот кончатся, и взять их негде.») Не зря та, последняя машина проезжала – верю я ей. Вот ни в чем другом не поверил – и правильно сделал, а тут верю. Не сегодня – завтра приедут и зальют здесь все. Передавали же по телику с месяц назад примерно, что теперь для надежной дезинфекции требуется пятикратная доза... Мы, как клопы, и передохнем, если им не сдадимся. А сдать – это в утилизатор. Я-то что, а вот Катюхе там верная смерть, и сыну тоже... («Точно – мальчик?») На УЗИ сказали... Да, и поторопиться бы неплохо – прямо сегодня начнем собирать барахло, припасы всякие, да и таскать их туда потихоньку, а то не ровен час...

Упомянутая машина старательно объехала все закоулки притихшего садоводства уже дважды. Сначала – неделю тому назад, после того, как на тринадцатой линии (вот и не верь после этого в несчастливые числа) некоторое время постояла другая – защитного цвета с пунцовыми крестами – военизированная «скорая помощь». Люди в резиновых противочумных костюмах и полноценных противогазах выкатили через резную калитку симпатичной крайней дачки высокие носилки – мелькнуло и исчезло только страшное, иссиня-серое лицо инженерши из Тушино в кислородной маске – а за носилками уныло прошли две ее дочки-погодки... Раз в неделю до того случая все регулярно сталкивались с ними у автолавки, тогда еще исправно объезжавшей окрестные незараженные садоводства, где укрывались от мора счастливые владельцы подмосковных дач, – поэтому территория и была сразу признана зачумленной и отрезана от внешнего мира. Первая приехавшая после «скорой» казенная машина пролаяла приказ для жителей собраться через день на площадке у ворот «для установления контактных лиц» – а контактным мог с полным правом считаться каждый... Многие не ожидали подвоха и простодушно явились в назначенное время, ожидая, что им просто сделают обязательную прививку, нацепят на запястье неснимаемые браслеты для отслеживания передвижений и объявят о строгом карантине, нарушать который никто и сам не горел особым же-

ланием. Все оказалось несколько драматичней: из вскоре прибывшего заgrimированного под передвижной медицинский пункт бело-красного грузовичка неожиданно посыпали накачаные парни в химзащите, с автоматами наперевес – и буквально за минуту доверчивые граждане, подталкиваемые железными стволами, были загнаны в крытый кузов (наблюдавший из-за живой изгороди соседский мальчишка слышал, как несчастные колотились внутри, будто в газовой камере), – и грузовик невозмутимо отбыл развозить пойманных по обсерваторам, быстро и метко прозванным в народе «утилизаторами», ибо пока никто не видел ни одного человека, вырвавшегося оттуда на своих ногах или даже ими же – но вперед...

Максим и Станислав с женами благоразумно оказались в малом числе тех, кто в тот мрачный день догадался спрятаться, запершись в темном доме и навесив замки на ворота снаружи, но в небогатом поселке, где тесно жались друг к другу, в основном, крашенные в веселенькие летние цвета типовые двухэтажные дачки из бруса и с кружевными верандами, жизнь с тех пор нежданно превратилась в спартанскую. Электричество в предположительно пустом садоводстве вырубил уже вечером скорбного дня, а местная телефонно-интернетная вышка омертвела через неделю. Разразилась холодильниково-электроплиточная катастрофа, выгнав беспечных дачников, не озаботившихся приобретением дровяной печи, на участки, к быстро реанимированным в коллективной памяти туристским кострам с котелками. Умелец-Макс сложил у себя во дворе кирпичную плиту с железным листом, на которой сам ухитрялся готовить нехитрую еду для беременной жены. Какое-то время за крупами и консервами еще ездили на личных автомобилях в недалекие сельпо и даже оставшиеся сетевые магазины – но продуктовые точки закрывались из-за инфекции одна за другой, и карантинные сидельцы вынужденно сушили сухари и переходили на еще недавно высмеиваемые некоторыми домашние «закрутки» и свежие дары своей неплодородной и, по упорным слухам, насквозь отравленной бактериями земли...

А вторая машина с матюгальником проехала накануне, и гугнивый голос репродуктора обращался уже непосредственно к тем, кто не повиновался первому призыву: «Вниманию граждан, незаконно укрывшихся в очаге! Вам рекомендуется самостоятельно явиться до конца недели в передвижной медицинский пункт у блокпоста номер один для дальнейшей обсервации до конца инкубационного периода! На вашей

территории будет произведена тотальная дезинфекция с последующей компенсацией материального ущерба! Повторяем! Вниманию граждан...»

- Как думаешь, Стас, эта зараза действительно через почву и воду передается? Ты ведь ученый, может, знаешь? А то мы грибов засушили, и яблук у нас в этом году немерено. Клубнику и смородину, правда, еще до всей этой истории Катюха сварила. То есть, когда только начиналось.

Станислав остановился по традиции протереть очки – а на самом деле тайком отдышаться от быстрого хода. Они пошли тише по вымершим линиям, и Макс незаметно озирался: не приметит ли где-нибудь первых дачных мародеров...

- Я, Максим, ведь не биолог, а историк... Леля – литературовед... А вот дети у нас врачи – оба. Так что, может, действительно, знаю больше других... Так, чуть-чуть... В меру своего гуманитарного понимания, – охотно сказал учитель, которому сначала было не разговорить товарища, а потом в его речь слова не вставить. – Они ведь, и сын, и дочка, оба педиатры. Ваня – хирург, Леночка – терапевт, как положено. Только вот, когда... по-настоящему... началось... ну, все это... их обоих на ходу переучили на инфекционистов – и в обсерваторы.

- И ты молчал?! – развернул его к себе, схватив за плечо и остановив, Максим. – Ты знаешь, что там по-настоящему, а не по слухам, делается? И молчишь?!

- А почему, ты думаешь, мы с Лелей спрятались? – мягко, интеллигентски, но все же огрызнулся, уверенно высвобождая плечо, историк. – Когда еще они не всегда жили там, а домой ходили, и связь с Москвой была постоянная, удавалось созваниваться. А теперь их там закрыли всех – врачей и больных вместе, сам знаешь. И все. Тишина. Леля моя каждый день плачет – живы, ли, нет ли – только Бог знает. Одна надежда – что у медиков какие ни есть – а противочумные костюмы толстые – правда они в них там в обмороки падают, но все-таки... Потом – несколько ступеней дезинфекции, красная зона, желтая, зеленая. Спальные комнаты для врачей в тех же ангарах, но в особом отсеке... Да ведь не герметичный же это бункер – значит, все равно перелетает зараза по воздуху! Знаешь, это какая-то невероятная инфекция, просто фантастическая, никогда такой на земле не видели! Вроде, чума, а вроде – и не чума. Старая вакцина на контактников, например, не действует – это Леночка под большим секретом рассказала. Потому и увезли всех наших, а не вакцинировали. Инкубационный период у чумы раньше не

больше десяти дней был, а теперь иногда до месяца доходит – и человек заразен все это время, точно так же, как когда уже болеет! Так что мы с тобой сейчас вот друг против друга стоим – а ведь, возможно, кто-то из нас заразился от той семьи, и прямо в эту минуту дышит другому в лицо и заражает... Может, мы жен уже заразили, а может, – жены нас: они-то верней с той женщиной-инженером, как ее там... разговаривали!

- Ни хрена ж себе – «пестик»... Я-то думал, как в прошлый раз – помнишь, лет десять тому, вирус какой-то китайский прилетел: снова по телевизору страху нагонят, походим пару-тройку месяцев в респираторах – ну, понятно, умрут самые слабые, но мы-то! А выходит, «пестик»-то этот – прямо серийный убийца! – растерянно пробормотал Макс, и с его лица впервые за все время, что Станислав знал соседа, сбежало выражение спокойной уверенности.

- Pestis, а не пестик. *Yersinia pestis* по-латыни, если точнее. Чумная палочка. И не серийный, а массовый. В средние века по пол-Европы, бывало, выкашивал. Трупы прямо на улицах валялись – убирать некому было, все умерли... И на Русь приходил несколько раз, а как же, – правда, не с такими последствиями... – Стас задумался и вдруг выдал нараспев: – «Только выйдоша из города пять человек и город затвориша...». Это из летописи... Пять человек из всего города, Макс. А города тогда уже десятками тысяч население насчитывали. Вот и подумай сам, во что мы влипли.

Максим сглотнул, дернулся туда-сюда его похожий на грецкий орех крепкий кадык:

- Я не за себя... За Катюх... Катюшу и мальчика... Она на двадцать лет почти меня моложе. Восемь раз скидывала – это я тебе по секрету, сам понимаешь... А тут до девятого месяца доносила – я ее, как хрустальную вазу... Впервые дрожу, как щенок под крыльцом. Давно ничего не боялся – отучили быстро: на Первую Чеченскую, считай, пацаном загремел – тепленьким, необстрелянным, прямо из учебки. И не схватил бы пулю в брюхо на блокпосте – Грозный бы брат пришлось. Беспальный, сука, нас, парнишек, вчерашних школьников, в это месиво кинул, а потом чеченам сдал... Чтоб ему в аду гореть! Это я серьезно. А Вторую – контрактником уже прошел до победы...

- Давно горит, будь спокоен, – сурово перебил Станислав, на секунду окаменев лицом, и добавил жестко: – Я тоже серьезно.

Макс глянул на него быстро, с пронзительным вниманием: не такой уж и хлюпик этот учитель, как поначалу казалось; странные они все...

Ну, не все, так некоторые: соплей, кажется, перешибешь, а на поверку, выходит, и пуля не всякого возьмет. Ну, чисто персик: мягкий снаружи, сладкий – а внутри костыца такая, что живой зуб как не фиг делать сломаешь.

- Но ведь чуму же победили в прошлом веке? И лечить умеют – антибиотиков эта бацилла... чумная палочка... боится ведь? – нерешительно спросил он.

- Ну, я не специалист, не знаю – но раньше боялась. Только вот когда с дочкой по телефону говорил... – голос Станислава на миг осип от острого воспоминания о звенящем в трубке самом дорогом на свете голосе, – ...то она сказала, что теперь не боится. Плевала эта бацилла на все антибиотики вместе взятые. Мутировала она, вернее, какой-то там ключевой ген в ней мутировал. И даже не ген, а одна его, если правильно понял, вроде как буква: аминокислота. Была привычная, родная, можно сказать, чума – во всяком случае, предсказуемая и вообще полумифическая. А стала небывало агрессивная, практически новая болезнь, за три-четыре дня сводящая здоровых людей в могилу. Врачи стоят над ними в костюмах для химзащиты (обычные противочумные не всегда спасают, так-то вот) – и разводят руками в немом ужасе, потому что больной прямо на глазах выкашливает собственные легкие... И так в Москве, Питере, во всей России, Европе, Азии, обеих Америках и уже Африку зацепило. Про Австралию не знаю – интернета нет, а Леночка не сказала... Две недели назад. А Ваньку нашего я вообще месяц не слышал, и у Леночки с ним в Москве никакой связи. В красную зону они телефоны не берут – запрещено, а в зеленой... Надеюсь, что просто они в ней в разное время оказываются – не в одном ведь обсерва... утилизаторе... работают – вот и не поймают друг друга никак... Во всяком случае, Лелю мою я именно так успокаиваю. А себя... – учитель замолчал и ускорил шаг.

- А что, там действительно – того... совсем не лечат, что ли? Если попал туда, то все? Гарантированный покойник, да? – прошептал Максим, шагая с соседом плечом к плечу.

- Все, что знают, пробуют... Да что они могут, если эта тварь к самым продвинутым препаратам устойчива?! Так, облегчают состояние, насколько возможно. Но тут наркотики нужны, а их на такие толпы народу разве напасешься... Сутками из «красной» не выходят, пока сами на пол не падают – от изнеможения. А однажды в мужском обсерваторе бунт поднялся: какие-то недоумки подбили других напасть на врачей

– мол, они в защите, а народ просто без ничего лежит, контактные и подозрительные вперемешку... Повалили врачей, сестер, срывали с них респираторы, плевали в лицо – специально. Спасибо, там спецназ круглосуточно дежурит с оружием и даже имеет право стрелять на поражение... Одной очереди в воздух хватило. Но по сути-то они были правы... Зона пациентов тоже на две разделена – карантинных и больных, но это условное разделение, между ними только стена пластиковая с дверью. И так, постепенно, народ перетекает из первой во вторую, а из второй... Леночка так просто об этом сказала, что я ужаснулся: и это доченька моя, которая над каждым кузнечиком плакала... В общем, по рефрижератору в день в крематорий отправляют. Такие дела, – Станислав остановился у поворота на свою линию. – Что делать будем, командир?

- Бороться, – пожал плечами Макс. – Протянем, сколько сможем, а там – может, лекарство найдут, может, вакцину модернизируют, а может, бактерия сама содохнет. От обжорства, например, – он едва заметно улыбнулся.

Но историк смотрел мимо его плеча:

- Татьяна с детьми за грибами идет... Кстати, ты не думаешь, что...

Стальные глаза Макса сощурились:

- Нет. Мне свой дороже, чем эти двое.

Учитель медленно снял очки и внятно, с расстановкой произнес:

- Кто о чужих не печется, тот и своего не сбережет. Давай хоть попробуем людьми оставаться. Сколько получится, – и он повысил голос: – Татьяна, подойдите, пожалуйста! Разговор есть.

«Кто из нас руководит операцией, хотел бы я знать? – ревниво подумал Макс. – Ну, ни хрена ж себе раскомандовался очкарик!».

Высокая крупная женщина лет сорока, главный бухгалтер садоводства, белая, мощная, похожая на матерую березу, заставшую прошлый век, в сопровождении русого, давно не стриженного мальчика лет четырнадцати и веселой девочки-приготовишки обернулась на призыв и не торопясь направилась к знакомым мужчинам.

* * *

«Беда пришла в страну Та-Мери. Нил обмелел, и суховой, горячее дыхание пустыни, сжег посевы. Голодная смерть пришла в дома крестьян. Ни зернышка не досталось сборщикам податей. Победоносное войско великого фараона Ра-Мефис-Мери-Амена, разгромленное орда-

ми ничтожного царя азиатов Хетушика, вернулось на родину без славы и добычи. Вслед за остатками войска по стране Та-Мери шла чума.

Под тенистым навесом в саду богатого фиванского дома стояли двое: в сиянии голого черепа и драгоценных перстней на тонких костлявых пальцах – прославленный врачеватель из храма Тота и почти-точно склонившийся – Ра-Нефер, юный вельможа из свиты великого фараона Ра-Мефис-Мери-Амена.

- Святой жрец, велика ли надежда на скорое выздоровление Раннаи, жены моей?

- От этой болезни не выздоравливают. Она умрет»...

Татьяна раздраженно схлопнула обеими руками блестящую лакированными страницами, иллюстрированную ярко и грамотно, с благородным типографским золотом почти на каждой странице, книгу по истории Древнего мира, небрежно брошенную четырнадцатилетним Митькой прямо на ковер. Она упрямо, с переменным успехом, но все-таки приучала детей к «настоящим» книгам – таким, какие естественно, без рассуждения, принято было любить и считать друзьями и наставниками в семье ее собственных родителей... А еще – просто держать в руках, любоваться, нюхать, испытывать священный трепет... В первой декаде века, когда она училась в «халявном» десятом классе, мама с папой в который раз оба одновременно потеряли дизайнерскую работу в небольшом издательстве, без следа сгинувшем, растворившемся, впитанном, как вода в губку, огромным полиграфическим концерном. Семья быстро проедала наперегонки с инфляцией последние скромные сбережения – и вдруг мама пришла домой сияющая, прижимая к груди бордовый фирменный пакет из любимого книжного на Тверской: «Смотри! – с восторгом кинулась она к мужу, на ходу доставая из хрустящего мешочка ненадолго спаянный полиэтиленовой упаковкой двухтомник. – Цветаева-младшая – новое издание! Без купюр! Последний был, я из-за него, можно сказать, совершила разбойничье нападение на какую-то тетку! Она его достала и положила на полку плашмя перед собой – явно решила брать, но отвлеклась, что-то еще начала смотреть... А я – хват! И бегом к кассе! Она – за мной и кричит: я это беру, я отложила! Как бы не так... Я успела первая добежать и пробила – девятьсот тридцать семь рублей! Правда, тысяча последняя была, так что есть нам теперь точно нечего – и даже обручальные кольца в ломбарде лежат...». «Да не помрем же! – с энтузиазмом освобождая двухтомник от прозрачной

пленки, поддержал с улыбкой Танин папа. – Молодец: еда все равно в унитаз уйдет, а книги – детям и внукам останутся!».

И относительно дочери он оказался прав: она скорей отказала бы себе в пирожном (в черном хлебе – это уже вряд ли), если бы встал выбор между ним и желанной книгой. Бесконечно покупала их и детям, читала вслух каждому на ночь, неопределенно мечтая порой об уютных семейных вечерах чтения, что разноцветными лампадками мерцали в ее воспоминаниях о почти идиллически благополучном детстве... Вот и «Истории Древнего мира» она не раз читала подрастающим ребяташкам перед сном – и этот рассказ о чуме – тоже! Там, в Москве, в пятидесяти километрах отсюда, еще, кажется, весной – и голос ничуть не дрожал... Потому что это слово Татьяна с детства инстинктивно воспринимала мягким, добрым и безобидным: «Иди отсюда, чума такая!» – замахивался добряк-отец сложенной газетой на их голубую с хризолитовыми глазами длинноногую кошку, когда, грациозно стоя задними лапами на стуле, а передними – на накрытом столе, та с опасливой деликатностью тянула свою породистую клиновидную голову к куриной ножке на запретной тарелке... Чума мгновенно съезживалась, будто ее действительно хоть раз в жизни стукнули, и виновато исчезала под столом, текуче соскальзывая под скатерть. Ну, а если отвлечься от милой, двадцать один год прожившей кошки, то при слове «чума» вспоминались какие-то смутные гравюры все из того же детства: средневековые дамы с бритыми лбами и в высоких острых колпаках, кавалеры в цветных колготках и коротких кафтанчиках... Как теперь совместить все это с великолепной барыней-Москвой, незаметно прожившей почти треть двадцать первого века, неминуемо приближавшейся к своему уже нет-нет да мелькающему в обозримой перспективе девятисотлетию? Как она – большая, нарядная, зла не помнящая и слезам не верящая, почти отмытая от многовековой грязи, – вдруг оказалась точно так же беспомощна перед легендарной болезнью человечества, как и во времена своего основателя, все так же простирающего могучую длань над ее озабоченно снующими самоуверенными чадами?

Татьяна затянула тесемку еще одного собранного рюкзака, последнего из трех: два детских были собраны в первую очередь, свои скромные потребности она, как всегда, оставила на обыкновенное «если успею». Впрочем, слова после «если» всегда варьировались: «если хватит денег», «если останется», «если будут силы»... И, как правило, денег не

доставало, вкусняшки заканчивались, силы иссякали... Татьяна, ничуть не ропща, подводила привычную базу под свои никому не заметные, повседневные жертвы: «Сама виновата, не сэкономила»; «Муж нас содержит, все это его»; «Вечно я хлопочу попусту»... Она твердо знала, что всем, что имеет, обязана другим людям. Потому что – кто она? Замотанная домохозяйка (муж так решил, еще будучи женихом, – что в их семье все устроит так, как было у его родителей), у которой всего образования – бухгалтерские курсы, да и то работа не настоящая, а так, на дому, по ночам... Красоты никакой и вообще толстая, а все жрет и жрет – муж всегда ей это говорит, почти каждый день... И вкуса тоже нет – вдобавок к общей своей невидности, к сорока годам даже одеваться прилично не научилась – но тут уж мама спасает, всегда сама выбирает ей одежду – сдержанных цветов, пастельных оттенков, изысканных фасонов. А Татьяна все равно косит глазом на ужасающую кофточку ярко-зеленого цвета, всю в алых пионах – и, с сожалением от нее отворачиваясь, мысленно дает себе по рукам и ругает последними словами: «Колхозница! Или нет – панельная девка! Знала бы мама!». И суетливо застегивает в примерочной жемчужно-серую шелковую блузку, заглядывая маме в глаза: «Правда, очень благородно, правда? Мне нравится, а тебе?» – она очень боится, что мама догадается о том, что именно ей в действительности нравится, – и ужаснется.

Собрав рюкзаки, она поставила их на крыльцо, к объёмным сумкам с консервами, яблоками, огурцами и лапшой быстрого приготовления: за всем этим с минуту на минуту должен был подъехать Максим, чтобы отвезти туда, поближе к их будущему временному укрытию от неминуемой дезинфекции и... утилизации: он единственный, чья мощная высокая машина может пройти вдоль просеки, откуда не так далеко мужчинам таскать вещи до люка – и в помощь им напросился ее сынок-подросток Митька, незаметно повзрослевший за это чумное в прямом смысле лето настолько, что голос его начал уверенно ломаться, обещая в будущем неожиданное профундо. В будущем, которого у него может не случиться... Татьяна живо вспомнила, как в очереди у продуктивно-мелочной лавки, в очередной раз приехавшей торговать ходовыми товарами в их небогатое садоводство, он смешливо толкался со старшей девчонкой инженерши из Тушино – той самой, из-за которой они все теперь оказались вне закона и общества... «Не буду сейчас об этом думать!» – отчаянно приказала она себе, подражая тайно любимой книжной героине

(маме, детям и мужу Таня всегда говорила, что из всей мировой литературы ее сердцу более всего любезна Наташа Ростова, – и взрослые хвалили ее выбор, а дети просто верили на слово).

Про то, что они возьмут с собой в бункер и Розу, Татьяна пока ни Макс, ни Стасу не говорила: мужчины – существа практичные и вполне могут пожалеть для Розы тех нескольких литров воздуха, которые небольшая рыжая кошечка вдохнет в ущерб их маленькой человеческой коммуне. Татьяна решила храбро поставить всех перед фактом – не вышвырнут же! Женщины не дадут... Когда она сегодня отводила Олечку к беременной жене Макса, там тоже, как будто, мелькнул в проеме двери длинный полосатый хвост... Домашних кошек и собак последнее время стали безжалостно уничтожать в Москве как возможных переносчиков заразы: ни в чем не повинные котейки болели человеческой чумой и в темные века, а вот собак эта напасть коснулась впервые – но насильственно изымали, швыряя в отчаянно мяукающие, лающие и воющие крытые грузовики и тех, и других... Общество жертвовало животными ради спасения людей, но не каждый собачник или кошатник готов был принести эту пушистую жертву для задабривания неведомого кровожадного божества. Смешно сказать – но Татьяна поначалу заперлась в Подмосковье отчасти и ради кошки тоже! Во всяком случае, она смущенно говорила: «Спаси детей и... Розу» – но почему-то и в голову ей не приходила возможная собственная смерть. Пока было еще электричество, она ежедневно читала в интернете и слышала по телевизору о том, как развивается невыносимая болезнь, – и никак не могла допустить до сердца, будто чужого мужчину, саму мысль о том, что и с ней может это случиться: внезапно подскочит температура под сорок один, спутается сознание, она начнет колотиться в невыносимом ознобе, рычать от боли во всем теле, хрипеть от неутолимой жажды, сотрясаться от непрерывного кашля, исторгая кровавую пенистую мокроту, а на опухшем и посиневшем лице застынет выражение запредельного, леденящего ужаса – знаменитая смертная «маска чумы» – и все, близкие и дальние, в панике отшатнутся от обреченной... Нет, нет, с ней такого произойти не может, потому что на ней теперь держатся дети – двое! – только на ней, а с мужем уже месяц нет никакой связи... Но ведь и у инженерши было две девочки... А она теперь, скорей всего, уже умерла, заразив своих детей, – и они тоже, в судорогах и бреде, отходят сейчас где-нибудь в детском обсерваторе... Но ведь это – чужая

женщина и чужие дети, а не она, не ее! Их пронесет, если Бог есть, то не допустит! Правда, Он уже так много допустил – и сейчас, и вообще... Впрочем, глупости: какой еще Бог в двадцать первом веке...

Татьяна не заметила, что зачем-то сидит на крыльце своего дома рядом с вещами, – а ведь предстояло еще внести свою лепту и в общественную пользу: ей на долю выпало задание съездить на заправочную станцию и зарядить там в закрытом, но не обесточенном кафе все собранные у отбывающих под землю непокорных карантинников пауэр-банки, айфоны и смартфоны, которые предстояло взять с собой. Пусть и перестали они сейчас быть средствами связи – и уж точно не станут таковыми в подземном убежище, но не может чувствовать себя без них уверенным современный, пока живой человек, остро ощущающий пустоту ладони, если не сияет на ней живое окошко в такой близкий и недоступный чувственный мир других людей. То, о чем рассказывалось еще недавно только в сказке, – «Свет мой, зеркальце, скажи...», «Раскатысь яблочко по блюдечку!» – так дивно осуществившись, обещало и то, что мир этот – всемогущ и всеведущ, а такой пустяк, как подогнать давно существующую вакцину под одну видоизменившуюся аминокислоту – дело ближайших дней...

* * *

Он не хотел даже доиграть их невеселую игру в рамках приличий. При этом стал вдруг напоминать Маше крысу – хищную, всеядную, помойную, с умными насмешливыми глазами – а всего два месяца назад она искренне видела в Борисе лучшего из мужчин – талантливого, искреннего, заботливого – правда, той грубоватой мужественной заботой, которая, как ей казалось, скрывает стеснительную нежность, старательно утаиваемую обладателем. Наблюдая его стремительное возвращение к себе самому – каким был, вероятно, всегда, – она сперва испытывала почти первобытный ужас, оттого что таких очевидно дурных людей никогда раньше в жизни не встречала, – ужас, теперь сменившийся неподдельным удивлением. Она с болезненным интересом наблюдала, насколько низко может пасть человек, продолжая при этом невозмутимо считать, что нравственно превосходит любого из окружающих минимум на голову. Самым отвратительным было то, что Борис действительно тонко чувствовал и с дьявольской пронизательностью разбирался в человеческой природе, лихо различал добро и зло, шутя

распутывал хитросплетения чужих побуждений – но не применял ни грана критического подхода к себе самому. Маша влюбилась в Бориса за его фотографии – вернее, в фотографии влюбилась раньше, чем в их автора, чья фамилия ей вовсе ничего не говорила. В огромном модном петербургском лофте, изящную метаморфозу в который претерпела монструозная советская текстильная фабрика, двадцать лет простоявшая заброшенной недалеко от Обводного канала, немолодой и неудачливый искусствовед Мария Сергеевна, сухопарая стриженная шатенка с круглыми светлыми глазами, ведала организацией художественных выставок. С ней вела переговоры и доставляла строго и дорого окантованные работы непонятно чья унылая секретарша – бедняжка, ей и в голову не могло прийти, что накануне открытия эта бестолковая и светливая искусствоведка провела в еще закрытом зале с уже полностью смонтированной выставкой несколько потрясающих, душу вывернувших часов, в одиночестве бродя от фотографии к фотографии. Казалось, их делал исполин духа, переживший лишаяющий языка восторг и сокрушительную трагедию, познавший высоты любви и бездны предательства, заглянувший за смертную черту и не разучившийся простой радости жизни... Там были фоторепортажи из операционных в горячих точках всего мира, пронзительные кадры из жизни и борьбы черной, едва переставшей есть человечину Африки, и добрые сцены игры детей и животных, и портреты прекрасных некрасивых женщин всех возрастов...

Потом, когда у них уже завязался роман, поначалу похожий на ветреный день в начале лета, Борис подарил ей один из своих шедевров – простой на первый взгляд городской сюжетец: у раскрытого настежь и забранного вертикальной решеткой окна на первом этаже старого питерского дома сидят спинами к занавеске и мордами к улице на широком подоконнике два задумчивых зверя – огромный, напоминающий гору блестящего угля лабрадор, а рядом – маленький белый котик, пушистый и грустный; оба замороженно смотрят вдаль, словно сквозь фотографа, и наискось через весь кадр щедро валит тополинный пух... Получая подарок, Маша, помнится, задохнулась от счастья.

Работа Бориса и сейчас висит в ее петербургской квартире, куда она, возможно, никогда не вернется, и не увидит не только эту теперь уже противную для воспоминаний фотографию – но и родного сына Лешеньку, ровесника отпрыска местной красавицы-бухгалтерши, и соб-

ственную старенькую маму, которая должна была там, дома, отправить внука в спортивный лагерь и встретить его оттуда... Пока связь не вырубил, и Маша, не имея возможности выехать из Московской области, обложенной блокпостами, как медведь охотниками, иногда прорывалась к своим сквозь перегруженную сеть, Леша еще не вернулся, и она отчаянно кричала то ему, то маме в трубку, зажав свободное ухо рукой: «Попробуйте достать путевку еще на одну смену!!! Может, за месяц зараза утихнет!!! Возвращаться сейчас домой опасно!!!». Но уже две недели, как нигде в округе нет и проблеска сети, а поездки за пределы садоводства смертельно опасны из-за вездесущих патрульных машин, куда споро запикивают контактных беглецов и разного рода незадачливых сталкеров...

И вот она взапери в чужом доме, почти в восьмистах километрах от своего собственного, с посторонним, жестоким и жалким человеком, чье легкое увлечение ею исчезло, как смахнутое рукой. За ненадобностью, сама упала с его лица и улыбочивая маска дружелюбия, неожиданно явив миру самовлюбленного и циничного мужчину-истерика, не желавшего ни слышать, ни знать ничего, что не ласкало его слух, не тешило изощренный разум. Диалоги, происходившие между ними, уже не оскорбляли Машу, как поначалу, когда она еще думала, что можно до него достучаться, что-то объяснить, доказать... Теперь она получала иногда даже что-то, похожее не порочное удовольствие, наблюдая, в целом, редкое явление: человека, действительно ощущающего себя неким Гулливером в стране лилипутов – но лилипутов, готовых униженно служить ему.

- Ты меня сюда привезла – ты и обязана увезти! Меня не волнует, как именно ты это сделаешь. И не смей ничего объяснять – мне это неинтересно, потому что это не мое дело! – страшно шипел Борис каждый день ей в лицо, багровея, срываясь с места, убегая и возвращаясь.

- Я не виновата, что началась опасная эпидемия. Я не могла знать о ней заранее, – намеренно спокойным голосом провоцировала его Маша, уже внутренне освободившаяся от этого ничтожества и потому не пытавшаяся примириться.

- Ты должна была предвидеть! Просчитать все варианты, как делают нормальные люди! Почему я должен оставаться в заложниках у идиотки?! У меня что – серьезных дел нет? Ради чего я торчу тут из-за тебя?! Черт! Черт! Черт! Связался с дурой на свою голову! Кура безмозглая!!!

– Борис заходился от гнева, глаза белели, его буквально подстерегала, не достигая лишь какого-то самого последнего рубежа, классическая апоплексия.

- А почему ты сам не предвидел и не просчитал? Ты преспокойно мог отказаться от поездки. Думать – дело мужчин, а я всего лишь глупая женщина, – коварно подстегивала любовница.

- Да потому что ты меня обманом сюда затащила! И теперь запихнула в этот сарай, как собаку в конуру! И на цепь посадила! Съезди и узнай, как отсюда выбраться! Мое терпение не безгранично!! – надрывался несостоявшийся спутник жизни.

Далее содержательный разговор их всегда походил на сцену из авангардной постановки:

- Это невозможно, кругом блокпосты. Московская область перекрыта. А если бы и нет – то и в Ленинградскую сейчас ниоткуда не въехать. Тем более в Петербург. Люди сотнями умирают, а может, тысячами...

- Да они от чумы и раньше пачками мерли – и что с того?! Я не могу больше торчать в этой дыре, понятно тебе?! Немедленно езжай и узнай, где пропускают! Или лучше отправь этого, в камуфляже, на его джипе – он наверняка сможет договориться с кем-нибудь! У него и денег до фига – пусть на лапу сунет кому-нибудь! Да не сиди ты сиднем, делай что-нибудь! Подними, наконец, задницу!

- Этот Максим нам посторонний, я не могу его никуда отправить и тем более просить дать какую-то взятку его же деньгами.

- Ах, ты не можешь! А что ты вообще можешь?! Ноги раскидывать?! Мне надо в Петербург! Неужели я неясно выражаюсь?! Вот иди и обеспечь это, а не рассказывай, почему ты не можешь!

- Мне тоже надо. У тебя близких никого, а у меня там мать и ребенок, между прочим...

- Да что с ними делается! А вот я тут скоро с ума сойду! Почему я должен терпеть это издевательство?! Из-за чокнутой бабы!

Уставшая от бесконечного аттракциона Маша замолкала и грустно подпирала щеку ладонью: она ли это была, когда думала, что любит этого маленького человечка с водянистыми глазками и пивным брюшком, мечтала об их совместном будущем, восхищалась его талантом? И как вообще помещался его неудобно громадный талант в такую мелкую и мутную, как придорожная канава, душонку? Поистине, тайна сия велика есть... Это апостол, правда, о любви сказал, но ведь и ее Дух

оживотворяет. Дух и вдохновение – от одного корня...

Но это, определленно, была она, когда унижалась перед не особенно близкой московской приятельницей, выпрашивая ключи от одной из двух ее довольно убогих подмосковных дач, случайно унаследованных и зависших... И она же, совершив серию маленьких служебных подлостей, выбила себе на работе отпуск вне очереди, подладившись под свободное время возлюбленного и мечтая незаметно подтолкнуть его к своего рода семейности. Для того и убедила Бориса ехать именно на ее хрупкой ненадежной машинке-божьей коровке, – чтобы отрезать ему, в случае какого-нибудь мелкого разногласия, путь к импульсивному бегству: до шоссе, ведущему к районному курортному городку, – почти восемь километров по лесной грунтовке – и вряд ли кто подвезет одинокого мужчину... Отпуск обернулся, похоже, увольнением, очередная любовная лодка разбилась не о быт, а о низость избранника, легкомысленно оставленная на долгое время родная семья могла вообще навсегда исчезнуть теперь из ее жизни, само продолжение которой вдруг оказалось под чудовищным вопросом... Их положение в этом дальнем садоводстве по соседству с чужим недолголюбимым мегаполисом оказалось хуже, чем у хозяина самой неказистой дачки: на всех участках люди собрали к осени хоть какой-то, пусть даже условный урожай – но на нем можно было продержаться до вакцины, лекарства, снятия оцепления с района – да хоть просто до первого снега! А перед их временным пристанищем удалось только кое-как расчистить кусторезом и бензопилой небольшой участок для проезда и мангала – а на остальных пяти сотках победительно царствовали тернии и волчцы. Когда стало ясно, что все, кто не сдался в неведомый жуткий обсерватор, попали в суровую осаду, Маша умудрилась доехать до гибнущего продуктового магазина накануне его закрытия и потратить последние свои деньги на дешевые не-мясные консервы, которые никто не брал даже теперь, пять килограммов желтых огурцов, у которых из крупных бородавок на толстых боках росла колючая щетина, и полную коробку вонючей китайской лапши. Остальные, добытые раньше продукты таяли волшебным образом быстро, почти так же, как и вино: ограничивать себя в чем-либо гениальный фотохудожник не привык – и, вероятно, даже не подозревал, что кто-то может совершить над ним такое кощунство... Плюс нашелся единственный: в доме оказалась экономная бензиновая плитка, и, успев сделать запас горючего в трех ржавых хозяйских канистрах, Маша те-

перь хотя бы готовила не во дворе...

Именно эта плитка, как она подзревала, и стала причиной того, что Станислав предложил уже бывшим любовникам, которых считал, как и все, просто несчастливymi супругами, ежедневно слыша из-за забора площадную Борисову брань, переждать обещанную властями дезинфекцию в советском бункере, кем-то вовремя найденном. Обсуждать это с опасным чужаком, по недоразумению запертым с нею в одном неказистом домике, Маша считала бесполезным, поэтому лишь поделовому спросила его, пойдет ли он в бункер на несколько дней, чтоб не быть отравленным, как крыса, которой, по сути и является. Получив вполне предсказуемый ответ – «Ты чего, совсем ох...ренела?!» – Маша со спокойной совестью и вяло кровоточащим сердцем собрала законно принадлежавшие ей продукты и топливо (Борис последние две недели принципиально не вкладывал в их порушенную совместность ни копейки), без чего существование плитки в доме стало не принципиальным, – и та была тоже упакована.

- Он остается, – коротко бросила она приехавшим за ними на джипе Максy и Станиславу, ожидая увидеть в их глазах упрек и вопрос, но найдя только сдержанное сочувствие и тщательно замаскированное одобрение.

Мужики начали ловко грузить ее скарб в машину, когда в распахнутых воротах материализовался запыхавшийся Митька – глаза и уши всех уцелевших дачников:

- Едут!! – оглушительно рявкнул он, но тут голос его надломился, пустил петуха, но выправился – и крикнул малюточка басом: – Много! Они уже в «Ивушке»! – то было соседнее, через поле, садоводство...

- Быстрее! Садитесь, Мария! – отрывисто приказал Макс, даже не обернувшись на облокотившегося на перила крыльца Бориса, всей своей позой выражавшего презрение.

Но тот вдруг шустро соскочил со ступеней и, крепко сжимая единственное свое сокровище – навороченный фотоаппарат, сопровождавший каждый его шаг, как ручной зверек, все в том же злобном молчании бросился к дверце почти отъезжавшего джипа. Борис истоиво рванул ее и, раздраженно пыхтя, взгромоздился на сиденье рядом с Машей, причем, она ясно почувствовала, что он желает дать понять, будто делает всем одолжение. Пришлось потратить еще несколько страшных минут на судорожное запираение дома и вырывавшихся из рук, норотивших

распахнуться на свежем ветру створок упрямых ворот – и мощный автомобиль сдернулся с места, набирая опасную на узкой дорожке скорость.

- Кажется, проскочим... – пробормотал Станислав, но тут все полетели головами вперед: Максим резко остановил машину:

- Это старик Соломоныч. Возьмем его, пропадет. Теперь уж что: одним больше, одним меньше...

- А я и не знал, что он здесь... Думал, его давно увезли... – недоуменно пробормотал Станислав.

В распахнутой калитке углового дома стояла странная щуплая фигура, наглухо закутанная в клетчатый плед с кистями, из-под которого виднелись тощие бледные ноги в теплых тапочках – как раз такие, вероятно, когда-то умолял закрыть Брюсов; седая косматая голова была втянута в плечи, и над пледом только слепо поблескивали круглые миниатюрные очки. Макс выпрыгнул и кинулся к человеку:

- Скорей забирайтесь, здесь нельзя оставаться! Опасно! Идемте! – не слушая ответного бормотания, он почти насильно запикивал клетчатый кокон в салон: – Потеснитесь там!

Старика втокнули на заднее сиденье к вящему неудовольствию фотографа, который, наконец, открыл рот и яростно зашептал Маше на ухо:

- И что?! Мы все теперь должны его кормить?! Своими продуктами?! У него же ничего нет! Они что тут – с ума посходили?!

Маша с новым изумлением уверилась, что полтора месяца делила стол, кров и постель с человеком из той поганой породы, что в ее родном городе в блокаду отбирала хлеб у собственных детей, грабила раненых снарядами на улице, срезала икры и ягодицы у замерзших... Она даже не сразу сумела дать надлежащую отповедь, но быстро спохватилась и гневно прошипела:

- Уж ты-то его точно кормить не будешь! А я еще подумаю, кого кормить мне – его или тебя...

Борис задохнулся и посерел от оскорбления, остро напомнив женщине мраморную голову Нерона.

- Мне почему-то казалось, что ты антисемит, – с легким смешком меж делом подколот Макс Станислав – и тот без улыбки наклонил голову:

- Да. Обычно. Но сейчас не могу позволить себе такую роскошь.

Им удалось свернуть на просеку незамеченными, и скоро на опушке

довольно мрачного елового бора показались три женщины в куртках с поднятыми капюшонами: одна из них держала за руку беленькую девочку лет семи, в свою очередь, вцепившуюся в огромную куклу, другая, беременная, устало привалилась к могучей, не менее усталой за последние пару веков ели, у ног третьей, серьезной худенькой дамы лет пятидесяти, стояли две кошачьи переноски.

- Милые дамы, предлагаю поторопиться, – с деловитой галантностью подошел к ним озабоченный Станислав, первым выскочив из машины.

* * *

Как ни дика и немыслима была ситуация по своей сути, но к вечеру все постепенно образовалось. Восемь взрослых, еще недавно вполне уважаемых людей с разной, но так или иначе устоявшейся жизнью и двое вовсе не испуганных, а скорей, заинтригованных детей, неожиданно оказавшихся как бы внутри не очень-то и новой компьютерной игры, обустроивались по-своему во временном жилище. Кто-то из них почти не помнил отгромадившего двадцатого века, кто-то застал в сознательном возрасте лишь его драматическую развязку – но не настолько эти люди отделились от него во времени, чтобы родовая память всех вместе и каждого в отдельности не сохранила видения подвалов-бомбоубежищ и превратившихся в общежития станций московского метро, в которых точно так же приходилось обживаться чуть ли не по-семейному их недавним предкам, высоко над головами которых рушились могущественные цивилизации. Оттого темное, дышавшее могилой подземелье, едва освещенное умирающими лампочками, не казалось чем-то вопиюще неправильным ни для кого: каждый и раньше подспудно не исключал возможности такого бункера для себя лично и, получив его, почти успокоился – тем странным горьким покоем, который наступает у невинно осужденного, услышавшего суровый приговор, и у больного, узнавшего страшный диагноз. Очень быстро освоились все без исключения: женщины, трясая одеялами и взбивая подушки, инстинктивно вили недолговечные очаги; мужчины, в каждом из которых встрепенулся никогда по-настоящему не засыпавший ровесник восьмиклассника Митьки, впятером, включая сюда и не расстававшегося со своей продвинутой фотокамерой, присмирившего в присутствии посторонних Бориса и даже семенившего вслед за другими восьмидесятитрехлетнего Марка Соломоновича, оживленно обследовали интересное место, в которое их забросила прихотливая судьба. Коридор заканчивался недале-

ким тупиком с аккуратной железной дверью, выкрашенной в шаровый цвет, сразу напомнивший питерцам «Аврору». В центре дверь украшал металлический штурвал, казалось, предназначенный для отпирания, но как на него ни налегали – то скопом, то по одиночке, он не повернулся ни в ту, ни в другую сторону ни на миллиметр, хотя было очевидно, что все самое интересное находится именно за волшебной дверью, ибо как раз в ту стену убежали все разнородные кабели и трубы, тянувшиеся вдоль стен. Штурвал, как припаянный, торчал ровно посередине двери, и все последующие дни то один, то другой сиделец бункера, периодически примеривался к нему в неистребимом расчете на чудо – включая и маленькую любопытную Олечку, и беременную, едва ноги передвигавшую Катю, которая с трудом протолкнула живот в люк и которую при спуске страховали четыре человека.

- Остаемся, предположительно, на неделю, – привычно командовал Макс, расхаживая перед собравшимися в большой «коммутаторной» соратниками, как перед построенной перед уходом на задание разведгруппой. – Эта дезинфекция будет, надо полагать, капитальной и отравит все живое в округе дня на четыре, может, на пять. Чтобы было полностью безопасно вернуться в наши дома, накидываем еще два. Потом произведем разведку. Противогазов здесь мы не обнаружили, свои респираторы есть только у меня и у Кати, поэтому со мной пойдет кто-то из мужчин. Думаю, скоро общий аккумулятор сядет окончательно: судя по всему, в генераторе почти выработано топливо. Поэтому пауэрбанки экономить, смартфоны без толку не использовать – ловить они здесь, в любом случае, не могут, а расходовать батарею на игры разрешаю только детям...

На этом месте послышались сразу четыре сдержанных смешка: дети, Катюша, Татьяна и старый еврей инстинктивно признавали за Максом неоспоримое лидерство, но для остальных все было далеко не так очевидно. Макс с раздражением подумал, что здесь собираются водворять совершенно лишнюю и опасную демократию. Кому как не ему было знать, что в любой экстремальной ситуации командир может быть только единственным, и подчиняться его приказам должны безоговорочно!

- Ну, здесь не все присягу приносили, – словно прочитав его быструю мысль, деликатно дал отпор Станислав, про которого Макс уже понял, что тот вовсе не рохля-гуманитарий, которого можно запросто приструнить двумя сочными матюгами. – И это еще вопрос, кто из нас старший по званию. Мы, с Ольгой, например, окончили университет, когда там

еще была военная кафедра, офицерами запаса...

Он умышленно поставил невидимое многоточие, чтобы Макс мог свободно додумать недосказанное: «А ты, кажется, прапорщик?». Стас продолжал также спокойно:

- И не все рассматривают смартфон без сети как источник игры – у многих закачаны книги и рабочие материалы. Так что, думаю, каждый сам решит, что делать хотя бы с собственным телефоном и пауэрбанком.

- Там фонарик, между прочим, – жестко отпарировал Макс. – Который может понадобиться в критическую минуту. Которая, надеюсь, не придет. Но не исключена никогда.

Стас смолчал и принялся протирать очки. У Макса дернулся кончик рта: он выиграл эту почти незаметную другим схватку.

После небольших и негорячих прений питаться было решено одним котлом и в одно время – бензиновая плита и все не утаённые продукты были шустро перенесены в большую кухню с полным набором советской утвари. Все это единогласно отдали под руководство Оли Большой, верной «Лелечки» Станислава, потому что ее сверхинтеллигентная профессия литературоведа, мягкая, приятная манера разговаривать и дымчато-хрупкая внешность вместе создавали впечатление абсолютной честности. Максим хотел было приставлять к Ольге ежедневно по новому дежурному для «черных кухонных работ», благо имелось семеро взрослых, но неожиданно Марк Соломонович сам предложил в бессменные помощники, говоря, что желает компенсировать таким образом свой не внесенный в коммуны пищевой взнос. Коммуна с радостью согласилась, распознаясь по облюбованным помещениям, только Макс шепнул жене на ходу:

- Ну, конечно... Кому еще поближе к продуктам быть, как не еврею... Его уважаемый папа, небось, во время войны интендантом служил и в боевых орденах вернулся...

Макс отчего-то не сомневался в том, что старик глух, как влюбленный тетерев, и не услышит рискованного пассажира, но Соломоныч вдруг живо обернулся:

- Мой папа? Мой папа был военным корреспондентом. И орден ему дали только один – Красной Звезды. Но медалей он привез целых шесть. За взятие чего только можно...

- Да ладно, ладно... – капитулировал перед силой Макс. – Помогите, конечно, женщине. Как она одна на десятерых готовить будет...

* * *

Но не выдержал он уже утром четвертого дня. К тому времени свет электрических лампочек мог считаться лишь условным, воздух стал прохладней и сырей, наводя на очень неприятные мысли о склепе, в котором все они заживо замурованы; укутанные дети бродили из комнаты в комнату и уже не вызвали у женщин первоначального умиления, а были все чаще вежливо вытесняемы «играть в свою комнату», где их измученная неопределенностью мать, метавшаяся вокруг стола с пятью красными телефонами, не могла предложить им даже почитать книжку: необходимость экономии батареек во всех гаджетах стала очевидной без всякого приказа... Кроме того, каждый обитатель подземелья исключая, разве что, несмышлениша-Оленьку Маленькую, в темноте мучительно прислушивался к таинственному току крови в своем организме, к напряженной пульсации в висках, отчетливо ощущавшейся при вынужденном бездействии, к ритмичным толчкам сердца, мягкому, но страшному шуму в приобретших странную чувствительность ушах... То и дело горячий всплеск в беспомощном сердце подсказывал, что это угрожающе шевелится, просыпаясь, она – та, о которой намеренно не говорили, – кровожадная *Yersinia pestis*, дремавшая до одной ей ведомого срока. Случись это с кем-то одним – и ни у кого из остальных, драматически надеющихся выжить, не останется ни проблеска надежды: с той немислимой, но такой возможной минуты они окажутся не в спасительном бункере, а в чумном бараке.

Деятельный Макс страдал почти физически. Не делать вообще ничего, остаться наедине с собой внутренним, малознакомым и опасным, было, пожалуй, самым страшным наказанием для него. А Катюша, во время беременности сначала предсказуемо расцветшая в радостном ожидании, как вишневое дерево, теперь стремительно угасала, являя очевидную параллель с лампами, средств оживить которые у него не было. Макс видел: в ней первой умерла надежда. О неизбежно приближающихся родах, до которых оставался, в лучшем случае, месяц, он не решался заговаривать с женой, потому что и так было ясно: надвигается катастрофа. Такая, какую он даже вообразить не умел. А она умела. И оттого молчала, лишь иногда отрешенно, с тупым смирением глядя перед собой – уже без отчаянья, для которого он подобрал бы слова утешения. Она крепко держала обеими руками свой неимоверный живот с невидимым, умиротворенно плавающим в нем сыном, не подозреваю-

щим о своей обреченности, и молчала, почти не реагируя ни на слова, ни на прикосновения. Его помощь могла быть только активной, сострадать молча он не умел. Там, наверху, Макс нашел бы, куда побежать, что принести, чем укутать – лишь бы двигаться, шагать, бросать, куда нужно, послушное, еще крепкое тело... Здесь, на восьми квадратных метрах их комнаты с алым дерматиновым диваном и длинным столом для совещаний, он понял, что чувствовал мечущийся волк в закрытом вольере, которого он пацаном еще пожалел когда-то...

И после третьей, в полубреду прошедшей ночи, кое-как побрившись и ополоснувшись холодной ржавой водой в мрачной умывальне, Макс решительно объявил присмирившему разночинному обществу, собравшемуся в кухне к завтраку при унылом свете единственной имевшейся в хозяйстве керосиновой лампы:

- Думаю, нужно все-таки произвести сегодня первую разведку. Может, они обработку как-нибудь халтурно провели, и все уже очистилось. Или дожди прошли, смыли. Да мало ли что. Могу и один, конечно, но для страховки желателен кто-то еще. Катин респиратор ему дам, он идентичен моему. Хочет кто-нибудь? – он обращался, разумеется, к мужикам вообще и к Станиславу в частности – тот был все-таки проверенный товарищ, хотя и строптив чуток, – а это Максусу даже парадоксально нравилось.

Но неожиданно на другом конце стола неторопливо поднялась небольшая бабья ручка плюгавого героя-любовника из Питера, принадлежавшего к той презренной породе трутней, которой Макс откровенно брезговал.

- Я пойду, – не предложил, а сообщил тот.

Максим дрогнул углом рта, пожал плечами, глядя на розовые лапки будущего напарника, но возражать не стал, бросил только:

- Лады. Запасные перчатки у меня тоже есть.

- А шапку возьмите мою, – с интересом разглядывая добровольца, сказал Станислав. – Мало ли...

Уговорились с учителем, что тот будет ждать храбрых разведчиков неподалеку от шахты, ведущей к люку, и влезет запереть за ними засов, который и отопрет, услышав условный стук: четыре медленных удара и четыре быстрых. Через четверть часа они уже шустро карабкались один за другим по железным скобам, и, к удивлению, своему, Макс, поднимавшийся первым, не слышал за собой никакой тупой возни,

чертыханья и пыхтения: Борис лез грамотно и упруго, не срываясь и не оскальзываясь, не выказывая никаких признаков недовольства. Так же ловко, прямо по-армейски, выбрался он за своим вожатым из люка, подтянувшись, махнул на землю и ловко вскочил из полукувырка, не замечая протянутой для помощи руки. Первым взялся за дверцу и честно принял половину ее веса, когда закрывали, – и все это в сосредоточенном молчании, которое нарушил все более и более удивлявшийся Макс:

- Срочную служил?

Спутник мотнул головой и кратко ответил:

- Был в горячих точках фотокором. Не раз, – и пошел по лесу почти вразвалочку – небольшой, кряжистый, едва приметно кривоногий, положив спокойные руки на зачехленную камеру.

Борис с удовольствием вдыхал вкусный, насыщенно грибной дух светлого пасмурного утра, испытывая странное животное чувство свободы движения после липкой сырости и темноты вонючего подвала. Он уже решил внутри себя, что в унижительное заточение не вернется: дойдет до дачи, перелезет через забор, выбьет одно из верандных окон и останется внутри – последствия дезинфекции наверняка уже сократились до минимума, и их полного окончания он дождется в доме, где дальновидно припрятаны им две бутылки хорошего портвейна, и валяются какие-то забытые Машкой крупы и приправы на кухонных полках. Колодец она закрыла не только крышкой, но и пленкой в несколько слоев – так что вода должна остаться чистой, костер он разводить умеет – продержится пару дней. А может, она там еще подольше застрянет – и он будет избавлен от оскорбительного присутствия отлюбленной женщины, которой еще несколько недель назад был увлечен настолько, что позволил увезти себя на чужой машине в чужой дом в чужой местности. Теперь Маша стала ему почти физически противна – Борис и раньше знал, что его бурные увлечения не длятся больше двух месяцев, и рассчитывал заставить бабеху отвезти его домой, как только заметит сам в себе первые признаки охлаждения очередной страсти, – но, пока та пылала, легкомысленно пропустил момент, когда путь еще не был отрезан, не придав значения истерическому медийному визгу об очередной вселенской катастрофе... Какая, к чертям, чума – от нее уже сто лет вакцина существует и лекарство, придумали бы чего поновей! Когда горячая пелена стала спадать с глаз, было поздно: из садоводства эвакуировали целую заразившуюся семью, а потом еще обманом увезли

неизвестно куда почти всех не успевших сбежать садоводов! И с дурой Машкой-искусствоведкой, о которой, пойдя все привычным путем, он к этому дню уж и не вспоминал бы, Борис оказался заперт в двух комнатах летней дачки на неопределенный срок! Непривычное зависимое положение, спровоцированное неожиданным затмением ума и сердца, вызвало в нем слепой и белый, как бельмо, гнев – настолько не входила в его планы, не вписывалась в жизнь, не касалась души эта случайная никчемная бабенка! Повелся на контраст светлых глаз и темных волос – художник ведь! – четыре удачные черно-белые фотографии с ней сделал, на следующую выставку пойдут, после дурацкой чумы. Пригласил в пафосный шалман, напоил дуреху, к себе завел, думал, ночь-другая... И тут нелепо так все совпало: ее отпуск и его перерыв между двумя важными командировками для журнала, в котором кормился... Даже порадовался, что на ее машиненке поехали под Москву, – достало уже вечно из-за руля не вылезать, прямо кентавр какой-то, честное слово! – и вдруг такая подстава...

Шагая вслед за Максимом по утреннему подмосковному лесу, Борис пытался унять в себе нет-нет да вскипавшее раздражение против бывшей любовницы. Он вполне отдавал себе отчет в том, что несправедлив к Маше, возводя на нее неслыханные обвинения, и вовсе не надеялся, что она может как-то повлиять на создавшуюся невозможную ситуацию, когда требовал немедленно найти способ вырваться из их сколь смехотворного, столь и неодолимого плена. Но именно на ней сосредоточилось все его беспомощное отрицание назойливой правды, и, не неся в себе никакой объективной вины, Маша оказалась конечной причиной того, что Борис ощущал себя связанным, загнанным, приговоренным... И он с наслаждением вел себя с ней гораздо более грубо, чем обычно делал это с неприятными людьми, и, прекрасно осознавая неприглядность такого поведения, тем не менее, все усиливал и усиливал свое откровенное, первобытное хамство по отношению к этой ничтожной женщине – и чем больше он чувствовал собственную растущую вину, тем с большим усердием глушил ее, сознательно взламывая рамки и попирая границы элементарных приличий. В конце концов, так ему было легче...

Разогнавшись вместе с роем отчаянных мыслей, Борис вдруг с размаху клюнул носом в плечо резко остановившегося Максима. Они пересекли лес наискосок и выбрались на разбитое асфальтовое шоссе, ве-

дущее напрямик к зачумленному «Огоньку», – в сотне метров впереди ворота были снесены напрочь и валялись, искореженные и засыпаемые листьями, посреди дороги. Но не на них был устремлен потрясенный взгляд старого солдата – он смотрел дальше, туда, где виднелся темный силуэт конусовидной башенки мелкого особнячка с каменным низом и деревянным мореным верхом. Что-то неправильное было в ее очертаниях – но легкая близорукость мешала Борису разглядеть нервирующий недочет. Максим беззвучно, тише шепота, выматерился, словно ему отдавили ногу на похоронах.

- Не понял, – выбравшись из-за его плеча, Борис изо всех сил вглядывался вдаль.

- Ты что не... не видишь... – голос Макса сорвался, он судорожно сглотнул. – Вот что это была за... дезинфекция... Утилизация... Уроды... С гарантией продезинфицировали... – цедил он сквозь стиснутые зубы; желваки перекатывались под кожей на челюстях, будто мышки бегали под одеялом.

И Борис, наконец, увидел. Увидел, что башенка – почти прозрачная, потому что от нее остался только металлический каркас, облепленный уродливыми кусками уцелевшего рубероида, а деревья, десятилетия смирно стоявшие вокруг, почернели и скрючились, лишенные листвы. Садоводство было профессионально сожжено дотла огнеметами и напоминало место массовой казни средневековых ведьм – когда нарядная толпа, отулюлюкав, уже разошлась, а стервятники разного рода, еще невидимые, со всех сторон примериваются к добыче, вздрагивая сложенными до поры крылами...

* * *

- Нужно найти что-то, что объединит нас всех. Хотя бы иллюзорно. Иначе очень скоро мы превратимся в... Даже страшно сказать, в кого, – после долгого тяжелого молчания сказала вдруг Оля Большая.

- А что – мы это еще не нашли? – с вызовом спросила Татьяна. – Кажется, нам очень хорошо известно, что именно нас объединяет. И это объединяющее начало – ужас мучительной смерти, вот что это за начало.

- Ну, нас-то троих объединяет еще кое-что: принадлежность к женскому полу, а значит, и готовность, например, принимать роды, – миролюбиво заметила Маша. – Кто-нибудь представляет, как это вообще делается?

За железным кухонным столом после общего скудного ужина остались три измученные женщины: Татьяна, недавно устроившая визгливую истерику с целью загнать детей в комнату доигрывать последние игры на почти разрядившихся гаджетах; Маша, которая решительно отделилась от единолично оккупировавшего хороший сухой кабинет Бориса и жила теперь одна в закутке у умывальной комнаты, предназначенном, скорей всего, для раздевалки, – зато там стояла узкая коленкоровая кушетка; и Оля, после короткого шока от потери выстраданной когда-то вместе с родителями дачи еще теснее слепившаяся с мужем, что служило теперь единственным, но драгоценным утешением.

Только что ими были безжалостно подведены реалистичные итоги на текущую минуту и брошен робкий взгляд в угрожающе нависшее будущее: ни то, ни другое не несло в себе ни малейшего повода для оптимизма. Припасы еще держались, но уже виден был их скорый конец – хорошо хоть не приходилось экономить колодезную воду, регулярно доставляемую Максимом в канистрах на его уцелевшем джипе. Еще хуже дела обстояли с боевым духом, индекс которого упал едва ли не до отрицательных цифр: после шквала проклятий, отчаянья и горя, пронесшегося в застойном воздухе бункера сразу после страшной вести, принесенной оглушенными разведчиками, – шквала, не утихавшего больше суток, наступил период злокачественного опустошения обреченных душ. Подавленное молчание царило в почти абсолютно темном подземелье, освещавшемся только редкими яркими окошками телефонов и планшетов; заряд пауэрбанков неумолимо близился к концу, ставя быстро опускающихся сидельцев перед необходимостью снаряжения новой экспедиции на единственную доступную бензоколонку, работавшую на трассе внутри кольца оцепления. И экспедиция в составе трех человек – владельца машины Макса, буквально выдравшейся из мертвой хватки детских ручек бухгалтера Татьяны и спокойно-деловитого Станислава, изо всех сил старавшегося не проявлять деструктивных эмоций, отбыла, окрыленная надеждой, и вернулась полностью обескураженная. Бензоколонка оказалась бездействующей, полностью разоренной и обесточенной – единственным трофеем сталкеров стала полураздавленная пачка дешевого печенья, подобранная с угаженного варварами пола... И недалекая перспектива остаться заточенными в полной, кромешной, ничем не разбавляемой тьме встала перед незадачливыми членами коммуны во весь свой завидный рост. Только анти-

кварной керосиновой лампе с обширным набором запасных фитилей – доброму дару чьего-то старого дома, – предстояло вскоре оказаться единственным источником слабого света, позволявшего каждому развеять дремучий ужас слепоты... На поверхность, конечно, все, кроме по-прежнему безмолвной Катюши, вылезали часто, стремясь принести в закрома хотя бы побольше вдруг бурно полезших еловых боровиков и осенних опят, что обильно покрывали почти каждую упавшую березу... Но именно тихая и безопасная грибная охота чуть не стоила жизни беспечной ввиду возраста Маленькой Оле. Девчонка усердно выгребала слабенькими пальчиками пучки опят из-под поверженного дерева, когда, задев шершавым холодным боком ее ручку, из-под ствола скользко метнулась черно-серая, узорчатая красавица-гадюка, лишь чудом не пустившая в дело свои смертоносные для ребенка зубы... Ходить с тех пор стали с большой опаской, но все-таки старались находиться на воздухе как можно дольше, потому что возвращение в дышащий туалетным смрадом и человеческой грязью люк с каждым разом давалось все мучительней... В комнатах люди лежали, в основном, на столах и сдвинутых стульях, укрываясь всем имеющимся в распоряжении тряпьем, а два относительно удобных дивана были отданы самым слабым – Оленьке и Катюше, имевшим неоспоримое право на эту значительную в сложившейся ситуации привилегию... Поначалу случавшиеся горячие споры за столом, сбивчивые предположения о будущем постепенно затихли, когда все возможные доводы были многократно исчерпаны. Одно представлялось несомненным: надо всеми ними, как нож гильотины над головой французского аристократа, висела опасность заражения смертельной болезнью друг от друга – и по сравнению с этой бедой все другое отступало за несущественностью...

- Все мы рожали и прекрасно примем роды, если они, конечно, чем-нибудь не осложнятся... Не дай Бог – кровотечение, отслойка плаценты – это, конечно, песец... Тут мы ничего не сделаем. Но будем верить, что обойдется. Она, хоть и подавлена сейчас всем происходящим, но, в целом, здоровенная бабища. Родит, куда денется, ей это как просрать, – вдруг спокойно сказала интеллигентная Оля-литературовед. – Нам надо думать, как самим тут не свихнуться и друг другу горло не перекусить.

Таня и Маша с изумлением воззрились на специалиста, непринужденно оперировавшего родными и понятными всем фольклорными выражениями.

А Оля тайно удивилась сама себе – раньше даже в мыслях она жестко отфильтровывала просторечия и жаргонизмы, всегда ощущая некий надетый еще в детстве строгий ошейник. Она всю жизнь была «хорошая девочка»-почти-отличница: с первого по выпускной класс жизнь ей отравляла только ненавистная математика. А в остальном все было прекрасно – даже слишком: родители и ее обожали, и сами не развелись, учителя достались психически здоровые, серьезные болезни упорно обходили стороной, страсти тоже удачно миновали ее, и первая любовь стала единственной, а брак счастливым; профессия далась легко, в трудовой книжке значилось только одно место работы; она даже обошлась единственными родами, за раз получив двоих разнополых детей – «королевскую пару», так что дальше можно было уже не стараться, – и дети особо не дурили, не болели и не преподносили сюрпризов. Оглядываясь на свои мирно прожитые пятьдесят с коротким хвостиком лет, Ольга с холодком удивления понимала, что ей, по сути, и вспомнить-то нечего: вставали в прохладной памяти умилительные пастельные картинки, всегда пыльно-солнечные: летний завтрак в родительской семье на дачной веранде с ломящимися в окна бело-розово-фиолетовыми гроздьями; кружевное свадебное платье с таким широким кринолином, что смущенный жених едва дотянулся до руки суженой в загсе, чтобы надеть ей обручальное кольцо, а когда предложили поцеловаться, вышла смешная неразбериха; два белых кулька размером чуть больше батонов, один с розовой лентой, а другой – с голубой, на руках у того же невысокого молодого мужчины, но теперь мужа и отца; крутые локоны дочери и смешной ежик сына, весело бегущих в первый класс вполне себе приличной гимназии, где трудился их папа; несложная работа среди милых и добрых книг... Самые яркие и острые воспоминания оказались только о том, что обрушилось в последние месяцы: внезапно исчезнувшие в недрах разных «утилизаторов» еще вчера вполне благополучные дети, жуткое молчание телефонов, иссиня-серое лицо увозимой чумной машиной доброй соседки, черная дыра советского бункера, засосавшая ее так неожиданно и неотвратимо... Ольга знала из тысяч прочитанных книг, что в таких случаях спастись можно только одним способом: пока есть силы – а их неожиданно оказалось немало, словно душа распечатала нерастраченный за долгие годы запас, – держаться самой и поддерживать других, а там что Бог даст. Ведь эта чума – не первая и не последняя, и всегда были люди, находившие в себе силы не

сдаться и победить. Писал же о таких, и, наверняка, с натуры, семьсот лет назад бессмертный Боккаччо, за которого и теперь хватаются некоторые в минуты гибельного отчаянья...

Да, Боккаччо, славный, добрый итальянец... Однажды Олина бабушка вдруг заметила ее патологическое увлечение Всемирной Литературой – и подошла поинтересоваться, чем так занята внучка, перешедшая в пятый класс. Заглянула в книгу – и ахнула: едва ли ею самой прочитанный (судя Оленькиным весьма проникательным наблюдениям, бабушка должна была, прочитав две-три новеллы, брезгливо отложить книгу и больше никогда к ней не прикасаться), но, наверняка, не раз прослышанный «Декамерон»! Она вспыхнула: «Этого тебе читать нельзя... Направление не то, – и, желая смягчить впечатление: – Сейчас я найду тебе интересную книгу – сама ею в детстве зачитывалась!». «Декамерон» был немедленно отобран, упрятан в родную суперобложку и водворен на место, а взамен она сразу же выдала Оле «Витязя в тигровой шкуре».

Ах, Руставели, Руставели! «Что отдал, то твое!» – как же она, одиннадцати лет, запросто отдала его, даже не читая! Ни на минуту не задумавшись, девчонка мгновенно поменяла местами суперобложки: «Витязя», одетого в новую шкуру, затолкала обратно в шкаф, а его, тигровую, благополучно напялила на «Декамерон» и сразу же углубилась в потрясающее чтение, от которого пылали щеки.

Бабушка наблюдала за ней с умилением: вот какой удачный педагогический подход она сразу нашла к девочке! Своим прямым, честным и бесхитростным сердцем она не могла почуять бездну коварства в пухленькой беленькой отроковице, и даже в голову ей не пришло проверить – а та ли книга, любовно ею подобранная, ночует на подушке у спутанной головки внучки!

Это единственное детское Олино коварство было отмщено спустя лет десять, когда она уже училась на филфаке. Дело в том, что «Витязя в тигровой шкуре» она в жизни так и не осилила – уж больно сентиментален. Но на экзамене по литературе народов СССР из билета улыбнулся ей именно он, Руставели, – и пришлось просить переменить билет... Зато сомнительно-веселые истории Боккаччо она помнила до сего дня.

Ольга встрепенулась:

- Девушки, я знаю, что надо делать. Надо каждый вечер после ужина не отпускать всех терзаться поодиночке и терзать друг друга, а оста-

ваться здесь, при свете, и рассказывать что-нибудь. На заданную тему. Пусть каждый день будет новый распорядитель, назначаемый предыдущим. И этот распорядитель задаст тему на свой день – чтобы было, о чем думать, кроме чумы...

- Старо, – сморщилась начитанная Татьяна. – Этой идее семьсот лет. Придумай что-нибудь новенькое.

- Раз в Средние века помогало, то и сейчас поможет, почему нет, – рассудительно отозвалась Маша. – Да и Катюшу это, может, как-нибудь выведет из депрессии... В любом случае, рассказывать истории лучше, чем предаваться отчаянью, страхам и самоедству. Ведь именно этим мы все здесь занимаемся – с завидным постоянством! Попробуйте, предложите всем завтра за обедом...

- И выслушайте, как мужики... и особенно Макс... да и Борис, пожалуйста... пошлют вас на три буквы, – добавила безжалостная бухгалтерша.

* * *

Поразительно, но Олю Большую не послали – возможно, из-за того, что она продолжала исправно готовить сносную пищу из все более и более скудного набора продуктов, или просто из уважения к ее неоспоримой учености: Станислав давно еще позаботился, чтобы все узнали об Олиной кандидатской степени. Предполагаемый гонитель всяческих интеллигентских вывертов Максим, наоборот, вдруг бурно встал на ее сторону, как только увидел, что его Катюша отреагировала на внесенное предложение чахлой улыбкой и слабым кивком. Дети, у которых остался один на двоих угасающий, как больной чахоткой, игровой планшет, который они ночью поочередно выкрадывали друг у друга из-под подушки, выразили откровенную радость; даже Борис снисходительно пожал плечами, раздумчиво приподняв бровь, а старик Соломоныч – тот и вовсе загорелся было прямо сейчас начать какой-то, видимо, давно распиравший его интересный рассказ. Инициативная группа быстро определила нехитрые правила, перенятые в подробностях у добряка Боккаччо, и, поскольку Ольга являлась несомненным вдохновителем всей этой не лезущей в третье тысячелетие затеи, то именно она была немедленно и единогласно назначена распорядительницей первого дня.

После бурного обсуждения проекта воцарилась ожидающая тишина, и в ней мирно и шутливо заговорила вновь избранная Королева Ольга:

- Не знаю, какие темы будете потом предлагать вы, дорогие мои вре-

менные подданные, но, исходя из того положения, в котором все мы, того не желая, сейчас оказались, я вижу для себя только одну тему на завтра: пусть это будут истории обязательно с хорошим концом. Сами понимаете, почему. А сейчас я отпускаю вас на отдых в ваши покои! – и, слегка склонившись к трепетно внимавшему ей Максу, она добавила, понизив голос до шепота: – По-человечески прошу: про Чечню и прочие... ужасы – ни слова. Пусть твоя Катя их уже не раз слышала – но лучше не пугать детей: они и без того напуганы. И окончательно не деморализовать женщин... И Борису этому... объясни доходчиво. А то никто не знает, чего от него ждать.

Макс бросил на нее удивленный взгляд – в смысле, о чем же иначе рассказывать-то! – но призадумался, не сказал ничего.

- Просто о жизни, – тихо подсказала Маша. – Ведь была же когда-то простая человеческая жизнь. Без войны и чумы...

Все стали подниматься, задвигались – почти так же, как и всегда после общего мрачного ужина, – но не совсем так. Словно какой-то слабенький лучик пробежался по скорбным силуэтам отчаявшихся людей, и хоть чуть-чуть – но распрямились опущенные плечи, на некоторых лицах появились тайные проблески несмелых улыбок. Каждый невольно вспомнил какой-то день, когда все шло и шло плохо – и вдруг исправилось, будто солнце выглянуло... Никто не изъяслял открытого нетерпения, но в душе почти все они ждали, когда придет их однообразно беспросветное утро и принесет с собой нечто удивительное –

Первый день Декамерона, в который рассказываются истории с хорошим концом.

Но до ужина оставалось еще много времени, а днем в трудный путь отправилась еще одна экспедиция, вдохновленная на этот раз хозяйственным стариком Соломонычем, который со временем перестал напоминать тот жалкий узел мягкой рухляди, погруженный неделю назад в «спасательную» машину на лету, благодаря минутному приступу человеколюбия Максима. Его приодели в чьи-то запасные брюки и свитер, выделили ему лишнюю куртку, нашли даже зубную щетку и одноразовую бритву. Взамен он старательно колдовал в единственном более или менее светлом помещении – спартанской кухне, где командовала деликатная, но твердая Оля Большая. Поначалу она доверяла ему, в ос-

новном, вскрывать консервы, чистить овощи и накрывать на стол (посуду каждый мыл за собой сам), ревниво оберегая от посторонних рук творческий процесс приготовления общей трапезы, – но потом, исподтишка наблюдая за стариком, с удивлением обнаружила, что он очень ровными, необычными и исключительно красивыми ломтиками режет картошку – и это тоже стало его добровольной обязанностью. Он же подсказал «Олечке», что, жаря сей прозаический продукт, солить его нужно только в самом конце, чтобы картошечка вышла хрустящая. Виртуозом Соломоныч оказался и в деле приготовления грибов: с помощью соли, сахара, уксуса и нехитрых специй, прихваченных зачем-то Татьяной, он обеспечивал подземную колонию такими необычными деликатесами, что удовлетворенно кричал и одобрительно качал головой даже вернувшийся к старому доброму антисемитизму Максим.

- Ваша жена, наверно, хорошо готовила, Марк Соломонович? – глядя, как артистично он выкладывает на огромную сковороду идеальную соломку из картофеля, спросила между делом Оля из обычной вежливости, не рассчитывая ни на какие подробные объяснения.

- Которая? Первая или вторая? И вообще, меня зовут Марик, – высоким надтреснутым голосом ответил старец. – Первая моя жена, Жанночка, не умела готовить совсем, да и вообще на все в этой жизни плевала, в том числе и на меня. Вторую звали Ася, она была красавица, и готовила просто божественно. Она меня любила и родила мне двоих детей. Только вот однажды я понял, что не люблю ее. Вот так вот, просто, знаете ли, в один день. Я застрял в командировке, она соскучилась по мне и приехала с детьми. Они тогда были еще маленькие, шести и семи лет. Это сейчас им сорок восемь и сорок девять. А тогда было шесть и семь. Так вот, я все перепутал, и встречал их на станции не у того вагона – и они увидели меня первыми. Дети кричат: «Папа!», Асенька кричит: «Марик!» – и все бегут ко мне. Стояла, знаете, зима, очень белый снег и очень синее небо, и поезд тоже очень яркий, оранжевый. Я раскрываю объятия им навстречу – и вдруг понимаю, что все это – ненастоящее, а как нарисованное... Такая, знаете, картинка с обложки журнала для семейного чтения. Счастливый муж и отец встречает счастливую жену и счастливых детей на вокзале. В этот момент я понял, что не люблю и не любил ни Асю, ни детей, и что семья у нас не настоящая, а идеально на нее похожая... Вот как эти изумруды у вас в ушах, Олечка. Они не натуральные – а гидротермальные. Я это вижу, я в этом разбираюсь. Это

значит, что они по строению и внешнему виду точно такие же, как те, которые раньше находили только в копиях. Индийских, например. Но эти не из копий, а из специальной печи. Нет, они не поддельные. Они точно такие же внутри и внешне, как настоящие, – только их делают тысячами и тысячами. А настоящий изумруд вы теперь не найдете. Или найдете, но за огромные деньги. И я понял, что таким изумрудом для меня была Жанночка. Глупая, вздорная женщина, которая мне изменяла и вытравила моих детей. И не моих тоже. Это она настоящая «моя женщина», а не прекрасная Ася, которая меня обожала и была чудной матерью. Потому что тем натуральным изумрудом была для меня не Жанночка, а моя любовь к ней. А любовь, что ни говорите, а все-таки бывает в жизни одна. А все, что до и после, – это, так сказать, гидротермальные камни... Очень похоже... Очень... Но не то. Я не знаю, поймете ли вы меня... Ну вот, теперь я ее хорошенько помешаю – и заметьте, только сейчас убавляю огонь. Так делала, конечно, Ася, а я смотрел. Смотрел и думал: я ее не люблю, но картошка у нее вкусная.

- Они обе... умерли? – спросила потрясенная Оля. – А дети что же?

На языке у нее так и прыгал вопрос насчет второй семьи: а как они сами – подозревали, что они – того... гидротермальные? Или, может, считали себя обычными людьми? Жена думала, что у нее есть любящий муж, а дети любили самого настоящего папу? Соломоныч кивнул:

- Да. Обе не дожили до пятидесяти и имели один и тот же рак. Дачу эту мы с Асей купили. Квартиру в Москве нам подарили ее родители. У моих были еще дети, они не могли нам ничего подарить. Мой сын Додик живет в Кане и держит магазин с вином для паломников. Это очень хороший бизнес. Там покупают любое вино за любые деньги. А Женечка работает в урологической клинике в Яффе. Нет, они приезжают. По очереди. А в этом году не приехали, потому что ни в Кане, ни в Яффе чумы нет. И им совсем не хочется ее туда привезти. Они оба мне сказали: сиди на даче и не высывайся. Когда все кончится, мы за тобой приедем и отвезем тебя в Москву. Или куда хочешь. Деньги они мне переводили. Да и как я высунусь, в моем-то возрасте: мне уж и за руль садиться страшно. Ну, положим, приезжала лавка, я покупал еду. А потом лавка перестала приезжать. И электричество отключили. А у меня в холодильнике было много продуктов... И вот, пожалуйста, мы имеем то, что имеем... Вот теперь обратите внимание – я ее солю. Это можно делать только сейчас. Иначе вместо жареной картошки вы получите

картофельное пюре, а это не одно и тоже. Это две большие разницы...

В этот момент в кухню сунулся привлеченный наркотическим запахом жареной картошки Станислав и тут же был огорошен странным вопросом восьмидесятитрехлетнего «Марика»:

- А как вы, молодой человек, относитесь к экспроприации?

- Раньше относился отрицательно, а теперь не знаю, – заинтересованно отозвался тот. – А что?

- А то, что я предлагаю вам и Максиму совершить экспроприацию. А если точнее – то мародерство... – невозмутимо ответил старый еврей. – Только не знаю, как вы к этому отнесетесь.

Суть предложения заключалась в том, что у соседей Соломоныча, как он знал, имелся под домом огромный зацементированный подвал, где все было идеально обустроено для хранения немаленького урожая и других запасов: соседи не только круглосуточно убивались над грядками и кустами, но и даже откармливали за лето десяток красавцев-индюков, убиенных как раз перед отъездом. Соседи успели отбыть с дачи до того, как в садоводстве была обнаружена чума, и, конечно, собирались не раз еще вернуться за припасами – только вот вернуться им было не суждено из-за карантина, а теперь еще и некуда. Но первый-то этаж у дома был кирпичный, так что сгорела, предположительно, только верхняя деревянная часть – а подвал, по идее, мог уцелеть, и проникнуть в него через пепелище ничего не стоило, а значит, запасы не пропали, как у большинства владельцев обычных дачек без настоящего подпола, – и могут сослужить теперь добрую службу подземным изгнанникам...

Идею бурно поддержали и, не откладывая дела в долгий ящик и оставив хозяйство и детей на женщин и фотографа, остальные мужчины выдвинулись втроем сразу после обеда. Соломоныч неожиданно так бойко взобрался по железным скобам вслед за вечным первопроходцем Максом, что готовившиеся, в случае чего, буквально поймать старика внизу Станислав и Борис изумленно переглянулись в свете единственного живого, используемого только при спуске-подъеме фонарика, к которому хранились у Макса в качестве драгоценного энзе две запасные батарейки.

По лесу шли неторопливо, примериваясь к мелкому шагу старейшины, и за это время солнце успело надежно укрыться в плотном табунке высоких сероватых облаков, и, когда, наконец, выбрались на просеку к замаскированному джипу, одна половина неба была уже сплошь слов-

но покрыта грязной пеной, зато другая, высокая и ледниково-голубая, оставалась прозрачной и свободной. Пока Макс и Стас шустро сбрасывали лапник с машины, Соломоныч, стоя к ним спиной, довольно щурился на теплый свет неба, вдыхал изо всех сил густой хвойный запах парного сентябрьского леса. И вдруг напрягся, стал вглядываться во что-то вдали – и тревожно прозвучал его резкий птичий голос:

- Смотрите, что это? Там, там!

Мужчины обернулись – и остолбенели: из-за деревьев с противоположной стороны широкой просеки стремительно напозала, двигаясь наискосок, огромная плотная серо-коричневая туча, плывшая настолько низко и отдельно от других облаков, что можно было видеть небо не только вокруг – но и над нею, словно было это не облако, а мягкая, слоистая летающая тарелка идеально круглой формы. Оно слегка колебалось, будто живое и осмысленное, и, по мере приближения, становилось как бы видимым насквозь – а внутри него угадывалось то быстрое и хаотичное, то словно упорядоченное мелькание разнородных теней. Все замерли. Такого облака никто из них никогда еще не видел.

- Гроза идет? – мгновенно пересохшим ртом шепнул Станислав.

Все инстинктивно ждали потрясающего громового раската, но вместо него прямо из облака донесся отчетливый, гулкий и протяжный звук – будто стадо слонов подняло изящные хоботы и принялось призывно трубить над саванной. Трубный звук повторился в другой тональности. И еще. И еще. И каждый раз – по-разному. Было совершенно очевидно, что идет он именно из чудесного облака, словно там притаились загадочные небесные трубачи, крылатые и грозные. Облако неторопливо проплывало над просекой, где три изумленных человека окаменели на месте, задрав оглушенные головы, – и направлялось на восток, в сторону многострадальной Москвы. Оно уже скрылось за черными верхушками елей, но небесные трубы звучали еще долго – и долго в смятении стояли потрясенные люди, не решаясь заговорить...

Когда все стихло, Макс первый перевел дух:

- Это ангелы трубили, – просто сказал он. – Больше некому. Похоже, действительно... песец пришел.

- Э... Э... Сейчас... вот: Пятый Ангел вострубил, и звезда, падшая с неба на землю, отворила кладезь бездны; и вышла саранча; и дано ей мучить пять месяцев только одних людей, которые не имеют печати Божией на челах своих... Или что-то подобное... Но это еще не то, в

смысле, не... Короче, до Суда еще Шестой должен вострубить... А уже седьмой возвестит о Втором Пришествии... – прерывисто пробормотал Станислав. – Чумная палочка – как колбаска с ножками... А переносят ее блохи... Чем не саранча... Однако... Пять месяцев – а прошло только два... Это ж сколько еще народу...

Но Соломоныч вдруг обернулся к ним с торжественным и даже просветленным лицом. Очки его сияли, дрожали губы:

- Какая саранча?! Какой песец?! Какие блохи?! Это шофары! Да, да, я узнал их – это были шофары! В России в них не трубят – но в Израиле я слышал – на Йом-Кипур! Мы с сыном стояли и слушали, и хотели умереть – от восторга! И теперь я их узнал – это шофары, ничего другого и быть не может... И это значит... Это может значить... только одно... Одно... Это означает, что он уже здесь...

- Мессия, что ли, ваш? – строго спросил Максим. – Знаем, наслышаны.

- Он не наш, он для всех! – горячо отвечивал Марк Соломонович. – Он только родится... родился... в еврейском народе! Это вам внушили, что он всех вас поубивает – а его не надо бояться! Он принесет на исстрадавшуюся землю добро и справедливость... И эти шофары возвестили о его приходе!

- Мессия уже приходил. Две тысячи лет назад. Он умер и воскрес. Я верю только в Того Мессию. От остальных меня, пожалуйста, увольте, – сказал вдруг историк таким непреклонным тоном, что богословский спор еврея и антисемита заглох, не успев начаться.

- Знаете, давайте в садоводство лучше завтра пойдем, – малодушно прошептал вдруг Максим. – Не по себе мне после этого... облака. Или не облака... И вот еще что. Я вас обоих по-человечески прошу: ни слова об этом – там. Ну, в бункере... Катя может... Да и вообще... Начнутся разговоры... Лишние... А так – скажем, гроза собиралась, – нас поймут, ведь не голодаем еще.

- Ну да, и кошачьего корма завались. В случае чего грызть его будем... – неуклюже попробовал пошутить Станислав, но никто не подержал остроу.

Тогда он повернулся и молча пошел в лес. Старик постоял минуточку – и потрусил следом.

* * *

К вечеру перемерли все до единого гаджеты, и люди инстинктивно потянулись к последнему источнику слабого света – на просторную кухню, где почти всегда царил полумрак, казавшийся теперь непозволительной роскошью, хотя бензин для лампы и плитки пока имелся в достаточном количестве... Но кто мог теперь сказать, какое количество бензина потребуется им – и на какой срок? Кто знал, на сколько дней, недель или месяцев рассчитан неведомый резервуар для канализации и водопровода? Кто мог предвидеть, наконец, на сколько рассчитан каждый из них самих?

После ужина никого и не пришлось просить остаться за столом: идти можно было только наощупь во тьму крошечную и только спать, потому что даже тем, кто жил в комнате не один, было страшно бодрствовать при условии, когда безразлично – закрыты или открыты твои глаза: они могут притерпеться к темноте, настроиться на нее по примеру кошачьих – но только в случае, если есть хотя бы малейший, хотя бы призрачный источник света. У них его теперь не осталось, поэтому, без азарта поев, пленники бункера не расходились, а продолжали уныло сидеть за своим длинным железным столом, выжидательно поглядывая друг на друга: каждому неудобно было признаться, что он ждет возможности продлить общение с живыми людьми, пусть даже и за глупейшим занятием, на которое все, будто бы, согласились вчера.

- А сказки? – спросила вдруг Оля Маленькая. – Сказки с хорошим концом! Вчера же договорились! Так нечестно! – ей казалось, что мама сегодня, как и всегда, немедленно после ужина поведет ее спать в страшную темную комнату, где она ни минуты не согласилась бы провести одна.

- Не сказки, а истории, – строго поправила ее Оля Большая, сегодняшняя законная королева. – Ну, что, господа? Есть желающий первым начать наш Декамерон местного значения? Напоминаю, что сегодня у нас на повестке дня, как правильно вспомнила Оленька, истории, которые, начавшись... не очень... закончились хорошо.

- Я начну! – подняла вдруг руку, как на уроке, Маша. – Я сегодня целый день вспоминала. И вспомнила.

История первая, рассказанная неудачливой любовницей и посредственным искусствоведам Машей, о том, как плохо люди знают сами себя.

Можно мнить о себе все что угодно. Можно представлять себя героем, спасающим, самое малое – ребенка из огня, а у кого фантазия побогаче – то и человечество от апокалипсиса. И ровно ничего о себе не знать, пока не придет тот самый момент. Он всегда приходит внезапно, подготовиться к нему нельзя – он покажет тебя самому себе и другим до самого доньшка: все твои приоритеты, установки, способность разумно мыслить – или, наоборот, твое животное следование инстинкту самосохранения.

Мне такое выпало один раз, десять лет назад, когда, как многие помнят, жизнь после той, прошлой эпидемии и вообще была не сахар – да и весьма опасная, особенно в отношении преступности: сумку у меня на улице отбирали, деньги крали – это все мелочи. Мы жили на первом этаже, поставили себе обычные пластиковые окна и считали себя в безопасности: люди еще не осознали, что относительно безопасные времена на некоторое время прервались. И однажды к нам влезли в окно...

Вечером нас было дома трое: моя мама тогда пятидесяти с лишним лет, которая всегда была и остается абсолютно незащитным человеком, мой сын, детсадовец, и я, ни к каким спасительным единоборствам не имеющая отношения. Было темно, на улице – мороз, мы смотрели в полумраке телевизор, когда услышали звон стекла и стуки, как мне показалось, с лестницы. «К нам лезут», – почему-то спокойно сказала мама. «Это опять в парадном», – отозвалась я, потому что, действительно, в те дни сломали наш домофон, и на лестнице у нас то и дело собирались ближе к ночи пьяные компании, к счастью, не ниже третьего этажа. Но очень скоро звуки так усилились, что стало ясно: это не на лестнице! Кто-то и правда лез в окно моей спальни! Мы с мамой бросились к закрытой двери гостиной, где сидели, я осторожно приоткрыла дверь в прихожую, напротив которой – как раз дверь моей комнаты, где, по определению, никого не могло быть! У меня на глазах эта дверь начала медленно открываться, за ней проступила огромная человеческая тень...

Дальше произошло вот что. Я схватила своего ребенка и шагнула с ним в прихожую – навстречу опасности. По дороге я успела вспомнить,

что на улице мороз, и схватить с вешалки его теплую куртку. Вместе с курткой я в долю секунды успела выкинуть ребенка на лестницу через входную дверь, шепнув ему: «Беги, спасайся, звони соседям, проси помощи, вызывайте полицию», – и встала спиной к двери, готовая прикрыть собой бегство своего детеныша... Ни о какой опасности для себя или матери я даже не подумала, все мысли были: только бы он успел спастись!

История закончилась хорошо: преступник, видно, перепутал окна и не ожидал застать в квартире людей. Он бросился обратно в комнату, выпрыгнул в выдавленное им же окно и убежал, жестоко поранившись о стекло, о чем свидетельствовали ручейки крови на раме... Полиция приехала, как всегда, поздно, и первым делом попыталась арестовать соседа, кинувшегося нам на помощь по зову моего сына, – но это уже другая история...

Вывод один: женщине, имеющей ребенка, как ни парадоксально, – а проще: материнский инстинкт, присущий не только человеку, но и почти всем животным, подсказывает нужные действия, помогает не обезуметь от страха. Но как все происходило бы, не окажись ребенка дома, если бы он, например, гостил у второй бабушки? Стала бы я спасать мать? Или она – меня? Не знаю. И не дай Бог узнать...

Машин голос дрогнул, она замолчала.

- А у тебя сын есть? Я и забыл, – громко сказал вдруг Борис.

Маша вспыхнула, будто он при всех сорвал с нее одежду: теперь и дурак бы догадался, что она не то что не законная жена, или хотя бы более или менее постоянная подруга, – а попросту никто, женщина одноразового использования.

Но королева, как и подобает царственной особе, немедленно бросилась водворять мир среди подданных:

- Прекрасный рассказ, Маша! Прекрасный! И поучительный. Вот бы всем нам не просто травить байки, а рассказывать что-то полезное...

- Пожалуйста, я могу. И тоже поучительную историю, – подала голос Татьяна. – Даже чем-то похожую на Машину, но в другом роде. Дело было давно...

История вторая, рассказанная фрилансером и домохозяйкой Татьяной, о том, как наша жизнь может неожиданно оборваться, если на помощь не придут добрые люди.

Многих из нас уже не было бы, если бы в какой-то момент кто-то не вмешался и не спас. Буднично, просто. Тотчас же забыв об этом мелком эпизоде своей жизни. Это, конечно, мог быть, например, врач, «случайно» поставивший правильный диагноз, когда очевидным казался – другой... Я не говорю о пожарных, выносящих детей из огня, других профессиональных спасателях. Работа у них такая. Нет, я имею в виду простых людей, которые ежедневно ходят рядом с нами, сидят в метро напротив, ждут тэшку или автобус на остановке.

Вот именно о такой остановке пойдет речь.

Февраль 2016 года, Москва, часа три пополудни. Я качу коляску с трехмесячным сыном через улицу Маршала Василевского, направляясь на прогулку в знаменитый парк Покровское-Стрешнево, тот, где еще есть целебный источник; рядом бежит мой веселый пудель. Улица не очень оживленная, да и перехожу я по «зебре», дорога мне знакома, каждый день хожу-езжу – напротив автобусная остановка с двумя-тремя ожидающими. Не холодно, но скользко. Я уже заканчиваю переход, уже приподнимаю передние колеса коляски, намереваясь втолкнуть ее на тротуар рядом с остановкой, когда из-за поворота, с площади Курчатова, буквально вылетает на нас продуктовый грузовик – с такой скоростью, что ясно: его занесло и он потерял управление. Машина буквально летит по льду боком – на меня и на коляску – и в тот же миг выясняется, что бордюр тротуара обледенел и превратился в маленькую горку, по которой коляска откатывается на меня, и мои ноги тоже едут назад... До смерти – моей и ребенка (но не благополучно запрыгнувшего наверх пуделя) – остаются не секунды, а их ничтожные доли...

И именно в эту последнюю долю секунды мужчина, стоявший на остановке, успел подскочить к нам и буквально вдернуть – и меня, и коляску! – на тротуар. Я даже не знаю, за что и как он сумел ухватиться... Грузовик с грохотом пронесся мимо, я оглушенно пробормотала: «Сп-пас-собо...» – и сразу же к остановке подъехал автобус, в который наш спаситель и впрыгнул, даже не обернувшись...

Я не то что имени его не знаю, но даже не помню лица – только мелькнула темная куртка с капюшоном, из тех, которые и тогда, и сейчас

видишь на каждом третьем российском гражданине...

Уверена, что он давно забыл тот незначительный инцидент, если вообще придал ему какое-то значение... К чему я это рассказала? Просто думаю, что каждому из нас нужно мысленно оглянуться в прошедшие годы и поискать там... Почти уверена, что у каждого найдется свой личный спаситель...

- Вот это да, – сказал Татьяна потрясенный сын. – Так выходит, меня сейчас здесь могло не быть?

- Похоже, что не только здесь и сейчас, – ответил ему вздрогнувший Станислав. – Интересно, где теперь тот парень, что спас вас тогда...

- Я тоже об этом часто думаю, – призналась Татьяна. – Но я почему-то уверена, что он жив и здоров и, более того, переживет эту эпиде... этот каран...

- Этот мор, – оборвал ее вдруг кроткий Соломоныч. – Давайте будем называть все вещи своими именами. Хорошо. Следующим буду рассказывать я. Этот рассказ вы все очень, очень хорошо поймете... Но, поскольку, как мы уговорились, все закончится хорошо, то следует надеяться, что и в нашем случае... Ну, в общем...

История третья, рассказанная пенсионером и отцом двоих взрослых сыновей Марком Соломоновичем, о том, что такое химически чистый ужас.

Не дай Бог никому его пережить. Такой химически чистый ужас. Потому что приходит он внезапно, охватывает тебя целиком и парализует. Да, именно парализует. Он смертельно опасен, потому что можно умереть. Да, именно умереть. Даже если это длится несколько секунд, забыть их не в нашей власти. Даже если произошло недоразумение. Даже если это наша вина или просто дурость...

Было это почти в прошлом веке, то есть, ровно в двухтысячном году. У нас с женой – это была вторая моя жена, и звали ее Ася – выдалась свободная неделя после нескольких долгих месяцев работы – так получилось. И мы решили вырваться на дачу – да, да, вот на эту самую, которой больше нет, но, по крайней мере, власти обещали возместить убытки... Просто плотнуть свежего воздуха, чуть-чуть расслабиться и, как сейчас говорят, «слить воду».

Короче, приехали под ночь – и слили. Э-э... внутрь. И не воду. Открыли бутылку водки, распили, но так устали, что не взяло. Бывает. Тогда оприходовали бутылку мадеры – и, подействовало, к счастью, а пока лечились – так и печка протопилась. Повалились на кровать (заслонку закрыть забыли, и все тепло в прямом смысле ушло в трубу – но эта мелочь выяснилась потом) – как убиенные воробьи. Через несколько часов я проснулся оттого, что очень хотелось пить, открыл глаза – а темнота совершенно непроглядная. Ну, то есть, ни лучика ниоткуда, ни просвета... А о том, что мы на даче, я спросонья – и с бодуна – полностью забыл. В кромешном мраке подскочил на кровати, ужаленный страшной мыслью: ослеп! Потому что невозможно же не видеть вообще ничего: хоть какой-то свет в нашей московской спальне сквозь плотные шторы всегда пробивается! А тут ничего, хотя глаза широко раскрыты. Даже из орбит лезут. Меня выбросило из постели, я метнулся с кровати – и натолкнулся на неожиданный стол, упал на него и угодил локтями в открытую коробку конфет. Это сразу вернуло память: все в порядке, мы же на даче! Приехали поздно, поэтому ставни не стали открывать, отложили до утра! Понятно, почему темно! Я испытал облегчение, смешанное все же с некоторым недоверием, и по стеночке двинулся наощупь к выключателю, которым еще перед сном прекрасно зажигал бра. Я его нашел, и он щелкнул – но свет не зажегся. Перед глазами по-прежнему стояла чернота. Такая, знаете, ничем не разбавленная...

Тут я вспомнил – эта проклятая начитанность! – «Камеру обскура» Набокова, где описана примерно такая же сцена, когда герой пытается включить лампу, не зная, что полностью ослеп. В груди как кипятком плеснуло – не пожелаю и врагу такого ощущения! Кипяток превращался в какой-то гейзер и заливал мне внутренности, сердце оборвалось и упало. Ужас тех минут не передать. Я лихорадочно щелкал выключателем без всякого результата, потом вдруг что-то щелкнуло внутри меня: может, лампочка перегорела? Не помню, как добрался до другого выключателя – того, что включал всю люстру. Ударил по нему. Эффекта ноль. Еще раз – то же самое. Так пришла одна из самых страшных минут моей жизни. Были и другие, связанные с потерей или страхом потери близких – только они были страшнее. Прошла минута – но сколько она в себя вместила! Я успел прожить всю оставшуюся жизнь – с поправкой на полную слепоту... Вынести это было нельзя – и я, вероятно, закричал...

В ответ защелкала настенная лампа около постели жены – так же бесплодно – но я ничего другого уже не ждал. «Свет, что ли, отключили?» – спокойно пробормотала она – и сразу же вспыхнул экран ее телефона, которым она силилась осветить пространство и понять, что со мной стряслось... Тогда были такие неуклюжие телефоны с кнопками, антеннами и ма-аленькими желтыми окошечками...

Я сполз на пол и так остался. Да, действительно, это отключили свет – и дали только в полдень, благодаря чему разморозились и слиплись пельмени в холодильнике.

Но с тех ужасных минут я как-то по-другому смотрю на мир. Он стал более драгоценным, мелочи как смело... Какие, позвольте спросить, пельмени? Бог миловал. Все остальное с Его же помощью переживем...

В кухне стало тихо. Совершенно. В этот момент каждый – снова за счастливым исключением маленькой девочки Оли, вспомнил свои ежеутренние просыпания здесь, под землей. Особенно первое. Вспомнил – и содрогнулся. И подумал: может, и переживем... а может....

- Теперь я, – слегка осипшим от еще не вполне переваренного впечатления почти крикнул Митя. – Я вспомнил, как мы с классом однажды сходили в цирк... Это в начальной школе еще было... Я тебе, мама, не говорил тогда – сам не знаю почему. Наверно, боялся, что ты расскажешь папе, а он меня накажет. Потому что он меня всегда на всякий случай наказывает... Ну, в общем вот как все было.

История четвертая, *рассказанная школьником Митей, о том, как львы в цирке чуть не растерзали своих дрессировщиков, а заодно и зрителей.*

Это не обычный был цирк, а такой, как большая брезентовая палатка – шапито, кажется... Он приехал из какого-то другого города. Было объявлено, что звери выступать будут БЕЗ КЛЕТКИ, и дрессировщики полностью уверены в своих животных... Почему это не ужаснуло нашу учительницу? Может быть потому, что в начале двадцатых годов, если помните, ужасные и фантастические события как-то вошли в норму, бдительность граждан притупилась... Это теперь, когда я взрослый... почти... я все понимаю, а тогда... Львы без клетки? Ну и что?

Места у нас были в четвертом ряду, мы с ребятами все отлично ви-

дели. Дрессировщиков было двое – мужчина и женщина, не помню их фамилий. И до поры до времени все шло хорошо – звери прыгали, куда им велели, ходили на задних лапах... Я прекрасно замечал, что животные делают свои трюки безо всякой охоты, да и выглядели они не очень хорошо: было понятно, что их мало кормят и много бьют. Несчастливыми казались эти львы и тигры – но мы и все другие зрители веселились, ничего не подозревая.

Настал момент, когда зверей рассадили на тумбы по окружности арены, готовясь к показу какого-то нового трюка. Вдруг один лев, сидевший неподалеку от нас, махнул лапой – может, даже случайно – и вмиг вышиб хлыст из руки дрессировщика. Хлыст отлетел далеко, а безоружный дрессировщик попятился. И вот тут у зверя на морде, которую я отчетливо видел, появилось выражение, которое даже я, первоклассник, легко прочел: «О-о! Так ты остался без этой штуки, которая делает больно? Ну, сейчас за все мне заплатишь...». И тело льва напряглось, готовое к прыжку... А другие звери, мгновенно оценив обстановку, очень заинтересованно и дружно забили хвостами, повернувшись кто к учителю – а кто и к учительнице, которая стояла в те секунды спиной, грозя своим хлыстом тиграм на другой стороне арены... Дрессировщик беспомощно оглянулся, не решаясь звать на помощь... Я похолодел, потому что как-то разом представил, что сейчас начнется: голодные звери сначала расправятся с ненавистной парочкой, и через несколько секунд рванутся в зал, полный женщин и детей, где возникнет паника. Мы все слишком близко, так что убежать явно не успеем... Как это все пронеслось в сознании за такое короткое время, – не знаю, но другие люди говорят, что в минуты опасности так и бывает.

К счастью, дрессировщица успела обернуться, сообразить, что к чему, – и бросилась на помощь напарнику. Она подскочила к «провинившемуся» льву и стала на глазах у всех буквально избивать зверя хлыстом – только слышен был свист и удары – по морде, по туловищу, по лапам – тут уж было ей явно не до этики... Напарник тем временем подобрал свой хлыст и для острастки прошелся им по мордам остальных львов – и жестко, наверно, прошелся, потому что они сразу стали кроткими, как котята. О бунте никто из них больше не помышлял, представление пошло своим чередом... Но момент, когда артисты упустили контроль над своими дикими зверями, совершенно точно – был. И угроза существовала реальная. В этом я ни минуты не сомневаюсь. Вот. Сейчас рас-

сказал – и как будто снова там побывал, на том представлении... Уф... Хорошо, что я маленький был и не успел толком испугаться...

- Нет, хорошо, что я ничего не знала... – задумчиво прошептала Татьяна, но в зловещей тишине ее услышал каждый. – Спасибо, что не сказал... Это могло бы отравить мне всю жизнь... А теперь все равно уже...

- И говорит, как пишет, – с улыбкой пробормотал Станислав.

- Точно! Чума все спишет! – разряжая обстановку, хлопнул ладонями о стол Макс. – Ну, вы и горазды байки травить, ребята, я даже испугался. А еще говорили, чтоб я о войне не рассказывал. Но у вас тут на гражданке, смотрю, и своя война нехилая... Ладно, я вам сейчас тоже расскажу, только не такое страшное. Хотя, как сказать. В общем, Катюха помнит, что я курил, как три паровоза, – и уж здоровье подкашивать стало. Сто раз зарекался, бросал, держался, срывался, сам себе противен стал – в рукопашную ходил – и ничего, а тут с какой-то сра... дурацкой привычкой совладать не могу. А потом бросил враз... Помог добрый человек... Уже лет тринадцать прошло или больше...

История пятая, рассказанная Максом, прапорщиком в отставке и начальником охраны, о том, как можно бросить курить – легко и непринужденно.

Четверть века постоянного курения – это вам не кот начхал. С девятого класса, когда на переменах мы выскакивали на улицу в любую погоду в школьной форме – и неслись в ближайшую подворотню, носившую негласное уютное название: клуб «Дымок». И по тридцать девятый мой день рождения включительно. В промежутке много чего происходило: докуривание чужих «бычков» в тяжкие дни, когда завязывал; стрельяние ночью у соседа нескольких папирос «Беломор» – с последующим изготовлением фильтра из ваты; жалкие попытки бросить с помощью никудышной силы воли; страшные клятвы и священные обеты... Не помогло ничто. Курил ночью в форточку, косясь на спящую жену, полоסקал рот одеколоном, чтобы отбить запах, оклеветывал перед Катюшей коллег, якобы, обкуривших мою куртку...

Пока однажды, просто идя по улице, не испытал страшную, непереносимую боль в левой ноге под коленом, в икроножной мышце. Таковую,

что не мог даже проковылять несколько шагов. С того места, где остановился, и «увезла» скорая. В приемном покое совершенно здоровую на вид, но одеревеневшую ногу осматривал хмурый в конце ночного дежурства хирург. «Курите?» – мрачно спросил он. Я убито кивнул. Он встал: «Короче, дела такие. Эту-то ногу мы вам сегодняотрежем. Будете продолжать курить – через полгода-год лишитесь и второй». И ушел. Дар речи я потерял сразу и полностью. Тем временем меня отвезли в палату и водворили под капельницу. Говорить я не мог еще очень долго. Только мычал. А потом начал биться, срывать иглу и реветь, как тигр. А еще, извините, обильно писать в утку, потому что у капельницы была побочка... К вечеру тромб, образовавшийся в подколенной артерии, рассосался от лекарств, еще неделю меня продержали в больнице и выписали на своих ногах. Про сигареты я даже не вспомнил. Оказавшись дома, увидел начатую пачку и содрогнулся от ужаса – нет, нет, ни за что, никогда!

Спустя года три на работе у нас был очередной медосмотр, и гоняли нас в специализированном центре из кабинета в кабинет... Зашел к хирургу – и что-то в его лице показалось мне знакомым... Я начал вглядываться – он заметил это и вдруг рассмеялся – как-то хорошо, подоброму... «Ну, что, все еще курите?» – услышал я... Конечно, я узнал своего хирурга из приемного покоя в тот же момент. «А что, – спросил я его после бурных приветствий и рукопожатий, – вы тогда действительно хотели ампутировать мне ногу?». «Да что вы, конечно, нет. То есть, могла последовать операция по удалению тромба, но не понадобилась, как видите. И вообще, тромбы образуются не от курения... Просто у меня такой метод лечения людей от табачной зависимости. Такая, знаете, шокотерапия... Применяю ее всегда, когда возможно. И почти все, кого довелось еще раз после этого встретить, благодарят и сообщают, что с того дня тягу к сигарете у них как отрезало».

Поблагодарил находчивого доктора и я. С тех пор прошло больше тринадцати лет – курить не хотелось ни разу. Выходит, для того чтобы отказаться от чего-то, чего очень хочется, но нельзя, достаточно просто сильно испугаться... Ну, вот. Вижу, мой рассказ никого не испугал? Во всяком случае, уговор соблюден: все кончилось хорошо: и ногу не отрезали, и курить бросил...

Слушатели действительно оживленно задвигались, как расколдован-

ные. Королеве даже показалось, что сейчас возникнет борьба за право следующего рассказа, но Макс выждал паузу и с умоляющим видом повернулся к своей жене:

- Катюш... – робко, как школьник на первом свидании, попросил он. – Может, и ты что-нибудь расскажешь? Давай, не стесняйся... Надо же как-то... В общем, жить-то все равно надо...

- Хорошо! – неожиданно звонким голосом откликнулась Катя – скромная женщина лет тридцати пяти с туго стянутыми в длинный русский хвост волосами и затравленным, но сейчас несколько оживившимся взглядом. – Действительно... Бывает же, что хорошо кончается... Может быть, и сейчас... Знаете, однажды я ведь уже почти утонула... Это было за год до того, как мы познакомились с тобой, Максим... Но ведь вот она, я... Значит, для чего-то надо было мне тогда не утонуть...

История шестая, рассказанная Катюшей, женой Максима, ожидающей ребенка, о ее неудачном опыте утопленницы.

Той осенью мне должно было исполниться девятнадцать лет, и я только что окончила первый курс института... Я ведь по профессии менеджер по туризму... Ну, ладно, чего там... Увидев, что во время сессии я слишком переутомилась, родители решили в августе в очередной раз отвезти меня к морю – что, в общем, было правильно. Раньше мы ездили только за границу, в Турцию чаще всего, а тут вдруг отправились в тихое курортное местечко около Сочи. Ходили на пляж, который после золотого песочка показался мне – да и был, неверное, – ужасным. Огромная серая галька, всегда раскаленная, не давала возможности просто пройти к воде без тапок, не говоря уж о том, чтобы полежать, загорая. Приходилось все время неловко скакать по камням до самой кромки воды в неудобных «вьетнамках», а загорали в шезлонгах – их тут же втридорога выдавали на прокат.

Но море понравилось – тем, что глубина начиналась почти сразу, у берега. Ну, а плавать и, как мне по малолетству казалось, хорошо, я давно научилась в благословенной Анталии. Там же я пристрастилась и к одному относительно безопасному развлечению: бросаться вместе с пенной волной на мягкий прибрежный песочек... По неопытности я решила попытать счастья и теперь, когда с моря подул свежий ветер и волны катились высокие и красивые, с пышными белыми гребнями.

Пропустив одну, я успешно миновала прибор и закачалась в нем, испытывая замечательное удовольствие: ныряла, выныривала, лежала на волнах... Но такое занятие непривычного к морю жителя мегаполиса утомляет довольно быстро, и я захотела выйти на берег. Только тут я осознала, что понятия не имею, как это сделать. Волны шли часто и сильно, каждая с невероятной силой тянула меня назад, встать на ноги было невозможно: подводные течения таскали огромные камни, сбивавшие с ног. Несколько раз я пыталась взбираться по крутому галечно-му склону, но меня смывала настигавшая волна, бороться с которой не было никакой возможности. В конце концов я так измоталась, что, отплывая для «отдыха», еле держалась на воде. В панике оглянулась, ища помощи, но, к изумлению своему, обнаружила, что в море я одна, – да и на самом пляже почти нет людей – только вдалеке виднелось несколько голов в пляжном кафе. Родители мои тоже еще не приходили.

Помню, что никакого ужаса не испытала – лишь легкую озадаченность: ведь в девятнадцать без пары месяцев лет люди еще считают себя бессмертными... Так и я посчитала, что не может же быть, чтобы я утонула сейчас: вот соберу побольше сил – и выберусь. Но силы таяли, и, пока они еще оставались, я предприняла отчаянную попытку выхода на берег. Подплыла поближе, дождалась относительного затишья – и снова бросилась карабкаться вверх по откосу берега, в бурлившей воде, среди мечущихся камней. Я почти вылезла – но очередная волна оказалась проворней: накрыла, схватила – и принялась вертеть, как щепку. Вот этот ужас я хорошо помню – полную свою беспомощность и – непреодолимую силу воды как стихии... Однако я успела набрать много воздуха, поэтому из последних сил терпела и ждала возможности вынырнуть. Волна швырнула меня на откос, сдирая кожу на руках и коленях, – это показалось сущим пустяком! Я с облегчением выдохнула. Но вдохнуть не хватило секунды, когда вторая волна обрушилась на меня. Рефлекторно я продолжала вдыхать... воду. Это страшные мучения – муки удушья. Считается, что люди быстро теряют сознание, я уже ждала и желала этого момента, чтобы избавиться от страданий, но... Произошло что-то странное. Мучения кончились, но сознание сохранилось. Отчетливо помню каждое мгновение. Я прекрасно понимала, что нахожусь под водой, но мне комфортно – дышать уже не нужно. Открыла глаза и сквозь зеленую толщу воды далеко вверху увидела зеленое же солнце. Там, на дне, меня приятно покачивало... «Я умерла?

– пришла спокойная мысль. – А, наплевать, все равно ничего уже не поделаешь...».

Но мои родители, как потом оказалось, пришли на пляж минуты за три до этого, они успели увидеть мою борьбу со стихией – и поражение, а потом волна, которая накрыла меня, разбилась прямо у ног подскочившего к кромке воды папы. Он инстинктивно нагнулся и запустил в белую пену руки – а там оказались мои длинные волосы... На крики мамы сбежались люди, среди них оказался врач – в общем, девятнадцать мне осенью благополучно исполнилось.

Я вот все думаю: можно ли считать случившееся тогда околосмертным опытом, или это было что-то другое?

- Да ты теперь до ста лет жить будешь! – схватил ее руки Макс. – Когда человек такое переживает, значит, он здесь нужен, очень нужен... А знаешь, для чего? Чтобы оставить после себя детей и внуков – вот для чего!

- Действительно – это ведь редко, когда кому-то удается пережить опыт вне тела! В этом уж точно есть смысл! Если бы твое существование на земле ничего не значило – ты тогда же бы и утонула благополучно! – наперебой поддержали Макса, а пуще – Катюшу взрослые женщины, которым было удивительно еще и то, что Катя, на их памяти произносившая только самые насущные слова, вдруг разродилась до ребенка еще и вполне связным рассказом.

- Я теперь поняла, что нужно встряхнуться, спасибо вашим историям, – сказала та. – И вообще, спасибо, что вы все такие хорошие во круг... И дети ваши тоже... И... – борясь с подступившими слезами, Катя растроганно замолчала.

- Кстати, о детях, – улыбнулась Королева. – Олечка, а ты знаешь какую-нибудь историю? Которая закончилась счастливо. Может быть, расскажешь нам?

Девочка стеснительно набычилась, сморщив нос и прикрыв лицо растопыренными пальчиками, но хитро мерцавший сквозь них глаз выражал горячее желание поделиться...

- Давай, Оля, не стесняйся, – почти строго сказала ее мать. – Тебе в этом году... наверное... в школу. Там у доски придется отвечать... Попробуй... Начни так: «Это было...»

- Я знаю, что говорить... – почти шепотом, но незаметно разгораясь

голосом, начала Оля. – Я видела, как ангел спас одну тетеньку...

- Ангелы – это у нас от брата, – Татьяна осуждающе глянула на сына. – Сам в смысле религии обезьянничает с глупого товарища, и сестренку учит... фантазировать...

- Я видела! – громко и обиженно воззвала Оля. – Честно!

История седьмая, рассказанная почти первоклассницей Олей Маленькой, о том, как ангелы-хранители умеют спасать людей.

Мы с тетей Валею («Это моя двоюродная сестра, дети ее любят», – быстро вставила Татьяна.) шли однажды по улице пирожное безе покупать. А был сильный-сильный ветер. Такой сильный, что деревья качались, прямо жуть. И вот мы шли, шли по улице, а там был переход. И одна тетя переходила дорогу. Даже полицейская машина остановилась ее пропустить. А у тети был ребеночек маленький на руках. Такой... в «кенгурушке». Она его обнимала, прижимала к себе и так шла. И тут такое случилось... Ветер взял и сорвал со столба этот железный синий квадрат с черным человечком, который идет через белый переход... Тетя Валя как закричит! Потому что квадрат полетел прямо женщине в голову... Он, как топор, ее хотел срубить, и она бы укатилась, как в фильме про принцессу, которой муж приказал отрубить голову. Только принцессу поставили на колени, а эта тетя просто шла... Она не успела ничего увидеть – так быстро летел квадрат... Только тут большой-большой прозрачный ангел оказался прямо за этой женщиной и нагнул ее вперед, к ребенку... Вот. И железный квадрат с человечком пролетел прямо над ее головой – сквозь того прозрачного ангела – и упал на землю, а ангел растаял. Я тете кричу: «Смотри, смотри, там ангел тете голову пригнул!», а она говорит: «Хватит глупости болтать, пойдем скорей отсюда, все живы – и хорошо...». Вот так и получился счастливый конец.

- Это действительно было, прошлой весной, мне Валя рассказывала. Она еще боялась, что с Олечкой от страха что-нибудь случится... Понятно, что женщина сама нагнулась в последний момент... Оля, можно было и без ангелов интересно рассказать... Не понимаю, почему ты все время что-то додумываешь...

- Я сама видела! – уже почти истерично крикнула Оля. – Ты никогда мне не веришь!

- Я верю, – громко сказал Станислав. – Я знаю, что это именно ангелы спасают людей, – работа у них такая. А иногда они спасают одних людей через других – вот, как сегодня твоя мама рассказывала... Тот человек в пуховике, который спас твою маму и брата, – может, он тоже был ангел?

- Нет, – подумав, ответила девочка. – Ангел не такой. Он высокий, выше папы. И у него крылья сложенные, как у лебедя, только больше... и он светится.

Глядя на нее можно было решить, что она вспоминает и описывает то, что действительно видела. Станислав переглянулся с женой:

- Да. Они именно такие, эти ангелы. Ваше Величество, может, теперь вы сами изволите что-нибудь рассказать?

Оля Большая улыбнулась:

- Вы все тут рассказывали такие страсти, что мне даже не по себе стало. Все, что у вас закончилось хорошо, начиналось как-то уж очень страшно. В моем рассказе никто не собирался умирать. Просто моя подружка была толстая и похудела. И вот, как это произошло.

История восьмая, рассказанная литературоведом и библиографом Ольгой, о том, как ее знакомая сумела похудеть на очень-очень много килограммов.

Намеренно не стану озвучивать цифры – в смысле, кто сколько именно весил. Просто расскажу историю, случившуюся с моей знакомой. Назовем ее Ира, хотя имя у нее, конечно, другое...

Она, конечно, была толстая. О-очень. Это бросалось в глаза. Но себя Ирка любила, всегда была весела, самодостаточна и оригинальна – поэтому полноту никто не считал недостатком, ее быстро переставали замечать, переключившись на интереснейшую, разностороннюю личность... Ира была замужем, муж обожал ее «тициановские» формы, так что и с той стороны никаких неприятностей у нее имелось.

Случилось так, что мы не виделись около года, а встретившись с ней вновь, я была потрясена: от Иры буквально осталась половина! Первая мысль пришла: заболела! Нет, она оказалась здоровой и охотно рассказала свою историю... Дальше буду рассказывать от ее лица.

«Я знала, – говорила Ирка, – что мне нужно худеть, и худеть серьезно. Что скоро начнутся проблемы со здоровьем – перевалило за сере-

дину пятого десятка. Что сама себе скоро стану противна... Но малодушничала, вечно сравнивала себя с другими, как мне казалось, гораздо более жирными «тетками», всегда находя себя по сравнению с ними стройнее и моложе на вид... Муж ласково называл меня «мой тортик» и все время беспокоился, не голодна ли я, покупал вкусняшки. Если бы он считал меня жирной, – разве любил бы так? Перед зеркалом я принимала выгодные позы, скрадывавшие мою полноту, носила корсеты, фотографировалась в строго определенных ракурсах. Случайные фотографии, где я получалась такой, как и выглядела в жизни, я с негодованием стирала или выбрасывала сразу – они, мол, просто сделаны некачественно... Словом, успешно вытесняла проблему из сознания и даже любила приговаривать: «Я женщина пухленькая, но востребованная!». И я, действительно, убедилась в том, что у меня всего лишь «приятная полнота», как у Анны Карениной. И пребывала в этом заблуждении до одного страшного момента.

В тот день мы поехали к знакомым на дачу «на шашлыки». Хозяйка дома была очень полной женщиной – такой, что мне она представлялась горой жира. «Вот уж кто толстый – так толстый! – мысленно сказала я себе. – Я по сравнению с ней просто Дюймовочкой, наверно, выгляжу!». И думала так до того момента, когда кто-то случайно опрокинул мне на свитер кувшин морса. Хозяйка немедленно сняла с себя куртку, которая была ей немного свободна, и протянула мне со словами: «Надеюсь, ты в нее влезешь!» – а сама убежала в дом, чтобы себе взять что-то другое из одежды. Я взяла курточку с ухмылкой, быстро рассудив про себя: «Надо же, какая нахалка! Да еще вторую такую же, как я, можно в эту куртку запихнуть!». Надела ее – и... Не смогла застегнуть. Даже после того, как очень постаралась. Передать мой ужас невозможно. Это был первый раз в моей жизни, когда мне было наглядно показано, как именно я выгляжу со стороны... Мне стало по-настоящему дурно от этого открытия...

С того дня мое малодушие улетучилось как-то само собой, от шока, наверно; я записалась в спортзал, села на жесткую диету, стала ходить к диетологу и похудела на... да, вот на столько килограммов).

«А как же твой муж? Ведь он любит полных женщин!» – потрясенно спросила я у Ирки. Она ответила: «Он сказал, что любит меня люблю!» – гордо ответила она.

- Вот это я понимаю – хороший конец! – сказала вдруг Катя. – Мне бы так после родов обратно похудеть... Впрочем, о чем это я... Еще родить надо и... не сдохнуть... – она мгновенно помрачнела.

- Мне тоже все равно, какая ты будешь! – сжал ее руку Макс. – Перестань! Сейчас же перестань! Я знаю, что все будет хорошо!

- Да не волнуйся ты так! – сказала Татьяна. – Не завтра же роды. И в Москву успеешь вернуться, и врача своего найдешь, и в клинике нормальной родишь здорового парня, как собиралась... Перестань себя накручивать.

- Между прочим, ты и сейчас не толстая, – добавила Маша. – Так что и после родов можешь не худеть – тебе очень идет так, как есть...

- Дорогие дамы поверьте мне: любимая женщина дорога мужчине целиком! – авторитетно изрек Станислав. – Так что, хоть у меня жена и худенькая, но мужа этой Иры я прекрасно понимаю. А если муж говорит жене, что она должна похудеть, поправиться, перекрасить волосы, носить платья или, наоборот, брюки, – то он любит не ее, а свое представление об идеальной женщине. Ну, я об этом рассуждать не берусь... Я расскажу историю о другом – тебе, Леля, я ее, кстати, не рассказывал. Точно так же, как Митя не рассказывал своей маме про то, как его чуть не слопали львы. Я не боялся, что меня накажут, потому что я слишком взрослый был даже тогда, – а случилось это двадцать пять лет назад. А вот мысль о том, что могло случиться, но не случилось, могла испортить тебе жизнь, как Татьяне. А теперь, действительно, все как-то измелъчало... Дело было в парке Горького, на аттракционах. Я отправился туда с нашим сыном, потому что ты повезла в тот день дочку к врачу...

История девятая, рассказанная учителем истории Станиславом, о том, как сломалась карусель, и все чуть не погибли.

Для того, чтобы испытать настоящий ужас, не обязательно столкнуться с насилием, попасть в страшную аварию, оказаться в бушующем море...

Он может подстергать на каждом углу, в каждую минуту – в момент радости, развлечения, приятного разговора... Вот как Марк Соломонович рассказывал.

Итак, мне двадцать семь, сыну пять. Легкий морозец, пасмурно, мы на аттракционах в Парке культуры имени Горького. У обоих, к счастью, хороший вестибулярный аппарат – так что никаких головокружений и

тошнот, одно сплошное удовольствие. Вот карусель «Орбита». Спаренные сиденья, прикрепленные к широкому кругу, который умеренно быстро вертится, а потом приподнимается под углом, и вы движетесь уже не только по кругу, но и вверх-вниз. Кого не тошнит, тому весело. Срок катания – две минуты... Для безопасности вместо пристегивающегося ремня – подъемная железная рама, за которую нужно держаться руками. Дети допускаются только вместе со взрослыми, что естественно. Я сажаю моего мальчика ближе к центру круга, опускаю раму безопасности, правой рукой в перчатке крепко за нее хватаюсь, левой – прижимаю к себе ребенка, чьи руки до рамы не дотягиваются – маленький еще. Сиденье широкое, его серые сапожки только едва-едва выходят за край. Все, кто с детьми, – в такой же позе. Мысль об опасности не приходит в голову никому. Я это специально пишу, чтобы никто не сказал – мол, дурак ты, что ли, кататься с не пристегнутым как следует ребенком?! Дурак или не дурак – но тогда все так делали, ничего плохого не случилось.

В будке звенит короткий звонок – карусель трогается, чуть-чуть крутится горизонтально, потом поднимается почти вертикально – начинают раздаваться крики восторга – все, как обычно. Мы не пищим от радости, но нам тоже нравится, упругие щечки ребенка горят... В будке снова звонок – сигнал, что хорошенького понемножку, две минуты прошли... Но карусель не замедляется и не опускается. Нас все так же мотает по кругу и вверх-вниз...

Сначала никто ничего не понял – недоумение появилось примерно через минуту: почему не останавливаемся? Там, в будке, что-то заело? Ребенок мой пока еще радовался дополнительным минутам катания, но у меня похолодело в желудке: дежурные знают, что в таких случаях делать? Сумеют быстро остановить эту штуку? Самые худшие подозрения очень скоро подтвердились: из будки появилась укутанная женщина в валенках и прокричала нам нечто вроде: «Машину заело... Побегу к главному, скажу, чтоб обесточили...». Она «побежала». Вернее, поковыляла в своих огромных валенках и десяти кофтах под курткой куда-то в сторону. Я постепенно постигал масштаб быстро подступающего ужаса. Карусель, мгновенно превратившаяся в адскую машину, продолжала невозмутимо крутиться. И тут я увидел страшное. Серый сапожок моего ребенка уже не слегка выходил за край сиденья – а почти целиком. Когда мы достигали верхней точки, нас каждый раз легонько встряхивало, и от толчка сын еще чуть-чуть съезжал к краю скамьи. В

следующую секунду за той, когда я это осознал, я понял и следующее: он свободно проскользнет под «раму безопасности», когда достаточно съедет к краю... Да, я пока держу его левой рукой – но уже почти не чувствую ее. Оторвать правую от рамы я не могу, потому что под ногами нет опоры, в этом случае нас обоих бросит на раму, ребенок сразу окажется между сиденьем и рамой, и я, скорей всего, просто не успею предотвратить его выскальзывание вниз. «Остановите! Выпустите нас!» – раздался истерический женский крик позади. «Человеку плохо!» – поддержал другой голос... «Папа, – спокойно сказал мой сын. – А нас скоро остановят?». В пять лет он уже понимал, что его отец не настолько всемогущ, чтобы сделать это самостоятельно... «Не знаю, – честно ответил я. – Но мы обязательно продержимся. Мы – русские, а русские – стойкие!». «Ура! Мы русские, мы выдержим!» – подхватил сын, и, надо сказать, его решимость держаться до последнего так никуда и не делась. Но он не понимал, что надежная отцовская рука у него на боку – уже не защита ему, не видел, что серый сапожок его уже за пределами кресла, и нога скоро съедет до колена и свесится... А что потом?!

Вокруг уже многие звали на помощь, кого-то рвало. Внизу появились служащие парка, которые стали кричать, что к нам «уже выехали». Какой-то мужчина лихорадочно ковырялся в пульте управления в будке... Настал момент, когда я не мог уже ждать, что мой ребенок вот-вот выпадет, и, собрав все силы и волю, отцепил правую руку от рамы, когда мы были в нижней точке, и ухитрился одним резким движением вернуть ребенка в более-менее безопасное положение. Выяснилось вдруг, что морозец вовсе не легкий, а крепкий, ледяной ветер сек лицо. «Папа, мы русские, мы продержимся...» – повторял мой пятилетний ребенок. Я думал только о том, сколько еще пройдет времени до той секунды, когда левая рука сама разожметя и выпустит его... Те, кто к нам выехал, так и не приехали. Зато мужчина, пытавшийся починить пульт, преуспел – честь ему, хвала и вечная благодарность. Карусель опустилась и встала. Нас начали выводить – не спецслужбы, а просто люди, наблюдавшие внизу. Ребенок мой, однако, соскочил сам, я тоже как-то сполз и – повис на железной ограде.

Ужас мало-помалу отпускаял. С других каруселей доносилась музыка...

- Я вижу, традиция ужасов нас не покинула, – торжественно сказал

Максим. – Но вообще я тебя понимаю. Я-то, конечно, на твоём месте вел бы себя иначе, но у меня... хм... подготовка другая... и комплекция. Но рассказывать ты мастак. Сразу видно – учитель. Круто получилось. Мои аплодисменты.

- А что – на карусели только русские были? – вдруг продребезжал Соломоныч. – Если бы евреи, не дай Бог, затесались, то им бы тут и крышка?

- Почему? – пожал плечами Станислав. – У вас, например, Давид есть. Завалил Голиафа только так. На моём месте вы своему сыну как раз о нём могли бы рассказать. Но у кого что есть, уж извините...

За спиной Соломоныча Макс показал Станиславу большой палец.

- Да уж, хорошо, что тогда я об этом не узнала, но потом-то мог бы рассказать, – проворчала Оля Большая. – Вряд ли мне бы это жизнь испортило, раз кончилось благополучно.

- Муж тебя берег... – задумчиво прошептала Маша. – Везет тебе... Меня вот никто не берег... Никогда...

Она сказала это без всякого умысла. Но все взоры обратились к Борису, который только присутствовал за столом, ни разу не вмешавшись в общие разговоры и, похоже, вовсе не собираясь принимать участие в этой бабьей затее. Никто, в общем, и не ждал, что он решит вдруг сделать их Декамерон настоящим, имеющим десять рассказчиков, – но Борис вдруг, не меняя небрежной позы, – сидел, откинувшись и забросив за спинку стула руку, – непринужденно начал действительно странный рассказ.

История десятая, рассказанная Борисом, странным человеком и фотографом из Петербурга, о том, как он повстречался со шпионом, и что из этого вышло.

Стоял август 2002 года, когда мой знакомый поэт и я, закончив совместные дела, решили расслабиться и выпить пива в ресторанчике. Войдя, мы обнаружили, что из ресторанный зала есть выход в тихий внутренний дворик, где тоже стоят столики – в тенечке и под открытым небом. Там мы и расположились, взяв по кружке ледяного пива. Мы тихо разговаривали, когда к нам за столик вдруг попросился мужчина лет около сорока на вид. Я показал ему глазами, что вокруг есть несколько пустых столиков, но он достаточно вежливо извинился и объяснил, что моряк, вернулся из плавания, в Питере проездом из Калинин-

града в родной город, очень устал от одних и тех же лиц, стосковался по людям, просит разрешения с нами поговорить. Что ж, бывает. Мы не возражали. Он очень настаивал на своем желании угостить нас за любезность пивом. Показалось неудобным отказываться...

Первый раз я по-настоящему удивился, когда принесли четыре поллитровые кружки пива, причем новый знакомый сразу же пододвинул моему другу и мне по две кружки, а про себя сказал, что не пьет. Согласитесь, это немножко странно: во-первых, угощать посторонних сразу литром пива как-то не принято... Тем более, что недопитые кружки все еще стояли перед нами. Во-вторых, совершенно невозможно, угощая других мужиков, не пить самому. Переглянувшись с поэтом, мы твердо сказали, что согласны выпить еще по одной. Сосед не противился, стал что-то есть, завязался разговор, почти сразу, как это принято у нас в стране, перешедший «на политику». Мы старались держаться с незнакомцем лояльно, особо не проявляя ни негатива, ни позитива. В смысле – да, есть трудности, но мы надеемся – и так далее. В разговоре «моряк» не забывал делиться воспоминаниями о том, какой он матерый «морской волк» – но я уже прекрасно видел, что человек врет. Его гладкие белые руки, бледно-розовая, не тронутая ни ветром, ни загаром кожа – все это полностью исключало не только морские похождения, но и даже сравнительно недавнюю морскую прогулку. Сначала я подумал, что мужик просто выпендривается перед двумя молодыми идиотами – подумаешь, новость. Я слушал вполуха, а между тем разговор свернул на отечественный автопром, которому, естественно, изрядно досталось. И тогда поэт попытался вернуть всем известный анекдот о том, как Штирлиц «сел враскорячку» ... (Если кто не помнит продолжения, – так «раскорячка» затархтела и поехала).

«Э-э... Прошу прощения – кто сел враскорячку?» – вдруг решил уточнить мужик. «Штирлиц!» – думая, что он не расслышал, громко объяснил поэт. «Кто?» – с улыбкой переспросил незнакомец, и по его лицу было четко видно, что он изо всех сил пытается быстро понять, о ком идет речь. В эту секунду мне стало страшно. Очень. Множество четких мыслей за мгновение табуном проскакало в голове: «Он не рос в России... Он вообще не русский. У него слишком светлые глаза и волосы для русского. В лучшем случае – ингерманландец... А может, швед, норвежец или датчанин... Зачем мы ему? Что от нас можно выведать? Для чего нас вербовать? Он сам совершенно трезв, а нас пытается напоить... Но если шпион – то культовые фигуры страны, в которую его

засылают, должен был выучить... Но какое может быть другое объяснение? Шпион, который плохо учился и забыл Штирлица?.. Что делать?! Ведь если он поймет, что разоблачен, то мы уже покойники... Сейчас незаметно брызнет чем-нибудь, например, и у нас обоих через час – обширный инфаркт или еще что-то... Да мало ли способов!».

Не знаю, переменялся ли я в лице, но с изумлением заметил, что поэт, уже подвыпивший и увлекшийся разговором, пропустил мимо ушей вопрос собеседника...

Старательно улыбаясь, я поднялся из-за стола, извинился и направился к входу в здание, оставив поэта за столом с подозрительным типом. Но нельзя же его было так бросить! Потоптавшись у двери, я высунулся во двор и весело махнул рукой другу: «На одну секундочку! Мне нужна помощь!». Он оставил на столе очешник с очками и поспешил ко мне, бросив озадаченного соседа. Как только поэт оказался рядом, я изо всех сил прошипел ему: «Ты понимаешь, кто это?! Он не знает, кто такой Штирлиц!!!».

Мы стояли лицом к лицу, и я очень ясно увидел, как именно может достаточно нагруженный пивом человек протрезветь в одну секунду... «К черту очки!» – скомандовал он, хватая меня за руку и увлекая за собой. Мы бежали, как сумасшедшие, по улице, потом через подземный переход. Опомнились только на другой стороне широкого Ленинского проспекта...

С тех пор прошло двадцать восемь лет. Что это было? Кто? Я до сих пор не знаю.

- Да этот рассказец кроет все остальные вместе взятые! – изумленно протянул Макс. – Слушайте, господа, а ведь это, похоже, и правда был шпион. Только он не вербовал вас, конечно, а просто имел задание... Ну, скажем, собрать статистику о настроениях в различных социальных прослойках... Что-то такое... А со Штирлицем круто прокололся. И это еще вопрос, что бы он сделал, если б понял, что ты его расколол...

- Двочник разведшколы, – сострил Станислав. – Прогулял занятие, когда рассказывали о Штирлице. А на экзамене он ему не попался.

- Да бросьте вы... – пожал плечами Татьяна. – Мало ли, как это объясняется. Задумался человек, не уловил чего-то... Ничем вы не рисковали, а обидели хорошего парня, который вас же и угостил. Сбежали, не заплатив, так что ему еще и за ваше первое пиво пришлось расплачиваться.

- Я видел выражение его лица. Я фотограф. Это моя профессия. Он впервые слышал о Штирлице. Голову на отсечение даю, – металлическим голосом ответил Борис.

- Да думайте, что хотите, – раздраженно пожала плечами женщина. – У меня ребенок засыпает, мне надо как-то уложить его в темноте... Маша, помогите? Дверь подержите, чтобы хоть какой свет падал из кухни...

Женщины начали озабоченно подниматься, все зашевелились, осознав, что незаметно наступила ночь.

- Подождите! – почти обиженная их деловитостью, крикнула Королева. – Нам нужно выбрать нового распорядителя. Ну, короля или королеву на завтра, и чтобы он назначил следующую тему для историй!

- Ну, так выбирайте, – нетерпеливо буркнул Борис. – Я тоже спать хочу...

Оля Большая быстро огляделась, и вдруг ее лицо просияло:

- Я назначаю завтра королем тебя, Митя. Твой рассказ про цирк мне понравился больше всего – я даже не ожидала, что ты умеешь так красиво излагать мысли... Так что давай придумывай, о чем завтра будем рассказывать.

Митя растерялся. Это было то, чего он в данный момент своей жизни ожидал меньше всего – метаморфозы из вечно понукаемого старшего брата и подневольного школьника в Подземного Короля... Но парень конфузился недолго:

- Хорошо! Я готов, пожалуйста. Кстати, я еще вчера решил, что если когда-нибудь меня назначат Королем, то задам именно эту тему. Я часто о таком думаю. Именно о таком... Пожалуйста. Пусть завтра мы будем рассказывать о человеческих поступках. Но не просто поступках, а таких, знаете, с большой буквы...

Второй день Декамерона, в который рассказываются истории о Поступках с большой буквы.

И день этот начался весьма бодро: едва выпив чаю (а он имелся в наличии почти что целебный – из сушеных листьев мяты, чабреца и смородины, заботливо приготовленный Катюшей еще месяц назад и удачно прихваченный во временное, как ей казалось, убежище), почти

все обитатели бункера ринулись наверх, в лес. Каждый со своей скоростью – но все целенаправленно лезли по скобам один за другим, страхуя детей и не особо нуждавшегося в том Соломоньча, – выкарабкивались, подставляли лицо молочному свету очередного теплого пасмурного денька, бурно дышали после душной и затхлой атмосферы подземелья. Внизу осталась лишь все та же несчастная Катя, обреченная на вечную кухонную лампу своим восьмимесячным животом, – и составившая ей компанию из товарищеских чувств Маша. Впрочем, Катю негласно блюли по очереди все, кроме детей и упорно хранившего ледяное равнодушие Бориса.

Соломоньч снова уверенно повел Макса на разведку с целью подготовить ограбление соседского подвала, Станислава решили пока не привлекать – и он с удовольствием без всякой цели нарезал концентрические круги вокруг люка в сопровождении деловитой задумчивой жены, зорко выглядывающей у древних стволов молодые боровики. Сегодняшний король Митя намеренно разъединился с матерью и сестрой и стал углубляться в лес, старательно запоминая приметы: он желал урвать собственный небольшой кусочек любимого созерцательного одиночества... Татьяна, убежденная в том, что дочка ее, как всегда, следует за ней, как теленок за Буренкой, шла вдоль неглубокого оврага у просеки, мечтая о ярких огоньках подосиновиковых шляпок, то и дело вспыхивавших в побуревшей траве среди золотых монеток палых березовых листьев.

А Оля Маленькая заворуженно смотрела на просеку: там несколько раз серым комком отвесно падал с неба меткий ястреб, расправляя громадные угловатые крылья прямо у земли, – и тотчас взмывал в небеса с зажатой в безжалостных когтях мелкой, еще живой добычей, последним чувством которой становилось, наверно, удивление... Оля подумала, что там не один ястреб, а два, – уж больно часто они падали и взлетали – и решила, что это, должно быть, ястреб с ястребихой добывают пропитание для своих маленьких ястребят. Девочка прекрасно понимала, что она слишком большая для того, чтобы хищник мог посчитать ее своей жертвой, – и поэтому безбоязненно перепрыгнула канаву и вышла на широкое открытое пространство. Уф! Здесь даже дышать было легче, чем в древнем лесу среди страшноватых елок. Просто не верилось, что это елки: елки – такие невысокие, сочно-зеленые колючие деревья для Нового года, а здесь что? Черные чудища какие-то – маку-

шек не видно, а, чтобы обхватить одно такое дерево, нужно... Оля задумалась... Нужно, наверно, пять таких же девочек, как она. Считать она умела не до пяти, как какая-нибудь малышка, а до тысячи – ни больше, ни меньше. И знала, что дальше будут две тысячи, и три... Но считала сама, не пропуская ни одной цифры, только до тысячи – это чтобы тихий час в детском саду не казался таким длинным – ведь уснуть все равно никогда не удавалось. Оля даже удивлялась, почему она одна не спит, когда все, все дети сразу засыпают и даже разговаривают во сне, – и воспиталка ее ругала, кричала: «Лежи и не шевелись!»... Старая злая обезьяна. Хорошо, что закончился проклятый детский сад с его бесконечным тихим часом, она стала большая и пойдет в школу, когда кончится карантин... В садике тоже был однажды карантин по ветрянке, так что Оля прекрасно знала, что это такое. Ну, а теперь карантин для взрослых, и им приходится жить в подполе – а детей ведь куда не денешь, вот и приходится Оле сидеть со всеми в темноте. Но это ничего, главное, что с мамой... Она оглянулась: голубая куртка мамы, павшей на коленях перед очередным грибом, ясно виднелась за недалеким кустом. Все в порядке, можно еще чуть-чуть пройти, посмотреть, за кем охотятся эти муж и жена ястребы.

Девчонка осторожно двинулась вперед в своих ловких и блестящих резиновых сапожках. Она прекрасно знала, что может упасть и расквасить нос, поэтому внимательно смотрела себе под ноги, чтобы не запутаться в густой и цепкой, уже рыжеватой траве. Вдруг ноги ее заскользили куда-то вниз, и, не успев вскрикнуть, Оля Маленькая тихонько съехала на попе в неглубокий овраг, поросший кустами. Она понятия не имела, что здесь есть овраг, думала – просто кусты небольшие растут. А оказалось – они вон какие высокие, над оврагом только верхушки... Среди тонких стволов виднелись какие-то красивые вишневого цвета грибы на тонких ножках. Надо показать их маме, чтобы узнать, съедобные или нет. И лизать их нельзя: если они ядовитые, то так можно отравиться. Оля снова посмотрела назад – но не увидела ничего, кроме покатога склона оврага. Значит, нужно выкарабкиваться обратно. Но с первого раза это не удалось – трава, оказывается, такая скользкая, а когда она попыталась зацепиться, то вырвала разом два пучка с корнями и землей. Фу, ну вот, теперь еще и руки грязные. Сейчас она отдохнет и попытается снова – со второго раза точно получится. Оля присела на кочку, задрала голову – и дух захватило: тонкие пушистые тучки куда не делись, но солнце, верно, где-то уже выглянуло, позолотило небо над

облаками, и теперь они весело бежали, как легкие серые овечки по лугу с желтыми одуванчиками. Девочка загляделась, улыбаясь и щурясь, и, чтобы смотреть на необычное небо было удобнее, прилегла на спину. Овечки все бежали, она все больше щурилась и меньше улыбалась, было тихо и тепло... Надо позвать маму, чтобы она тоже посмотрела. Нет, лучше потом. Сначала она сама немножечко посмотрит...

Татьяна хватилась дочери не сразу – она, вероятно, долго еще рассеянно беседовала сама с собой на грибную тему, воображая, что говорит с Олей, и спохватилась только когда поняла, что слишком долго нет никакой реакции. Обернувшись, она увидела, что стоит одна, с почти полным пакетом калиброванных, вчерашнего выпуска подосиновиков, на краю канавы у просеки, рядом с кустом, украшенным несколькими золотящимися в холодноватом солнечном свете паутинками.

- Оля, иди сюда, – лишь чуть-чуть повысив голос, позвала Татьяна, уверенная, что девочка просто немножко замешкалась.

В ответ не донеслось ни звука.

- Оля! – громко крикнула мать, напряженно вслушиваясь и чувствуя, как изнутри быстро и неуправляемо нарастает черная волна безобразной паники.

- Оля!!! Оля!!! Оля!!!

Зов матери, потерявшей дитя, прозвучал так первобытно-дико, что со всех сторон к ней кинулись испуганные карантинники – и женщина сразу безошибочно выбрала нужную жертву:

- Где твоя сестра?! – рявкнула она в лицо ничего не понимавшему сыну. – Где она, отвечай!

- Мам, я не знаю, она с тобой была... – растерянно пробубнил юноша.

- Она была с тобой, а не со мной!!! Она, во всяком случае, пошла к тебе!!! И где она, я тебя спрашиваю?!! – подхваченная слепым вихрем истерики, Татьяна хотела схватить сына за ворот и трясти его, трясти, пока не появится дочка.

- Тихо, тихо, тихо! – бросился между ними Станислав. – Сейчас найдем. Вы ведь недавно свою дочку видели?

Мать лихорадочно пыталась вспомнить – и понимала, что не видела ребенка очень давно. Что она, собственно, совсем не видела Олю – а только долго говорила что-то незначительное («А вот и еще грибок...»), не заботясь об ответе в полной внутренней уверенности, что ребенок никуда не денется... Что она не знает, когда именно девочка отошла, или... или когда ее незаметно схватили люди или звери. Осознав это в

одну страшную секунду, Татьяна побелела и зашаталась, схватившись за березовый ствол...

- Она не могла далеко уйти, – решительно сказал Станислав и, секунду подумав, скомандовал: – Строимся в цепь в пределах видимости друг друга. Идем галсами и зовем. Она, наверно, устала и присела отдохнуть...

- Ра-астянься в цепь, чего стоим! – поддержала протяжным голосом Оля Большая.

Цепь получилась коротковатой, но шустро тронулась в противоположную сторону от просеки, оглашая трехсотлетний лес давно привычными ему и скучными криками: «Ау-у! О-оля! Ау-у!».

Нашли только к обеду. Случайно. Когда, испуганные и обессилевшие, вернулись на исходную позицию, чтобы, может быть, поискать какие-нибудь следы... Митя, рассеянно глянувший на просеку, вдруг задохнулся, выпучил глаза и стал безмолвно тыкать пальцем вперед. Поглядев в сторону, указуемую трясущимся перстом, все одновременно увидели, как среди оранжеватой травы то появляется, то исчезает небольшой ярко-синий бант, – и, не сговариваясь, поскакали по кочкам в его сторону...

Оля, растрепанная и без шапки, с пунцовыми щеками, в распахнутой курточке, молча карабкалась вверх по склону оврага, соскальзывала, срывалась, но, отдуваясь, упрямо предпринимала следующую и следующую попытку, как самолет, не сумевший сразу благополучно выпустить шасси, с надеждой заходит все на новый и новый круг... Татьяна первая спрыгнула к дочери и прижала к себе, покрывая поцелуями:

- Доченька... Ты испугалась... Как же ты испугалась... Я здесь, здесь, все хорошо... Не бойся...

- Мама, но я совсем не испугалась, – рассудительно сказала на секунду отпущенная девочка. – Там было так хорошо... Никого нет... Тепло... И... – она помычала, подбирая слово: – Блаженно.

- Не выдумывай. Ты до смерти испугана! – строго сказала Татьяна – и не поняла, почему остальные разом тихо захохотали...

* * *

К вечеру эмоции утихли – тем более, что и гордый Соломоныч, вернувшийся из разведки с Максимом, торжественно сообщил за ужином подземному сообществу, что в кладовую они успешно, безо всяких неприятных приключений проникли, и «это оказалась не кладовая, а

сокровищница, если учитывать наше с вами положение». Станислав с радостью согласился, а Борису попросту приказали, немилосердно намекнув на его дармоедское положение, ехать завтра на погрузку первой партии домашних заготовок, обнаруженных в уцелевшем подвале. Но от нетерпения почти не поевший Митя уже махал своими королевскими руками во все стороны:

- Господа, господа, мы начинаем! Начинаем! У всех готовы истории?! Тогда поднимите руки, кто... В смысле, скажите, кто хочет начать первый... – и, выждав лишь номинальную паузу, ровно такую, чтобы никто не успел собраться с мыслями, звонко крикнул: – Тогда я!

И так началась

История первая, рассказанная королем Второго Дня Декамерона восьмиклассником Митей, о том, как его друг с помощью смелого поступка избавился от тяжелого заикания.

Мой лучший друг – мама, ты знаешь его, это Витька – отдыхал в Крыму с родителями два года назад. В городке был парк аттракционов, а в нем – такая большая парашютная вышка, наверное, с пятиэтажный дом высотой. Пацанва прыгала, и даже некоторые девчонки решались. Ну, и Витька, конечно, тоже захотел прыгнуть – а как же! Разве он не мужчина? Отправился в парк аттракционов с новыми друзьями по пляжу и, когда они вместе приблизились к вышке, решил, что прыгнуть с нее – плевое дело: не такой уж и высокой она снизу казалась. Что такое двадцать метров?

Но он-то прыгал впервые, а товарищи его уже спрыгнули каждый по нескольку раз. Витька решил продемонстрировать им свою смелость – и первый взобрался по ступеням, надел с помощью инструктора подвесную систему, храбро ступил на площадку для прыжков и глянул вниз... Шагать в бездну с высоты пятого этажа ему уже не показалось таким привлекательным, как внизу. Но позорно отступить на глазах уже готовых расхохотаться спутников он, конечно, не мог – и непременно прыгнул бы сам. Непременно! Только добрые ребята решили помочь: в тот последний миг, когда он почти собрался с духом, его резко толкнули в спину. Дурость, но лично я их не осуждаю. Они же прекрасно знали, что это безопасно! Спуск прошел нормально, Витек плавно приземлился. Вот только говорить он больше не мог. То есть, звуки произносил, но

сложить их в понятные слова никак не удавалось, потому что заикаться стал буквально на каждом звуке...

В Москве родители долго лечили его, водили по разным медицинским светилам и даже заплатили большие деньги гипнотизеру. Может, и были улучшения – только едва заметные. Я вообще не понимал, что он говорит, общались почти знаками. Год в школе ему пришлось пропустить. Из бойкого и активного парня он превратился в угрюмого молчуна с большими страшными глазами... Будущее стояло под большим вопросом... И вот, снова пришло лето.

Однажды утром его мама, Елена Васильевна, долго и тревожно смотрела на сына и мужа, словно не решаясь что-то сказать. Наконец, встала и, собравшись с духом, произнесла: «Собираем чемоданы! Мы снова летим туда же!». Витек, конечно, не хотел возвращаться в такое ужасное место, при одной мысли волосы шевелились, да и отец был против – но мать настояла. Когда они только сошли с самолета, еще до того, как поселиться в отеле, она вдруг велела всем идти в тот же парк аттракционов, к той самой вышке. Потом она рассказывала, что ее сын был бледен, как полотно. Вышка, к счастью, работала, но, по случаю раннего часа, посетители еще не подтянулись. «Немедленно лезь! – командовала Елена Васильевна. – Лезь – и прыгай. Сколько хочешь стой на площадке, но только прыгни. Сам. Иначе ты навсегда останешься... – она помолчала и жестоко добавила: – Жалким зайкой». Она думала, что Витька начнет отказываться, но он неожиданно согласился. Быстро купили билет – и пацан полез вверх, к инструктору. Родители внизу тревожно жались друг к другу. «Думаешь, поможет?» – робко спросил отец. «Не знаю, – честно ответила мать. – Но если это не поможет, то и ничто другое...». Вскоре они увидели, как белый купол начал плавно спускаться. Вот сын уже на ногах, снимает «постромки»... Родители бросились к нему – отец даже заборчик стгоряча перепрыгнул! «М-мама, п-папа... – вполне членораздельно сказал Витька. – Я п-прыгнул... Сам». С тех пор уже год прошел – Витек все еще заикается. Но совсем чуть-чуть. Только когда очень уж волнуется. Вот это Поступок, я так считаю.

- Ого! – покачал головой Макс. – Силен парень. Молодец, хорошего друга нашел. Ты его держись.

- Да этот его Витька... Он, представляете, к попам бегаёт, в церковь.

В двадцать первом веке! И Митю моего таскает... Прямо не знаю, что делать, – пожаловалась Татьяна.

- Татьяна, вы что говорите-то?! К наркоманам он его таскает? К преступникам? Там что – плохому учат? Вы радоваться должны, что сын такого товарища встретил. Такого, а не... другого какого-нибудь, – сказал Станислав.

- Вот! Вот! Если уже учителя это одобряют, то я не знаю, куда нам еще катиться! – вспыхнула Татьяна. – Во все цивилизованные века в России все передовые люди, особенно писатели... педагоги... резко отрицательно относились к суевериям, а теперь моду взяли...

- О, да, особенно, например, Достоевский. И Гоголь, – парировал Станислав.

- Э-э, господа, господа хорошие! – призвала их к порядку Маша. – Давайте мы сначала отсюда целыми и невредимыми куда-нибудь выберемся... с Божьей помощью... а потом уж будем решать, куда мы катимся и в Кого верим или нет. Эти... вечера с рассказами мы придумали для оздоровления обстановки, а не для раздувания конфликтов.

- Вот и рассказывай, если такая умная, – пробурчала, остывая, Татьяна.

- И пожалуйста, – проявила похвальную покладистость Маша. – Я три раза совершила Поступок с большой буквы. Развелась с мужьями...

- Скажите-ка... – впервые подал голос Борис. – Какие мы шустрые. Но это не новость. Разваливают семьи практически только одни женщины. Это доказывает неумолимая статистика: из всех разводов девяносто процентов произошло по инициативе жен, и только десять – по желанию мужей. Как становится нечего с мужика брать – находят следуюшую дойную корову... Когда и тот выдохнется – новую... Давай, расскажи нам про свои великие Поступки, а мы посмеемся.

История вторая, рассказанная троекратной разведенкой «прицепом» Машей, о том, как она сама три раза подавала на развод.

«Именно женщины разрушают семью, подавая на развод!» – самый частый мужской аргумент... И они правы! У меня в этом деле большой опыт разрушительницы. И вы даже не представляете, сколько раз я слышала, что мужчины очень редко идут на такой шаг, а значит, именно

женщины и виноваты в том, что рушатся семьи, а еще смеют при этом обвинять мужей!

Да. Я подавала на развод три раза. Расскажу, как это было лично у меня. Со всеми «бывшими» я общалась после развода – и от всех слышала сию крылатую фразу: «Я не собирался разводиться и бросать семью. Это было только твое решение».

ОК.

Первого мужа я ждала из армии – поженились очень молодыми, приняв первую любовь за «вечную». У нас родился ребенок. Но муж вдруг резко понял, что он «не нагулялся» – и ему следует наверстать упущенное. И вообще – как это так? Он мужик – ему что, всю жизнь к одной юбке быть привязанным?! Он выскальзывал из дома в шесть утра, когда мы с ребенком еще спали, и возвращался в час ночи самое раннее, причем, если был в хорошем настроении, рассказывал о студенческих вечеринках и красивых девчонках... К ребенку не подходил, меня упрекал в том, что я – кормящая мать – поправилась на четыре килограмма и стала «коровой». Я подала на развод после того, как сказала ему: «Раз ты мне постоянно изменяешь – я тоже найду, как и с кем это сделать!». В ответ я получила удар кулаком в лицо.

Надо было потерпеть и семью не рушить?

Второй муж был очень положительный и старше меня на 13 лет. Благодетель – женился на «разведенке с прицепом». Сына моего не любил, но и не обижал – большего и не требуется... Мог содержать нас, даже настаивал, чтобы я сидела дома и «не шлялась». Отчет о потраченных деньгах спрашивал до копейки. Одежду-обувь для меня ходил покупать со мной, выбирал по своему вкусу. Я все равно стала работать, чтобы не быть содержанкой и не давать унижительных отчетов – это его обидело: он же мужчина! Жена должна от него зависеть! Потом у него появилась любовница, я об этом узнала, состоялся разговор, он каялся, клялся – я простила. Но это было принято не за жест моей доброй воли, а за сигнал к тому, что теперь можно изменять постоянно – я буду терпеть и прощать. Узнав про очередную (собственно, не знаю, какую по счету, думаю, что многие «приключения» он успешно скрывал) измену, я взяла ребенка, собрала вещи и ушла к родителям. Это было как раз во время кризиса, когда искусствоведы никому на фиг были не нужны. Что я тогда хлебнула – кто не знает, тому не объяснить... Но я наслаждалась каждой клеточкой, словно с меня ошейник сняли. Перед разводом муж

сказал: «Какое тебе было дело до моей личной жизни? Это мои мужские дела, они тебя не касаются. Ты была всем обеспечена с ребенком и сидела дома. Женская мудрость как раз и состоит в том, чтобы уметь закрывать глаза на некоторые вещи».

Жена должна довольствоваться таким «счастьем» и хранить семью изо всех сил?

С третьим было проще всего: непьющий талантливый человек. Спустя время оказалось, что закодирован. Срок кодировки кончился... Я любила его и перепробовала все, по-бабьи желая «спасти» и «вытянуть». Но настал день, когда у меня в квартире не осталось ни одного целого предмета, который нельзя было разбить или сломать, – пьяный погром был чудовищный, за меня вступился сын-подросток, иначе я была бы попросту убита. После этого я сменила замки и подала на развод. Брак был венчан, так что пришлось еще и писать заявление митрополиту. После развода бывший муж сказал: «Ты не только наш брак растоптала – ты сломала венец и будешь гореть за это в аду!»

Тоже следовало простить и жить дальше, бросив свою жизнь под ноги теряющему человеческий облик существу? Да, я разрушительница браков. Та самая, которых презирают. И ни минуты не жалею. Считаю это своими положительными Поступками – с большой буквы.

- О! Ну, я же говорил! Все как по нотам. Кругом злодеи, а я белая и пушистая, – удовлетворенно откинувшись на стуле, хлопнул себя по коленям Борис.

- И что, по-вашему, она должна была всех их терпеть? – спросила Большая Оля. – Вам не кажется, что какие-то очень большие жертвы от нее требовались?

- Не всех, а первого и единственного, – отрезал Борис. – Как делают нормальные женщины, которых все уважают: подстраиваются как-то, приспособливаются... Вот вы же не развелись со Станиславом – и правильно. А тут... Стукнули разок, скажите, пожалуйста... А как еще, если иначе не доходит? Себя спроси, дура, а что ты сделала, чтоб к тебе по-человечески относились?

Станислав вскочил:

- В моем присутствии никто не будет оскорблять женщину. И вы тоже, Борис. Извинитесь, или я... вас заставлю.

Приподняв бровь, фотограф обдал критическим взглядом щуплую

фигурку учителя и лишь усмехнулся.

- А я помогу, – не вставая, добавил Максим, и тут уж Борис оценил ситуацию правильно:

- Да ладно, ладно... Пардон. Пошутил неудачно, – подняв ладони, пошел он на попятную.

- Штрафная с тебя причитается, Боря, – неожиданно миролюбиво обратилась к нему Маша. – О своем поступке расскажи. Чтобы все знали, что ты тоже герой.

- Ну, про свой не буду – почтеннейшей публике может не понравиться. А расскажу про нашу классную – как она толкнула речь на выпускном вечере. На такой поступок точно решиться надо. Итак,

История третья, рассказанная сторонником абьюза Борисом, о том, как учительница своеобразно попрощалась со своими выпускниками.

Не хочу поминать ее злом. И учительскую кличку мы дали ей вполне безобидную – Маняша. Прямо как сестра небезызвестного Володи Ульянова... Она была внешне очень похожа на старую деву – один и тот же темно-серый костюм-тройка, кожаные спортивные тапочки на шнуровке – коричневого цвета, чулки в резинку, волосы забраны в сидящий узел, на носу громоздкие неженские очки, никаких украшений и косметики. Когда она ругалась, то ее голос звучал, как басовитый собачий лай, – слышно было в другом конце коридора. Но говорили, что замужем она все-таки побывала, муж ее бросил, конечно, – и тут я его прекрасно понимаю. Тогда она поменяла однокомнатную квартиру, оставшуюся после брака, на комнату в большой коммунальной квартире, чтобы не жить одной. Да, и еще завела себе ньюфаундленда...

Преподавала, конечно, математику и была нашим бессменным классным руководителем с пятого по одиннадцатый класс. Нас она ненавидела, мы платили взаимностью.

В этом году тридцать пять лет, как мы окончили школу, выйдя в «большую жизнь» прямо во время великих социальных потрясений. Маняша с нами не справилась – просто она не любила детей; ей бы в обожаемую математику уйти с головой как в науку – глядишь, и сама прожила бы более счастливую жизнь, и мы избежали бы большой доли моральных травм... Но почему-то она упорно шла неподходящей ей дорогой школьного учителя.

Перед выпускным, как положено, скинулись на подарок. Родители тогда последние деньги от сердца отрывали... И вот – торжественная часть, вручение аттестатов, учителя провожают нас теплыми словами... Мы были, хотя и «бешками», но, честное слово, не самым плохим классом. Люди как люди. Всякие... Маняша поднялась на сцену – а школа наша располагалась в старом здании, принадлежавшем некогда мужской гимназии, и актовый зал выглядел весьма впечатляюще: потолки метров шесть, с лепниной, сияющий паркет и золотой бархатный занавес. Речь, которую она произнесла, против обычая, тихо и мирно, до сих пор стоит у меня в ушах: «Я с удовольствием прощаюсь с вами и ничего хорошего вам не желаю. Такого класса, как ваш, у меня никогда в жизни не было, и, надеюсь, никогда больше не будет. Считаю вас конченными людьми. Всем юношам место в тюрьме, а девушкам – на панели. Буду удовлетворена, когда узнаю, что все вы – до одного – плохо кончили. Никаких благодарностей от вас мне не надо, подарков я не приму». После этого она спокойно сошла со сцены и по красной дорожке, проложенной между двумя рядами кресел, печатая шаг, прошла сквозь зал и исчезла за дверью. Больше мы ее не видели.

Кстати, школа была не захолустная, а элитарная – английская, передовая, одна из немногих в Петербурге. У нас учились дети известных артистов, ученых, режиссеров и прочих капитанов дальнего плавания, наряду с отпрысками простой трудовой интеллигенции – во всяком случае, совсем уж шаромыжников к концу десятого не осталось – отсылились раньше...

Иных уж нет, а те далече... Маняши тоже нет. А напутствие ее застряло занозой в моем сердце. И, наверное, не только в моем.

- Ну, если в этом классе учился ты... То она была, прямо скажем, в своем праве, – уничижительно усмехнулась Маша. – Но вообще, это Поступок, да.

- Знаете, случалось, и мне хотелось сказать какому-нибудь классу на выпускном что-то подобное – особенно, когда молодой был и горячий... Но нет. Не решился на такой поступок. И слава Богу. А то бы до сих пор ночей не спал, – задумчиво произнес Станислав.

- Это не Поступок, а подлость и гнусность, – сказала Татьяна. – В вашем классе, наверняка, не все были такие, как... как вы. Большая часть ее не изводила и не третировала, скорей всего. Хорошие-то ребята за

что такое напутствие получили?

- И я не понимаю, – согласилась Оля Большая. – Нельзя так молодежь во взрослую жизнь проводить, ведь это своего рода проклятие. Оно и сработать могло...

- Незаслуженные проклятия возвращаются на голову проклинающего, – заметил ее муж. – Не удивлюсь, если она умерла рано и мучительно.

- Точно, – удивленно ответил Борис. – И до пенсии не дотянула. Вы что, думаете, ее – это... Оттуда? – он показал пальцем в потолок.

- Не знаю, не наше это дело, – вздохнул учитель. – Лучше давайте дальше. Митя, команду!

Король спохватился:

- Мама, может, ты следующая?

Татьяна кивнула:

- Эта история заслуживает быть услышанной... На самом деле, я уже многим ее рассказывала. Когда ты был еще у меня в животе, я однажды лежала в больнице на сохранении, потому что во время беременности у меня стало скакать давление...

История четвертая, рассказанная матерью двоих детей Татьяной о том, как двум женщинам все пророчили скорую смерть, а они взяли и родили здоровых малюток.

В палате простой московской больницы нас было восемь человек. И с нами лежали две женщины с двадцатинедельной беременностью, то есть, полсрока отходившие. Да какие женщины... Девчушки лет по девятнадцать-двадцать – не больше. Обе они были замужем и хотели детей. Только вот одна из них имела целых четыре почки вместо двух, а другая – какой-то сложный порок сердца.

Всех нас как-то лечили, готовили к родам, старались, чтобы нашим, пока находившимся у нас внутри деткам было лучше. Делали уколы, давали лекарства...

Но только не этим двум беременным. Их никто не лечил, их беременность сохранять не пытались. Каждое утро в нашей палате начиналось одинаково. Входил лечащий врач и заведующая отделением. Вдвоем они останавливались над кроватями этих молодых женщин и рассказывали им, как те максимум через пять месяцев умрут. «С такими патоло-

гиями, как у тебя, не рожают! – громко и раздраженно повторяли они каждой из них. – Это неминуемая смерть в родах или сразу после! Но, скорей всего, до! Вот бумага, подписывай прерывание беременности! И мы сразу несем капельницу! Мы не хотим отвечать, если ты тут умрешь в отделении! Пойми, твоя беременность все равно обречена! Но чем раньше ты согласишься – тем лучше для тебя!». Обе держались, как арестованные на допросе: «Нет. Нет. Не подпишу». Дошло до того, что заведующая в сердцах крикнула одной из них: «Сейчас дадим наркоз прямо в палате, погрузим на каталку и увезем!». «Не имеете права!» – крикнула девочка. «Да, – поджала губы заведующая. – К сожалению, пока еще не имеем...». Та, что с четырьмя почками, после этого сбежала из больницы. Паспорт в той больнице почему-то при поступлении отбирался и возвращался при выписке. Так вот, ей паспорт не отдавали – она через неделю пришла за ним с полицейским! Другая же, по имени Света, еще лежала в палате, когда выписывали меня. Накануне вызвали к заведующей ее мужа – и пришел юный морской офицер, лейтенант, почти мальчик. Выйдя из кабинета, он рыдал, не скрываясь. Потом они сидели в коридоре на диванчике, он все так же плакал, целовал ей руки и убеждал сдать. Проходя мимо, я слышала, как он говорил: «Если хочешь – возьмем малыша из Дома малютки! Но я не переживу, если с тобой что-то случится!». «Нет, нет», – отвечала она, хотя сама тоже плакала. Такая маленькая, худенькая, бледная... И такая стойкая.

Я встретила ее через четыре месяца в роддоме, в послеродовом отделении. Она родила сама, здорового мальчика. Роды были легкие, хотя вокруг, как она рассказывала, стояла «вся дежурная бригада и начмед с главврачом». Хорошо, хоть гроб рядом с акушерским креслом заранее не поставили... Я спросила, не знает ли она про Гулю (ту, с четырьмя почками). И оказалось, что Гуля как раз выписывалась, когда только что родила Света. И тоже родился здоровый мальчик, только Гуле сделали кесарево в тридцать восемь недель. Уходила она здоровая и счастливая...

Они рискнули и победили. Вот это действительно Поступки, а не то что... – Татьяна кинула выразительный взгляд в сторону откинувшегося в тень Бориса.

- А вы еще говорите, что Бога нет, и ругаете своего сына за то, что у него верующий товарищ, – сказал Станислав.

- Причем здесь Бог? – удивилась Татьяна. – Девчонки проявили смелость и упорство ради своих детей, рискнули собой...

- И Бог их за это помиловал, – тихо закончила Оля Большая. – Я всегда знала и чувствовала, что Он любит именно таких – отчаянных... Тех, которым все говорят: «Это невозможно!» – а они делают и побеждают.

- Ой, – досадливо махнула рукой Татьяна. – Давайте не будем в эту плоскость все переводить. Так все человеческие заслуги можно на Бога списать.

- Можно и нужно, – кивнул Станислав. – Сказал же Он: «Без меня не можете творить ничего».

- Надо же, какой упрямец, – попыталась улыбнуться Татьяна. – Вот сидите тут, и ждите, пока Он вас от чумы помилует за ваше упрямство.

- А я и жду, что мне еще остается, – легонько дернул плечом Станислав. – Вижу, моя очередь рассказывать.

История пятая, рассказанная христианином Станиславом, о мальчишке, который больше не смеялся.

Был у меня десять лет назад друг Иван... Ну, как друг... Насколько может человек, родившийся за десять лет до войны в Ленинграде, быть другом человеку, родившемуся в конце семидесятых в Москве? Он приходил к нам в школу, выступал перед старшеклассниками со своей книгой про войну и ленинградскую блокаду... Потрясающая то была книга – непричесанная, совершенно правдивая...

Когда началась Блокада, я навсегда перестал смеяться – эти слова автора предваряют первую главу. А мальчику было-то всего десять лет...

Книг о блокаде Ленинграда написано великое множество. Едва ли не каждый выживший или вырвавшийся брался за перо – и все равно мы, не пережившие эту трагедию, полностью представить ее себе не в силах. Тем драгоценнее для нас каждая деталь воспоминаний очевидца – нет, свидетеля! – потому что суд еще не окончен...

Опыт Ивана определенным образом уникален – потому что это история не просто блокадного – разучившегося смеяться навсегда – мальчишка, но также и маленького солдата, приемного сына пусть не полка, но батальона. В книге описано не пассивное страдание, не попытки выжить любой ценой – а жизнь деятельная, что прямо-таки удивительно,

когда вспоминаешь о возрасте героя книги. Многие москвичи нашего поколения знают, например, о маленькой ленинградке Тане Савичевой. Она писала в дневнике, как страдает, как умирают вокруг нее люди... Но сделать она ничего не могла – ей ведь было только десять лет. Такие маленькие дети обычно полностью зависимы от родителей – а мальчик Ваня убежал на фронт, да еще и ухитрился приносить там ежедневную реальную пользу и даже совершить подвиг: под огнем противника отнес записку на батарею, ошибочно стрелявшую по своим...

Ваня в книге не смеется – но он и не плачет, а также, кажется, ничего не боится. Есть одна странная особенность: автор почти не описывает эмоций – ни своих, ни чужих. Редко у него люди незло ругаются, например, его отчим дядя Гриша, обнаруживший сбежавшего «на войну» Ваню в машине. Еще они грустно улыбаются – это офицеры, отсылающие продукты родным, но уверенные, что те их не получают. Иногда тихо плачут, как соседка умершей семьи комбата. Сам же Ваня не цепенеет от ужаса, когда снаряд попадает в ларек, от которого он только что отошел, не падает с криком на землю, когда другой снаряд рассекает надвое козырек его кепки, и боится лишь споткнуться на темной лестнице о труп соседа... Но мысль о том, что мертвец в подъезде – сам по себе уже есть запредельный кошмар, даже не приходит ему в голову... При переезде через Ладогу, когда другая машина с людьми соскользывает в полынью, и все тонут в ледяной воде – вперемежку узлы, чемоданы, старики, дети, женщины – он просто смотрит назад на то, как барахтаются в воде тонущие люди... Дальше – больше: десятилетний ребенок, когда в эвакопоезде у него умирает младший братишка Вовка, кладет его труп на платформу на станции Воскресенск... Кстати, этот самый «труп» – и название городка, где его оставили... Вот где Пасха-то, а ведь не каждый и заметит! И в довершение, автор почти эпически-спокойно вспоминает: я стал договариваться с соседями, чтобы они помогли мне вынести из вагона маму, когда она умрет. Заметьте: не если, а когда... Это что же должно было произойти с ребенком, едва вышедшим из младшего школьного возраста, чтобы он стал – железный? Или каменный? Или что для этого нужно было с ним сделать? Иван написал: «Мне было десять лет, но мое детство кончилось» – да, конечно, но не только это.

Это какие-то другие были люди – вот, в чем все дело. Люди, способ-

ные совершать большие Поступки каждый в отдельности и, в конечном итоге, совершившие один большой общий Поступок – Победу. Люди, которые могли взять и пойти в Эрмитаж, чтобы лишний раз увидеть его шедевры, пока их не вывезли из города, который вот-вот может быть разрушен дотла, а сами они – замучены или убиты. Люди, долго молившиеся перед едой, а потом степенно евшие непонятное хлёбово из одной миски, стараясь уступить соседу лишнюю ложку, – это старoverеры в прифронтальной полосе, приютившие на ночь Ваню... Раненый солдат, не позволивший Ване перевязать ему рану, пока тот не отнесет записку на батарею, а потом еще его же и утешавший... И даже дед автора – Адольф – перед смертью проклявший своего ненавистного тезку...

Мы не такие. Вот хоть эта чума доказала, как мы измельчали. Я все думаю – неужели же настоящие Поступки остались там, в прошлом? И не нахожу ответа...

- Да, здесь, в Москве, в начале войны тоже... – начала было Татьяна, но была жестоко перебита Борисом:

- Достали уже с вашей Москвой! Когда немец подступал, так из города панически бежали все, кто мог двигаться... Комиссары на казенных грузовиках свое барахло вывозили, а мирные граждане грабили брошенные магазины и мародерствовали. Даже правительство укатило в Куйбышев... Да вам-то что – Москву сдавать не привыкать... Разом больше, разом меньше... Это на нашу землю нога врага не ступала, – он так грозно обвел всех взглядом, что даже дернувшийся было давать отпор Максим счел за благо хмуро от молчаться.

- Но в тот раз не сдали ведь, – тихо сказал Станислав.

- Красиво рассказали, молодой человек. Я будто на уроке мужества побывал, – примирительно улыбнулся Соломонич. – Вот и у меня отец воевал... Больше таких людей не осталось. Все умерли. А наследники их недостойны.

Повисла плотная тишина, только чуть колебался тусклый свет бензиновой лампы. И в этой гнетущей тишине вдруг прозвучал звонкий и веселый голосок Оли Маленькой:

- А мне бабуля рассказывала! Ее мама совсем крошечная была, когда война началась – вот такусенькая! Моя прабабушка. И ее с мамой – ну, с прабабушкиной... отправили в эвакуацию...

История шестая, рассказанная наследницей боевой славы предков Олей Маленькой, о том, как ее прапрабабушка спасала своего ребенка под немецкими пулеметами.

Городок там был маленький, и в нем был завод, где делали какие-то... пушки... А может, танки... И немецкие самолеты часто прилетали и хотели бросить на завод бомбы. Но русские по ним стреляли – и самолеты боялись подлетать слишком близко... Но ведь им же было обидно, что им не дают кинуть бомбы, куда нужно. Вот они и бросали их на город, где жили простые люди, не военные. Тогда завод начинал гудеть так – у-у-у-у! – и все сразу выбегали на улицу и искали, где спрятаться. И мама прабабушки Наташи тоже бежала, а прабабушка была у нее на руках, завернутая в одеяло. А самолеты летели совсем низко – и стреляли из пулеметов по людям, которые бежали. Все искали, где спрятаться, а там была река. На реке росли камыши, и все прятались в камышах. Только вода была очень холодная, потому что почти зима уже наступила, кажется. Там даже лед был тоненький-тоненький – они его ломали ногами и так стояли в воде, пока самолеты кружились над ними и стреляли – та-та-та, та-та-та... Вода была по пояс – вот так. Мама прабабушки держала свою дочку над водой, а сама над ней нагибалась, чтобы закрыть ее, если пули в них попадут. И одна тетенька, тоже из Москвы, и говорит ей: «Что ты ребенка спасаешь, себя спасай. Подними ее лучше над головой. Если попадут – то прикроешься. Она все равно еще ничего не соображает, а на небесах ее ангелом сделают. А ты после войны других родишь, сколько захочешь». Сама она так и делала. Ее ребенка убили, и она сунула его в камыши. А мама прабабушки ее все равно не послушалась – и закрывала дочку от пуль, хоть и было очень страшно... И ноги под водой уже отнимались от холода... А потом прабабушка выросла, родила дочку, и та дочка тоже потом родила дочку – мою маму, а мама родила меня.

- Все поняли? – громко и вызывающе спросил Король. – Нет, говорите, у них наследников? А это кто? – он твердо положил руку на плечо младшей сестры.

Взрослые потрясенно переглядывались.

- И зачем только бабушка такие ужасы рассказывала... – пробормотала Татьяна. – Ребенок ведь от страха заболеть мог...

- Как видишь, не заболел, зато растет человеком, – сказала Маша. – Я считаю – правильно. Нечего их в розовом саду воспитывать. Пусть знают. Пусть прививку получают. Ничего, переживут. У нас гены сильные.

- Нет уж. Я предпочитаю детей на добрых сказках воспитывать, – покачала головой Татьяна. – А то еще будут им кошмары сниться...

- Угу. И на фильмах ужасов, – подал голос из тьмы Борис. – Не волнуйтесь, уж что-что, а кошмары современным деткам не страшны. Их и на голубом экранчике хватает.

- Знаете что, – почти крикнул Митя. – Хоть сегодняшней день нашего Декамерона еще не закончился, а я уже назначаю Королеву на завтрашний день. Свою сестру!

- Ура! Я знаю, что мы будем завтра рассказывать! Страшные истории! – возбужденно заерзала его сестренка.

- Вот! Я же говорил! – констатировал Борис. – Ну, этого-то добра...

- Господа, господа, господа! – призвал Король. – Второй день еще только в середине. Марк Соломоныч, может, вы теперь расскажете?

- Да я что, я – всегда пожалуйста, – с великой охотой выдвинулся в круг света старик. – Только я не буду о войне, потому что она слишком драматична для этого подвала. Хватит нам драм и в жизни, я так думаю. Я вам расскажу, как надо бороться, пусть даже поступки кажутся не большими, а маленькими... Лет тридцать назад я сильно поранил руку, мне ее зашили и положили меня лечиться в институт травматологии...

История седьмая, рассказанная стариком Соломонычем, о том, чем и как нужно лечить физические и моральные страдания.

Стоял необычайно жаркий июль, и наши раны плохо заживали. У нас в палате, к счастью, безнадежно покалеченных не оказалось – все мы были из серии «Больно, но поправимо». Но стоило выйти в коридор... Там, например, взад-вперед ходила молодая женщина, которая уже после окончания рабочей смены на кондитерской фабрике домывала машину, предназначенную для измельчения орехов. По чьей-то халатности машина вдруг включилась, и женщина за долю секунды лишилась половины кисти правой руки. Кстати, тот факт, что смена уже кончилась на тот момент, лишал ее травмы определения «производственная», а известный кондитерский бренд таким образом избавлялся от необходимо-

сти оплатить лечение пострадавшей и выплачивать ей крупную сумму компенсации... Там читал газету счастливый отец, выдававший замуж дочь и по случаю знойного лета устроивший ей свадьбу в загородном доме на свежем воздухе. Гостей оказалось больше, чем предполагалось, и, чтобы рассадить их за длинный стол, предприимчивый хозяин решил наскоро соорудить две длинные скамьи. Для этого он стал распиливать циркулярной пилой доску... Ну, и все – пальцы привезли вместе с ним в полиэтиленовом пакетике. Пришили – и теперь он все гадал, приживутся ли...

А уж в огромном больничном саду... Он, между прочим, граничил с продуктовым рынком, и оттуда через широкий пролом в заборе бесперебойно поступало с «ходячими», как минимум, пиво... Так вот, там можно было пообщаться, например, с молодым человеком, которому отрубленные пальцы обеих рук приживить не смогли. Вместо них, чтоб хоть что-то у парня на руках было, пришили пальцы его же ног. Всю эту конструкцию, уже лишённую бинтов, но закреплённую на палочках от мороженого, игравших роль шин, можно было беспрепятственно наблюдать, когда он пил пиво, сжимая банку запястьями... Там прогуливалась иногда бабушка лежавшей в реанимации восемнадцатилетней внучки, которая ехала в такси – а такси взяло и упало вниз с виадукса...

Так вот, все эти люди постоянно смеялись. Хохотали. Над бородачатыми анекдотами. Над незатейливыми байками из жизни. И даже над собственными несчастьями. До слез хохотали. И после отбоя не смолкал смех в отделении – но умные дежурные сестры не шугали больных по палатам. Они даже делали вид, что не замечают, как, пополам складываясь от смеха, люди потихоньку курили в закутках у настёжь распахнутых окон. А снизу, с мелкого озера за оградой, куда по ночам многие бегали купаться, доносился залихватый девичий смех... Это, выставив искалеченную забинтованную руку, плыла на спине та самая девушка с кондитерской фабрики. Ее мама, сидевшая с маленьким внуком, пока дочь в больнице, еще думала, что та просто сильно порезала палец, и ей наложили швы...

Днем и ночью из всех палат летел смех – то густой мужской, то звонкий женский... Я ходил по коридору, нянчил, как все, свою загипсованную руку и думал: какие сильные и хорошие люди живут в нашем городе. И в стране. Пока мы можем так смеяться в институте травматологии, что нам какая-то чума?

- Слушай, Соломоныч, да ты патриот, никак? – изумленно протянул Макс. – А я-то думал, кончится здесь вся эта байда – и ломанешь к своим в Израиль – только тебя и видели.

- Я советский человек, – тихо сказал старик. – В Москве родился, в Москве и умру. Отец мой отсюда воевать ушел, корреспондентом. Куда я поеду, там все чужое... Вот у Олечки – прабабушка войну застала – и то грудным ребенком, а у меня – родной отец сам воевал. Представляете, какой я старый?

- Правильно, Марк Соломонович, только все равно ведь история ваша была о грустном – как люди болели, мучились, выживали... – сказала Оля Большая. – И правда, – когда тебе ампутировали пол-ладони, сбежать из больницы ночью купаться в озере, да еще хохотать там – это Поступок... И когда тебе пальцы ног на руки пришили – анекдоты травить... Это Поступки, конечно. Причем, не только для себя. Но и для тех, кто еще не пришел в себя, кто слаб, нуждается в поддержке... Но я сейчас расскажу о другом поступке. И рассказ будет смешной... почти. О том, как один мужчина – не ревнуй, Стас, я осталась тебе верна – решил меня завоевать лихим наскоком.

История восьмая, рассказанная верной женой и любящей матерью, кандидатом филологических наук Олей Большой, о том, как настоящий мужчина использует девиз «Veni, vidi, vici».

Конец нулевых, вагон метро, мне лет тридцать, я в модной кожаной куртке и хороших джинсах, на шее – яркий шарф, на лице – макияж, в руках кожаная сумочка красного цвета. Да, да, я не всегда была такая... утонченная... Но все-таки, надеюсь не было во мне ровно ничего такого, чтобы принять меня за женщину, жаждущую случайного знакомства. Захожу в вагон на конечной станции, устраиваюсь у стеночки, утыкаюсь в книжку... И тут на соседнее место – притом, что еще полно свободных по всему вагону – садится мужчина лет на пятнадцать старше, с внешностью потрепанного интеллигента: брюки и ботинки из прошлого века, очень поношенные, куртка из болоньи, на тот момент примерно лет тридцати с момента покупки, в руках – огромный и пухлый рыжий коленкоровый портфель – такие можно увидеть только в фильмах про семидесятые годы прошлого века (в восьмидесятых уже стеснялись, носили аккуратные «дипломаты», если кто помнит). Лицо

помятое, щетина трехдневная, сам давно не стриженный, кажется, даже чем-то немытым припахивает... Мне показалось, что он хочет попросить денег, но стесняется, поэтому выбрал девушку поприличней и с интеллигентным лицом – такая может, и не отошьет... Сразу решила: дам ему пятьсот рублей, он ведь не нищий, а просто обстоятельства у человека... И вдруг совершенно спокойным и уверенным голосом этот «несчастный» обращается ко мне с такой речью: «Девушка, вы где выходите? Впрочем, какая разница... Я – на «Автозаводской». Выходим вместе и идем ко мне, там рядом». Я так изумилась, что не нашла слов, просто повернулась и с минуту тупо смотрела ему в лицо. Нет, не псих. Глаза смотрят на меня без тени смущения. Мужчина трезвый – абсолютно. Молча встаю и намереваюсь уйти в другой конец вагона, потому что ситуация даже не абсурдная, а даже уже за гранью абсурда...

Но тут наш ловелас поднялся во весь свой полутораметровый рост, заградил мне дорогу и... Знаете, он не спросил меня, а именно спросил – с глубокой обидой, изумлением, даже оскорблением в лучших чувствах: «А почему это вы мне отказываете?! С какой стати?!». Я вторично онемела. Иногда действительно торопеешь так, что язык не шевелится. Нет, я, конечно, могла бы нахамить, послать – не в этом дело. Тут был не рядовой пристава, которого можно и нужно «отшить», а именно человек, решившийся на Поступок – завоевать с места в карьер красивую женщину, вопреки своему скромному достатку, возрасту, внешнему виду – и уверенный, что его оценят и поймут! «Нет, вы объясните!» – настаивал он, не давая мне пройти. Я просто попросила сидевшего неподалеку спортивного молодого человека оградить меня от домогательств, и тот одним движением выбросил моего ухажера на платформу в закрывавшиеся двери...

- Точно, псих был, – пожал плечами Макс. – С манией величия. Кстати, если уж речь зашла о любви... Я вам, девчонки, скажу, как совершить поступок с большой буквы, когда тебя бросил мужик. У меня есть сеструха, которая, как вот наша Маша, три раза выходила замуж, а уж любовников... – он закатил глаза, словно обозревая бесконечность. – Но она не какая-нибудь там, а всегда по-настоящему, ну, в общем, серьезно... И страдала, если что. И особенно ее мучило, что у них, мужиков ее, всегда все хорошо: оставил ее у разбитого корыта, а сам ушел в рассвет, насвистывая. И не оборачивается, гад... Все спрашивала меня:

как им отомстить, гадам? Чтоб жизнь медом не казалась? Теперь она уж пятый десяток заканчивает, сын ее, племяш мой, бизнес свой имеет. А сеструха поумнела... То есть, нет, не поумнела, а помудрела, так сказать. Той настоящей женской мудростью, которую мы, мужики, боимся. Честное слово. Да вот, если хотите, я вам расскажу, в счет рассказа о Поступке – как бы от ее имени. Какого вашего, бабы, Поступка с большой буквы нам не вынести.

История девятая, рассказанная примерным мужем Максом со слов его сестры о том, какой Поступок нужно совершить женщине, чтобы наверняка отомстить бросившему возлюбленному.

Когда отношения грубо разорваны, и ты испытала измену, предательство, а иногда и вообще зверское обращение, ты часто сталкиваешься с тем, что у него-то, негодяя, доставившего столько мук, все в порядке! Он никак не наказан, живет себе припеваючи, новая пассия уже заглядывает ему в глаза, дела вдруг пошли в гору... И приходит вполне закономерное недоумение: где справедливость?! Почему ты, такая вся из себя хорошая, так невыносимо страдаешь? Где обещанное наказание свыше, где сказочный конец, когда «добро торжествует, а зло наказано»?

И вот уже подкрадываются мысли о мести. Ударить в самую больную точку. Сжечь, к чертям, его новую дорогую машину. Выкрасть важные документы, без которых он разорится. Выдать страшную тайну недоброжелателям или конкурентам. Или вовсе – облить кислотой соперницу и сесть надолго в тюрьму, где среди тягот неволи точно позабудешь о несчастной любви. Одна сеструхина знакомая вдребезги разбила частный стоматологический кабинет, где трудился предатель. Вишенка на торте: в кресле сидел с раскрытым ртом и выпученными глазами пациент; его она, конечно, не тронула, но в суде он потом проходил свидетелем.

Можно провернуть что-нибудь и не уголовно наказуемое... А удовлетворения – ноль. В лучшем случае – минутное злорадство. А потом наступит последствия – те или иные...

Но есть один жестокий и беспронимательный способ – вот только возможен он не сразу, а спустя время. Для этого нужна нешуточная сила и способность к восстанию из пепла, так сказать... Короче – Поступок.

Это если ты снова влюбишься, причем, счастливо. Оговорюсь: завести показные шашни специально, чтобы вызвать ревность бывшего, – не подействует. Потому что настоящее чувство видно сразу, его ни с чем не перепутаешь. Тут нужно именно летать и светиться, так, чтобы все знакомые видели... Вот это будет удар.

Дело в том, что брошенную им женщину любой мужик считает своим «запасным аэродромом», где всегда зажжена для него взлетно-посадочная полоса. Это во-первых. А во-вторых, самолюбие не позволяет ни одному из нас допустить, что его могут бросить. Мы – пожалуйста, сколько угодно. Индеец Вини-Ту носит на поясе скальпы и гордится ими, потому что это его победы. Сколько раз мы говорили о брошенных бабах: «Да кому она нужна теперь!»; «Да она только и ждет, чтобы я ее пальцем поманил!». Помню реакцию одного моего приятеля, когда ему рассказали, что покинутая им девушка родила малыша от прекрасного мужа. «Она его не любит!!! Она вышла за кого попало просто от одиночества!!!» – с ходу выпалил он, даже не попытавшись расспросить о подробностях. Бывшая ему давно была и даром не нужна – но обязана ждать до гроба с зажженной свечой, а замужеством нанесла оскорбление и тяжкую рану. Шурин мой – Катюхин братан – изменял жене несколько раз, повторяя: «Умная женщина этого не замечает, чтобы сохранить брак», – но, когда она бросила его сама, устав от издевательств, и ушла к другому, – он буквально на коленях уговаривал ее родителей повлиять на дочь, чтобы она вернулась, клялся в любви, писал страстные письма... Жена поддалась и была наказана: уже через три месяца, водворив ее в свой дом обратно, он, как ни в чем не бывало, завел очередную шалаву... Тогда она ушла уже навсегда – и, когда выходила замуж за другого, бывший пытался сорвать их свадьбу, устроив глупый и жалкий скандал в Загсе. «Она – моя! – вопил он на глазах гостей и родственников. – Не позволю какому-то проходимцу ее забрать!».

На работе у нас одна тетка говорит, что у нее одно из самых приятных воспоминаний в жизни – рев цинично бросившего ее мужика, узнавшего о свадьбе бывшей любовницы: «Замуж вышла????!!!» – протрубил он, как мамонт, когда услышал новость. При этом побелел и дико вращал глазами.

Так что отложите месть, девчонки. Не выпрыгивайте из жилетки. Не рискуйте своим будущим. Подождите. И совершите свой главный Поступок – полюбите по-настоящему. Сделайте так, чтобы он об этом уз-

нал, – и поверьте, реакция окажется потрясающей! Если только вам это еще не будет все равно...

Борис громко хмыкнул и смущенно замотал головой, но смолчал. Женщины хихикали, единогласно соглашаясь, одобрительно мычал Солomonыч, Оленька сладко спала на руках матери – и только Митька, чье царствование подходило к логическому концу, умоляюще смотрел на Катюшу, которая, обхватив руками локоть мужа, весь вечер просидела, грустно положив голову на его плечо. Она поняла его взгляд и тихо заговорила:

- Да, я тоже расскажу, конечно... Только вы тут много говорили о настоящих женщинах, об их поступках... А я хочу рассказать о настоящем мужчине, который не стеснялся прыгать зайчиком...

- Зайчиком? – удивился Макс. – Настоящий мужик? Хм... да... Ну, давай...

История десятая, рассказанная умной и чуткой женщиной Катей, о том, как человек остается верным своей мечте, хотя его и осуждают.

Были у меня два дяди, один их которых – да, представьте себе – служил в ГРУ, жил в советской Эстонии. Особых высот не достиг, но работа его, в основном, заключалась в том, что он выполнял обязанности курьера между Центром и нашей зарубежной резидентурой. Подробностей он, как положено, не рассказывал – а вообще был «настоящий мужчина»: серьезный, положительный, уважаемый. Другой дядя – первому двоюродный брат – работал артистом в одном из детских театров Москвы, куда однажды и пригласил своего приехавшего погостить родственника.

Непосредственно из театра тот приехал к нам домой, где мои родители ждали его за накрытым столом.

Возмущению доблестного офицера, побывавшего на детском спектакле, не было предела: «Что это за мужик, которому полтинник стукнул – а он по сцене зайчиком скачет!!! С белыми ушками!!! – от его громового голоса звенели хрусталики на люстре. – Не мужчина это!! Не мужчина, а позор всему нашему роду!!!»

В моем детстве в электричках подрабатывали студенты – кто чем, но,

бывало, пели. Однажды, когда при нас с мамой в вагон зашли два парня и заученно исполнили под гитару какой-то тогдашний шлягер, – кстати, кажется, довольно профессионально спели, без халтуры, – рядом с нами до глубины души оскорблен был мужчина лет пятидесяти с обожженным лицом: «Я в БТРе горел в Афгане! А эти два пидора тут на гитаре тренькают! Мужик в армии место! Или хоть на заводе! А так мужчине стыдно зарабатывать!»

Но я считаю, что мечта человека не зависит от того, мужчина он или женщина. И, если ты верен своей мечте, когда все кругом против, и вообще – крутят пальцем у виска, то ты – настоящий человек и мужчина. И совершаешь Поступок. И дело, которое ты выбираешь, должно быть любимым, а ты должен быть счастлив им. Потому что может так случиться, что другого счастья в жизни вообще не будет. Ни любви, ни семьи... Бывает ведь? Бывает... Пусть ты хоть зайчиком скачешь, хоть бабочкой летаешь...

Я знаю мужчин очень сильных и надежных – при этом обладателей совершенно «бабьих» профессий. Меня много раз пытались уверить, что это – извращения. Уверяли, конечно, мужчины. Интересно – они все так думают?

- Конечно, не все! – почти обиженно выкрикнул Станислав. – Я, например, в нашей гимназии единственный мужчина-учитель. И ничего.

- А я все-таки считаю, что мужик должен быть мужиком. Это я как мать сына говорю. И профессию иметь соответствующую. Бизнес серьезный. И вообще... Ну, мужчина-учитель тоже может быть, – снисходительно посмотрела на него Татьяна. – Вот Митька подрастет, и отец сделает его своим компаньоном.

- Если тот захочет... – тихо уронил Стас.

- Куда он денется! – махнула рукой Татьяна. – Зря мы его, что ли, в частном лицее учим, да и университет уже выбрали.

- Давайте сначала выживем, – спокойно напомнила Оля Большая.

Тем временем Макс, отодвинувшись от Кати, внимательно вглядывался ей в едва освещенное лицо, будто узнавал заново.

- Ты... ты мне не говорила... Что тебе нравятся такие мужики... мужчины... – шепотом выдавил он.

- Дурачок, – бледно улыбнулась она. – Мне нравишься ты. И уже очень давно... А дядю моего и других... Ну, их я просто уважаю...

- Слушайте, господа, а ведь поучительный день у нас сегодня получился – спасибо тебе, Митя, уважил! – улыбнулся Станислав. – Надо же, какую тему... высокоморальную поднял. Я-то поначалу и не постиг всей ее глубины, а теперь вижу: непростой ты парень. И хороший... Только знаешь... – он понизил голос, покосившись на мать мальчишки: – Как настоящий мужик, не изменяй мечте, если что... А это будет трудновато в твоём случае... Так мне кажется...

Юноша поднялся:

- Ну, господа... – он обернулся на Соломоныча: – ...и товарищи. Мое царствование благополучно закончилось. Как говорится, всем спасибо. А пока вновь избранная Королева почивает, я напоминаю вам ее приказ: завтра все мы рассказываем страшные истории...

Третий день Декамерона, в который рассказываются страшные истории.

В этот день в подземном королевстве состоялся праздничный ужин по случаю удачного ограбления уцелевшего подвала сожженной соседской дачи. Если чью-то деликатную душу и терзали небольшие угрызения совести, то высказывать их вслух казалось неуместным: готовить горячее было уже почти не из чего, птичьи порции картошки с тушенкой на обед, жаренные с сахаром яблоки на завтрак, гречневая или пшенная каша без масла на ужин, притом, что от хлеба давно уж не осталось ни крошки, – все это внушало карантинникам нешуточное уныние. Поэтому, когда у кромки леса остановился Макс со джипом, под крышу груженный ящиками с соленьями, вареньями и маринадами, несколькими мешками отборного лука и картофеля, то Митя с сестрой, их мама, Маша и Соломоныч, ожидавшие на опушке, встретили его варварским ревом восторга.

- Там, представьте, штук шестьдесят литровых банок с индюшатиной есть. Забили своих красавцев, да мясо не все в город увезли. И еще полно всякого добра. Стас с Борисом достают пока, а я вот первый рейс сделал, – бодро доложил прапорщик в отставке. – Но главное... – красивым движением он откинул мешковину с заднего сиденья – и все увидел пятилитровую бутылку домашнего черносмородинового вина.

- Залог вашего... нашего... русского веселья, – сдержанно проком-

ментировал Соломоныч.

- Так, бабы, тяжелого не поднимать, берите что полегче и носите потихоньку, а картошку и бутылку я сам отволоку, – распорядился Макс, лихо вскидывая на плечо здоровенный мешок. – И ты, Митя, тоже ящики целиком не хватай.

На месте он красиво нырнул в открытый люк, чтобы организовать Катю и Олю Большую для приемки спускаемого провианта, загнал им в помощь сопротивлявшегося Митю, но картофель и вино отнес на кухню самолично.

После третьей ходки вернулись и Стас с Борисом, так что отгрузка прошла легко и весело, как в мультфильме, – только и слышалось: «Майна!» – «Вира!», и скоро вся кухня, на которой последние дни незаметно начал верховодить Соломоныч, постепенно вытеснявший Большую Олю на второй план, оказалась завалена весьма аппетитными на вид припасами.

- Надеюсь, что мы не успеем все это съесть, – всплеснула руками, обзрев в полутьме гору продуктов, Татьяна.

- Вы имеете в виду – мы умрем раньше? – деловито поинтересовался Соломоныч.

- Я надеюсь, старый дурак, что мы отсюда вылезем здоровыми и уедем в Москву, где к тому времени уже эпидемия либо сама кончится, либо найдут лекарство от этой заразы! – грубо крикнула дама. – А ваш черный юмор поберегите для одесских анекдотов! У меня дети здесь, между прочим!

- Танечка, простите меня, я не подумал, – смиренно отозвался еврей. – Хотите, я встану перед вами на колени, чтобы вы простили? Конечно, дай Бог вам и вашим детям остаться живыми... Как и моим. В конце концов, не зря же я слышал шофары... – спохватившись, он быстро прикрыл себе рот рукой.

Татьяна с подозрением глянула на него, но ничего не сказала, убежденная в том, что старик немного «повернутый».

Ужин со сладким вином, горячей индюшатиной, вареной картошкой в изобилии, маринованными кабачками и помидорами, за которым последовал чай с настоящим клубничным вареньем и утонченным желе из красной смородины, прошел почти весело – во всяком случае, шутил даже Борис. Его унижительное положение всеобщего нахлебника после доставки чужой еды, на которую все имели равные права, – вернее,

равно не имени никаких прав – теперь закончилось, и он мог занять подобающее место в коллективе...

Но еще не доели сладкое, как Оля Маленькая, ни на минуту не забывавшая о том, кто здесь сегодня по-настоящему главный, принялась незаметно толкать свою маму в бок и умильно заглядывать ей в лицо.

- Ну, хорошо, – сдалась, наконец, та. – Господа, тут у нас новая принцесса слова просит.

- Я не принцесса, а королева, – обиделась девочка. – Королева главнее принцессы! Почему Митя был король, тетя Оля была королева, а я – только принцесса?!

- Потому что ты маленькая, – сделав классическое «лицо мудрого педагога», отрезала Татьяна. – Если хочешь что-то сказать взрослым – можешь начинать.

- Для меня ты королева, – поспешил наладить мир Станислав. – Приказывай.

- Я приказываю дяде Стасику рассказать страшную историю! – не замедлила Королева.

- Что ж, это можно... Моя история будет короткая, но действительно очень страшная. Вот вы знаете, коллеги, каково это – стоять под прицелом? Я тоже не знаю, хотя под прицелом стоял.

Общество заинтригованно притихло, желая узнать, что же это будет за

История первая, рассказанная хорошим человеком Станиславом, о том, как ему довелось постоять под прицелом.

В начале века, когда дети наши были совсем маленькими, зарплаты молодого учителя катастрофически не хватало, а жена еще не вышла из декрета, я подрабатывал репетитором по истории и английскому – его я со школы хорошо знаю, школа английская была... Ездил на дом к ученикам – все-таки живые деньги в карман... Я не мог себе позволить отказываться от каких-то уроков – ведь в тот период на мне держалась вся семья.

И вот однажды прихожу я на урок – и мама ученика, которая ко мне очень хорошо относилась, потому что отпрыск ее, благодаря моим урокам, из двоечника превратился в уверенного хорошиста, буквально бросается ко мне: «Вы не знаете, чего вы в прошлый раз избежали! Мы

так переволновались за вас!»). Оказалось, прямо в их доме на чердаке поймали подростка с охотничьим ружьем. Он выстрелил в постороннюю женщину, стоявшую на остановке в ожидании тэшки – о своей машине я тогда еще и не мечтал, скакал с тэшки на тэшку. И случилось это прямо после моего ухода, причем, остановка была именно та, с которой я всегда от них уезжал. И я вспомнил! Я вспомнил ту женщину – мы стояли с ней вдвоем и перебрасывались фразами на тему о том, как редко ездят маршрутные такси! Она ждала не тот номер, который я, – мой пришел раньше, и она осталась на остановке одна. В эти минуты и раздался выстрел... Раненую в тяжелом состоянии увезли в больницу.

Позже в районной газете напечатали подробности. Оказалось, тот подросток не целился в кого-то конкретного – как он потом сказал в милиции, он просто «баловался»... Решал, в кого из нас выстрелить, переводя прицел с одного на другую... Мне повезло – я успел уехать, а женщина нет. Не знаю, выздоровела ли она потом, этого в газетах уже не напечатали – но под прицелом, выходит, мы стояли вместе.

Вот что такое жизнь, которая в любой момент может просто так обрваться...

- Ничего себе! И ты мне не сказал! – воскликнула Оля Большая в оглушительной тишине.

- Ты детей грудью кормила в то время. Как я мог? Да и позже незачем было, сам старался особо не вспоминать. Сейчас вот, когда кругом все много страшнее, уже можно рассказать, – опустив глаза, ответил он.

- Господа, я еще раз напоминаю, что здесь дети, и они могут... – постучала пальцем по краю стола Татьяна.

- Да хватит уже со своими детьми! Жизнь – сама по себе страшная штука, пусть сызмальства готовятся! Уволокут нас всех отсюда в обсерваторы – мужской, женский и детский – вот, где всем страшно будет, – раздраженно сказал Борис – и, как ни странно, никто ему не противоречил.

- Тогда я тоже расскажу, то, что не рассказала тебе, не захотела травмировать хрупкого мужчину. Меня однажды хотели съесть. Причем, не так давно, лет семь назад всего, – обернулась к мужу Оля Большая.

- Людоеды?! – засмеялась и захлопала в ладошки Оля маленькая.

- Да, Оля, именно, – безжалостно подтвердила женщина.

И так была начата

История вторая, рассказанная уцелевшей женой уцелевшего мужа, о том, как ее чуть не съели людоеды.

Всегда я считала себя человеком осторожным – в смысле обеспечения личной безопасности, как ее принято понимать. Не перебегаю дорогу перед транспортом, не открываю двери квартиры незнакомым мужчинам и женщинам, не сообщаю по телефону паспортные и прочие данные, не диктую коды из смс, запираю изнутри двери машины, не ношу смартфон в кармане (вернее – один раз положила еще старый телефон – так его через пять минут украли), не... не... не... И, как теперь вспомнила, прекрасно ухожу с улицы с незнакомыми людьми.

Это произошло в чудный весенний день. Я вышла из парфюмерного магазина на Калининском проспекте и на минуту остановилась, раздумывая, куда пойти, – и тут ко мне подошла маленькая и худенькая женщина лет тридцати пяти, очень бедно одетая, почти как нищая. Мне показалось, что она сейчас попросит денег, я почти полезла в карман. У меня принцип такой: стоящим в переходах нищим-профессионалам и работающим в метро – не подавать, но всегда дать хоть монетку тому, кто просит лично у меня, потому что в любой момент под видом нищего может подойти к нам Бог. Но женщина не просила денег – она просила помощи, протягивая замурзанную бумажку, на которой был нацарапан адрес и имя-отчество – «Нина Петровна». Попросила показать, где этот дом, причем, пояснила: «Я глупая...» – и, застенчиво улыбнувшись, показала на свою голову. Мне сразу показалось, что это умственно отсталый инвалид: женщина говорила, как ребенок, делала детские жесты, имела детскую мимику, детский взгляд... Как не помочь несчастной! Я стала обстоятельно объяснять, как пройти к нужному зданию, – оно располагалось за тем, в котором был магазин, у которого мы стояли. Женщина жалко улыбалась и повторяла: «Не понимаю... не понимаю...». Когда я совсем отчаялась, она вдруг сказала – умильно, по-девчоночьи: «Отведите меня, пожалуйста, а то я не найду...». Времени у меня хватало – да и что, трудно, что ли? Мы пошли. Она молчала, тупо глядя перед собой, слегка косолапя... Пришли к дому, я хотела уйти. Она, как ребенок, схватилась мне за рукав, опять пихая свою бумажку: «Покажите, пожалуйста, где эта квартира!». Я спросила: «Какой там номер?» Она, со стеснительным отчаяньем: «Я плохо разбираю цифры...». Мне совсем ее жаль стало. Бедняжка, такая беспомощная, и одна на ули-

це... Идет, наверно, к доброй женщине, которая обещала ей какую-то помощь... Подвела ее к подъезду, у которого был написан требуемый номер, набрала по ее просьбе код. Домофон стал гудеть, потом дверь без вопроса открыли. «Помогите мне дойти, пожалуйста, а то я не разберу цифры там, наверху...» – держась за ручку уже открытой двери, сказала она.

И знаете, я чуть не зашла. Так мило все было, совершенно безопасный бедный, крошечный человечек рядом; кругом так тихо, мирно, никаких подозрительных личностей... Но у меня внутри как щелкнуло что-то, или даже крикнул кто-то невидимый: «Ты понимаешь, что делаешь?! Ты идешь в чужой подъезд с незнакомым человеком!». И еще – я услышала в ее голосе что-то новое, какое-то торжество, что ли, или удовлетворение... Что-то почти неуловимое... Сразу же я сделала большой шаг назад и твердо сказала: «В подъезд не пойду. Вы прекрасно доберетесь. Квартира на втором этаже. До свидания», – развернулась и быстро пошла прочь. Что-то заставило меня оглянуться шагов через десять – и я содрогнулась: мне вслед смотрело совершенно другое лицо, не то, которое я видела несколько секунд назад. Оно было искажено бессильной злобой, ненавистью, разочарованием – и мне стало абсолютно ясно, что женщина здорова, она никакой не инвалид, а прекрасная актриса, чья задача для чего-то заманивать людей в этот дом.

Я сразу же отправилась в полицию, но дежурный меня не послушал. Сказал – фантазии...

Хорошо бы, если б все так и кончилось. Но примерно через полгода в новостях в интернете я прочитала, что на Калининском проспекте поймана семья настоящих людоедов-маньяков, отца и двух взрослых дочерей: дочери заманивали людей, отец убивал, потом они их готовили, как обычное мясо, с гарниром, и ели. Я почти не сомневаюсь, что чуть не стала их жертвой: то лицо, которое я увидела, обернувшись, меня полностью убеждает. Спас только тот внутренний голос...

- Господи, Леля... – Станислав схватился за голову. – Если б я знал...

- Потому и не знал, – удовлетворенно откинулась она.

- А у нас тут становится все страшней и страшней... – с наслаждением потирая руки, сказал Максим. – Слушайте, да у вас тут на гражданке жизнь тоже, я смотрю, бьет ключом!

Нимало не испуганная Королева Ужаса восторженно подпрыгивала на своем стуле:

- Ой, рассказывайте кто-нибудь, рассказывайте! Только чтобы еще страшнее!

- Хорошо, моя очередь. Расскажу, как мы со вторым мужем одиннадцать лет назад в лес за грибами съездили, – воодушевленно сказал Маша. – И нас чуть не зарезали...

История третья, рассказанная троюмужицей Машей, о том, как на них с мужем хотели напасть в лесу неизвестные люди.

В сущности, все мы постоянно ходим по лезвию ножа. Когда слушаем или читаем о преступлении, – это не про нас: это про каких-то неведомых антисоциальных личностей, у которых сомнительные знакомства и связи, про женщин, путающихся неизвестно с кем, про детей, за которыми не смотрят родители, – а потом удивляются, что их похитили...

Я тоже примерно так жила – до середины сентября две тысячи девятнадцатого года. Тогда мы с мужем... кхм... вторым... вырвались в его дом на Псковщине. Я – с конкретными целями: дописать статью и набрать побольше грибов. По соседству есть большая деревня, окруженная светлым лесным массивом: корабельные сосны, тонущие в ярко-зеленом мху, в котором положено расти моховикам, и участки чего-то, похожего на серебристый ягельник, – вот в нем-то и встречались обожаемые мной белые с толстой ножкой и вишневого цвета жирной шляпкой. Через пару дней решили поехать их поискать.

Путь наш лежал через деревенский магазин – там мы купили что-то из продуктов и вдруг увидели в окно, как подъехал и спрятался за автобусной остановкой полицейский автомобиль. Место там удобное: это перекресток сразу трех сельских дорог, по которым можно уехать весьма далеко. Значит, кого-то ждут... Но нам-то что за дело? Мы – дачники из Петербурга и приехали всего лишь за грибами. Сели в свою машину и отправились в лес. Припарковали ее – неброскую такую иномарку – у обочины дороги, делящей массив надвое, и отправились в знакомые грибные места.

Мы прошли перпендикулярно дороге буквально метров пятьдесят – и разделились: муж нетерпеливо рвался к «ягельнику» за белыми, а я осматривалась в поисках моховиков: обожаю их древесно-канифольный запах... Но грибов не было «от слова совсем». Не успела я огорчиться, как на дороге, там, где мы оставили наш скромный «рено», раздалось

«пи-пи» чужой сигнализации: кто-то вышел из своей машины и заблокировал дверцы. Я несколько удивилась: среди грибников ведь не принято, увидев припаркованную машину, останавливаться по соседству – в таких случаях грибы вокруг, скорей всего, уже собраны, и разумнее проехать дальше. Я остановилась и без всякого страха присмотрелась: среди низких елочек мимо меня, в ту сторону, в которую ушел муж, чью спину я хорошо видела, быстрым шагом шел высокий и крепкий молодой человек в костюме из пятнистой серо-зеленой маскировочной ткани. Вдруг он на ходу засвистел – тем характерным свистом, которым призывают собаку. Это меня совсем успокоило: собачники – люди обычно безобидные. Он почти дошел до мужа – но тот, описав полукруг, стал возвращаться ко мне. Подошел и сказал: «Тебе не кажется подозрительным этот парень? Он призывно свистит, как собаке, – а никакой собаки нигде нет. И влево ушли еще двое здоровенных ребят в чем-то, похожем на форму. Они все без корзин и идут быстро. Мне это не нравится. Те двое словно бы пошли посмотреть, нет ли кого еще в лесу...» Я огляделась и увидела вдалеке среди сосенок две высокие фигуры – но действительно довольно далеко, метрах в двухстах. А первый парень быстрым шагом возвращался в нашу сторону... Мой тогдашний муж – далеко не силач, а про меня и говорить нечего. Я сказала: «Уходим. Тем более, что и грибов нет – только время напрасно терять». В этот момент парень за кустами издал длинную трель, призывая, как мне сразу стало ясно, вовсе не собаку, а своих товарищей. До дороги было уже метров сорок, а там еще канава... Мы быстро направились к опушке – я уже буквально кожей чувствовала смертельную опасность – но, как ни странно, ничего, похожего на страх, не испытывала, только какую-то особенную тревожную взвинченность. Чтобы не испугаться, я смотрела только перед собой – дорога была уже в двух шагах, и я на ходу проговорила мужу: «Бегом вперед, открывай машину и заводи...». Он послушался, тем более что никого не было в непосредственной близости, – и через секунду оказался на дороге, а я перепрыгнула через мелкую канаву, за которой была как бы тропинка на взгорке, кустики и – дорога. И вот тут все тот же парень появился шагах в двадцати от меня слева. Он быстро шел перпендикулярно моей траектории – и его лицо даже сейчас стоит у меня перед глазами. Конкретных черт я, конечно, не успела разглядеть за полсекунды, но точно не урод, не убудок, не отморозок – красивый молодой человек с «хорошим» лицом, большими

светлыми глазами, высокий и широкоплечий. Правая рука была опущена, и у меня на глазах из кулака выскочило лезвие...

Зажмурив глаза, я ломанулась сквозь кусты и прыгнула в машину. Было несколько секунд, когда он мог взять нас тепленькими, – но, видимо, не решился нападать на дороге, где в любой момент кто-то мог появиться. В лесу не напал, потому что поделники, грамотно отсекавшие нас от возможных свидетелей, еще не успели подтянуться: слишком уж быстро мы ушли из леса, они рассчитывали, наверно, что мы будем дольше там бродить... Не рискнул в одиночку, побоялся не справиться с мужчиной – моим мужем.

На следующий день нам рассказали, что полиция неподалеку задержала банду, убившую в районе целую семью и пытавшуюся скрыться на их машине.

У меня нет теперь никаких сомнений, что мы должны были стать двумя следующими жертвами этих ублюдков: им нужно было сменить тачку, чтобы скрыться незаметно, – а наша как раз прекрасно подходила для такой цели. Живых свидетелей они, конечно, не оставили бы... Кстати, та, на которой они приехали, припаркованная напротив нашей, была приметная, ярко-бордовая – поэтому, наверно, их так скоро и поймали...

Некоторые говорили потом, что мы, возможно, ошибались, и ребята в лесу не имели никакого отношения к той банде; нож, дескать, есть у любого грибника – а что без корзин – так может, они спонтанно решили поискать и в кармане имели пакеты...

Не знаю. На нас не напали. Но вели себя более чем подозрительно...

- А что, вполне достоверно, – сказал Максим. – Так все, скорей всего, и было. Ничего ты не ошибаешься. Действительно, ни один грибник не пойдет искать грибы туда, где стоит чужая машина. Так что считай, вы оба в рубашке родились: ребята-то, похоже, грамотные были...

- Слушайте, вы совсем мне ребенка перепугаете! – возмутилась Татьяна. – Она уже ни жива, ни мертва сидит!

- Ну, ма-ма! – запротестовала Королева. – Это совсем не страшно! Чего тут бояться, я что – маленькая?!

- Я лучше знаю, что страшно, а что нет. Вчера ты тоже говорила, что тебе не страшно было там, в овраге... А сама уже полумертвая была от страха, – припечатала ее мать.

- Да-а, если бы все полумертвые так скакали, как она в той канаве... А вот кто точно чуть от страха умом не тронулся – так это мы все, пока ее искали, – улыбнулся Станислав. – Давай, Макс, теперь ты.

- Только пожалуйста! – подняла ладони Татьяна. – Никто не сомневается, что вы видели в жизни много страшного. На войне, и вообще... Поэтому...

- Да нет. Про войну я и сам рассказывать не буду. Потому что там не страшное, а... нет, не ужасное... А то, что за пределами и страха, и ужаса. Не для этой компании. Я расскажу, как пацаном еще, в самом конце советской власти, встретился с палачом. Собственно, о том, как мне впервые в пятнадцать лет стало по-настоящему страшно, – Максим тяжело помолчал несколько секунд, словно мысленно оглядываясь лет на сорок назад, потом поднял голову: – Было это еще, страшно сказать – при Меченом...

История четвертая, рассказанная выдавшем разные виды прапорщиком Максимом, о том, как ему выпал случай разговаривать с кровавым палачом.

Дело было в Москве, прямо перед уже подзабытым путчем. Я, тогда восьмиклассник, томился в травмпункте: сильно подвернул ногу. Весь длинный темный коридор занят был стульями, на которых ждали своей очереди в кабинет врача пострадавшие. Ожидание тянулось часами, гаджетов тогда и в помине не было – поэтому все постепенно перезнакомились с соседями и стали общаться.

Прямо рядом со мной сидела очень старая бабушка – лет девяноста на вид. Она не то вывихнула, не то сломала руку – но не казалась удрученной, держалась бойко, всех подбадривала. Вообще, выглядела очень хорошо для своего возраста. Мы разговорились, и я узнал, что жизнь у бабушки была не сахар: дочь ее попала под машину и стала инвалидом в двадцать пять лет, два внука один за другим пьяными разбились на мотоцикле, но после одного из них осталось потомство: старший мальчик с болезнью Дауна и младшая девочка с детским параличом. Их мать сдала детей в интернат... Такое вот горе. И вообще много чего бабушка перенесла: в войну была эвакуирована, в эвакуации переболела тифом и холерой, два мужа подряд умерли... При этом особых болезней она

не нажила – все, как у всех: давление пошаливает, спина побаливает... Все очень ей сочувствовали, когда узнали о несчастьях, постигших ее семью, говорили ей какие-то хорошие слова... Я тоже.

И вдруг молодая женщина напротив нагнулась поправить свою повязку на ноге, и из разреза ее платья свесился крестик на цепочке. Старушка толкнула меня в бок: «Смотри! Такая молодая – а с крестиком! Совсем люди с ума посходили! А еще комсомолка, наверное!». Я повернулся к ней и с вызовом показал свой – точно такой же крестик, сказав, что я уже не комсомолец. Это была сушая правда: мы с другом как раз незадолго перед этим сожгли свои комсомольские билеты. Ну, а крещен я грудничком еще... Что тут сделалось с милой бабушкой! Ее лицо как-то отвратительно перекопилось, и она буквально напала на меня – разве что не ударила: «Мы не для того попов расстреливали! – орала она на весь коридор хорошим звонким голосом. – Чтобы наши внуки на себя кресты вешали! Я что – зря их из маузера шлепала с их попадьями и поповнами?! Чтобы в старости увидеть, как комсомольцы совести лишаются?!». В коридоре враз смолкли разговоры. Кто-то сдавленно спросил: «Бабушка, а вы что – сами в них стреляли, или это вы так, в целом, про то время говорите?». Старуха гордо обернулась: «Конечно, сама! Мне товарищ Михель маузер в девятнадцатом подарил и наказал не жалеть попов и белогвардейщину! Как ловили кого и в расход пускали – я первая шмаляла! Триста штук положила вот этими руками – точно знаю, потом со счета сбилась!».

Стало очень тихо. Вдруг какой-то товарищ – весь в татуировках, похоже, не раз отсидевший, гнусаво заявил: «Да тебе, бабка, вышак ломится без срока давности! За убийства без суда и следствия». И сказал он это как-то так внушительно и страшно, что бабка осеклась на полуслове и принялась что-то злобно бормотать – но уже себе под нос.

Я встал и похромал в сторону, очень хорошо, до кишок прочувствовав, что сижу рядом с кровавым палачом в обличье эдакого одуванчика... А она по-прежнему бормотала о своих подвигах – ради нашей счастливой жизни...

И что, скажете – это не страшный рассказ?

- Ужасный, – с болезненным выдохом отозвался Станислав; он нагнул голову и стал протирать очки. – И ты обратил внимание – что у

нее с семьей случилось? Такое просто так не происходит... Знаете, есть одна книга, называется «Красный террор», написали ее еще тогда, по горячим следам, так сказать... И это самая страшная книга, которую мне довелось в жизни прочитать. И, кроме всего прочего, там рассказывается о таких вот девочках в девятнадцатом, которые стали «божьими одуванчиками» в девяносто первом... Эти девочки, почти всегда из так называемых «хороших семей», иногда творили такие преступления, что перед ними бледнеют деяния любого маньяка-садиста... Почему? Я даже почти знаю. Видите ли, девочек тогда было принято воспитывать очень строго. Слишком строго... Им было нельзя почти все. Даже есть и дышать не очень было можно, потому что – корсет. И все дурное, что органически заложено в человеке, было намертво заперто в них и не расходовалось, так сказать, мелкими порциями... И вот, когда какой-нибудь «товарищ Михель» говорил им, что отныне разрешается делать с определенными людьми все, что угодно, девочки отрывались на них за все насилие, которое сами претерпели... Мужчины редко были так же изощренно жестоки... Потому что в детстве дрались до крови, отрывали лапки жукам и даже кошек вешали... А кто слышал о девочке, замучившей котенка? Разве что в сказке о Раннаи и Ра-нефере... Помните, она замучила котенка, а кот в Египте – священный зверь – и что из этого вышло... Так вот, лучше бы эта ваша бабуля в детстве мучила котят... Тогда ведь не было фильмов ужасов и этих игр с реками крови – они в какой-то степени понемногу высвобождают тягу к насилию у детей, если в меру, конечно... Почему вы думаете, наша очаровательная Королева задала именно такую тему рассказов?

- Спасибо. Вы хотите сказать, что моя Оля, дай ей пистолет, лет через десять пойдет стрелять в безоружных людей? – поджала губы Татьяна. – Это вы нам тут втолковываете, господин учитель истории?

- Нет, нет, – замахал руками учитель. – На такое, конечно, особое вдохновение нужно. И вдохновитель... грамотный. Ну, и обстоятельства, соответствующие...

- Да, – быстро сказал вдруг Соломоныч. – И полное отрицание какой-либо религиозности.

- А вот это как раз не обязательно, – презрительно ввернул Макс. – Некоторые религии, знаете ли...

- Вы, кажется, собираетесь возводить на меня кровавый навет? – де-

ловито осведомился старик.

- А ну, прекратите! – почти крикнула Ольга. – Нам в наших условиях сейчас только не хватает религиозного конфликта. Пусть Татьяна лучше рассказывает страшную историю, которая не испугает ее крошек. Знаете такую историю, Таня?

- Знаю, – неожиданно кивнула та. – Историю, которая не испугает детей просто потому, что они ее не поймут. Но взрослые – поймут, надеюсь. И, главное, осознают, насколько страшна та проблема, о которой я сейчас расскажу. Проблема украденного детства.

История пятая, рассказанная заботливой матерью Татьяной, о том, какая страшная участь ждет некоторых детей.

Жизнь человека может быть срублена под корень с самого детства. Здоровый, полноценный ребенок, который мог бы стать в жизни кем угодно, – ученым, писателем, доктором, учителем, рабочим – бывает обречен с детства самой жизнью, вернее, теми взрослыми, которые эту жизнь для ребенка олицетворяют, пока он не самостоятелен. А потом уж не вырваться. Вот только один случай.

Мы с подругой ехали лет десять-одиннадцать назад от Пскова в сторону Печор – там есть одна очень живописная лавра, древняя, мы экскурсию заказали. Кругом поля и редкие деревни, дорога плохая. Стоят мальчик и девочка – ему лет десять, ей лет восемь, голосуют. Мы смотрим: кругом нет ни кустов, ни канав – спрятаться взрослым негде (чтобы выскочить и ворваться в машину), поэтому посадили их. Ни о чем не расспрашивали, мальчик сам заговорил, история старая: «Отец пьет, мать больная лежит, в лавку за продукты долг тысяча рублей, пока не вернут, продукты не отпускают, а кушать очень хочется». Дала ему семьсот – наличных больше не было. Мальчик, с обидой: «Но мы должны тысячу, а не семьсот!». Вообще держался как маленький мужичок, эдакий будущий рачительный хозяин. А вот девочка была очень хорошенькая – очень, настоящая красавица. Сама темненькая, глаза светлые-светлые и огромные, какие-то распахнутые. Высадили мы их у какой-то деревни. И я почему-то их запомнила. Я вообще внимательная. Часто вспоминала о горькой участи этих маленьких попрошаек, которые, давя на чувства нормальных людей, приносят своим тунеядцам и алкоголикам родителям ежедневно нехилую сумму на водку, а сами терпят по-

бои и сидят впроголодь.

И вот, прошло с тех пор лет семь-восемь, и едем мы уже с мужем в эти самые Печоры, опять на экскурсию. Припарковались у остановки на Киевском шоссе – что-то надо было из багажника взять. На остановке стоит юная девушка. Я не сразу поняла, что это «плечевая», – только когда взглянула и увидела, как дико она одета и накрашена. Сердце у меня мгновенно ожгло – я ее узнала: это была та самая девочка, только подросшая. Те же громадные беззащитные глаза, которые я помнила все эти годы... Огляделась: поодаль ржавая «копейка» с ее сутенером, который уже вылезает: мол, что это я на его «товар» уставилась. Я и его узнала – братик ее бойкий... Теперь такой «братик» мне одной левой голову свернет. Раньше гонял маленькую сестру просить милостыню по дорогам, а как вошла в возраст, – стал ею торговать... Бизнес у него такой. Родители-то, конечно, уже либо сгнули, либо умерли от алкоголизма. В полицию там бесполезно обращаться: всех сутенеров на трассах крышуют. Желающему «спасти» такую девушку может вообще не поздоровиться. Поэтому мы просто уехали. С болью в сердце...

- Ма-ма! – опять обиженно провыла Оля Маленькая. – Ну, это вообще не страшно! Подумаешь, милостыню просили...

- Это я для взрослых рассказала, а не для тебя. Вам с Митей рано. Вырастете – поймете, – строго сказала Татьяна.

Митя тихонько хмыкнул – тихонько-то тихонько, но так, чтобы все поняли, что уж он-то, по крайней мере, понял абсолютно все.

- Очень страшно, – осторожно приобнял девочку Станислав. – Вот живешь ты с мамой, папой и братом, и всегда у тебя есть, что покушать. Захотела вкусенького, открыла холодильник, взяла йогурт там какой-нибудь... Или шоколадку с полки. А вот представь, что дома нет даже хлеба, и взять его негде. И, чтобы просто покушать сегодня, тебе приходится в любую погоду идти на дорогу, останавливать машины с чужими людьми и просить у них деньги или еду... Вот и подумай сама, страшно это, или нет.

Оля посмотрела на него озадаченно и промолчала. Молчала и ее мать, поджав губы...

- Ладно, теперь я расскажу, – разрядил обстановку Соломоньч. – Как сорок лет назад я за одно лето два раза встретился с шаровой молнией.

История шестая, рассказанная советским евреем Соломонычем, о двух его встречах с шаровой молнией, которые, к счастью, не стали роковыми.

Есть события, которые не забываются. Они словно навсегда впечатываются в сознание, и даже спустя четверть века их отголоски проявляются во снах.

Среди таких событий у меня есть две встречи с шаровой молнией. Обе они произошли вот здесь, на этой самой даче, в июле и августе восемьдесят седьмого года. Моим мальчикам было пять и шесть. Мы с женой по очереди сидели с ними летом: она в свой отпуск, а я – в свой. Это была моя очередь. Я уложил детей спать после обеда, а сам спокойно мыл посуду на веранде. Тогда это еще делали в тазиках. Собиралась гроза – вернее, она уже разразилась, только, так сказать, «сухая». То есть, собрались тучи, потемнело, сверкали молнии, и гремел гром – все это очень близко, прямо над нами, – а вот дождь не начинался. Шторы на веранде не было. Вдруг я услышал тихий треск – такой, как бывает, когда горит «бенгальский огонь», только громче. Я поднял голову и увидел: вдоль веранды медленно летит сверкающий и трещащий белый шарик размером с теннисный...

Я замер, не в силах пошевелиться. Шарик долетел до меня, секунд пять повисел, как бы в раздумье, вспыхнул ярче и пропал. В эту секунду у меня подкосились ноги, и я сел на пол. Сидя, боялся, что не смогу встать, что ноги отнялись насовсем, – но ничего, все прошло, встал как-то...

Второй раз это случилось почти ровно через месяц. Я отправился с детьми купаться на наше озеро. Сейчас там кругом дачи, а тогда был только лес, и за ним через некоторое время начало погромыхивать – шла гроза. Дети купались в «лягушатнике» у берега. Но нам, в любом случае, было пора домой обедать: я крикнул им выходить из воды, а сам оделся, собрал вещи. Дети, наконец, вышли и стали одеваться – а я посмотрел в сторону озера, пытаюсь определить, скоро ли придет гроза и успеем ли мы промокнуть. Погода стояла жаркая, и озеро было полно купающихся детей и взрослых. И вдруг я увидел нечто ужасное: сверху прямо в озеро спускалась такая же шаровая молния, какую я видел год назад, может, чуть покрупней. Это же миллионы вольт!!! Я в один миг представил себе, что, как только шарик коснется воды, озеро за мгнове-

ние превратится в мясной бульон... И ни один человек не поднимал головы и не видел опасности. Молния спускалась странными зигзагами: пролетит влево и вниз – повисит; потом вправо и вниз – опять повисит; потом снова влево и так далее... Создавалось идиотское впечатление, что это разумное существо, которое раздумывает, убивать ему сейчас эти десятки людей или нет. Никто по-прежнему ее не замечал. Я бросился к берегу, желая предупредить людей, крикнуть им, открыл рот – и ничего. Голоса не было, ну, то есть, совсем – из горла шел только какой-то хриплый сип, который никто не мог услышать... А молния все опускалась. Но вдруг по купающимся словно прошла широкая волна – и они все помчались к берегу кто как мог, хватая на руки детей. Все уже кричали: «Шаровая молния! Спасайтесь!». Потом соседка, оказавшаяся в те минуты в воде, рассказала мне, что я стоял на берегу, как сумасшедший, махал руками, дико вращал глазами и беззвучно разевал рот – все это выглядело так ужасающе страшно, что она инстинктивно глянула вверх, увидела молнию, закричала – и крик передался «по цепочке», которую я и воспринял, как «волну»...

Увидев, что все бегут, я тоже побежал, по дороге схватив за руки двух ничего не понимающих детей. С пляжа мы умчались, не оглядываясь, так что я не знаю, опустилась ли молния в озеро. Во всяком случае, никто не пострадал, иначе все бы об этом быстро узнали...

Из этих двух приключений я вынес впечатление, что шаровая молния – это, возможно, и не совсем то, что о ней пишут ученые. Знаете, когда сталкиваешься с ней лично, то получаешь полное впечатление, что перед тобой нечто сильное, злобное и разумное, даже насмешливое... Некая сущность, которой доставляет удовольствие животный страх людей, который они испытывают при виде нее. Впрочем, это, наверное, мои фантазии...

- Ни фигу не фантазии. Я ее тоже видел в Чечне, в горах. Она у нас солдата заживо сожгла в пять секунд. И мне тоже показалось, что она, типа, умная. Мы все замерли, а она перелетала от одного к другому, словно раздумывая, на кого броситься. Потом выбрала – и... Ну, в общем, это действительно не при детях, – мрачно сказал Макс.

- Я бы, наверное, со страху умерла, – прошептала Катюша. – А можно, я сейчас расскажу? Я тоже однажды ужасно испугалась. На меня точно хотел напасть маньяк-педофил. Но я его перехитрила – до сих пор не понимаю, как это получилось...

История седьмая, рассказанная просто хорошей женщиной Катюшей, о том, как она проявила удивительное самообладание и сумела обмануть педофила.

Ангелы-хранители, конечно, существуют. Иначе как объяснить мое спасение в одиннадцать лет от, как теперь понимаю, уже почти пойманного меня маньяка, не представляю до сих пор.

Мне пришлось расти весьма самостоятельной: родители оба работали, брат учился в институте, школа находилась в часе езды от дома (не перевели в другую, более близкую, после переезда в новую квартиру из-за того, что удалось попасть в «хорошую» гимназию с языками). Конечно, мама учила меня не разговаривать с незнакомыми, ничего у них не брать, с ними не уходить и дверь им не открывать – и всё, считалось, что я вполне в этом смысле подкована. Но, оглядываясь назад, я думаю, что ушла бы с чужим дядей (а с тетей – и подавно), не задумываясь, если бы он сумел придумать подходящую легенду (не за конфетой, конечно, а вот если бы сказал, например, что маме плохо...). И, кроме того, мне рефлексивно казалось, как и всякому ребенку, что злодей обязательно выглядит подозрительно, имеет страшную рожу, кровожадные, налитые кровью глаза – и так далее...

Поэтому мне совершенно не показался подозрительным хорошо одетый красивый мужчина лет сорока, который вышел со мной на одной остановке из автобуса (встречать меня из школы было некому, я после начальных классов, когда кончилась продленка, ездила по знакомому маршруту сама). Он был высокий, широкоплечий, с ясным лицом (вижу как сейчас) и аккуратной русой бородкой. Вот как тот, который хотел Машу зарезать, только постарше. Из автобуса все шли по одной дорожке меж газонами, потом по двору – он и я – тоже. Мне в голову не приходило его опасаться! Совершенно! И вообще, я была влюблена тогда в мальчика – первой тайной любовью – и думала о нем, а не о похитителях детей.

Занятая важными мыслями, я вошла в наш подъезд, где были две возможности: свернуть направо в закуток к лифту или налево – подняться на один пролет к почтовым ящикам. Был один пикантный момент: именно в нашем почтовом ящике и лежал ключ от квартиры. Родители клали его утром туда, устав оттого, что я постоянно теряла свой, даже когда его вешали мне на шею. Резон в этом, определенно, был: вряд ли

воры стали бы открывать днем все почтовые ящики, чтобы проверить, нет ли в одном из них ключа от квартиры...

Я свернула налево и поднялась к ящикам. Вот тут... Что заставило меня обернуться? Но я это сделала, хотя не слышала ровно ничего, – и увидела позади себя на ступеньках того красивого мужчину. Получалось, что он вошел в подъезд вслед за мной абсолютно бесшумно. Он был не с нашей лестницы – те лица мне все давно примелькались. Если приехал в гости, – почему пошел не к лифту, а к ящикам? Новый жилец? Я не могла доставать ключ при нем, лихорадочно думая, как себя вести. Он медленно поднимался и смотрел только на меня. Если бы вы знали, какой ужас буквально взвился в моей душе! Закричать? Но я не смогла бы – горло перехватило, и... было стыдно. А вдруг это хороший человек, ничего плохого не имеет в виду – а я ни с того ни с сего завизжу, как резаная, выставлю себя чокнутой? Но нельзя же показать ему, что ключ в ящике, на котором написан номер квартиры! Тогда он поймет, что в квартире никого нет!

Не знаю, каким сверхчеловеческим усилием я взяла себя в руки. Я изобразила, что ящик заело, и я не могу его открыть. «Девочка, – мягко сказал мужчина. – У тебя что-то не так? Тебе помочь?». Я вынуждена была открыть ящик, чтобы этого не сделал он и не обнаружил бы ключ. «Получилось! Но писем нет!» – весело сказала я и, подняв дверцу, продемонстрировала ему, что ящик пуст. «Молодец, – ответил мужчина. – А то я помочь тебе хотел...». «Спасибо, уже не надо», – вежливо сказала я. Тогда он, пятясь, стал отступать вниз, не отрывая от меня взгляда. Я от него – тоже. Он постоял несколько секунд на площадке, желая узнать, пойду ли я к лифту в закуток, – там я оказалась бы в полной его власти: хочешь – тащи меня в подвал (они тогда были открыты, только на проволоке держались двери), хочешь – в лифт – и на чердак, тоже вполне доступный. Шансов вырваться у меня было бы столько же, сколько у котенка, которого несут топить. Время – два часа дня – мертвое: все на работе, в подъезд вряд ли кто зашел бы... Мужик, конечно, рисковал немного – но несильно...

Я взлетела наверх, прыгая через две ступеньки. К квартирам он за мной не пошел – там уж риск был велик. Какая-то женщина вызывала лифт, я спустилась вниз с ней – мужчины и след простыл...

Мысленно возвращаясь в тот день, я всегда благодарю те неведомые силы, которые сначала дали мне возможность увидеть подкравшегося-

ся сзади злоумышленника, а потом – держаться смело и глядеть ему в лицо, не проявить испуг, не выглядеть жертвой, не выдать место нахождения ключа... Я была маленькой девочкой – откуда у меня взялась такая твердость? До сих пор ума не приложу. Но в том, что мне грозила реальная опасность, не сомневаюсь.

- Да ты вообще – умная, храбрая и сильная, – с чувством сказал Макс, целуя жену в макушку. – И любого злодея обведешь шутя вокруг пальца. Ты просто себя недооцениваешь. А я все вижу!

- Стойте! – взволнованно выкрикнул Митя. – Я сейчас тоже расскажу... Я, вообще-то, про другое хотел, но сейчас, когда тетя Катя рассказывала... В общем, я вот что вспомнил – про детей и маньяков. И это точно страшно.

- Да ты-то что про это можешь знать! – прикрикнула Татьяна. – Расскажи о чем-нибудь другом, поинтереснее.

- Нет, именно об этом! Кстати, пусть и Олечка послушает, ей тоже скоро одной по улице ходить... или с подружками... – пылко возразил подросток.

- Или не ходить, – мрачно кинул из угла Борис, но от него отмахнулись.

- Дело в том, что у нас в школе весной устроили такой «день безопасности» – ну, учили детей осторожности... В том числе – не уходить никуда с посторонними, ни за что не садиться с ними в лифт...

История восьмая, рассказанная пытливым юношей Митей, о том, с кем дети без опаски зайдут в лифт.

Нас, старших, попросили ну, сценки, что ли, разыграть с малышами – будто мы подходим к ним и пытаемся увести с собой. Они все понимали и не давали себя увести... Тогда мы с... с одной девочкой... решили поставить эксперимент. И среди второклассников – им около восьми лет – провели ненавязчивый опрос. В непринужденной обстановке, как бы играя... Мы задавали мальчикам и девочкам (не всему классу сразу, а то одному, то нескольким детям) один и тот же вопрос: с кем вы без опаски зайдете в лифт? При этом надо заметить, что детей много раз учили, что ни с кем, кроме родных, заходить в лифт нельзя ни при каких обстоятельствах; да и «день безопасности» был уже не первый – казалось, что

все хорошо усвоили урок.

Но вот я вам сейчас озвучу точный список взрослых, с которыми дети практически наверняка сядут в лифт, несмотря на то, что им сто раз внушали. Вот послушайте.

Старичок или старушка. А кто для восьмилетнего ребенка «старичок»? Любой мужчина с седой бородкой? Даже если на самом деле мужчине сорок лет?

Женщина с тяжелыми сумками. Они ей могут даже помощь предложить.

Мужчина с сумкой, полной продуктов. Понятно, они будут уверены, что он домой идет.

Беременная женщина. Конечно – вон, тетя Катя, какая от нее может исходить сейчас опасность для ребенка?

Человек любого пола с детской коляской. А если коляска – пустая? И потом ребенка из подъезда в ней же и вывезут – скажем, усыпив его в том же лифте?

Человек любого пола с маленькой собачкой, или крупной собакой неопасной породы (большой пудель, лабрадор...), или с кошачьей переноской в руках.

Человек любого пола в форме (имелась в виду не только военная или полицейская, но и техслужб, медпомощи, например).

Разносчик пиццы или другой еды – любого пола, но обязательно с фирменным ящиком.

Инвалид с костылями или тростью в руке – любого пола, особенно, если сильно хромотает или слепой.

Человек любого пола с чемоданом, желательно, с наклейками... Ясно же, что приехал прямо из аэропорта домой...

Как вам это, господа взрослые? Не страшный рассказ? Лично для меня это стало ужасной неожиданностью... Ведь уча нас... Ну, в смысле, маленьких детей... не уходить с незнакомыми, не садиться с ними в лифт, вы автоматически представляете себе взрослого здорового мужчину, реже – женщину. И не учитываете, что преступник элементарно может чуть-чуть замаскироваться: взять в руки фирменный пакет из супермаркета, прихватить с собой хорошенькую собачку, изобразить хромоту, а если надо – так и беременность... Во всяком случае, мне кажется, что при разговорах с детьми на эту тему нужно обязательно предостерегать их и от этого тоже! Ты слышала, Оля? Запомни, что я сказал!

- Слушайте, а ведь и правда... Я бы в детстве с любым из них и в подъезд вошла, и в лифт, – задумчиво сказала его мама. – Знаешь, сын, ты стал меня удивлять последнее время...

- Сейчас Олечка, конечно, не все запомнила, но ты давай, постепенно вдалбливай ей, старший брат, – подтолкнул Митю плечом Станислав. – Все правильно сказал. И действительно страшновато...

Маша вдруг со стоном закрыла лицо руками:

- Господи... Войти в лифт... Или не войти... Разносчик пиццы... Женщина с коляской... Мы всех их видели каждый день, и не задумывались – какое это счастье... Просто идти по городу и видеть людей. А сегодня мы не знаем, увидим ли вообще в жизни кого-нибудь, кроме друг друга... Я не знаю, увижу ли я своего сына, маму... Где он, этот мой Петербург?! А у Марка Соломоновича сыновья, вон, вообще в Израиле... У Стаса с Ольгой в обсерваторе работают... У Кати и Макса тоже родители где-то есть, сестры, братья... У Тани муж в Москве. Увидимся ли мы с ними, Господи?! Борису только хорошо, у него никого нет, вроде. Боже, Боже, что же делается... Какие, блин, страшные истории! Мы давно внутри одной из них... – она отняла руки от лица и уставилась во тьму невидящим взглядом.

Между тем Оля Маленькая изо всех сил тянула руку вверх:

- Теперь я, теперь я, мама, скажи им!

Станислав вздохнул и обернулся к ней:

- Не по-королевски ведете себя, Ваше Величество. Стукните кулаком по столу – вот так! – и рывкните как следует: «Всем слушать! Королева говорит!».

История девятая, рассказанная Королевой Третьего дня Декамерона Олей Маленькой, о том, как ночью к ней приходил кто-то страшный с красными глазами.

Это совсем недавно было – правда, еще до того, как карантин объявили... Я такая сплю ночью, в комнате у меня почти темно – только у соседей окно на втором этаже еще чуть-чуть светится. И проснулась я, потому что по комнате кто-то ходит. Тихо-тихо так ходит... Мне по лицу даже ветерок подул, когда он мимо прошел... Я лежу такая, вся от ужаса холодная, глаза зажмурила... Потом решила, что все-таки посмотрю осторожно – вдруг инопланетяне. Тихонько открываю один глаз, и тут...

- Не выдумывай! – резко прервала Татьяна. – Никто не мог к нам в дом ночью забраться. Насмотрелась своих фильмов дурацких, и...

- Дайте договорить девочке. Она сегодня Королева, как-никак, – мягко коснулся ее руки Станислав.

- И тут прямо напротив меня загорелись два жутких красных глаза. Они начали медленно двигаться по комнате. То вверх, то вниз, то вбок... А потом стали постепенно приближаться ко мне... У меня даже сердце остановилось! Я глаза опять закрыла и думаю: ну, все, это вампир, сейчас как присосется к горлу... Но вдруг мимо меня словно пролетел кто-то, что-то зашуршало, и все стихло. Тогда я решила снова посмотреть. Но никаких красных глаз уже не было. Оно, наверно, в форточку улетело... Поэтому я теперь всегда, когда мама меня уложит и уйдет, встаю, лезу на подоконник и окно закрываю плотно... То есть, это раньше было, пока мы сюда на карантин не залезли.

- Мама! – громко вскрикнул вдруг Митя. – Она не врет! Ко мне он тоже приходил как-то в середине лета! Это Цезарь! Сиамский кот из зеленого дома, где эти... ну, мама с маленьким сыном жили, потом уехать успели. Так этот их Цезарь охотился по ночам – и в открытые форточки лазал только так. И в мою залез в три часа ночи. Я тоже раз просыпаюсь – два красных глаза по комнате двигаются. Чуть не обделался спросонья, пока догадался! У голубоглазых кошек глаза красным отсвечивают в темноте, когда где-то напротив свет горит! А там действительно дом через дорогу, и свет в нем редко по ночам тушат. Уж не знаю, что они там ночью делают... Зову его – кис-кис-кис – а он и рад стараться: прямо на грудь ко мне прыгнул и давай мурлыкать. Я его глажу, шкура такая мягкая... Полежал и ушел на охоту... Но если не знать, то жуть как страшно, правда...

Оля Маленькая казалась очень разочарованной такой прозаической развязкой своей страшной истории: не вампир, оказывается, к ней залез и не инопланетяне, а всего лишь соседский кот... Она было надулась от обиды, но быстро вспомнила о последнем своем подданном, с которым единственная из всех обитателей бункера умела непринужденно общаться:

- Дядя Боря! Теперь ваша очередь! Только чтобы действительно страшная история была, а то сегодня все только ерунду какую-то рассказывали...

Все обернулись на Бориса: он вынырнул из тени и облокотился на стол, глядя строго перед собой.

- Хотите очень страшного? Пожалуйста. Только потом пеняйте на себя, – жестко сказал он.

История десятая, рассказанная странным петербуржцем Борисом, самая страшная из всех.

Сейчас мне пятьдесят два, а тогда только сорок исполнилось, и было у меня все, как у людей: жена, которую я любил, и дочка, которую обо-жал. Да, двенадцать лет назад она окончила школу на все пятерки и одну четверку – это физрук, сволочь, ей вклеил – специально, чтобы она золотую медаль не получила. Слишком хорошенькая была, а он – старый похотливый козел. Но Лара все равно поступила в наш универ на английское отделение, как и хотела... Счастья было!

И тут мне товарищ по работе случайно предложил горящую путевку в хороший молодежный спортивный лагерь – где-то здесь у вас, под Москвой. Он купил своей дочери, желая поощрить ее за успехи, – а она взяла и отказалась, потому что у нее в Питере парень оставался. Ну, а моя Ларочка была очень рада – сразу бросилась собираться. И не хватило ей девичьих платьиц... Говорит жене: «Мама, можно я на Невский в «Зару» быстренько съезжу, мне нужно пару платьев нарядных, а то что я все в футболках да в шортах...». Мать ей даже денег отвалила на радостях и говорит мне: «Свозишь ее, Борь?». А я поленился. «Нет, – говорю, – не маленькая, на метро доедет или на автобусе. А мне надо кучу фотографий до ума довести». А девочка... моя... не настаивала – так и выскочила, не попрощавшись: «Зара»-то эта в двадцати минутах езды от нашего дома была.

И точно, звонит матери через час. Жена рядом со мной на диване сидела – так что я и голосок в трубке отчетливо слышал. «Мама! – кричит, довольная такая. – Я даже не два платья купила, а три! Тут скидки крутые! Классные такие платья, сейчас увидишь!». Они с мамой большие подружки были... Жена ей: «Только не задерживайся, тебе еще чемодан собирать, а самолет через четыре часа!» Дочка в ответ: «Да если б я и захотела задержаться – не смогла бы: денег вообще ни рубля не осталось, только карточка проездная! А пока еду, ты мне там бульончику куриного разогрей, с гречочками, ладно?».

И все, господа хорошие. Уже двенадцать лет едет.

Полиция не нашла ни одной зацепки. Дочка наша как сквозь землю провалилась. В метро не спускалась. Автобус до дома идет по людному Невскому. Никаких темных парков и дворов по дороге нет. Силой за-тащить кого-то в машину на Невском, где у каждого магазина камеры понатыканы, невозможно, да и в Питере люди бы вмешались, все-таки. А добровольно она бы ни к кому не села. Она даже с матерью неохотно в такси садилась. Как огня чужих мужиков боялась, а женщин дико стеснялась, и парня не было у нее – жена бы знала, это точно. Но не нашлось вообще ни одного свидетеля, который дал бы хоть намек на то, что случилось. Ни на одной работавшей в то время камере ее не оказалось, кроме как у «Зары» проклятой, откуда она звонила, прямо стоя перед этой камерой. Там четко видно, как Лара убрала смартфон в сумочку и пошла, размахивая большим фирменным пакетом, вправо, где метро у нас, «Канал Грибоедова». И все. Никогда и ничего больше.

Семья у нас была дружная, никаких детских моральных травм. Про личную жизнь дочки мать тоже знала все – да и не было еще у нее никакой личной жизни. Полиция подруг опросила, одноклассников, учителей – все подтвердили, что ни с кем Лара не встречалась. Вариант добровольного бегства мы полностью исключили – дочь очень нас любила, а маму так прямо боготворила, как тень за ней ходила и во всем ей подражала. Никогда не причинила бы она нам такого горя, ни при каких условиях. Но дошло до того, что полиция нас подозревала, что это мы ее убили! И нас всерьез допрашивали, с пристрастием – вы догадываетесь, что это такое...

У жены через полгода вдруг обнаружился рак поджелудочной – у молодой бабы тридцати девяти лет! И четырех месяцев не проболела, а умерла... с удовольствием. «Теперь, – говорила, – я точно узнаю, что с Ларочкой случилось...». Ну, а я, как видите, крепкий орешек. Неймет меня ничто.

С грохотом отодвинув железный стул, Борис встал и исчез во тьме.

Сидельцы потрясенно молчали, глядя ему вслед.

- Теперь я понимаю... Теперь ясно... – прошептала Маша. – Вот, оказывается, что... А я-то, я-то... Дура. Боже, какая дура!

- Мама, завтра ты будешь королевой! – прозвучал чистый Олин голосок. – Давай, скажи, о чем завтра истории! Мам! Ну, мам! – Оля изо всех

сил трясла локоть своей остолбеневшей матери.

- Спать пора... – отрешенно проговорила Татьяна. – Сейчас будешь зубы чистить...

- Сначала скажи! Ну, скажи, мам! – надрывалась девочка.

- Кажется, надо завязывать с этими дурацкими историями, – пробормотала Маша. – Вот как дело может обернуться – сами видели.

- Не надо завязывать, – громко сказал Станислав. – Мне кажется, ему легче стало. Вряд ли он часто об этом рассказывал. Может, вообще в первый раз. Как нарыв вскрыли и гной выпустили... Может, и еще больше полегчает... Давайте, Татьяна, раз уж вас назначили, придумывайте, о чем завтра рассказывать станем.

- Ну, например... – Татьяна никак не могла отойти от жуткого впечатления. – Ну, давайте что-нибудь безопасное... Нейтральное... Давайте, может, о животных...

- Хорошая идея, – похвалил Макс. – Даже если кто-то лишился любимой собачки, – это все-таки не дочь без вести пропала.

- Заметано. О животных, – поднимаясь, сказал Станислав.

Четвертый день Декамерона, в который рассказываются истории о животных.

В середине сентября боровики и подосиновики рассыпались по лесу в ненормальных, астрономических количествах – как в начале войны.

- Помню такое в восьмом, четырнадцатом и двадцатом, – серьезно говорила Оля Большая, которая теперь, среди внезапного изобилия, игнорировала терракотово-замшевые полусферы красных грибов, красиво оттеняемые бурым ковром палой хвои, а наклонялась только, чтобы срезать с жирной бежевой ножки безупречно чистую вишневую шляпку молодого боровичка в серебряном оазисе ягельника. – Мама вспоминала девяносто третий, бабушка – сорок первый, а прабабушка рассказывала о четырнадцатом... прошлого века. Микологи сколько угодно могут над этим смеяться, но народ не обманешь. Если грибы хоть косою коси – это к беде. И чем больше грибов, тем страшней беда. На Руси их называли «мясо для монахов». Бог всегда, попуская войну или мор, давал людям и бесплатную пищу...

- Вы с мужем... извините за вопрос... в Него по-настоящему верите, кажется? – спросила Маша, вовсе не обращавшая внимание на грибы,

но зато не спускавшая глаз с довольно неуклюжей фигуры Бориса, что мелькала впереди среди подсвеченных неяркими отвесными лучами еловых стволов.

- Поживите еще лет двадцать – и вы поверите, – ответила Оля. – Верим, конечно. Только не бойтесь, обращать вас в ревностную христианку не собираюсь.

- И я даже знаю, почему: вам велено не метать бисер перед свиньями, кем вы меня, разумеется, считаете, – Маша хотела, чтобы получилось небрежно, но вышло обиженно, она сама это заметила и разлилась:

- Хорошо, тогда скажите – почему ваш Бог все это допускает? Я имею в виду даже не эту непонятную чуму... А вообще – все: войны, зверства, страдания... Гибель детей... Да вот... – она дернула подбородком в сторону маячившей спины Бориса. – Вот почему Он допустил, чтобы убили его дочь, а жена умерла от горя? За что? Знаю, слышала от всяких разных верующих – и читала, поверьте, немало: пути Господни неисповедимы. Нашлась бы даже сволочь, которая стала бы мне объяснять, что мы не можем знать, что предстояло той девочке в будущем. Может, жизнь ее повернулась бы так, что она стала бы серийной убийцей, и умереть ей было бы лучше... Или что-то в таком же роде... Не трудитесь, слышала. Не впечатляет.

- Я не знаю. И никто не знает, – пожалала плечами Оля. – Слишком много причинно-следственных связей, которых мы не в состоянии проследить, а Бог может. Стала бы убийцей – это слишком грубо и прямолинейно. Но в целом... Вы вообще о христианском учении имеете сколько-нибудь развернутое представление?

- Я, пожалуй, верю в Бога, так сказать, в единого, без приплетения религий. Хотя один из мужей даже заставил меня с ним обвенчаться. И по образованию я – искусствовед. Огромный пласт светской культуры, живописи так или иначе посвящен сюжетам Ветхого и Нового Завета... Так что хорошо их знаю, конечно. И не очень жалею...

- Уверены, что знаете? – Оля вдруг остановилась и повернулась лицом к тоже невольно замершей собеседнице. – Тогда к чему этот ваш глупый вопрос? Если вы имеете представление об учении Христа, то знаете, что Он ничего хорошего нам не обещал. Вообще. Все, что Он предрекал своим ученикам и – шире – последователям, обещало быть самым мрачным. Он говорил, что их будут гнать, мучить и убивать, и вообще – «глады, моры и землетрясения по местам», а их участь – тер-

петь и не бунтовать. Не замечали? Он обещал, что будет хорошо только после земной жизни, в смерти – которой нет, потому что Он победил ее. Поэтому, Маша, чего вы ждете, чтобы в Него поверить? Большого личного счастья, отменного здоровья до ста лет и материального процветания? Знаете, если бы Он это раздавал всем подряд, то абсолютно все стали бы верующими христианами: сбежал в ближайшую церковь, поставил свечку, а тебе сразу с неба мешок золота упал или жених-красавец – что попросишь. И грош цена была бы такой вере.

Маше в душе до сих пор было очень больно – и за весь этот последний месяц, принесший ей одни разочарования, унижения и страх, кто же должен был нести ответственность!

- Хорошо, – жестоко сказала она, не отводя взгляда. – Тогда скажите мне, если вы такая верующая: а что если, когда вы вернетесь в вашу Москву, то обнаружите, что оба ваших ребенка, ваша «королевская пара», погибли в том обсерваторе, как и сотни других врачей? Умерли в ужасных мучениях? Вы по-прежнему будете славить такого Бога?

Маша была уверена, что Оля рассердится. Даже злобное любопытство вскипало в ней: интересно было бы посмотреть на интеллигентный гнев этой увядающей ханжи – палевой розы! Но та вдруг повернулась и тихо пошла дальше, опустив голову, и сдавленно проговорила на ходу:

- Я и сама об этом все время думаю... И вполне допускаю, что такого испытания веры... мне не выдержать, – она вздохнула: – Слушайте, пойдите, догоните лучше Бориса. Это ведь только кажется, что он всех презирает и ни в ком не нуждается. Но на самом деле все его поведение просто вопиет о помощи. А вы ведь не чужая ему все-таки...

Смерив ее скорей растерянным, чем снисходительным взглядом, Маша вдруг послушно зашагала вперед и действительно скоро поравнялась с медленно бредущим Борисом. Он не обращал никакого внимания на пронзительную красоту типично русского утра в еловом бору, с широкими золотыми столбами света, соединявшими насыщенно темный, словно писанный темно-зеленым кобальтом, темно-коричневым марсом и тусклым индиго дольний мир – с высоким и светлым, еще теплым небом, – а шел, втянув покрытую капюшоном голову в плечи, глубоко засунув руки в карманы и загребая ногами прелую прошлогоднюю хвою. Маша решительно коснулась его локтя:

- Боря, я ведь не знала... И никто не знал. Поэтому все и относились к тебе... Ну, как к мизантропу, что ли... Ты правильно сделал, что рассказал вчера.

Борис беззлобно усмехнулся:

- Лучше б сдержался. Просто вы все такую чуху за «страшное» вы-
давали, что зло взяло. Зато теперь, я вижу, уже создан дамский комитет
по моему спасению. Земному и даже, так сказать, вечному. Решено не
оставлять меня без теплой поддержки и лечить нежной любовью и за-
ботой, как увечного пса. Большое спасибо, но не нужно. Это не лечится.

Маша смутилась, потому что сегодня полночи думала как раз об
этом, причем, именно с раненым псом, кусающим протянутую для ле-
чения руку, сравнивала в мыслях бывшего любовника.

- Послушай, но ведь двенадцать лет прошло... Рана затянулась, на-
верное... – пробормотала она, пряча глаза.

- Вот именно. Заросла сама без постороннего вмешательства. Согла-
сен, выглядит ужасно. Вот вы и решили ее хирургически вскрыть – без
наркоза, между прочим, – лишнее обкромсать ножницами по живому и
зашить аккуратненько, косметическим шовчиком. Вам так будет при-
ятнее на нее смотреть, – он остановился и, вынув из кармана сжатые
кулаки, навис над Машей: – Не-нуж-да-юсь, понятно?!

- Как хочешь, – она устало прислонилась к дереву. – Борис, я боль-
ше не могу. Я хочу домой, в Петербург, к Леше и маме... И я ночами
не сплю в этой крошечной тьме на узкой кушетке в раздевалке, где с
каждым днем все больше и больше воняет уборной... И думаю, что вот
доберусь как-нибудь до дома... Правдами и неправдами... Машины-то
нет больше, сгорела машина вместе с гаражом... Доберусь, а дверь опе-
чатана. Я знаю: теперь, когда семью забирают, квартиру опечатывают
специальными красными полосами, что бы люди знали, что там чума...
И вот я отдеру эти страшные ленты, войду в зачумленную квартиру – а
там только наш мертвый кот. Потому что он бы спрятался от посторо-
нных, и его бы не усыпили, как всех животных. Но он бы все равно
умер от голода и жажды. А моих родных я бы в этом случае не то что не
увидела больше никогда – я бы и могилы их не знала. Всех умерших от
чумы сжигают, а пепел захоранивают далеко от города в глубоких рвах,
куда никто не допускается. Потом, очень нескоро, мне, может быть, уда-
лось бы отыскать тот ров – и только...

- Я тоже не знаю могилы, – сухо напомнил Борис, не пытаясь ни обо-
дрить ее, ни утешить. – А насчет кота не беспокойся. Мы приедем туда
вместе, и если квартира действительно опечатана, то я войду первый.
Разыщу кота – заверну и вынесу. Это не страшно. Эка невидаль – до-
хлый кот.

- Знаешь, мы все его очень любим... или любили. Он самый умный и красивый из всех котов, которых я знала... Такой... Такой гладко-коричневый... С глазами, как хризолит... – Маша не плакала, говоря о своей матери и ребенке, но слезы почему-то разом хлынули, как только она вспомнила о домашнем любимце.

- Ну, так расскажи о нем сегодня вечером, – губы Бориса чуть дрогнули, словно в случайной улыбке. – Я слышал, сегодня будем рассказывать о зверье.

- Нет, не смогу. Я разрыдаюсь при всех. Потому что буду видеть перед собой не кота, а сына... и маму... Которые его гладили и тискали. И которых, может, уже нет. Я про что-нибудь другое расскажу, – Маша взяла себя в руки и стала вытирать глаза.

- Ты напрасно так мучаешься, – обычным тоном сказал вдруг Борис. – Сын твой остался в лагере – никто бы не отпустил детей в зараженный город. Так что он в безопасности – детский лагерь, конечно, изолирован полностью, продукты проверяются и дезинфицируются. Ну, а мать твоя – та дома сидит и носа на улицу не кажет, продукты ей под дверь волонтеры в скафандрах доставляют. Оба они, и мать, и сын, сходят с ума из-за тебя. Ведь это ты пропала – не они. Так что не накручивай себя – нормально там все. И кот жив-здоров.

Он произнес это так обыденно, словно ничего другого и быть не могло, словно сумел доподлинно узнать, что все хорошо, – и отчаянно хотелось поверить... Но откуда ему знать?

- Тогда же... Ну, после Ларочки... У меня это и появилось. С тех пор всегда знаю про других, когда у них все закончится благополучно. Просто знаю и все. Ни разу не ошибался. Про себя не предвижу, а про других – на сто процентов. Когда будет плохо, – я просто ничего не чувствую и не говорю. А когда хорошо – говорю, но не афиширую. Ни к чему. Про тебя уверен: вы встретитесь. Больше ничего не скажу, не знаю, – неожиданно ответил Борис на ее невысказанный вопрос.

Маша вздрогнула, порозовела от стыда воспоминания, хотела спросить – не чувствует ли он чего-нибудь определенного про детей Оли Большой и Станислава, но не решилась: вдруг он скажет «нет», – и это тоже будет иметь свое значение...

- Странно, – вместо этого удивленно прошептала она. – Мы с тобой впервые говорим, как люди.

- А до этого говорили, как кто? – поинтересовался он.

- Как любовники. Сначала будущие, потом действующие, потом быв-

шие... – Маша громко вздохнула и отделилась от дерева: – Пора нам, крысам, лезть в свою нору. Там Соломоныч, поди, уже и суп с мясом приготовил.

Она повернулась и пошла обратно, не замечая, как приотставший мужчина с новым, пристальным интересом смотрит ей вслед.

* * *

Когда несколько ожившее общество отгрелело алюминиевыми ложками и вилками за ужином, Борис вдруг первый серьезно обратился к Татьяне:

- Ваше Величество! Прикажите мне первому начинать!

Женщина испуганно уставилась на него, потому что за дневной суматохой почти позабыла о том, что коронована на сегодня собственной малолетней дочерью, – и растерянно кивнула.

Станислав незаметно переглянулся с женой – и оба, синхронно улыбувшись, опустили глаза. Операция, которой так боялся больной, все-таки шла, но шла под глубоким наркозом, и шла успешно...

- Я вчера имел неосторожность серьезно расстроить почтеннейшее общество. Сегодня постараюсь исправиться, поэтому вам предлагается

История первая, рассказанная под наркозом на операционном столе раненым Борисом, о том, как ему случилось встретиться с медведем в Псковской области.

Эту дату я запомню навсегда: 6 мая 2015 года. Тогда еще все были... на месте. Ну, не суть. Мы с приятелем приехали на все майские праздники в его дом в Псковской области, в деревню, находящуюся всего в двухстах метрах от Киевского шоссе. Чудные весенние деньки стояли! Прямо на его участке я собрал, помнится, корзину сморчков... Появились и первые бабочки – и за ними я, как всегда, истово охотился с фотоаппаратом.

Но вдруг прилетела одна совершенно необычная: ни раньше, ни позже я таких не видел. Крупная, ярко-голубая, с графическим черным узором на крыльях. Будто китаец взял тушь и нарисовал. Красота! И никак не давала, стерва, сфотографировать себя. Только подкрадусь – улетает и присаживается в двух метрах. Я – за ней, как Мальчик-с-Пальчик из сказки. Или, скорей, как какая-нибудь убогая девочка: «От цветка к цветку, от грибка к грибку – и оказалась в дремучей чаще». Я до чащи,

правда, не добрался, но Киевское шоссе в азарте перебежал – за ним начинается лес, углубляться в который мне из страха перед клещами не хотелось. Бабочка летела вдоль лесной дороги – и казалось, что я вот-вот ее сфотографирую, – уже было с десятков смазанных кадров! Лес этот мне более-менее знаком: туда летом все ходят по грибы-ягоды и ничего не боятся.

И вот, исторический момент настал: бабочка замерла на цветке – кажется, устала. Я бесшумно крадусь, с легким жужжанием выезжает объектив... Палец уже на кнопке... Увы, уникальный кадр не состоялся. Все это время я боковым зрением видел справа странный огромный коричневатый нарост на дереве неподалеку – думал рассмотреть поближе, когда сделаю снимок. Но в тот момент, когда я уже шевельнул пальцем, «нарост» вдруг быстро-быстро двинулся по дереву вверх... Я перевел глаза и увидел, что это... медвежонок. Довольно крупный... Я не его испугался. Просто медвежата без мамы не бегают. А мама убивает все живое вокруг, что, по ее мнению, может угрожать ее ненаглядному чаду.

Дальше произошло нечто непонятное: у меня никогда не было никаких провалов в памяти, но я не помню следовавшие несколько минут или секунд. Вот одно воспоминание: веселый медвежонок ловко карабкается вверх по дереву. И сразу же за ним – такое: я стою на Киевском шоссе, уже на другой его стороне, и с ужасом вглядываюсь в лес напротив. Сердце мое слабо трепыхается где-то в животе. Как я там оказался – не знаю...

- И она тебя не съела? – в гробовой тишине деловито спросила Оля Маленькая.

- Нет, к сожалению, – ответил Борис.

- Теперь я! – желая перебить впечатление не от рассказа, а от последних трех слов, живо выкрикнула Маша. – Мне кажется, что животные знают гораздо больше нас. Вот вам

История вторая, рассказанная испуганной, но полной надежд женщиной Машей, о том, как кот первым распознал преступника, жаль только, что не умел говорить.

Это случилось в начале нашего века. Мои бабушка и дедушка жили вдвоем и держали домашнего любимца – сиамского кота. То есть, на-

зывали его сиамским, а по факту, как я теперь понимаю, он был тайский «чоклит-пойнт».

Умнейший зверь, прожил 21 год – добрый, спокойный, дословно понимавший человеческую речь. Бабушка и дедушка души в нем не чаяли. И вот, в самом начале нулевых, когда кот был еще, по котовым меркам, молод, произошла одна ужасная история.

Дедушка работал инженером-изобретателем в крупном НИИ. Однажды к ним домой зашел по какому-то рабочему вопросу дедушкин сослуживец. Когда в дом входил чужой человек, кот Маркиз обычно занимал позицию на верху большого шкафа в прихожей, оттуда обозревал пришельца и уж потом, если тот нравился, слезал – знакомиться. Если не нравился – благоразумно оставался на шкафу до ухода гостя. Но в тот раз произошло непредвиденное: стоило только дедушкиному коллеге войти, как кот вдруг бросился ему на голову с высоты шкафа – и принялся буквально терзать лицо и голову! Гость мгновенно оказался весь в крови, орал благим матом, кота еле отодрали, пострадавшему оказывали помощь, не знали, что сказать в оправдание... Он вылетел из квартиры, как ошпаренный...

Ну, что делать, – что было, то было... Об этом случае несколько месяцев старались не вспоминать.

Но в то время в районе (он у нас называется Кировский) периодически пропадали маленькие девочки лет пяти-семи. Их находили потом зверски задушенными и... ну, вы понимаете... – в разных подвалах. Убийцу найти не могли. Когда пропала очередная жертва, жившая неподалеку от НИИ, молодой старательный участковый принялся обходить квартиры в своем квартале – на предмет «не видел ли кто чего-нибудь подозрительного». И дошел он в своем обходе до только что построенного и заселенного ведомственного дома, где получили совершенно новые квартиры сотрудники НИИ – и тот самый «пострадавший» дедушкин коллега среди них. Зайдя к нему в квартиру, участковый застал хозяина за циклевкой паркета. Он удивился про себя: зачем циклевать паркет в новом образцовом доме, где паркет только что постелили? Закрались смутные подозрения – и милиционер вернулся под каким-то предлогом. В комнате висели дорогие старинные иконы – хозяин объяснил, что достались от бабушки, красивые предметы старины, очень украшают стену... За одну из икон участковый и ухитрился спрятать «жучок»... И уже буквально тем вечером преступника взяли: оказалось,

он перед этими иконами по ночам каялся в том, что убивал девочек, – не мог, дескать, победить порочную страсть... Он сразу во всем сознался (паркет циклевал – чтобы избавиться от следов смывтой крови), был осужден на пожизненное...

Всю жизнь до самой смерти дедушка переживал: «Я ведь ему каждое утро, когда здоровались, подавал руку! Кто же мог знать, что он такое чудовище!».

Никто, кроме кота...

- Маша, я же всех просила... – с тоской прошептала Корлева. – Вчера еще... У меня – дети! Я специально хотела сегодня о животных, доброе что-нибудь... А вы оба – как нарочно!

- Обстановка располагает, – без улыбки ответил Борис.

- Да хва-атит, мама! – прогудела вдруг девочка. – Мы с Лилькой из углового дома фильм недавно смотрели – там целых шесть девочек зомби убили... На кладбище... И ничего...

- Да... уже ничего, – согласился Станислав. – Давайте лучше я. Приходилось мне, как вы уже знаете, репетиторствовать...

История третья, рассказанная бывшим репетитором Станиславом, о попугае, с которым страшно было находиться в одной комнате.

Был у меня когда-то ученик Женя, которому я помогал когда-то готовиться к ЕГЭ – сейчас это, наверное, не мальчик, а взрослый молодой мужчина, но я помню его семнадцатилетним юношей. Он жил с родителями, которых я почти не видел, – они все время работали – и очень стареньким прадедушкой, лет, кажется, под сто, который лежал в маленькой комнате и уже не вставал. Квартира была огромная – пять или даже шесть комнат; похоже, купили и объединили пол-этажа.

И еще держали они попугая по имени Гриша, очень крупную и красивую птицу. Представьте себе: иссиня-серое туловище, ярко-синий хвост, и хохолок на голове такого же цвета. Попугай умел говорить и летал по квартире свободно. В свою всегда открытую клетку он запрыгивал только спать, клевать корм и справлять естественные надобности. Честно говоря, я никогда особенно не любил попугаев, особенно говорящих: это бездумное передразнивание людей меня раздражало.

Но я всегда был и, кажется, до сих пор уверен, что птицы (исключая воронов) – довольно глупые создания, и уж тем более, никогда не сомневался, что попугаи просто повторяют слова людей как набор звуков, не вкладывая никакого смысла, потому что особого разума и уж точно – абстрактного мышления не имеют.

Но вот этот Гриша... Странно признаться, но мне было неудобно, если не сказать страшно, находиться с ним иногда в одной комнате. А он, как назло, считал Женю своим главным хозяином и все время старался находиться рядом с ним. Когда шел урок, попугай всегда молчал, словно понимая, что мешать нельзя, но, когда мы в перерыве пили кофе, он садился на спинку стула на кухне и по силам «принимал участие в разговоре» – и тут у меня по-настоящему бежали мурашки по спине.

Однажды разговор зашел о стареньком парализованном прадедушке – я что-то такое сказал, что хорошо, дескать, ему в семье... И вдруг попугай наклонил голову и с особой, ироничной интонацией, как делают все, кто, наушничая, передает какую-либо гадость, изрек: «Квар-ртир-ра пр-ропадал-ла!». Мне стало не по себе, Женя смутился. Стали дальше говорить о прадедушке – о том, что он был коммунистом, и теперь не очень-то любит своего внука (Жениного папу) за то, что у того бизнес, называет его всякими плохими словами... И тут Гриша подсказывает: «Бур-ржу-уйский выр-родок...». Создавалось полное впечатление, что он полностью, до тонкостей, понимает разговор и сознательно, на равных, участвует!

Когда он однажды встретил меня в прихожей словом «Припёр-р-ся!» – я уже был не очень удивлен – а Женя густо покраснел. Я, конечно, понимаю, что никто не любит дополнительные занятия, но всё-таки...

В другой раз, когда я уходил, родители пришли с гостями, причем, кажется, из ресторана, где уже немного подвыпили. Один гость, увидев красивого матерого попугая, сделал ему «козу» и игриво сказал: «Попка дурак». «Сам дурак», – хладнокровно ответил попка, и от «козы» не попятился – зато, как ошпаренный, отлетел гость...

Однажды мне забыли заплатить за урок, я тоже забыл и чуть не ушел без денег. Так представляете – Гриша вдруг, хлопая крыльями, пролетел мимо моей головы, сел на дверцу шифоньера и выкрикнул: «Пиастры, пиастры!». Я чуть не упал.

С тех пор я стал его по-настоящему бояться. У меня складывалось впечатление, что передо мной какой-то циничный, гадкий, насмешли-

вый человек в птичьем обличе. Который всех оценил (очень невысоко!), ни к кому не привязан, но ловко всеми пользуется... Он реагировал даже на телевизор на кухне. Однажды показывали какие-то дебаты политиков, у нас был перерыв, и мы лениво поглядывали на экран. Гриша внимательно смотрел, и вдруг раздался его крик: «Пр-родали-ись, пр-родали-ись!». Я, конечно, понимаю, что он повторял слова людей, – но всегда точно в тему! Последний раз я видел его уже накануне ЕГЭ. Женя встретил меня словами: «Знаете, а наш прадедушка ночью умер». Из комнаты донесся комментарий: «Стар-рый пер-рдун!» – сказал как отрезал Гриша... Знаете, я чуть не убежал сразу.

С тех пор прошло много лет. Но я до сих пор вздрагиваю, когда вижу или слышу попугая...

Впервые за все время подземной жизни за столом то и дело раздавался смех.

- У нас в детском саду в живом уголке тоже попугай есть! – деловито сообщила Оля после того, как взрослые отсмеялись. – Только он маленький и зеленый. Его зовут Кеша. Но он не говорит.

- Волнистые попугайчики тоже могут разговаривать, – ответила Оля Большая. – У одной моей коллеги есть такой попугайчик, и тоже Кеша, только голубой, так он...

- А что, попугаи даже голубыми бывают? – серьезно поинтересовался Борис.

Все снова прыснули, исключая Олечку и Митю, который вдруг без улыбки выдал:

- Опять вы с пошлостями, Василий Иванович.

Совершеннолетнее население снова повеселело.

- Его не Василий Иванович зовут, а дядя Боря! – вступилась девочка.

Оля Большая приобняла ее:

- Я только хотела сказать, что тот попугайчик у моей коллеги ходил перед зеркалом по ее туалетному столику, смотрел на свое отражение то одним глазом, то другим, горделиво поворачивал голову, и приговаривал: «Кеша кр-раси-ивый, пу-ухл-ленький»... Но я-то сегодня тоже хотела рассказать о птицах – самых умных, близких родственников воронов, которых упомянул Стас, – о ворóнах. Некоторые добрые люди подкармливают ворон и того не знают, что тем самым создают себе хороших охранников...

История четвертая, рассказанная любительницей птиц Олей Большой, о том, как вороны заботятся о тех, кто их кормит.

Наша соседка, девочка лет тринадцати, недавно была внезапно спасена от приставаний не то сумасшедшего, не то маньяка. Она возвращалась вечером из кружка, шла вдоль дома к своему подъезду (вот и учи детей ходить по людной улице под фонарями!) – и вдруг незнакомый мужчина (она сказала – «толстый дядька») подошел к ней сзади вплотную и стал теснить ко входу в полуподвальный «тепловой узел» (не знаю, как точно называется, – там ступеньки вниз и какие-то трубы). Он у нас несколько дней почему-то стоял открытым. И вдруг на голову дядьки откуда-то обрушились десятки ворон! С жутким карканьем они пикировали с неба ему на голову, клевали мощными клювами и били крыльями! Мужик, прикрывая голову сумкой и непечатно ругаясь, еле унес ноги, а девочка убежала домой – мне рассказала обо всем ее бабушка, когда я сметала листья с машины на следующий день. Оказалось, девочка очень любит именно ворон, знает, где они собираются, и часто выносит туда из дома остатки еды – причем, вороны ее уже ждут и сразу слетаются – она их ничуть не боится. И вот, выходит, они все это время тайком «блюли» свою «кормилицу», охраняя ее от неприятностей, и в нужное время защитили!

Я вспомнила, что с моей покойной бабушкой лет тридцать назад был похожий случай. Она жила у лесопарка «Покровское-Глебово», тоже любила ворон и носила им еду, причем, они так же точно узнавали ее издалека и, едва завидев на дорожке парка, слетались. А однажды бабушка вышла гулять с подругой – таким же божьим одуванчиком, каким и сама выглядела. Никто на бабушку не напал – бабульки беседовали об искусстве. И вот подружка восторженно выкрикнула, взмахнув сумочкой, – насколько я помню их обеих, что-то, вроде: «Ах, Тamarочка! Я так обожала МХАТ в молодости!». Но вороны-то человеческого языка не понимают! Они решили, что спутница кричит на бабушку и намерена убить ее сумкой. И немедленно с карканьем обрушились на голову несчастной старушки со всех сторон – представляю, какой ужас и шок та испытала! Правда, когда моя храбрая бабушка принялась лупить их собственной сумкой, они поняли, что ошиблись, и сразу, как по команде, улетели...

Так что любой из нас может получить самую неожиданную помощь

в нужный момент – если будет помнить сказку об Иване-Царевиче, который по дороге к своим подвигам походя помогал то одному зверю, то другому, а потом они спасали его от смерти... Ну, нам такое не светит... Давайте мы хотя бы ворон покормим.

- А что вы хотите? – авторитетно заявил Станислав. – Я вот на статью недавно наткнулся. Ворона – единственный представитель животного мира, замеченный за изготовлением орудия труда. Даже приматы их не изготавливают, а используют в своих целях подручные предметы... А та ворона делала свое «орудие» прямо в парке биологического института. Потому и заметили. Она хотела достать из дупла какие-то личинки себе на обед – а длины клюва не хватало. Тогда ворона улетела и вернулась с проволокой. Тут уже стали ее на видео снимать. Она этой проволокой ковырялась в дупле, ковырялась – безуспешно. Посидела, подумала-подумала – и слетела вниз. Лапой придавила проволоку к земле, а клювом загнула конец, чтобы получился крючок. Взлетела обратно и все личинки благополучно вытащила. И ведь птица – не млекопитающее.

- Точняк, они все умные, только не говорят, – поддержал растроганный Макс. – Насчет птиц не знаю, а вот кошки – наверняка. Но я хотел другую историю рассказать, про то, как погиб кот нашей соседки – ну, из того розовенького дома, они в этом году не приезжали... Она мне сама рассказала, прошлой осенью еще.

История пятая, рассказанная любителем кошек военным в отставке Максимом, о том, как кот спас свою хозяйку, пожертвовав собой.

Надю и ее кота мы с Катюшей знали много лет. Она говорила, что его порода – «восточно-европейская» – ну, да все знают, что это обычный русский полосатый котик, какого можно встретить на любой помойке. «Сам по себе» он гулял редко – в городе хозяйка его не выпускала на улицу, а на даче он ходил свободно только в границах собственного участка: знал, что за пределами вся территория уже поделена между котами местной популяции, и не рисковал соваться на чужие охотничьи угодья. Но участок у соседей большой, ездят они на дачу зимой и летом, поэтому Барс – так его звали – часто позволял себе пробежаться по земле, половить мышек и кротов. Но, вообще-то, кот был смирный,

не драчливый, дома все больше лежал на кресле, любил смотреть телевизор.

На участке у Нади есть небольшая отдельная летняя кухонька, где в августе она и в том году, как всегда, занималась заготовками впрок. Кот мирно гулял по участку, муж сидел дома. Денек стоял теплый... И вот, она решила зачем-то выйти из кухоньки (собственно, это сарайчик без крыльца, лишь с одной ступенькой). Дальше буду от ее имени рассказывать, так проще.

«Я не успела ничего понять, – говорит Надя, – просто, держа в руках полную компота трехлитровую банку и заботясь только о том, чтобы ее не уронить, сделала один шаг на лужайку. Все произошло за долю секунды: прямо у меня под ногами раздалось громкое шипение, а потом – какой-то мгновенный бросок. От неожиданности я прыгнула вперед и уронила свою дурацкую банку. Обернулась и увидела жуткую сцену: под сарай юркнула огромная, толщиной с толстую палку, серо-черная гадюка, а Барсик упал на бок и странно забился... Змея, значит, грелась прямо рядом со ступенькой, и я неминуемо наступила бы на нее и была бы укушена... Но мой кот откуда-то понял, что мне грозит смертельная опасность, и бросился на змею... Он не привык на них охотиться – его добычей были всегда только мелкие зверьки, вроде полевок, – а тут такая здоровенная змеища... Он промазал – но закрыл собой мою почти босую, только в резиновом тапочке, ногу... И получил смертельную дозу яда в шею... Звать на помощь было бесполезно – Барс умер почти сразу, у меня на руках...».

Отважного кота-героя хоронили все ближайšie соседи. К сожалению, нас с Катей в те дни на даче не было, поэтому знаю только по рассказам. Многие плакали. А тот бритый старикан – может, помните, в последнем доме живет, один, – так он бывший афганец, боевой офицер. Раньше он говорил, что признает только собак, а кошечки, по его мнению, – «услуга старых дев». Однако, узнав о подвиге Барса, он пожертвовал ему на могилку самое дорогое, что есть у десантника, – голубой армейский берет. Могилки, наверно, нет больше... после сраной «дезинфекции» – а то я бы вам ее показал...».

Все посмотрели на спасенных Татьяной и Катюшей кошек – темно-рыжую, почти красную Розу и скромную «восточно-европейскую» Мурку – которая, тем не менее, держалась вожаком, и пышную краса-

цу пыталась откровенно гонять. Роза сонно вылизывалась на стуле рядом с хозяйкой, Мурка блаженно дремала на коленях Макса, рассеянно почесывавшего ее острое, то и дело трепетавшее бархатное ухо. Во время короткой тишины все услышали, словно отдаленный звук мягкого, хорошо отлаженного мотора – это неостановимо шла кошкина благодарственная молитва...

- Катюш, а расскажи, как ты ее получила, – улыбнулся Макс, старательно начесывая кошке уже за другим ухом.

- По соглашению с ее мамой Белкой, – улыбнулась Катя. – И даже после вполне внятного разговора с ней...

История шестая, рассказанная кошатницей Катюшей, о том, как Муркина мать удачно пристроила своего ребенка в хорошие руки.

Пять лет назад приехала я в гости на дачу к приятельнице, и вдруг она предложила мне взять у соседей котенка. У тех окотилась кошка, и они не могли уехать с дачи, пока не пристроят всех котят, – а стоял уже конец августа, детям скоро в школу. Мы с Максом до этого давно хотели взять kota или кошку, но все как-то не выходило, собраться не могли. А тут, вроде бы, сам к нам шел... Мы с подружкой сразу же отправились на соседний участок. Нас встретил сын хозяев, мальчик лет четырнадцати, и сказал, что Белка после каждого визита людей, желающих посмотреть котят, перепрыгивает своих детенышей, – но он подсмотрел, где их новое место. Котята были спрятаны в узком пространстве между потолком и крышей гаража, на соломе. Кошки-мамы не было – ушла по делам, на охоту, наверно. Из трех котят я выбрала одного, посадила в корзинку, и мы отправились к приятельнице в дом. Там мы котенка поили козьим молоком, протирали ему курятину через сито – он наелся досыта и заснул. Мы еще обедали, болтали – часа четыре провели в доме и уже под вечер, в ранних сумерках, тронулись к станции, неся котенка в маленькой корзинке под марлей.

Когда шли огородом, вдруг откуда-то раздался рев. Не кошачье мяуканье – а именно разъяренный рев, будто небольшой тигр рассердился! Мы замерли и инстинктивно прижались друг к другу. Между грядками показалась грозная полосатая кошка, которая с самым решительным видом, выставив усы и вздыбив шерсть, шла на нас, испуская хриплые

воинственные вопли. «Это Белка... – прошептала моя знакомая. – Она вынюхала своего ребенка!». Кошка приблизилась и припала, готовясь к прыжку... Как ей должно было быть жутко, бедной матери, решившей спасти свое дитя! Ведь по сравнению с ней я – ходячая гора, наверное! Это все равно, как если бы я приготовилась к бою с живым «Камазом»! Моя приятельница пробормотала: «Сейчас бросится!» – и одним движением спряталась за меня.

Но я отчего-то совсем не испугалась – сама удивляюсь: ведь если бы кошка прыгнула, то серьезные раны мне были бы обеспечены. Кстати, корзинку я бы выронила точно – следовательно, котенка она бы «отбила» и тут же унесла... Но что-то мне подсказало другой способ общения. Я совершенно спокойным, уверенным голосом стала говорить ей: «Белка! Я ничего плохого ему не сделаю! Твоему ребенку будет у нас хорошо! У него всегда будет много вкусной еды. Он будет спать в тепле. Все будут его любить. Никто никогда не обидит и не ударит. Пожалуйста! Отдай мне его и не беспокойся! Я хорошо позабочусь о твоём котенке!». И вот с изумлением мы обе увидели, как кошка, слушая меня, успокаивается. Потихоньку ровно встали ушки, перестали топорщиться усы, шерсть понемногу ложилась, на мордочке появилось очень внимательное выражение – словно она напряженно слушала и понимала. Никакой воинственности в ней вообще не осталось. Тогда я сказала: «Хочешь попрощаться с ним?» – и, опустившись на траву, поставила корзинку и откинула марлю. Была секунда – я ясно видела это! – когда Белка хотела схватить детеныша за шкуру и бежать. Она напряглась – но вдруг расслабилась и уже спокойно подошла к корзинке и напоследок ласково вылизала пищавшего котенка. Вылизала – и отступила. Сама. И потом стала как бы пятиться между грядками назад, не отрывая от меня взгляд. Сцена была потрясающая. Мы смотрели друг другу в глаза, и кошка удалялась. Я сказала: «Белка, я обещаю». Кошка еще секунду постояла, потом круто повернулась и исчезла в кустах.

Свое слово я сдержала. Ее дочка (сначала думали, что котик, но оказалось – девочка) стала моим близким другом, как видите... Надеюсь, она и моего сына будет нянчить...

- Обязательно будет! И греть его, и успокаивать! – сказала Маша. – Наш кот тоже моего Лешку грел... Четырнадцать лет назад. Он на год его старше и считался новым котенком, наверное. Так и росли вместе. Толь-

ко Лешка теперь молодой парень, а кот – бодрый старик... Такой вот парадокс... Короток кошачий век, – она опустила голову и задумалась.

Соломоныч в этот вечер почему-то сидел грустный, погрузившись, вероятно, в воспоминания. Вдруг он поднял голову и живо заговорил:

- А у меня в детстве была собака. Большая. Черный пудель. Мама так хотела, а папа во всем ее слушался. На выставке нашей собаке даже присудили золотую медаль. А потом клуб собаководства нашел ей хорошего жениха...

История седьмая, рассказанная бывшим собачником Соломонычем о том, как его собака родила девять щенков.

Ее супругом стал обладатель большой золотой медали, звали его Санчес, и после двух вязок под наблюдением опытного егеря, Кэрри принесла нам потомство в виде девяти совершенно игрушечных созданий! Помет было необходимо называть на одну букву, и нам выпала «Р». Имена, данные новыми хозяевами, я помню и сейчас, почти семьдесят лет спустя: Ромул, Ромео-Монтекки-Дирон (кому такое могло прийти в голову – меня не спрашивайте), Раджа, Рута, Рада, Равелина, Рашель-Эра, Райта и Регина...

Своей жизнью они во многом обязаны моему папе. После собачьих родов он взял отпуск на работе (мы шутили: «Вышел в декрет»), чтобы выхаживать щенков. Более восьми щенков в помете оставлять официально не полагалось: последние, мелкие, считались нежизнеспособными и подлежали немедленному утоплению – да и то сказать, непонятно, что под конец родилось – щенки или мелкие комки грязи; документы могли получить только восемь, да и сука, как считалось, большее количество выкормить неспособна, потому что и действующих сосков у нее как раз столько же. Папа мой сутками ползал на коленях вокруг гнезда, контролировал каждую кормежку, перекладывал более сильных щенков к верхним соскам, а более слабых – к нижним, где молока было больше и сосать его было легче. Кроме того, после каждой кормежки он Кэрри доил в пузырьки от валерьянки, а потом через пипетку вливал молоко в рот тем щенкам, которые по слабости сначала и сосать нормально не могли... Выходил через месяц всех!

Мы были совсем неопытными заводчиками, увы, – и весьма скоро щенячий помет из очаровашек превратился в слаженную псовую стаю,

почти банду! Они весело хулиганили в квартире и погубили все, что возможно: на лоскутки пустили обои и мягкую мебель, пообгрызли все деревянное, до чего могли дотянуться, и даже почти пробили в цементе дыру на балкон – долгими слаженными усилиями... Не говоря уже о том, что, войдя по рассеянности к ним в комнату в дорогих фильдеперсовых чулках, мама могла немедленно с ними распрощаться...

Двое из них погибли в новых семьях на первом году жизни, а остальные стали медалистами. Помню, последнюю девочку никто долго не хотел брать: действительно, была она вся какая-то неловкая, куцая, бегала бочком, рядом с великолепными своими братьями и сестрами смотрелась гадким утенком... Мы уж решили, что, если не найдется на нее охотника, то оставим себе, пусть будут у нас две собаки! Тем более что и Кэрри, раньше от своего потомства в панике бегавшая, оставшись с одной дочерью, освоилась и стала учить ее собачьим премудростям... Иногда даже давала ей легкую трепку... Но однажды пришла молодая девушка и как-то сразу доверчиво рассказала, что она инвалид, живет одна, работать и замуж идти ей нельзя – вот она и берет себе друга, чтоб не так одиноко было жить. Мы обрадовались: казалось, на большее этот последыш не годится, отдали за полцены, лишь бы отвязаться.

Каково же было наше с папой удивление, когда через три года мы узнали, что Рада стала чемпионом породы! На выставке мы увидели великолепного пуделя, возглавлявшего шествие по рингу, – и гордая его хозяйка показалась подозрительно знакомой... Мы пригляделись: да это же наша девушка-инвалид, которой мы за полцены сбагрили негодного щенка! Да, это была она, неуклюжая бесперспективная Рада, обернувшаяся просто красавицей! Попав в хорошие руки, она, что называется, «выправилась» и превратилась в роскошного пса, эдакого «черного лебедя»! А ведь папа когда-то спас ей жизнь, самолично вспоив из пипетки!..

Да, а все деньги, вырученные от продажи щенков, пошли на ремонт квартиры...

- Ромео-Монтеки-Дирон! – расхохотался Макс. – Делать людям нечего...

- А что? Мне лично иногда хочется обратиться к пуделям на «вы»... Жаль, они не в моде теперь... – ответила Оля Большая. – Я раз залезаю в тэшку, а там мужчина сидит с коричневым пуделем. Интеллигентный

такой мужчина, прямо, лорд. А пудель – ну точно такой же! Просто одно лицо. И выражение то же...

- У нас тоже был черный пудель, – улыбнулась Татьяна. – Только малый...

Между тем Маша легонько наклонилась к Борису и прошептала:

- А ведь и ты, наверно, тоже в хорошей, доброй семье вырос... Судя по тому, что и своя семья у тебя потом была дружная... И как же...

- И что – как же?! Ты продолжай, не стесняйся! – сразу ощетинился он.

- Да нет, ничего... – сдалась Маша. – Просто... – и замолчала, обхватив себя руками.

- Кто у нас еще не рассказывал? – спросил Станислав. – Кажется, Ваше Величество, только вы и ваши царственные отпрыски.

- Ладно, я расскажу. Коротенький случай, но поучительный. Жаль, здесь все девушки... замужние. А то они поняли бы, за кого им выходить замуж, чтобы точно стать счастливой... Ну, ничего, может, хоть Олечка послушает... – вызвался сегодняшний «принц»

- Чтобы быть счастливой, нужно выйти за молодого человека с перспективой хорошо состояться в жизни, сына приличных родителей. Это аксиома, – раздраженно пробормотала его мать. – И будь уверен, Оля за такого и выйдет. Она у нас не дурочка.

- Чтобы быть счастливой, нужно выйти за доброго человека, способного любить! – вдруг почти агрессивно сказал Митя.

- Какая гармоничная семейка... – тише шепота прошелестел Станислав на ухо своей жене.

История восьмая, рассказанная упрямым подростком Митей, о том, за каких мужчин должны выходить замуж умные девушки.

Знаете, где я его видел, тетя Маша? У вас, когда ездили с классом на экскурсию в Петербург. В тот день нам показывали петербургское метро, в вагоне которого он и стоял... Как сейчас вижу: мужчина лет сорока, маленький, в толстой зеленой куртке, в стоптанных кроссовках, сам давно не стриженный, с трехдневной щетиной...

Стоял в вагоне, сказал я... Но как?! Согнувшись ровно пополам и упираясь ладонями себе чуть повыше коленей! Spина его, таким об-

разом, представляла собой импровизированный стол или, скорее, пуфик, на котором, крепко держась на твердо расставленных лапах, стояла грациозная, черная, без единого светлого пятнышка кошка... Понятия не имею, какой породы, но тонкая, с вытянутой мордой, похожая на тех, которых в Древнем Египте считали божественными. Ее красота и благородная грация подчеркивалась бархатным, черным же воротником с пышными рюшами, унизанными жемчужинами (уж не знаю, искусственными или натуральными). Никакого ошейника и, тем более, поводка, у кошки не было. Она просто стояла на мужчине и так ехала, спокойно щуря свои огненно-золотые глаза.

Поезд подошел к станции «Автово», мужчина с кошкой вышел. Но он не разогнулся, не взял ее на руки! Нет, он так и потопал по платформе к лестнице – сложенный пополам, почти не поднимая голову и еле переставляя ноги, в которые все так же упирался руками. Божественная кошка плавно колебалась, стоя на нем и не делая ни одной попытки соскочить, – как восточная королева на носилках, несомых рабами.

Весь вагон провожал их потрясенными взглядами. Мужчина как бы ничего не замечал – так и скрылся у нас из виду. Модная дама рядом со мной презрительно так процедила: «Надо же до такого дойти...». А мне вдруг стало очень хорошо и тепло на душе, и почему-то подумалось: «За таких мужчин девчонки могут спокойно выходить замуж...». Ведь тот, кто умеет так любить свою кошку, никогда не обидит любимую женщину...

- Надеюсь, Олечка все-таки за такого не выйдет, – поджала губы Татьяна. – И ты не вздумай ей мозги на эту тему пудрить, а то, действительно... Еще послушает старшего брата и выскочит за нищего кошатника. Наш папа тоже любит Розу. И тоже за ухом ей умеет чесать, – она сверкнула глазами на умиротворенного Макса. – Только он еще и головой умеет работать.

- Он даже платяг тебе и мне сам покупает! – звонко и гордо крикнула вдруг Олечка.

- Я расскажу, – торопливо перебила ее Татьяна, – как мы с подружкой однажды приехали сюда, на дачу, без детей – в марте, чтобы прибраться после зимы... И выяснилось, что осенью я забыла положить отраву для мышей... А Розу с собой мы не взяли...

История девятая, рассказанная правильной и начитанной женщиной Татьяной, о том, как люди сначала думали, как убить мышь, а потом – как ее спасти.

Никто не любит мышей. Терпимо к ним относятся только сугубо городские люди, видевшие их милыми серыми пушистиками на картинках. А на даче, как все вы знаете, это сущее бедствие. И обязательно нужно осенью перед отъездом на зиму в город рассыпать для них отраву, иначе, вернувшись, вы обнаружите в доме очень много неприятного – от прогрызенного насквозь шкафа с крупами, до мышинового роддома в комод с постельными принадлежностями – не говоря уже о помете буквально везде.

Но в сентябре мы уезжали в спешке, и яд разложить я забыла, за что и были наказана, приехав весной: мыши буквально оккупировали дом и почти внаглую, чуть не вразвалку, ходили перед нами! Приехала я со подружкой Леной, а свою кошку оставила в городе – она у нас кашляла перед этим, боялась, как бы второй раз не заболела. Мышиное шуршание и характерный топоток слышались почти постоянно – но вдруг я нашла на чердаке большую деревянную мышеловку (может, это даже крысоловка была) с внушительным крюком для приманки внутри и захлопывающейся со звуком тюремной двери подъемной решеткой. Нацепила кусок сыра на крюк и поставила крысоловку в кухне, вышла – и тотчас послышался грохот: ловушка сработала. Мы с подружкой бросились проверять: действительно, в прочной толстой клетке с отчаянным писком металась мышь. «Ага! Попалась!» – торжественно провозгласила Лена, протягивая руки к мышеловке. Схватить-то она ее схватила – да так и осталась, потому что раньше мы мечтали только о том, чтобы мышь поймать, – а вот что с ней дальше делать – как-то не задумывались. Я поразмыслила немножко и неуверенно предложила: «Давай бросим ее в ведро с водой, а когда потонет, выплеснем в кусты». Так и сделали: перевернули ловушку торцом вниз, отодвинули крышку – и мышь упала в полное ведро. Только она не утонула, а начала шустро нарезать круги по воде, периодически дико бросаясь на борта жестяного ведра в попытках выскочить. Бесполезно. Борты были слишком высоки для нее, а вода холодная... «Стукни ее по голове чем-нибудь...» – еще менее решительно попросила я подругу. «Что я – убийца, что ли?!» – возмутилась она. А мышь металась в воде по кругу все быстрее, все отчаянней бросалась на борты, срывалась, царапала жесть коготками,

снова кружила в смертном ужасе – и умоляюще поднимала мордочку на нас. Я в жизни не забуду ее вытаращенных черных пуговичек-глазок и торчащих вперед усиков!

Все живое бьется за жизнь до конца... Как мы здесь...

В общем, если до того стоял вопрос, как мышь прикончить, то теперь остро встал другой: как ее спасти? Я зачерпнула животное кастрюлькой и понесла к выходу. «Ты что – с ума сошла – на холод ее выносить! Она же мокрая! Простудится!» – кинулась на меня Лена, но поздно – я уже выплеснула мышь на прошлогоднюю траву. Обе мы увидели, как она пулей рванула обратно к теплому дому... «Будем надеяться, что не успела переохладиться», – удовлетворенно пробормотал моя подруга.

Надеюсь, что та мышь благополучно прожила свой коротенький мышиный век, и совесть наша чиста. По крайней мере, она у нас есть...

Этот рассказ заставил всех смеяться второй раз за вечер.

- Да уж, ну, вы гуманистки, дамы! – сказал, просмеявшись, Максим. – На вашем месте я бы... Хотя... Хм... А ведь черт... Действительно... Чеченов валил, и рука не дрожала, особенно как увидел первые трупы наших ребят с отрезанными... – (Татьяна умоляюще выставила ладони, и Макс осекся.) – Короче, не помню за собой никакой сентиментальности. А вот мышь в такой ситуации – не знаю, смог бы прикончить, или нет.

- Нет, не смог бы, – твердо сказала Катя.

- И я, – отозвался Соломоныч.

- И я... И я... – зашелестело со всех сторон; промолчали только Борис и Оля Маленькая.

- Кстати, Олечка, – ласково нагнулась к ней Оля Большая. – А ты что же ничего про зверушек не рассказываешь?

Девочка деловито кивнула:

- Сейчас. У нас в садике в живом уголке белая крыса тоже детенышей родила...

История десятая, рассказанная умной девочкой Олей Маленькой, о том, как хорошо до сих пор работает естественный отбор.

У нас жили в клетке две белые крысы – Нюся и Пуся. Глаза у них были красные. Когда мне однажды делали анализ крови и прокололи

палец, то показалась капелька крови. Вот такие же у них были глаза. Страшные... А хвосты – будто им пришили к попе дождевых червяков. Нюся Пусе однажды порвала ухо – и мы хоть стали их различать. И вот прихожу я утром в садик... Папа меня очень рано привез, поэтому в группе только Юлька Кузнецова была. Ей воспиталка сказала поилки животным поменять – она и пошла в живой уголок. А сама воспиталка сидит за столом и пишет, а на нас – ноль внимания...

- Воспитательница, – поправила Татьяна. – Нина Викторовна. Хорошие девочки говорят так: «Нина Викторовна сидит за столом и на нас не смотрит».

Оля только отмахнулась:

- Ну, в общем, да, не смотрит... Тут Юлька ко мне подбегает и говорит на ухо: «Хочешь посмотреть, как Нюся рожает?». Я, конечно, подхожу к клетке – а там уже девять крысят! Такие маленькие, голые, скользкие розовые уродцы... С закрытыми глазами и тупыми рылами... Противные, ужас... Такая гадость... Я думала, они хорошенькие, пушистенькие, а там... Бе-е... А Пуся в другом углу клетки сидит, нахохлилась вся, бедная, и зубы скалит... И прямо при нас из Нюси десятый родился, последний...

- Ольга! – почти взвизгнула Татьяна. – Хорошие девочки не... не... Не смотрят на это... И не... не...

- Ой, ну, хватит, мама! Я что – слабонервная? – презрительно скривилась Олечка. – Короче, стала Нюся их по очереди нюхать и лапой толкать... Четыре штуки в сторону откатила, а остальных слопала... Очень быстро... Собственных детей, представляете? Только косточки захрустели... Юлька как закричит воспиталке: «Нина Викторовна, а Нюся своих детей кушает!.. Сидит и чавкает!..».

- Так, достаточно! – Татьяна вскочила и кинулась к дочери, сидевшей напротив, рядом с онемевшей Олей Большой и давившимся от беззвучного смеха братом. – А ну-ка, замолчи сейчас же! Хватит меня позорить! Оля, замолчи, я сказала! Митя, зажми ей рот!

Но, чтобы достичь цели, требовалось обогнуть длинный и широкий стол, вокруг которого сидело немало ошарашенных людей, и, пока мать не добралась до дочери, та скороговоркой закончила свое мрачное повествование

-...а-воспиталка-подошла-посмотрела-и-говорит-их-не-отнять-уже-она-кусаться-будет-но-это-она-лишних-ест-слабых-а-остальных-

ей-легче-выкормить-будет-это-естественный-отбор-так-Нюся-и-стрескала-шесть-крысят-и-не-подавилась... ум-мммм... – на этом месте одна властная материнская рука плотно легла ей на рот, а другая схватила за локоть и поволокла из-за стола во тьму.

- А потом воспиталка!.. Сказала!.. – донесся из коридора до заинтригованных слушателей отчаянный детский крик. – Что Пуся оказалась Пусиком!.. И заведующая дура!.. Что их в одну клетку посадила!..

- И на этой оптимистичной ноте... мы заканчиваем четвертый день Декамерона... – разрядил обстановку Максим, и на этот раз в ответ грянул взрыв полновесного хохота. – А поскольку Ее сегодняшнее Величество явно не настроено выбирать завтрашнего Короля, то я делаю это вместо нее и объявляю... Вы, наверное, догадываетесь, кого, да и Татьяна, надеюсь, против не будет... Катюха! Быть тебе завтра нашей Королевой! Назначай тему.

Катюша немножко помолчала, потупившись, потом несмело оглядела всех:

- А давайте завтра... о любви рассказывать...

- Сегодня, – поправил Станислав, взглянув на часы. – Он уже наступил,

Пятый день Декамерона, в который рассказываются истории о любви.

И день этот начался с оглушительного женского вопля – такого, что одинаково слепые, как земляные черви, в своей кромешной тьме, разбуженные обитатели бункера на ощупь, один за другим, вывалились в слабо освещенный коридор. Притушенную керосинку на ночь выставляли на край кухонного стола, чтобы желающие добраться до уборной действительно до нее добрались, – а там, в умывалке, ночных путешественников ждал на стуле у двери единственный действующий фонарик-энзе: им разрешалось пользоваться только в случаях посещения санузла и карабканья по шахте на поверхность. На кухне рядом с отвернутой до предела яркости лампой все увидели заломившую руки Татьяну в небрежно запахнутом халате, которая, сжимая какой-то линованный листочек, голосила без слов. Ее отчаянно трясла перепуганная и поскуливающая от страха Олечка. Женщины, недоуменно восклицая, окружили их, а кто-то из мужчин осторожно вынул бумажку из рук ика-

ющей от рыданий женщины.

- «Мама, я ушел в храм. Это необходимо. За меня не беспокойся, к обеду вернусь. Твой сын Митя», – громко прочитал Макс. – Хорошенькое дело...

- Он не вернется!!! – наконец, членораздельно выкрикнула Татьяна. – Его поймают и заберут!!! В утилизатор!!! Я его больше не увижу!!! – и вдруг она рухнула на колени, где стояла: – Мужики, миленькие!!! Найдите его!!! Верните!!! Я... я вам что хотите... У мужа бизнес... Он деньги даст!!! Любые, какие хотите!!! Только найдите его, мужики!!! Макс!!! Ты ведь в Чечне воевал!!! Ты знаешь!!! Ты умеешь!!! – закрыв руками лицо, она чуть не повалилась на пол лицом вниз, но Маша и Оля Большая вовремя подхватили ее и силой усадили на стул, сунули стакан с колодезной водой.

- Люк! – хлопнул себя по лбу Борис, и метнулся к шахте.

Через пару минут он появился вновь и мрачно доложил:

- Да. Люк открыт. Я запер. Хреново. Если Митьку поймают да тряханут как следует, он расскажет про бункер, и всех нас уже к обеду развезут по утилизаторам.

- Он не расскажет, – твердо сказал Станислав. – Во всяком случае, если его не будут пытаться, а пытаться его, конечно же, не будут. Совет что-нибудь, парень умный.

- Зачем вы заперли люк?!! – закричала Татьяна. – Как он войдет, если вернется?!!

- Сделает «тук-тук-тук»! – для доходчивости нагнулся к ее лицу Макс. – Не маленький, догадается. И вообще, смотреть надо было за пацаном лучше... В общем, так. Спасательная операция откладывается...

- Да вы что, с ума сошли, это ведь ребенок! – бросилась к нему Маша. – С ним что угодно может случиться!

- ...до после обеда, – неумолимо закончил Максим. – Потому что он обещал к этому времени вернуться. Вот, если не придет, – тогда и рискнем... здоровьем, куда мы денемся. Когда обед у нас обычно? В два? Значит, ждем до трех, а потом выходим – я, Стас и Борис – а вас, баб, – на Соломоньча...

Завтракать почти никто не мог. Вяло пожевав, кто что нашел, все, кроме Кати и старика, не сговариваясь, полезли наверх. При белом свете дня на Татьяну было страшно смотреть. Она уже не кричала и не плакала. Ее дочку увел «дядя Боря», которого девочка парадоксально выде-

ляла из всех мужчин, верно, смутно чуя в нем что-то особенное, другим недоступное. Убитая вынужденным ожиданием женщина неподвижно сидела на поваленном стволе недалеко от люка и стеклянным взглядом смотрела перед собой. Напрасно Оля Большая и Маша, сочувственно прилипшие к ней с обеих сторон, пытались наглаживать ее по рукам и бормотать обнадеживающие слова: Татьяна не реагировала, только изредка раздраженно дергала то одним, то другим плечом.

- Слушайте, у нее руки совсем ледяные, хотя куртка на пуху, и вообще тепло сегодня... – прошептала Маша, перегнувшись к Оле за спиной Татьяны. – Беда какая... Думаете, придет?

- Я молюсь, – быстро ответила та.

Маша хотела было ядовито прошипеть, что мальчишка тоже, видимо, ушел помолиться, но вдруг ее словно что-то толкнуло изнутри: а Кого она сегодня ночью, снова лежа без сна, придавленная тьмой, как могильной плитой, на своей жесткой клеенчатой кушетке, давясь слезами, инстинктивно просила пощадить ее собственного сына, не пустить в зачумленный, дышащий черной смертью город? Маша выпрямилась и старательно погладила Таню по плечу:

- Он вернется, вот увидишь, – в сотый раз повторила она, но на этот раз ни с того, ни с сего почувствовала в этом странную, ни на чем не основанную уверенность – уверенность, которая словно пришла извне.

«Борис! – пронеслось у нее. – Он тоже чувствует, когда у других все закончится благополучно! И я вот сейчас, кажется, тоже... Откуда же это приходит?!».

Мужчины поодиночке наматывали широкие круги вокруг отваленной крышки люка, мучительно вглядываясь в чашу на все четыре стороны. Время как остановилось – теория относительности работала на «ять». К половине второго всеобщее напряжение почти достигло предела, и карантинники невольно подтянулись поближе ко входу в родной бункер и тупо раскачивавшейся на своем замшелом бревне Татьяне. Мужчины значительно переглядывались, но и без слов было ясно, что до трех часов никто не выдержит...

Но ровно без пяти два, когда вглядываться в глубь тоскливо шумевшего леса уже перестали, Митя вдруг, как ни в чем не бывало, словно вырос перед ними среди елок, никем не замеченный в защитного цвета куртке и темно-оливковых штанах... Мать молча вскочила, хотела кинуться к сыну, но вдруг схватилась за ворот свитера: она силилась

сделать вдох, но воздух не шел в сведенное судорогой горло – выпучив глаза, Татьяна сипела, громко втягивая его в себя... Женщины бросились к ней, защebetали, уговаривая успокоиться.

Мужчины пару минут не произносили ни слова.

- Любуйся. Твоя работа, – указав подбородком на Татьяну, коротко бросил, наконец, Макс и отвернулся.

Одним движением он метнул свое тренированное тело в открытый люк; сплюнув, Борис последовал за ним.

- Не понял, а чо тут у вас такое-то? – удивился Митя. – Мам, ты чего, а? Я же русским языком написал – к обеду приду... Я вот и два пауэрбанка зарядил – твой и свой. Теперь хоть со светом будем...

- Написал?! Написал?! – обретшая голос Татьяна подскочила к сыну и замолотила кулаками по его плечам. – Ты хоть соображаешь, что ты наделал?! Что ты со мной сделал!!! Со всеми нами!!! Идиот!!! Мерзавец!!! – схватив за локти, она стала трясти парня с такой силой, что, казалось, он сейчас рассыплется на кусочки.

Станислав бросился между ними, отталкивая Митю, отрывая руки его обезумевшей матери:

- Таня, все... все... Все закончилось... Сейчас идите... Идите вниз... Возьмите пауэрбанки, зарядите всем айфоны... Вам надо покушать и лечь... Прийти в себя... А я здесь сам... С ним... По-мужски... Идите... Таня, пожалуйста... И не ждите нас к обеду. Мы потом.

- По-мужски, как же! – вспыхнула Маша. – По-мужски ему надо морду сейчас набить так, чтоб в подушку превратилась! А вы такой же прихожанин церковный, как он! Вы его, еще, поди, похвалите за стойкость в вере! А что он чуть мать родную не угробил... И нас всех подставил...

- Мария! – громко призвал Станислав. – Не говорите, о чем не знаете. Помогите лучше Тане спуститься! И оставьте нас, в конце концов.

- Он педагог, если помните, – сказала ей на ухо Оля Большая. – И уж поверьте мне: из разговора с ним Митя вынесет побольше, чем из банального мордобоя.

Татьяна все еще плакала, но уже нормально, со вздохами и всхлипываниями, просто как женщина, пережившая сильное потрясение, и покорно дала себя увести – только Маша укоризненно оглядывалась на ходу...

* * *

- Ну, что, гонимый за веру, – строго сказал Станислав, проводив глазами последнюю макушку, исчезнувшую в люке, – сам-то понимаешь, что наворотил?

- Только, пожалуйста, без нотаций! – Митя дерзко дернул плечом совершенно так же, как недавно его мать. – Я от учителей еще в школе устал, мне только в лесу их не хватает! А вы сами, раз верующий человек, то должны понимать, как тяжело христианину долго обходиться без храма. И от вас последнего я ожидал услышать упреки. Я думал, хоть вы моей матери объясните, этой дуре-атеистке непробиваемой, которая называет себя «агностик»!

- За стойкость в вере – хвалю, за пауэрбанки – тоже, – с недвусмысленной угрозой тихо произнес Станислав, подходя ближе. – И нотации читать на собираюсь. А вот за такие слова о матери, которая здесь чуть на свихнулась... – он коротко размахнулся правой и со всей силы двинул Мите в челюсть, так что тот изумленно отлетел к старой ели и треснулся об нее затылком.

Стас сделал к оглушенному парню широкий шаг, взял его за шиворот и занес левую:

- ...и за то, что девять человек подвел под новый риск заразиться чумой и умереть, – левый кулак четко вписался в скулу малолетнего преступника, только после этого догадавшегося закрыть лицо руками. – И, раз ты такой продвинутый христианин... предпоследних времен... то поучись и мученичеству, – третий, не особо сильный, но весьма ощутимый удар пришелся в поддых.

Стас удовлетворенно отступил, спокойно глядя, как наказанный отрок, осев на колени, судорожно пытается вдохнуть.

- Ничего, – спокойно сказал педагог. – Раз уж твоя мать после того ужаса продышалась, то ты и подавно продышишься. А теперь пошел вниз, гаденыш. И послушай, что тебе там скажут.

Он отвернулся и, поправив одним пальцем очки на переносице, отправился восвояси, в сторону просеки. Но недолго учитель шел в тишине – очень скоро он услышал позади торопливо нагонявшие его шаги и робко гудящие призывы:

- Дя-адя Стас... А-а, дядя Стас... Ну, пожа-алуйста...

Станислав, не оборачиваясь, улыбнулся. «А вот теперь можно и нотацию», – усмешливо подумал он и остановился. Митя нагнал его и

смущенно затоптался в двух шагах.

- Рассказывай, только коротко, – обычным тоном приказал Стас.

- Ну, я – это... Мне, правда, очень надо было. Я ведь и раньше, до всего... Обязательно два раза в месяц на службу ездил на велосипеде. Мать недовольна была, но что она может, я же не маленький... Один раз даже не до этой Никольской церкви, а до самого монастыря доехал, и вас с тетей Олей там видел... Я понимаю, что молиться можно везде, и в бункере тоже, но душа просила... И вообще – осмотреться, вдруг уже сняли оцепление, а мы тут сидим, как дураки... Я же не мог у мамы разрешения спрашивать: ежу понятно, что не разрешит... Написал записку, чтоб не волновалась... Положил на кухне под лампу...

- Ты это серьезно? – не выдержал Стас. – Ты всерьез считал, что она не будет волноваться, когда ее малолетний сын сбежал с карантина в эпидемию чумы, без защитной одежды, в зараженном районе, где ходят патрули? Честное слово, когда мы рассказывали эти... истории, у меня сложилось впечатление, что ты умнее!

- Дядя Стас, но я же все продумал! – горячо заговорил мальчишка. – Я лесом шел! Ни с кем не встречался! Дороги перебежал, только после того, как убеждался, что никого нет! Храм внутри оцепления, это я ведь знал! Ограду перелез сзади, из кустов... Никто меня не видел. А там... Я понимал, конечно, что церковь заперта и на сигнализации, но... В общем, там раньше алтарник был моего возраста, отца Сергия племянник. Короче, дружили мы... Ну, он мне и рассказал, что на сигнализации там только все двери, а пролезть можно через подвал, как не фиг делать. – («Хорош у попа племянничек...») – пробормотал в сторону Станислав.) – В смысле, через подвальное окошко, если вышибить. Взрослый-то мужик туда не поместится, а мы еще можем протиснуться... Ну, я и пролез, хоть и трудно было: куртку снял и потом за собой втащил, свитер весь изодрал... Там внутренняя дверь просто на крючок была заперта, я ножиком подцепил – и все дела. Выключателем щелкаю – свет зажигается... Ну, я и подключил к розеткам пауэрбанки и свой смартфон... Пока заряжались, спички в ящике нашел и свечи, зажег одну... И молился перед иконами как положено – специально подольше, чтоб все зарядилось получше... На своем телефоне проверил – нет сети. Поэтому и понял, что район по-прежнему оцеплен: если бы все в порядке, то сеть бы дали... Кроме того, пустынно кругом, а если б кончилась чума, люди бы встречались... Но я бы к ним, в любом случае, не подошел: я

ж понимаю, что без респиратора сейчас от любого можно заразиться и принести заразу к нам сюда...

- А также от любого дерева у дороги, – жестко сказал Станислав. – И от любого прута ограды, к которому ты прикасался, а до тебя – кто-то другой. От собаки, которая мимо пробежала, а ты не обратил внимания. А также из воздуха, в котором только что прошел зараженный, а ты его не успел заметить. Наше садоводство, думаешь, единственный очаг? Кругом деревни, где круглый год живут, их вряд ли сожгли, там ведь у людей единственные жилища. Им, скорей, объявили строгий карантин – но можешь ты быть уверен, что его все соблюдают? А ты точно знал до того, как обнаружил накинутый крючок, что кроме тебя, никакой тощенький паренек или девушка не лазили в ту же церковь помолиться о близких? А если наш бункер в округе не единственный, и еще в нескольких тоже спрячутся такие же люди из других сожженных садоводств? Ведь среди них, как и среди нас, могут быть переносчики: двадцать восемь дней с момента, как все оцепили, еще не прошло! А если ты сам уже болен чумой? Я же видел, как ты разговаривал с дочкой той женщины, которую увезли! Ты не думал о том, что можешь передать кому-то заразу и стать убийцей, даже не узнав об этом при жизни?

Митя классически, как и подобает отчитываемому отроку, опустил голову и ничего не ответил.

- Вот все в твоём возрасте считают себя взрослыми и обижаются, что должны кого-то слушаться – учителей, родителей, – мягче продолжал Стас. – Все очень просто: был бы ты действительно взрослый – подумал бы обо всем этом и продолжал молиться в бункере или в лесу, отойдя в сторонку... Как я, как моя жена... Ты думаешь, ее душа не рвется в тот великолепный, красивейший монастырь, намоленный с семнадцатого века? Но мы обо всем этом задумались и предпочли переждать. Ради себя и других. А ты – нет. Потому что пока не имеешь нашего жизненного опыта – в силу возраста. Я не говорю тебе: чтоб больше такого не было! Потому что верю, что ты и без меня придешь к тому же выводу.

Митя хлопнул носом и поднял голову, трогая то челюсть, то скулу:

- Больно же...

- Да, – неумолимо согласился учитель. – И это дополнительно укрепляет мою надежду на то, что ты не сбежишь по личной надобности еще раз. Короче, исчерпан инцидент. Сейчас пойдешь и извинишься перед всеми. А перед мамой и сестрой – отдельно, наедине, это уж сам смотри, как совесть подскажет... Давай, герой, не дрейфь.

Карантинные сидельцы заканчивали обед, подавив в себе возмущение Митиным безумным поступком из сочувствия к медленно оправляющейся Татьяне, когда послышался железный звук запираемого изнутри люка, и Митя первый предстал перед неодобрительно уставившимся на него подземным сообществом.

- Господа, мы благополучно все выяснили, – возник за его плечом спустившийся следом Станислав. – Давайте не будем всем скопом добывать Дмитрия. Он все осознал и хочет нам что-то сказать.

- Я – того... – в недоброй тишине выдавил юноша. – Очень извиняюсь перед всеми... Но почти уверен, что никто не пострадает... Я, типа, позаботился об этом... Дядя Стас знает... Хотя это не оправдывает, и все такое... Короче, извините... Я не подумал... Не знал, что... – оборвав покаянную речь на полуслове, раскаявшийся грешник, стремительно развернулся и, врезавшись по дороге в косяк, кинулся к своей двери.

Вновь сгустилась тишина.

- Ну, правда... – сказал, понижая голос, Станислав. – Пусть все это останется в прошлом. Мы не в том положении, чтобы копить обиды... Он ведь молодой парнишка, ему трудней, чем нам... Мы с ним все проработали, будьте спокойны: надолго запомнит. Ручаюсь, что ни такого, ни подобного...

- Да о чем речь! Раз уж среди нас такой профессионал по перевоспитанию трудных подростков... – встав из-за стола, Макс направился в коридор и, минуя в дверях посторонившегося Стаса, буркнул ему в ухо: – То-то у пацана вся морда скособочена... Силен ты, оказывается, проработывать. А на тебя и не подумаешь...

- А я и сам не знал, – несколько озадаченно отозвался Стас. – Это у меня дебют. Причем, экспромтом вышло. Но, честное слово, понравилось...

- Так, и не забыли, что сегодня вечером рассказываем о любви! – поднялась Оля Большая. – Самое время, – и почти неслышно добавила: – После такой-то науки...

Вечером никого особенно упрашивать не пришлось. Дамы сдержанно рвались в бой первыми, и после ужина и чая с вареньем, едва вновь избранная Королева несмело предложила начинать, скромная возрастная Оля Большая тут же молодо выкрикнула с места:

- Чур, я!

И так была в этот вечер представлена

История первая, рассказанная Олей Большой, женщиной, любившей один раз в жизни, о том, что любовь зла, полюбишь и козла.

Тридцать лет назад со мной в дородовом отделении роддома лежала молодая женщина. У нее начались было преждевременные роды около тридцати недель, но врачи сумели предотвратить их и оставили женщину на сохранении. Денег у нас тогда особо не было, поэтому и роддом оказался соответствующий, с суровыми, полуказарменными порядками. Например, любые посещения запрещались, передачи просматривались на предмет «запрещенности», даже разговоры с мужьями через окно преследовались: вдруг мы упадем с подоконника и спровоцируем выкидыш? Вилки и ножи не давали – вдруг возникнет психоз, и мы друг друга перережем? В нашем роддоме запрещались даже пояски у халатов: вдруг мы повесимся?

Ничего странного, что в таких условиях женщины держались сплоченно, по-семейному, всячески поддерживали друг друга. По вечерам поднимали «запрещенные» передачи в сумках на веревке, которую ловко прятали от медиков, чтоб не отобрали. Всем вкусным, что удавалось урвать, щедро угощали друг друга – многое шло в «общий котел». И, конечно, поддерживали и подбадривали упавших духом, скучавших по родным, по дому... Ту женщину звали Люда, и она, я слышала, тихо плакала по ночам в подушку. Женщина внешне интересная – худенькая, с большими глазами, точеными руками, скромная, нежная, напоминая мне почему-то подснежник... Однажды одной доброй обитательнице нашей восьмиместной палаты удалось ее разговорить, и Люда призналась нам, что муж у нее «строгий»: не позволяет ей ничего «лишнего» («А то меня родители так разбаловали!»); сам покупает ей одежду по своему вкусу («Ведь важно, чтобы я нравилась мужу, а не самой себе, правда?»); с подругами разрешает общаться только в своем присутствии и недолго («Потому что они еще не замужем и могут завидовать мне черной завистью»); и даже сказал, что если ребенок от него, то это обязательно сын, а если дочь – то он ее не признает («Потому что такой мужественный мужчина не может оказаться "бракоделом"»)..

Надо сказать, что от ее высказываний мы всей палатой дружно офигевали – другого слова не подобрать. Особенно, когда Люда вдруг спокойно сказала, что у мужа (они были действительно официально за-

регистрированы) есть и другие женщины, чего он даже не скрывает: «Он – настоящий мужчина, ему надо». Спрашивали ее деликатно – не страдает ли она (вдруг – мазохистка, тогда понятно, ей жизнь в удовольствии). Оказалось – страдает, и еще как! И плачет ежедневно по многу раз – но никогда ни в чем благоверного не упрекает, старается во всем ему потакать, иначе он бросит, а она его любит, он лучший в мире, она не может его потерять... Но ведь она же красивая, может найти себе другого, который будет хорошо к ней относиться! «Кто – я? Не говорите глупостей, он меня из милости взял, пожалел, что я, уродина, никому больше не нужна». А если девочка родится (в те годы на УЗИ пол ребенка не сообщали)? «Тогда я не знаю, что делать, придется к маме возвращаться – он не поверит, что это его ребенок».

Стоя у окна в ожидании милого, который все не шел и не шел, она задумчиво гладила свой живот и шепотом с нежностью повторяла: «Там маленький Петров растет...». То есть, она ждала себе на голову второе такое же сокровище.

Однажды ненаглядный все-таки пришел – под окном выкрикнули ее фамилию. Люда рванулась к окну, а мы всей палатой – к соседнему: посмотреть на неотразимого брутального красавца, которому не жаль бросить под ноги жизнь. Под окном, засунув руки в карманы и гоня сигарету из угла в угол рта, стоял мужичонка, на которого без слез не взглянешь: метр с кепкой, тщедушный, в дешевенькой куртенке, с незначительным равнодушным лицом... Люда отчаянно жестикулировала за стеклом, ее лицо выражало живейший восторг. Он в ответ снисходительно пожимал плечами, потом помахал рукой, повернулся и ушел. Вскоре принесли от него и передачу – со всем «разрешенным» – но Люда едва ли не перецеловала каждый сверток. Меня на следующий день выписали.

Все это много лет стоит у меня перед глазами. Через два месяца я снова оказалась в том же роддоме в одной послеродовой палате с женщиной, которая и в дородовой лежала со мной. Она рассказала, что вскоре после моей выписки у Кати все-таки случились преждевременные роды, и разрешилась она девочкой... О ее дальнейшей судьбе мы никогда не узнали...

- Она его не любила. Это называется зависимость. Причем, в тяжелой форме, – авторитетно заявила Маша. – Большая на всю голову была эта Люда, вот что.

- Любовь бывает разная, – нравоучительно поправила Татьяна. – А этот муж о своей жене заботился, как умел. И не верю я, что он ее с девочкой бросил... Это он шутил, наверное, – ну, как мужчины шутят: ювелир, бракодел... А потом очень любят своих дочек...

- Так он и вообще на твоего похож, – съязвила Маша. – Твой ведь тебе тоже сам платья покупает, какие ему нравятся... Не отпирайся, Олечка ведь выдала твою страшную тайну...

Татьяна покраснела:

- И что здесь такого? Я обычно дома с детьми, а если выхожу куда-то – то, в основном, с мужем. Естественно, он хочет видеть рядом жену красивую – так, как он это понимает. Не вижу ничего плохого. Бизнес его, деньги его...

- ...жена его... – без выражения вставил Борис. – Мужик прав: если жена от мужа финансово не зависит, хорошей семьи не получится. Не будет она знать свое место.

- Место можно только собаке указать, – жестоко сказала Оля Большая. – Не верю я в счастье, построенное на унижении... Да и ты не веришь, Боря. Раньше у тебя счастье не такое было.

Борис дернулся, как от удара, и промолчал.

- Не все это так болезненно воспринимают, – огрызнулась Татьяна. – Люди разные.

- Конечно, рабы и господа, – презрительно бросила Маша. – Даже песенка когда-то была с припевом: «Я твоя раба, тра-та-та, я так хотела сама!»

- Дорогие дамы, давайте все-таки о любви, – миролюбиво напомнил Станислав.

- Вот и расскажите, если такой эксперт, – сказала Татьяна; обнаружив на лице отпрыска очевидные следы воспитательной проработки, пусть и наивно отрицаемой, она теперь активно недолголюбивала нестандартного педагога.

- Хорошо. Раз моя жена уже рассказала свою историю, и я не рискую украсть у нее идею, то расскажу вам об одном красивом парне, который в нее отчаянно влюбился и погиб...

- Что?! – искренне изумилась Оля Большая. – В меня?! Влюбился и погиб?!

- Коротка девичья память, покойников не считают, – фыркнул Соломонч.

История вторая, рассказанная передовым педагогом Станиславом, о том, как один красавец любил его жену до самой смерти.

Курица не птица, индюк – тем более. А даже если птица – то что с того? Мозгов там размером с лесной орех, и все они нужны для поддержания безусловных и условных рефлексов. Индюшачье мясо, как все мы сегодня в очередной раз убедились, потрясающе вкусное, его практически невозможно испортить. Жареная индейка – шедевр жанра... Собственно, это почти все, что мы знаем об индюках. Да, еще есть выражение «важный, как индюк» – это из-за комплекции и походки... Но был один индюк в моей жизни, о котором я вспоминаю десять лет и, наверное, никогда не забуду. Индюк, который самым настоящим образом влюбился в мою жену.

Как-то в июне мы гостили у супружеской пары, которая летом жила в деревне и держала там индюков, которых к осени забивали. Вот точно так же, как эти наши соседи, которых мы ограбили. Ребята ничего не продавали, диетическое мясо использовали исключительно для собственного стола, угощали друзей... Еще, кажется, парник у них был, а так не слишком убивались в сельскохозяйственном отношении.

Красавцы-индюки, еще молодые, свободно гуляли по двору, каждый имел незамысловатую кличку. И в первый же день мы заметили, что один из самцов почти не отходит от моей Оли. Вот буквально: она к колодцу – и он тут как тут; она, извините, в дачный домик-туалет – он караулит под дверью, даже неудобно; вычислил, где окно нашей комнаты, и часами перед ним «пасся», а когда Оля выходила на крыльцо, – сразу с радостным бульканьем и распахнутыми, как для объятий, крыльями, семенил к ней... Все смеялись: «Смотрите-ка, наш Сеня в Олю влюбился!». Оля охотно шутила вместе со всеми, кидала Сене какие-то лакомства – и, честное слово, лицо (или как про птицу надо говорить – не «морда» же?) индюка, казалось, выражало полный восторг, почти такой, как у резко поглупевшего по случаю внезапной влюбленности мужчины... И это не один день продолжалось – все пять-шесть дней, что мы гостили! Настойчивый ухажер буквально преследовал мою жену, а стоило ей присесть в саду или во дворе на лавочку – тотчас же подбегал и, как собака, клал ей голову на колени и преданно смотрел снизу-вверх – что, кстати, сделать весьма проблематично, когда глаза у тебя располагаются по бокам головы... Когда мы садились в машину,

чтобы уезжать, Сеня все понял и горько заголосил, прямо застонал, стоя у открытой дверцы! Всем стало не по себе, хозяин отогнал расчувствовавшегося Ромео...

Индюк тот долго не выходил у меня из головы – ведь это загадка! С трудом можно поверить в то, что млекопитающие испытывают настоящую привязанность, не обусловленную кормом или чем-то похожим, – но в тех случаях все равно проходит какое-то время, они что-то хорошее получают от своего объекта обожания... А тут – птица, да еще «любовь с первого взгляда»!

В конце сентября Оля навещала тех наших знакомых на даче уже без меня – собственно, это ее одноклассники, не мои, я первый раз просто за компанию с ней поехал. Про Сеню она сразу не спросила – с первой минуты заболталась с подружкой «о девичьем». А вспомнила только, когда на стол подали жареную индейку, и хозяйка со смешком сказала: «Помнишь ухажера своего, Сеню? Так это он!».

«Что тут со мной стало! – рассказывала Оля чуть ли не со слезами. – Комок в горле встал, ни слова сказать не могу! Понимаю, что глупая сентиментальность, да и вообще все это чушь собачья... Смотрю на жареную тушку – и ужас охватывает, как будто кругом каннибалы сидят и человека есть собираются! Который меня любил... Так и не съела ни куска – даже думать не могла об этом! Все опять принялись подшучивать – мол, не ответила ли я ему тайно взаимностью... А я не знала, как удержалась от рыданий...».

Никто не рассмеялся.

- Точно, было такое, – шепотом сказала Оля Большая. – Давно, лет десять тому... В прошлую эпидемию... Я тоже его не забываю. Это загадка.

- Да, интересно бы ученых расспросить по этому поводу, – сказал Максим. – Должно же это как-то объясняться...

- Любовью это объясняется, – прижалась на миг лицом к его плечу Королева Катюша. – Можно, теперь я?

- У тебя очень хорошо получается, – растроганно глядя на нее, сказал ее муж.

История третья, красивая и страшная, рассказанная любимой и любящей женщиной Катюшей, о том, как можно все отдать за любовь.

Мама одной моей коллеги сейчас уже довольно пожилая женщина, даже, можно сказать, совсем старая, ей лет девяносто, если учесть, что коллеге за шестьдесят. Но в свое время ее мама была энергичная, крупная и боевая дама – освобожденный парторг на крупном промышленном предприятии. Кто жил в те годы, тот помнит, что это была высокая и престижная должность.

Мы с коллегой пили сухое вино у нее дома и разговаривали о любви – в частности о том, какие бывают «настоящие мужчины». И вдруг на кухню пришла ее старушка-мама – она уже живет в семье дочери, потому что одной ей трудно, болеет. Послушала она нас, послушала – и вдруг говорит:

«Лично я видела в жизни одного настоящего мужчину. И тот был, к несчастью, не мой...». И она рассказала красивую и страшную историю.

В ту странную пору часто случалось так, что жены писали на собственных мужей, особенно если те состояли в партии, заявления в партком, где жаловались на их плохое поведение – то есть, «моральное разложение» или пьяные выходки. Партком разбирался на полном серьезе: виновного вызывали, стыдили при всех, гнусно допрашивали, грозили карами, могли вынести предупреждение или даже объявить выговор по партийной линии. Сейчас это кажется смешным и жалким, но в те годы человек действительно боялся получить крупные неприятности, расплатиться карьерой, будущим. Партия и «моральный облик» коммуниста были делом серьезным, никто не решался с этим «шутки шутить», особенно если занимал приличную должность. А уж исключение из партии обеспечивало человеку практически «волчий билет», ломало жизнь навсегда.

И вот на предприятии, где парторгом была эта женщина, в очередной раз заседало партбюро – разбирали заявление жены, требовавшей вернуть в семью морального «разложенца», имевшего любовницу. Вина его была уже и раньше доказана – беспартийную любовницу просто уволили, а ему вынесли последнее предупреждение. Но угрозам муж-

чина не внял и продолжал встречаться со своей «пассией». Партбюро, в основном, состояло из таких вот неудовлетворенных жен – в строгих костюмах, при брошках под подбородком, с химической завивкой, в золотых перстнях с искусственными рубинами... Все они проявили полную солидарность с несчастной женщиной и клеймили «развратника» наперебой, грозя ему страшными карами. Редкие мужчины, попавшие на судилище, были в данной ситуации лишены права голоса – и лишь лицемерно кивали. «Вы понимаете, что с такими моральными установками вам не место в Коммунистической партии?! – трагически спросила одна из высокоморальных советских дам. – Что если вы будете продолжать такую жизнь, то лишитесь не чего-нибудь, а – партбилета!». И в этот момент «преступник», до того понуро стоявший перед покрытым бордовой скатертью столом, вдруг живо поднял голову и окинул всех поразительно ясным, каким-то «солнечным» взглядом...

- Всего-то? – спокойно спросил он и расстегнул пиджак.

Он вынул из внутреннего кармана красную книжечку, тихо положил ее на край стола перед окаменевшими членами парткома и громко, четко и раздельно сказал:

- Я. Встретил. Женщину. Своей. Мечты, – помолчал и в звенящей тишине добавил: – Теперь я свободен?

Все по-прежнему молчали, потому что совершилось нечто чрезвычайное, невероятное и невозможное: мужчина отказался абсолютно от всего, и с этого момента мог считать себя конченным человеком. В наше время даже нет такого поступка, который можно сравнить с тем. Что случилось дальше? Он сразу же уволился сам, и никто не знает, что было с ним потом...

Лично мне очень хотелось бы, чтобы он ушел от своей жены (и пусть другие жены загрызут меня), женился на любимой и прожил с ней долгую счастливую жизнь.

Верю, что так и было. Он это заслужил...

- Ка-а-а! Да я тебя, выходит, плохо знаю! – ошарашенно протянул ее муж. – Вот никогда... в жизни моей не пришло бы мне в голову, что ты можешь встать на сторону любовницы!

- Да, – сказала Татьяна. – В эти наши...м-м... подземные вечера еще и не такое откроется... Лично мне, конечно, не нравится, что посторонние люди вмешивались, но мужик этот, по-моему, никаких хороших

чувств не заслуживает. Женщина мечты, скажите, пожалуйста! А жена, которая ему всю жизнь отдала, – о том, как ей больно, вообще думал кто-нибудь?

- Мы ведь не знаем, кто там прав, кто виноват... Но любовь точно была, без любви такие поступки не совершаются... – задумчиво сказал Станислав. – Это вам не индюк Сеня...

- Возможно, я скажу трюизм, но двух одинаковых любовью быть не может. Каждый видит ее по-разному... Хорошо, я вам расскажу, как сама в молодости очень любила одного человека... И что из этого вышло через тринадцать лет... – отозвалась Маша.

История четвертая, рассказанная неустроенной женщиной Машей, о том, как она встретила бывшего возлюбленного спустя много лет.

Наша любовь началась, когда мы оба были очень молоды и полны надежд, захлебывались творческими проектами, искусством... Мне казалось, что я встретила замечательного, искреннего, талантливого, красивого человека – и сама была такая же: молодая, красивая, искренняя, талантливая. Мы не только любили – но и вместе творили, писали, рисовали, ездили по стране, много по-хорошему спорили, строили планы, ожидали от жизни многого: честного счастливого труда на своем месте, хорошей семьи...

Но мы расстались – так получилось. Он в угаре творчества изменил мне с какой-то однодневной «музой» – правда, надо сказать, я тоже давала поводы для ревности, у меня всегда было много друзей-мужчин, я отстаивала право жить «как считаю нужным», «делать себя сама»... Вероятно, максимализм юности заставил обоих «закусить удила»; во время не услышали, не поняли, не пошли на компромисс...

И жизнь потекла уже по разным руслуам. Но все равно я вспоминала его с благодарностью. Казалось, что такой талантливый, бурлящий энергией и планами человек обязательно должен был реализоваться в своем деле, создать что-то значимое – «нетленку», как иногда у нас говорят... Но сколько я ни набирала его имя в поисковиках – попадала только на однофамильцев, а он как сгинул. Я даже думала о худшем: ну, не мог ведь человек в наш век технологий просто так пропасть!

И захожу как-то раз в сетевой универсам – и вдруг слышу свое имя,

которое выкрикивает знакомый голос. Голос – это такое дело: его, как и запах, помнит сердце; если человек был значим, – голос вовек не забудешь. Оборачиваюсь, инстинктивно ищу взглядом, сердце падает. Голос зовет меня – а человека не вижу. И только когда он подошел вплотную и прикоснулся к рукаву, до меня дошло, что звал меня охранник на входе...

Узнать его было невозможно: он не то что состарился на четверть века, а лицо очень изменилось, черты как смазались, огрубели... На улице я бы никогда его не узнала – а теперь, потрясенная, узнавала по каким-то неуловимым штрихам... Он радостно тряс мою руку и улыбался – вместо зубов во рту торчали черные пеньки. «Миша, ты болен? У тебя что-то случилось?» – спросила я после приветствий. А сама смотрю на него – и думаю: это из-за этого человека я хотела отравиться... Попала в нервную клинику!

Нет, он не был болен, а... просто «так получилось»... Издательство, где мы работали, закрыли, в другое не устроился, свое дело, как я в те годы, открывать не стал – это трудно и рискованно, перебивался разными подработками, неудачно женился, развелся, сын растет оболтусом, квартиру потерял, долго судился с бывшей женой за комнату-развалюху, десять лет ее ремонтировал, все собирался сделать то, потом это, но все его обманывали, платили копейки, не было рядом хорошей женщины, которая бы понимала и не осуждала... Ну, и все в таком духе.

Миша попросил кого-то подменить его на полчаса, и мы пошли выпить кофе в ближайшее дешевое кафе. Там уже более подробно поговорили... Почему его нет в соцсетях? Да большой компьютер давно сломался, а телефон у него старый, кнопочный. Он выше всего этого и презирает «куркулей». Вот раньше же жили без всяких гаджетов, имели одни штаны и ботинки – и ничего, были хорошими людьми, а сейчас зажрались... Нет, нет, он принципиально против.

Потом дошло и до меня: как мне не стыдно? Я ни разу не поинтересовалась, не нужна ли ему помощь, не дала себе труда его найти, а сама жировала! Да, он слышал, что я – успешный искусствовед, даже книгу написала, но откуда у него деньги ее покупать – да он бы и не стал: как я не понимаю, что дело женщины – вдохновлять мужчину на подвиги, а не умничать и строить из себя «что-то такое»... И вообще, его такое поведение бывшей любимой оскорбляет: мне судьбой было предназначено служить ему поддержкой, тылом и опорой – тогда он

о-го-го, каких высот бы достиг! Он бы занимался чистым творчеством, а я бы обеспечивала всю «техническую базу» нашей жизни. Так что это я виновата: он меня любил высокой любовью, а я его не оценила и сломала ему жизнь... Он во мне разочарован: оказывается, я только о себе думала, раздувала свои мнимые таланты, вместо того, чтобы вспомнить о высоком предназначении женщины!

Поскольку я выслушивала такое не первый раз, то сказала, что мне пора, и попыталась встать из-за столика. «Я тебя не держу! Пожалуйста, отправляйся обратно в свою сытую жизнь, раз ничто духовное тебя не волнует!» – гордо сказал он. Я направилась к выходу, но была остановлена официантом. Оказалось, за кофе Миша платить отказался: это моя была «западная» идея поговорить в кафе – а он бедный человек и вообще «не приучен поить гламурных дамочек всяким там «Экспрессо»... Не глядя, я сунула официанту деньги и выскочила... И только тогда поняла, что наша любовь действительно закончилась.

- Потрясающе, – сдержанно сказал Макс. – Раз денег не нажил, то не человек. А уж если отказался платить в кафе за женщину, которая его бросила в грязь и стала успешной, – то вообще списать его со всех счетов... А что, кстати, профессия охранника не нужна? Чем, скажите, эта работа хуже вашей? Я, вон, тоже охранник – я тут лишний в вашем высоком обществе?

- Ты не охранник, а начальник военизированной охраны секретного оборонного института, – мягко поправила мужа Катюша.

- Но начинал, когда из армии комиссовали, с простого охранника на вахте! – вспыхнул он. – С зарплатой десять тысяч! А жена у меня, при всем при том, лучшая на свете, и не считает, что я недочеловек, если не пишу книг об искусстве! И у Кати, между прочим, тоже высшее образование! И ничего, я ей пятнадцать лет уже по всем меркам подхожу!

- Да не об этом речь-то шла! – умоляюще вскинула руки Оля Большая. – А о том, что человек оказался слабаком, который ждал, что ему удастся подняться за счет женщины, которая всем пожертвует. И Маша могла бы подтолкнуть – и хорошо подтолкнуть его вверх. Но его, а не себя! Он состоялся бы за ее счет, а она не захотела такой любви, вот и все!

- Да, Макс, про тебя никто не посмеет сказать, что ты не состоялся.

Ты человек на своем месте, тебя все уважают, и ты нужен – еще как: здесь, например, делаешь больше, чем все мы, вместе взятые... А этот ее Миша – действительно тряпка и неудачник, если женщину обвинил в том, что сам ничего из себя не представляет... А что за кофе не заплатил – мерзость и крохоборство. Даже зарплаты охранника на это вполне хватит. На водку же хватает, полагаю... – заступился Станислав. – Лучше сам расскажи, Макс. Мне почему-то кажется, что в любви ты разбираешься лучше, чем многие...

- Ладно, – сдался Макс. – Но это будет рассказ не о себе, а о старшем брате моей бабушки. Не знаю, встречается ли еще такая любовь в наше время...

История пятая, рассказанная брутальным мужчиной с нежной душой Максом, о том, какой, по его мнению, должна быть настоящая любовь.

Есть у моей старенькой мамы на комодике старинная фотография 1914 года. Да, да, такая древняя фотография – но очень хорошо сохранившаяся, в рамочке. Стоит у кресла стройная темноволосая женщина с несколько такими... шальными... глазами, в платке и светлом летнем платье, а в кресле расположился бравый фельфебель, не снявший почему-то фуражку, – в форме и великолепных высоких яловых сапогах. Рядом с ними – мальчик лет четырех в подпоясанной рубаше. Это родители и старший брат моей бабушки, маминей мамы, но ее самой на снимке нет по той причине, что родиться ей предстояло только через четыре года.

Брата звали Николай, и он не умер в детстве, пережил потрясения революции, репрессии, Отечественную войну – и далее след его теряется по причине классовой идейности его младшей сестренки... Она сочла, будучи взрослой, что недопустимо Николаю было жениться на интеллигентной девушке, и принимала молодых демонстративно неохотно, а потом и вовсе прекратила всякие отношения с семьей брата, решив, что, женившись на учительнице, он и сам превратился в «буржуя»... А между тем, любовь-то у Николая, моего двоюродного деда, которого я так никогда в жизни и не увидел, была особенная, редкая, в наше скорбное время невозможная. Накануне свадьбы его невеста Ниночка

попала под трамвай – такая вот трагедия – и ей отрезало обе ноги. Подумайте только – обеих ног лишилась молодая красивая девушка! Но свадьба все равно состоялась через год, хотя невеста ковыляла уже на двух протезах. Николай, по всей видимости, любил по-настоящему – и пара, нажив в согласии и благополучии двоих детей, так никогда в жизни и не рассталась... Мама видела Нину много лет спустя, и говорила, что та была действительно красивая даже в старости и... как это... породистая, вот!

Желая проверить современные нравы, я многим людям рассказал эту трогательную историю Николая и его жены. Проверку на вшивость не прошел никто: общее мнение, выраженное по-разному в зависимости от интеллектуального уровня слушателей, оказалось, в целом, одинаковым: от «Что он, дурак, что ли, совсем – на безногой жениться?» до «Женитьба из жалости – не вариант» – но, увы, только к этому свелась реакция моих современников обоего пола. Дураком-то он уж точно не был... И женился не из жалости... Хотя про другого сказать легко... Но я уважаю его. Так по-человечески, по-мужски уважаю.

- Если любишь – неважно, отрезало ноги или нет. А если не любишь, то и на здоровой женишься – а счастья не будет, – сказала Катюша.

- Что ни говорите, а для мужчины редкость, – покачала головой Маша. – В женщинах, кстати, совсем не удивительно. Сколько мужиков вернулось со всяких войн не то что без ног, а вообще, так сказать, «самоварами» – а бабы их не то что приняли, а холили и лелеяли, даже детей от них рожать умудрялись... А мужчина – да... Хороший, видать, человек был ваш двоюродный дедушка.

Макс примирительно улыбнулся ей:

- Жаль, поговорить с ним не довелось.

- А можно, я? – робко спросил вдруг Митя. – Этой весной я на похоронах был у одного человека, который часто выступал у нас в школе. Ему было девяносто семь лет, представляете! А он на своих ногах ходил – да шустро так! – лекции читал, и вообще... Крутой старикан, редкий... Настоящий мачо когда-то был, наверное.

- Неужели твою одноклассницу соблазнил? – едко кинул Борис.

- Хорошо, Митя, – разрешил Станислав. – Давай, реабилитируйся...

История шестая, рассказанная прощенным преступником Митей, о маленьком случае на похоронах старого мачо.

Я его искренне уважал: это был настоящий мужчина, герой... Сбежав на войну мальчишкой, сразу после нее он лишился обоих родителей – и те университеты, которые окончил, стоят нескольких красных дипломов! Он кочевал с цыганами, работал на заводе, был инструктором по туризму и альпинизму, горным спасателем, экскурсоводом по самым странным и опасным местам, писал захватывающие книги, победил рак, разбился в горах, был собран по кусочкам, пролежал без движения несколько лет – и восстановился, ходил на волков и медведей, участвовал в рыцарских турнирах, для которых сам себе ковал доспехи, построил и теперь стоящую церковь... Это все он рассказывал в школах, читал отрывки из книг. Никто не любит, когда его насильно задерживают после уроков и гонят слушать какого-то старпера, а вот на его выступления ходили с удовольствием, даже девчонки! В общем, он много чего еще в жизни сделал, имея совершенно корсарскую биографию – ну, и... женщин, конечно, тоже много любил... Как-то умел с ними, это чувствовалось...

Умер быстро, почти в сто лет, без мучений, перед смертью его исповедовали, причастили и соборовали.

И вот, мы с ребятами стояли на отпевании в маленькой больничной церкви, битком набитой самыми разными людьми, пришедшими проститься со своим другом. Помню только одно чувство – безграничное удивление. Почему-то казалось, что именно он умереть не может, такой всегда был живой...

Началось прощание, я подошел одним из первых и после этого остался неподалеку от открытого гроба, мысленно стараясь молиться за упокой. И вот тут... Среди идущих к гробу почти последней приблизилась женщина. Женщина? Нет, древняя старушка на двух костылях, еле-еле двигавшаяся. В старом пальтеце, платке, из-под которого выбивались седые космы. Ей на вид казалось около девяноста. Она находилась уже в том возрасте, когда редко пользуются косметикой и наряжаются, – да еще и вся больная... Никто не смотрел на нее в те минуты, кроме меня. И вдруг она переложила костыли в левую руку, и, подойдя к гробу, сделала правой какой-то особый приветственный жест. Быстрый такой. Даже не жест, а знак. Покойнику! Я сразу понял, что это

был какой-то тайный пароль, который эти двое когда-то употребляли меж собой, знак, понятный только им двоим, из поры, когда они были молодыми и любили друг друга. В нем так явно читалось: «Привет! Я все та же! И так же тебя люблю!». Она опустила руку и склонилась над гробом. Я отвел глаза, чтобы не подглядывать. Когда обернулся, женщина уже отходила, едва ковыляя. Потом в автобусе и на похоронах ее не было.

И ни один человек не смог мне потом ответить – что это за женщина была, кто ее пригласил, почему она не осталась... Вроде бы, ничего особенного я не рассказал. Но почему-то мне кажется, что это тоже о любви...

- О вечной... – тихо сказал Станислав. – Знаешь, Митя, мне кажется, ты когда-нибудь писателем станешь. Верный глаз у тебя. И чувства правильные.

- Поверьте, у него будет чем более серьезным заняться в жизни, – сухо сказала Татьяна. – Просто я много читаю детям сама и их понуждаю читать. Поэтому у Мити и язык такой хороший, и наблюдательность развилась... Я и сама, как вы знаете, умею рассказывать – по той же причине: у нас в семье ценили и уважали книгу. Это развивает все-сторонне, никто не поспорит... Но о любви я ничего не знаю, только то, что в книгах прочла. Поэтому я вам расскажу, как лечить разбитое любовью сердце... Мою близкую подругу в прошлом году бросил любимый человек...

История седьмая, рассказанная начитанной женщиной Татьяной о том, как ее подруга лечила разбитое сердце.

Вот, что она мне рассказала...

Когда это случается, кажется, ничто не поможет. Ощущение конченной жизни, бесцельности каждого часа. Причем, обесценивается все – даже то, что раньше радовало. Прибавьте открытое злорадство врагов: «Я же говорила!», бесполезное сочувствие друзей: «Да брось ты, он тебя недостоин!»... Не менее дурацкие советы: «Уделяй больше времени семье!» – но даже близкие тебя сейчас только раздражают своим благополучием. «Запишись в спортзал!» – и как, интересно, прорыдав всю ночь, ты пойдешь туда до или после работы, когда хочется только

одного – сдохнуть? «Полностью измени свою внешность!» – хороший, кстати, совет – только на выполнение банально нет моральных сил...

Часто сердце не просто отвлеченно «разбито» – но процесс сопровождается предательством, оскорблением чего-то святого, а если еще и на работе угораздило – так и публичным позором, пожалуй... И вот это все – каждую минуту с тобой. Нет сна без горсти снотворных, приходят панические атаки, удушья – и тут еще звонит (или, хуже, стоит над тобой) мама: «Что-то ты, дочка, мне мало внимания уделять стала...». А может, у тебя есть ребенок, которому ты, как ни крути – а должна, должна, должна... И не только ему, а всем: родителям, сестрам-братьям, коллегам, заказчикам, друзьям, начальству – и никому из них нет дела, что каждый вдох дается тебе с трудом... Дело семимильными шагами движется к катастрофе...

У нее так и случилось. Причем, поговорка «Беда не приходит одна» в то страшное лето относилась к ней целиком и полностью. У нее не только произошло абсолютно все, что я только что сказала, но плюс к тому – почти одновременно, с интервалом не более недели: ее крупно кинул на деньги, казалось, надежный заказчик, в результате чего она оказалась без копейки и в долгах; она получила серьезную травму, потребовавшую больницы и операции по сохранению пальца; у ее ребенка-подростка, который никогда до того не был аллергиком, неожиданно случился ночью отек Квинке и приступ астмы (тоже «скорая», больница)...

И настал день, когда, после двух больниц и срочной отправки ребенка с бабушкой в деревню, у нее по-настоящему встал вопрос о выживании. Она не качалась над пропастью – а уже летела в нее, дойдя до предела нервного истощения и незаметно перешагнув его... Однажды вечером включила телевизор и тупо уставилась в экран – а показывали в записи какую-то старую программу «Что? Где? Когда?». Когда она попыталась вникнуть в происходящее в студии, ведущий как раз поставил «музыкальную паузу». Помните, для чего это делалось? Это когда какой-то команде очень везло, а другой – нет, таким образом как бы «переламинали ситуацию». После паузы чаще всего удача переменялась на другую сторону... Вечером того же дня она вынула из почтового ящика рекламную газету, и взгляд упал на рекламу пансионата на Черном море. Решение пришло мгновенно. Надо поставить «музыкальную паузу!». То есть на короткий период круто переменить свою жизнь! Денег как

не было – так и не предвиделось. Но, вдохновленная каким-то особым внутренним чутьем, моя подруга взяла небольшой кредит – и сразу же купила путевку. Все кругом возмутились – мол, в твоём незавидном положении ты ещё и собралась на морской курорт, совсем спятила! Потом она рассказывала, что внутренне зажмурилась, ждала зубы – только не поддаться! Иначе оборвется что-то совсем последнее – и... Другая наша знакомая, очень хорошая девушка, предложила поехать вместе. И моя подруга опять заколебалась, но что-то в ней решительно восстало: нет! только одна! Раненый зверь уходит зализывать раны и искать целебные травы – один. Его ведет инстинкт. И часто зверь выживает.

Под разъяренные вопли близких она села в самолет и улетела.

Сейчас многие любители пошлости в лицо говорят ей – мол, летела «вышибить клин клином», завести курортный роман и так отвлечься. Ничего подобного. Сама мысль об этом в те дни была невозможна для нее – и там, на белом песке под пальмой, она с равнодушной решительностью отвергала периодические попытки познакомиться. Просто купалась, загорала и ела. И было безразлично, сколько лишних килограммов наберется. Но к концу отдыха у нее вдруг начали появляться новые интересы: например, на последние деньги съездила на очень познавательную экскурсию, сама не заметила, как перестала плакать ночью, в ход шло все меньше таблеток...

Нет, конечно, нельзя сказать, что все «как рукой сняло». Такого не бывает. Но после возвращения я ей так сказала: «До отъезда ты была в глубоком минусе. Теперь ты вышла на ноль. Это победа». Вот так ее жизнь началась с нуля. Но она началась, а не закончилась!

- И что, скажете, я плохо рассказываю? – гордо улыбнулась Татьяна.

- Хорошая подруга у тебя. Правильная, – похвалил Макс.

- Проявление здорового эгоизма – прекрасное лекарство, – согласилась Оля Большая. – Но не дай Бог такого, конечно... Да чтоб еще все разом...

- А что, сейчас – не так? – спросил вдруг всеми забытый Соломоныч. – Там, наверно... Один Бог знает, что нас ждет, когда мы вылезем... Если вообще вылезем... А любовь... Когда есть на нее силы, это прекрасно... Но вот я уже дожил, а все вы, надеюсь, еще доживете до времени, когда на нее уже нет сил... Просто нет сил... Потому что все силы уходят на поддержание жизни... Не дай Бог до такого дожить... Или

дай? Иначе ведь придется умереть молодыми? Нет, лучше не надо... Я сам не знаю, как надо. Но про любовь готов рассказать. Про то, как моя сестра развелась с мужем, который ее очень любил. И брак у них был хороший. Даже очень. Но только в квартире было холодно. Тоже очень...

История восьмая, рассказанная человеком, у которого не осталось сил на любовь, стариком Соломонычем, о том, как любовь закончилась из-за холода в квартире.

Думаете, для развода обязательно нужно, чтобы муж пил, бил, унижал и оскорблял? Ничего подобного. Довести человека до нервного срыва и развода можно и более экзотическими способами. Например, муж моей родной сестры – был известный доктор, старше ее, очень уважаемый человек – и любил в квартире «здоровую прохладу». Это он так считал, что «прохладу», а на самом деле в холодное время года он просто отключал батареи парового отопления, а если вдруг ненадолго включал их – то только для того, чтобы поднять температуру не более чем до 12 градусов, – а потом опять выключал, говоря, что ему «жарко» и «душно». При этом сидел под форточкой за столом в шерстяном спортивном костюме и писал докторскую диссертацию. На ночь открывал целую фрамугу окна и спал, завернувшись в ватное одеяло, высунув только нос, который «дышал свежим воздухом». Если отчаявшаяся и оледеневшая жена тайком закрывала окно среди ночи, – он тотчас просыпался и заявлял, что «задыхается», хотя никакими легочными заболеваниями не страдал. Просто был с детства так приучен родителями, помешанными на здоровом образе жизни...

Несколько лет, с октября по апрель, когда в домах включено центральное отопление, – возвращаясь вечером с работы домой, моя бедная сестра знала, что не согреется после снега, дождя или ледяного ветра – а только еще больше замерзнет. Детей она рожать не хотела, потому что не представляла, как их растить в таком холоде, а когда спрашивала об этом мужа, он отвечал: «Ничего, пусть закаляются!» – и она так и не решилась забеременеть. Дома она ходила в двух свитерах, теплых брюках с начесом и коротких валенках. Только на кухне, включив там батарею и газ, могла иногда чуть-чуть расслабиться – но только пока туда не приходил ее муж – пить чай и читать ей лекцию о пользе здоровой про-

хлады... Тогда она стала полжизни проводить в горячей ванне и вообще искала любую возможность сбежать из дома и погреться – то у наших родителей переночует, то у другой сестры, то у подруги... Мужа такое положение дел, естественно, не устраивало, и он предъявлял претензии: почему она не с ним? Она ведь его жена! Он ее любит и хочет быть с ней! Когда она честно объясняла причину, – раздражался и говорил, что это женские капризы, и вообще, она «с жиру бесится»: ведь он же ее так балует, покупает ей красивые шубки и кольца с серьгами – то есть, очень, очень любит.

Но однажды брат одной знакомой, художник, захотел написать портрет моей сестры и пригласил ее к себе в мастерскую. Там было тепло не только от батареи, но еще и горел самый настоящий камин – с дровами! Пока она позировала для портрета, художник, с которым они разговаривали буквально обо всем на свете, ей очень понравился, и вскоре она бросила своего замечательного мужа и вышла за никому не известного художника. Бывший муж очень был уязвлен, оскорблен и унижен. «Почему?! – спрашивал он. – Нельзя же разрушить семью из-за того, что тебе, якобы, в квартире холодно! Значит, ты просто притворялась чистой порядочной женщиной, а на самом деле – распущенная и развратная!».

Прошло много лет, у моей сестры и ее второго мужа выросли две чудные дочери, которые теперь уже давно окончили Академию Художеств. Всякое бывало у них в семье, как у всех, – но тридцать лет прожили очень дружно. А когда я приходил к ним в гости, сестра всегда встречала меня в легком красивом сарафанчике...

- А сейчас? – наивно спросила Маша. – Они все еще вместе?

- Они умерли лет десять назад... – грустно отозвался Соломоныч. – Почти в один день...

- А что – я понимаю! – воскликнул Макс. – Я бы на ее месте этого любящего садиста гораздо раньше придушил во сне подушкой. Не может быть, чтобы он не понимал, что это ненормально! Впрочем, у него, наверно, мозги в ледышки превратились.

- Сердце. Как у Кая, – сказала Татьяна. – Ну, а сестра ваша оказалась, увы, не Гердой...

- Да перестаньте, господа! Кай, Герда... – громко возмутился Борис. – Придурок чокнутый. Не заслуживают такие никакой Герды. Кай был

сначала хорошим мальчиком, его Снежная Королева заколдовала и похитила, а Герда спасла. И он снова хорошим стал. А этого чудика кто похитил? Чтобы жить с таким уродом, нужно было собой пожертвовать, похоронить себя, так сказать, в сугробе... Молодец ваша сестра, что кинула его. Дайте пожму вашу руку за то, что вы это одобрили, а не уговаривали ее сохранить «образцовую еврейскую семью»...

Соломоныч ковшичком протянул ладонь:

- Да, Софочку все родственники очень осуждали, за то, что она бросила порядочного еврея и ушла к голозадому гою... то есть, к русскому... Но они были умные люди и скоро перестали, видя, как Софа счастлива...

- Ну, вижу, моя очередь, – усмехнулся Борис. – Расскажу вам о том, чего сам так и не понял. Действительно, странный случай любви...

История девятая, рассказанная знатоком Андерсена Борисом, о том, что бывает, когда влюбляешься в мартышку.

Вот обычно кости перемывают мужчинам – тут тебе и абьюзинг с их стороны, и газлайтинг, и вечный вопрос измен и предательств. В связи с женщинами мелькают совершенно другие слова: несчастная, страдающая, жертвенная, униженная... В любом случае, среди женщин принято считать, что причина развала брака – почти всегда неподобающее поведение мужа...

Но выпал мне случай столкнуться в жизни с примером обратным – сколь возмутительным, столь и изумительным – просто до крайности. У меня есть друг, у друга – бизнес, а по бизнесу – компаньон, женатый мужчина около пятидесяти лет. Очень спокойный, надежный, умный человек, отнюдь не тряпка: тут тебе и знаменитая предпринимательская хватка, и умение хорошо работать головой, и вывёртываться из неприятностей.

Он женат на своей ровеснице, похожей, простите, на старую мартышку. Это первое, что приходит на ум, когда ее видишь, – ну, да ладно, о вкусах не спорят. Так я подумал, когда увидел ее впервые, и тут же укорил себя: у нее, наверно, сердце золотое! Несколько раз мы встречались в компаниях, и удивление мое начало бурно расти: мне показалось, что эта обвешанная бриллиантами дама страдает в легкой степени – но все же дебильностью. Суждения ее плоски, как у десятилетнего ребен-

ка, практически нет абстрактного мышления, вообще никакой эмпатии – то есть, она может говорить только о себе, резким пронзительным голосом превознося свои достоинства, которых... нет. Когда говорят не о ней, – явно раздражается, злится, идет пятнами и перебивает: «Нет, а вот я... У меня...». С трудом окончила девять классов, потом какое-то ПТУ (для молодежи поясню, что так тогда назывался колледж), из которого два раза выгоняли, потом – то продавщица в ларьке, то рекламщица аппаратов для измерения давления в углу аптеки... Там и встретила свое счастье – начинающего бизнесмена, красавца... Детей рожать ему отказалась – это портит фигуру. С тех пор не работала и вообще ничем полезным не занималась ни дня, на хозяйстве – нанятая мужем домработница, все интересы – только в одежде и драгоценностях, на которые работал и работает муж. Потом купил ей права – она принялась менять еще и машины. «Кисонька хочет!» – это для мужа закон. Просиживает ночи в чатах для дебилок, выкладывает во всех соцсетях фотографии машин, обнов и украшений с подписями типа: «Новый подарок Котика своей Кисе. Чмоки-чмоки». Пожелала телевизор иметь в ванной (на хрена там телевизор!!!), муж по техническим причинам на два дня задержался с выполнением каприза – у нее истерика: «Ты не любишь свою Кису!!!». При всем этом, никакой благодарности, заботы – ровно ничего. Постоянно при посторонних шпыняет мужа – мелко и оскорбительно, со злобным пренебрежением: «Ты у меня дурак!»; «Посмотрите на его жирное пузо!»; «Чего от тебя еще ждать!». Но у мужика нет никаких негативных ответных реакций – наоборот, расплывается в благодушной улыбке: «Кисонька у меня нервная»; «Милая, тебе нельзя волноваться»... Я предположил – может, она болеет чем-нибудь серьезно? Тогда хоть отчасти было бы понятно... Нет, оказалось, совершенно здорова, все время таскается просто так по элитным клиникам – проверяться. Но чаще ходит на спа-процедуры и по всяким там салонам красоты.

Что самое ужасное – особое удовольствие Киса находит в том, чтобы подло и грязно подставлять своего мужа. Любимое развлечение – это прийти в ресторан, начать там за его спиной с кем-нибудь многообещающую «игру», а потом пожаловаться мужу, что к ней «пристают», и спровоцировать драку между ним и обманутым поклонником. Муж часто появляется с разбитым лицом, однажды ему швы накладывали, другой раз – устроили сотрясение мозга. Но ему все нипочем! «Моя

жена, – говорит, – пользуется популярностью. Приходится сражаться за ее честь». Да какая там честь... Она и слова-то такого не знает...

Иногда в компании вдруг неожиданно прыгнет мужу на спину, повиснет на нем, обхватит руками и ногами – такая маленькая, цепкая – мартышка и есть мартышка – и визжит дурным голосом: «Я твой рюкзачок! Я твой рюкзачок!». Бабе полтинник. Даже не по себе делается.

Когда вижу их – только один вопрос в голове? Чем она его держит? Почему он как зомби? Приворожила? Не верю я в это – особенно в ее случае: такой дремучей идиотке настоящего колдуна, способного на сильный приворот, вовек не найти. Дает ему в постели что-то такое, чего он от другой женщины по определению не получит? Не исключено, конечно, но в таких случаях умный и нормальный мужчина обычно не выглядит счастливым, осознавая, что счастье его – не истинное. А этот спокоен, доволен, радостен... Кретином, тряпкой, подкаблучником его не назовешь – он не жертва, это видно...

Вот бывает же такое... И не спросишь, в чем причина.

- Кстати, да... – задумчиво произнес Станислав. – И в случае женщин работает. У нас есть учительница французского – красавица, умница, зарабатывает прекрасно. Детей нет, хотя страстно мечтает, – но запрещает муж. Он вообще нигде не работает и не собирается – играет в компьютерные игры днем и ночью. Зачем, говорит, мне работать, если нам и так денег хватает. Жена его после школы до ночи по урокам носит. Благоверного обслуживает полностью, как короля, фирменную одежду покупает, любые прихоти мчится исполнять... «Мой Зайка, мой Зайка...». Плюнуть хочется. А Зайка этот с бабы на бабу, простите, прыгает, в свободное от игр время, жену способен по лицу ударить – но та себя же виноватой считает, приходит с запудренным фингалом и говорит: «У Зайки нервы слабые, а я иногда раздражаюсь, когда устаю, ему не нравится»... Не-по-ни-ма-ю.

- Может, родители их в детстве задавили, привили катастрофический комплекс неполноценности? – предположила Маша. – Потому что это ведь болезненное поведение.

- Мазохизм тоже никто не отменял, – пожалала плечами Оля Большая.

- Все люди разные... – нравоучительно сказала Татьяна. – В любом случае, Катюша, дорогая, закрывая наше собрание, назначай на завтра Короля. Уже поздно, надо укладывать детей...

- Так ведь Олечка еще не рассказывала, – напомнила Катюша.

- Олечка не будет: она в сегодняшней теме еще ничего не понимает. Она вообще уже спит, – девочка действительно сладко прикорнула на материнском плече. – Сейчас я ее отнесу осторожно... Мужчины, откройте там дверь, пожалуйста...

При этих словах спящий ангел моментально проснулся и звонко закричал:

- Как это не буду рассказывать? Очень даже буду! Я не маленькая, чтобы так рано ложиться, и про любовь все прекрасно знаю!

- Оля, ты слышала? – строго сказала ее мать. – Никаких рассказов. Хватит, вчера и так отличилась... Быстро скажи всем: «Спокойной ночи!» и давай руку.

- Извини, Таня, но я Сегодня Королева, – застенчиво воспротивилась Катюша. – И приказываю моей подданной Оле Маленькой рассказать историю о любви. Кхм... Начинайте!

Оля вырвалась от матери и на всякий случай обежала стол, чтоб мама не схватила ее раньше времени.

- Хорошо, – девчушка сделала быстрый книксен. – Слушаюсь, Ваше Величество! Я расскажу, как у нас Степа сделал вид, что влюбился в Ирку и получил, что ему надо было.

- Оля... Но если, как вчера... – грозно начала Татьяна.

Ее дочка беспечно махнула рукой.

История десятая, рассказанная своенравной девочкой Олей Маленькой, о том, как мужчины учатся общаться с женщинами еще в детском саду.

Эта Ирка у нас дурочка. И всегда писается в штаны, хотя и большая. Воспиталка ее маме даже сказала, чтобы она свою девочку в памперсах водила, а то запасных колготок не хватает. А в тихий час – так вообще... Но мама у нее богатая, покупает Ирке все, что та попросит. Она с собой кукол приносит – так каждый день разные и в таких платьях... И вот Степка вдруг стал за ней ходить. Пластинин ей у мальчишек отбирает, кашу иногда за Ирккой доест, чтоб ее не ругали. На прогулки помогает одеваться – эта дура ведь и тесемки на шапке завязать не может! Молнию ей застегивает. А я ведь знаю, что он в Женьку Котову давно еще влюбился. Думаю, он что – дурак, что ли, – за Ирккой бегать, от нее же

мочой воняет, а Котова красивая... Почти, как я, только волосы короче. Я смотрю за завтраком на Котову – думаю, может, заплачет? А она веселая. Я вообще ничего не понимаю... А потом вдруг вижу – Котова с Иркиной куклой играет, еще в платье таком блестящем... бальном. Я ей говорю – это тебе Ирка дала? А она, такая: «У нее фиг допросишься, это мне Степка принес. Он делает вид, что в нее влюбился, а она ему за это своих кукол каждый день дарит, у нее их вообще завались, и родители ее не ругают. Степка специально вокруг нее бегает, чтобы кукол от нее брать и мне носить. У меня уже полный шкафчик». Женька мне специально свой шкафчик перед прогулкой открыла, а у нее там на верхней полке куча кукол запихнута. Я говорю – а Ирка не видела? А Котова: да она же дура! Она его любит, и думает, что он тоже... Я Котовой говорю – а ты ему что? А она мне: а я за каждую куклу перед ним в туалете трусы снимаю – жалко, что ли...

- Так, Оля, ты в последний раз рассказывала! – гаркнула ее мать. – Да еще такие глупые выдумки!

- Ничего не выдумки! – обиделась Оля. – Так многие делают!

- Прямо как в «Леди Макбет Мценского уезда», – фыркнула Маша. – Уже на этапе, когда этот ее любовничек и подельник выманивал у купчихи то чулки, то еще что-то для новой молодой пассии, Сонеткой звали. Вот они, оказывается, где такому учатся. Еще в детском садике.

- Вообще печально это... И – да – не ново. Так что не удивляйтесь, Танечка, и дочку свою не ругайте. Она рассказывает о том, что видит... – сказала Оля Большая.

- Стоит, пожалуй, объяснить ей на досуге, что из всех действующих лиц этой драмы самая достойная – это как раз несчастная Ира, которая в шесть лет писает в памперс. Дарит любимому человеку кукол и даже не спрашивает, куда он их дел... Бескорыстные дары любви... – задумчиво проговорил Станислав.

- Ирка?! – удивилась Оля Маленькая. – Чего хорошего – в памперсы свои дела делать?!

- Видишь ли, Олечка, это у нее пройдет. И очень скоро пройдет. А хорошим человеком она останется. Честным и доверчивым. Другое дело, что если опять нарвется на подлеца, вроде вашего Степки, то ее снова используют и сделают жертвой... А Котова... Да, не хотел бы я, чтобы мой сын женился на такой девушке. Впрочем, что это я... Чтобы, наконец, ему жениться, нужно, что бы все это... – Станислав на секунду

зажмурился и махнул рукой.

- Катюша, назначай Короля! – вмешался Макс, не желавший допустить перевод разговора в область насущной, нескоро обещающей быть исчерпанной темы.

Его жена покорно наклонила голову, но глянула с неожиданным лукавством:

- Макс, думаешь, я тебя назначу? А вот и нет. Я избираю Марка Соломоновича. Он старше нас всех и должен быть королем... Вы согласны, Марк Соломонович?

- Спасибо за неожиданное и лестное предложение... Конечно, согласен, – расцвел старикан. – И даже почти знаю, о чем мы завтра будем рассказывать...

- Не иначе, одесские анекдоты, – натужно пошутил несколько обиженный Максим.

- Если хотите – можно и анекдоты. Но я бы предложил лучше: забавные истории. Ведь со всеми нами случалось же что-то смешное? Вот давайте завтра и расскажем, чтобы не грустить...

- Что ж, можно... – проявил покладистость Макс. – А сейчас действительно – на боковую. А то день сегодня был уж слишком утомительный.

Все потянулись прочь из кухни, но у тусклой лампы еще надолго задержался укутанный в свой неизменный клетчатый плед Соломоныч – и долго сидел, сгорбившись, неподвижно глядя перед собой подслеповатыми слезящимися глазами. Уже давно его никто ни о чем не просил. А тут попросили стать целым Королем. Он легонько качал головой – верно, хотел, чтобы поскорей настал этот

Шестой день Декамерона, в который рассказываются забавные истории.

Утром казалось, что идет дождь – мелкий, ледяной, нудный – из породы вечных. Но это, собственно, был не дождь, а словно зависшая в воздухе водяная пыль, от которой не было спасения ни под надвинутым капшоном, ни в родном нутряном тепле застегнутой до горла куртки. Через полчаса легкой прогулки среди напитанных влагой, как большие зеленые губки, молодых елок, одежда становилась тяжелой и волглой, а душа начинала мучиться больше, чем обычно. Только в этот день сидельцы по-настоящему прочувствовали весь ненавязчивый ужас своего

положения: обычная солнечная и прохладная погода ранней подмосковной осени хотя бы в светлые часы дня позволяла им не чувствовать себя обреченными пленниками подземелья – даже беременную Катю с превеликой осторожностью несколько раз ухитрились поднять на такой целебный, такой драгоценный теперь насыщенно-хвойный воздух... Сегодня же гулять в лесу означало вернуться в логово мокрыми, в тоже влажную, спертую атмосферу бункера, где непросто высушить одежду, имея один источник сухого тепла – хилую бензиновую плитку на кухне!

Но Маша в одиночестве ушла к просеке на глазах у своих погрустневших товарищей, которые разочарованно и нерешительно кружили вокруг открытого люка, судорожно глотая какой-никакой, а все же свежий и чистый воздух. Она не боялась промокнуть – запасная куртка у нее имелась, брюки тоже, но такая невероятная тоска еще с ночи ястребом вцепилась в сердце, что все утро Маша боялась заплакать при всех и особенно – при Борисе, который вполне мог принять ее слезы на свой счет... Ведь не первый же это лес был в ее жизни! В таком близком и таком недоступном прошлом остались веселые, добрые поездки в лес с родителями, с друзьями, с подрастающим сыном... Она и сейчас с закрытыми глазами прошла бы по всем заповедным «грибным» местам, разведанным ею и маленьким Лешей вокруг патриархально-умилительного поселка неподалеку от Луги, где из года в год они с овдовевшей матерью пасли летом стремительно мужающего сына и внука. Маша трепетно любила лес, приучила к этой любви своего ребенка, и совместные походы за грибами стали одним из обязательных тайных счастливых их жизни. Молодая мать была уверена, что и сын всегда с той нежной и умильной благодарностью, с какой оглядываешься на свои действительно незамутненно счастливые дни, станет их вспоминать, и они со временем превратятся в маленькие жемчужины, которые обязательно хранятся в тайном ларчике любой, даже самой несчастной жизни...

А теперь получалось, что, вероятно, он не вспомнит. Потому что не сможет. Потому что его больше нет – вообще, нигде. Как такое возможно? Она, Маша, любит своего сына, а его уже нет? Хорошо, сейчас, допустим, она не знает точно, а если узнает, то должна будет говорить – любила? Нет. Никогда. Она никогда так не скажет, даже если ей предъядут... кучку пепла, в которую теперь превращаются все умершие. Она все равно всегда будет любить его – маленького и родного. А это значит, что... это значит, что любовь больше смерти, – вот, что это значит. И

это может значить еще много чего... Например, если она сама заражена сейчас чумой, заболит завтра, послезавтра – и умрет... Тогда она перестанет любить сына? Кажется, ответ сам собой подразумевается – да, конечно... Но почему все существо ее восстает против такого ответа? Откуда знает она, что будет любить своего единственного ребенка не до смерти, а вечно?

Пристроившись на мокром кривом пне, Маша тихонько, без подвываний, чтоб не привлечь себе на голову сочувствующих дам, плакала, вытираясь замызганным рукавом куртки. После очередного отчаянного вытирания она открыла глаза и увидела перед собой сложенный вчетверо клетчатый носовой платок на знакомой ладони.

- Спасибо, Борис, – снисходительно взяла она подношение. – Но я хочу побыть одна.

- Я тебе уже говорил, что вы встретитесь, – без особого выражения, обычным глухим баритоном сказал он. – Не понимаю, почему просто не поверить и не радоваться жизни, насколько это возможно в наших обстоятельствах.

- Ты знаешь, почему, – зло ответила Маша. – Если бы тебе в те дни, когда ты искал дочь, кто-то голословно пообещал, что она скоро найдется, ты бы тоже не поверил.

- А я и сейчас ее ищу, – пожал плечами Борис. – Придумываю невероятные возможности ее исчезновения и возвращения. В каждой тридцатилетней женщине, идущей мимо меня по улице, ищу ее. Каждый раз, убеждаясь, что это не повзрослевшая Лара, я получаю маленький инфаркт. И был бы счастлив, если б нашелся хоть один человек, который с внутренней уверенностью пообещал бы мне, что Лара жива, и я ее встречу. Это дало бы мне надежду – до следующей похожей на нее женщины. Хотя, как оказалось, их много. Слишком много. Поэтому я часто уезжаю в те страны, где женщины заведомо на нее не похожи. Так я хоть меньше получаю микроинфарктов.

- Какой кошмар, – искренне сказала Маша. – А я – завидую. Завидую Татьяне, потому что ее дети здесь, с ней. И даже Оле Большой, потому что ее двойняшки взрослые и врачи, работающие в противочумных костюмах. Даже если они заболеют, то есть большой шанс, что их вылечат.

- Не вылечат, – безразлично сказал Борис.

- Ты... ты это тоже знаешь?.. – запинаясь и холодея, спросила Маша.

- Нет. Этого я не знаю. Про Олину семью я не знаю ничего. Что само по себе уже показательно. Когда я ничего не знаю, я просто делаю логический вывод: все хреново, раз я не чувствую, что хорошо, – бесстрастно разъяснил он. – И знаешь, что? Там, у люка, говорят, что забавные истории сегодня можно рассказать после обеда, а не ужина, потому что, похоже, придется лезть вниз и сушиться уже сейчас.

Маша вздрогнула от изумления перед способностью человека к такому мгновенному перемещению меж двумя краями пропасти над разверзшимся внизу адом:

- И ты... ты сейчас расскажешь смешную историю? – шепотом спросила она.

- Как и ты, – ответил ее бывший любовник. – Давай руку. Сердца не надо.

Маша неожиданно улыбнулась и смело вложила свою ладонь в его.

* * *

Хлопотливый Соломоныч распорядился обедом так быстро, что Оля Большая едва успевала ему помогать. После этого все, по раз и навсегда заведенному порядку, выстроились в очередь к кухонному крану, чтобы помыть свои тарелки, стаканы и приборы, – неукоснительное правило касалось даже Оли Маленькой, которая, пожалуй, одна охотно исполняла это неприятное другим дело, ведь тем самым она становилась на одну доску со взрослыми. Тоненькие струйки тепловатой водицы еще бежали из одного кухонного и двух умывальных кранов – эту воду использовали только для мытья – ту, что требовалась для готовки супа и чая, привозили в канистрах из уцелевших колодцев и кое-как транспортировали в бункер, где чистая вода ценилась почти в прямом смысле на вес золота. Действительно, если бы какой-нибудь из отчаявшихся женщин пришла в голову идея обменять драгоценный перстень на бутылку воды, желающие вполне могли бы найти – другое дело, что никто из двух так и не добившихся единоличного лидерства претендентов никогда не позволил бы такого мародерства в своей вотчине...

После мытья посуды все добровольно вернулись за стол – и новоиспеченный Король немедленно приступил к делу:

- Давайте обойдемся без всяческого разброда и шатания. Лично я назначаю выступающего, он спокойно рассказывает, а потом сразу же выступает другой. Зачем нам эти прения после каждой истории?

- Ну да, сейчас. Не слишком много ли власти? У нас тут монархия сложилась, между прочим, не самодержавная, а конституционная. С Думой первого самовольного созыва, – сказал Борис и презрительно фыркнул. – Я первый желаю отстреляться.

- Ну, что ж, я не возражаю, – все-таки оставил за собой последнее слово Король.

История первая, рассказанная микроинфартником Борисом, о том, что бывает, когда моська лает на слона.

Так получилось, что по первому и главному образованию я – филолог-востоковед, поступил на первый курс востфака ближе к середине девяностых и ездил по Невскому проспекту в университет на единственном троллейбусе, сворачивавшем с Дворцового моста на Университетскую набережную к зданию филфака и востфака. От метро «Канал Грибоедова» ездили студенты и преподаватели нескольких наших факультетов и всей Академии художеств. Машин тогда почти никто не имел – в том числе и старший преподавательский состав. Ну, а кондукторы временно были отменены, как и стеклянные кассы, куда раньше бросали монетки; требовалось купить у водителя пачку талонов и прокомпостировать один в специальном таком приспособлении с ручкой – компостером. Про него еще много анекдотов ходило, типа: «Ухо-ухо-ухо!!! – Поздно, прокомпостировали...». Многие, конечно, ездили «зайцем» – но только студенты, разумеется. На то и существовали контролеры – ловить их и штрафовать. Штраф был тогда червонец, стипендия маленькая, и отдавать его не хотелось, но отказавшихся платить везли в милицию...

И вот однажды летом, в сессию, подъезжаю я на «десятке» к Кунсткамере – и раз, запрыгивают контролеры, мужчина и женщина, с двух сторон. У меня была студенческая карточка, а вот уже приготовившийся к выходу на следующей остановке наш пожилой препод по языкознанию сунул руку в один карман, в другой... Нет талона! Забыл прокомпостировать. Задумался. Что не специально «зайцем» ехал, – это точно. «Извините, – сказал он растерянно, – я, кажется, забыл пробить свой талончик... Купил – а не пробил... Простите, пожалуйста!». Я до сих пор помню, что тут началось... Женщина-контролер мгновенно превратилась в королевскую кобру, раздувающую «капошон»... Она начала дико, визгливо орать, стыдить моего бедного профессора – причем,

гнушно, оскорбительно, мерзко... Он уже не доказывал, что купил несчастную пачку талончиков, а лез в портфельчик за кошельком, чтобы платить штраф, – лишь бы отвязаться – но она не замолкала, и даже не обошлось без традиционного: «А еще в очках!!!». Кто-то из студентов стал заступаться, пытаясь объяснить Кобре, что перед ней – профессор, уважаемый человек, он просто задумался, забыл, и сейчас заплатит штраф... «А мне плевать! – надсаживалась она. – Хоть секретарь горкома!!! А раз положено платить – плати! Ишь, с виду чистюля какой – и не скажешь, что крохобор!». Приехали к нашей остановке, она вырвала у побледневшего профессора из рук несчастный червонец – и он буквально выскочил, не беря квитанцию...

Когда вспоминаю тот случай, то вместе с ним вылезает из памяти еще один анекдот. Анекдот такой. Утро. Битком набитый, едва закрывший двери автобус отчаливает от остановки. К остановке бежит не успевшая влезть в него женщина и кричит: «Товарищи! Остановите! Остановите! На работу опаздываю!» Сердобольные пассажиры остановили автобус, упростили водителя открыть дверь. Женщина, запыхавшись, забирается на подножку, отдувается и говорит: «Вот спасибо, граждане! Спасибо! Предъявите билетики! Я – контролер».

Думаете, эти маленькие гадюки с минутной, но большой властью остались в проклятом прошлом? Как бы не так! Вспомнилось, как зимой моя заказчица попала в больницу, и я принес ей туда нашу рабочую флешку с заказанной фотосессией, чтобы она посмотрела на ноутбуке. Мы договорились встретиться у вахты. Я надел бахилы, как порядочный, и сделал один шаг за «вахту», уже протягивая руку с флешкой навстречу протянутой же руке моей заказчицы. Но вдруг из стеклянной будки буквально вымело до того момента дремавшего охранника – и он заступил мне дорогу, самоотверженно заслоня грудью проход за вахту. «Не пущу! – с праведным возмущением взревел он. – Пропускное время кончилось!» «Мне только флешку отдать, я не ее родственник, я фотограф, я не буду заходить...». Но он стоял насмерть: «Не положено! Хоть министр! Приходите завтра!». Я просто перекинул флешку через вахту под ноги женщине. Он было тигром кинулся за ней, но не успел – а у больной отбирать не решился...

Сколько стоит мир, столько будет моська лаять на слона...

- Собственно, не столько смешно, сколько грустно... – активно заки-

вал Соломоныч. – Я вот тоже прекрасно помню этих проклятых контролеров – королей на час, как я сегодня... Гнусное племя... Ох, гнусное... Это кем же надо быть, чтобы на такую работу подписаться!

- А что – «зайцем» хорошо, что ли, ездить? – усмехнулась Татьяна.

- Нехорошо, – ответил ей вместо Соломоныча Станислав. – Но ловить – хуже. Это ведь из того же ряда, что сексоты, например, и вообще, обширный класс ябед и кляузников. Это как в полицию написать заявление о правонарушении, которое никому не вредит, но противозаконно. Так и тут. Мало ли, почему человек не заплатил. Может, у него и на хлеб не осталось – на последние больному другу лекарство купил. А сам он великий поэт. Или только что новое ракетное топливо изобрел, просто никто еще не знает. Или мало ли... А тут подвернется такая мелкая сволочь... Да, со стороны иногда смешно выглядит. Особенно тот охранник – не в обиду тебе, Макс, будь сказано...

- А я и не обижаюсь – я таких сам недолюбиваю. Вроде, и дело свое выполняет по инструкции, а ведь все равно же человеком надо оставаться... – ответил Макс. – Ладно, теперь я, раз уж сдернули меня. Я вашу, питерскую историю расскажу. У моего друга младший братан в Питере живет, на архитектора выучился. Так вот, однажды он пришел в Смольный в женских колготках...

Все онемели от предвкушения, а Макс, как ни в чем не бывало, продолжал...

История вторая, рассказанная настоящим мужчиной Максимом о том, чего два раза в жизни не услышишь.

Паренек этот – молодой архитектор, но уже успешный и известный в своих кругах. Недавно без всякой ипотеки купил своей семье (у него жена и грудной ребенок) однокомнатную квартиру в центре Петербурга, готовится менять ее на большую...

И вот для того, чтобы это долгожданное событие свершилось как можно скорей, молодой отец ищет себе хорошие заказы по специальности. И однажды понравился какой-то его проект очень высокопоставленному лицу из Смольного, лицо так прониклось, что даже не исключило возможности, что город профинансирует проект, – и пригласило к себе в рабочий кабинет обсудить подробности с утра пораньше.

Молодому человеку предстояло явиться на встречу к девяти часам утра – но заснуть ночью он не мог: в голове все время прокручивались варианты предстоящего разговора, он так и эдак прикидывал, как лучше сделать и сказать, чтоб уж наверняка не упустить выгодного заказчика!

Рядом мирно спала молодая жена, в колыбельке посапывал пятимесячный сынишка. В половине восьмого – очень осторожно, чтобы не разбудить их, он встал, умылся-оделся – и нет бы уйти подобру-поздорову! Но он решил зайти в комнату и поцеловать спящую жену – вроде бы, на счастье... Поцеловал, она не проснулась – и он на цыпочках в полной темноте вышел из комнаты и поехал в Смольный. По дороге попал в пробку, ужасно боялся опоздать, а потом еще эти формальности с пропуском... Но ровно в девять, хоть и взмыленный, – но он уже входил в кабинет предполагаемого заказчика.

Тот поздоровался с ним за руку, хотя выглядел как-то озадаченно. Позвал секретаршу с кофе, она пришла, глянула на молодого человека – и беззвучно ахнула. Он нервно провел головой по волосам – не лохматый ли? – осторожно потер рукой лицо – вдруг грязью забрызгало? Шел деловой разговор, но архитектор все ловил и ловил на себе странный взгляд важной шишки... И переговоры закончились благополучно! Высокопоставленное лицо посулило свое полное содействие. Довольный многообещающий архитектор встал, отвечая на рукопожатие хозяина кабинета, – но тот вдруг с ухмылкой спросил:

- А вы, собственно, ко мне пришли... откуда?..

- Из дома... – не понял архитектор.

- А что – теперь мода такая? – чиновник указал молодому человеку куда-то ниже его стильно подстриженной бороды.

Парень посмотрел вниз и обомлел: вместо шарфа у него на груди висели чулками вперед черные женские колготки! В ужасе он стащил их со свитера, смутился, извинился, выскочил... Сунув их в карман, несчастный неся по коридорам Смольного в совершенной панике. И, главное, он абсолютно не понимал – как чертовы колготки очутились на нем! Только сев в машину, чуть успокоился и принялся отмаывать события сегодняшнего дня в обратную сторону поминутно... И добрался до того момента, как, уходя, поцеловал «на счастье» жену и выходил из спальни... Он вспомнил, как в кромешной тьме наткнулся на что-то трюпчное – и сообразил, что это детские ползунки, которые жена, за

неимением места на полу для сушилки, всегда вешала «по-маминому» на веревку, протянутую через комнату. И, выходит, вчера она заодно повесила и свои выстиранные колготки, в которых он и запутался, – а они зацепились за свитер и так остались... Времени увидеть себя в зеркало утром не оказалось – он так и зашел в высокий кабинет...

К чести данного высокопоставленного лица, надо добавить, что оно предпочло придать забвению сей досадный факт, и никаких репрессий для молодого архитектора не последовало... Проект до эпидемии уже в работе был. Сейчас не знаю...

Тут уж хохотали все. По крайней мере, один рассказчик понял, что сегодня требовалось по условиям игры, – и руки уже тянули многие... Соломоныч важно ткнул пальцем в Олю Большую и она вдруг искренне улыбнулась:

- А у меня тоже, представляете, рассказ про деталь женского туалета... Только еще более интимную. И пришел в ней примерный муж не в Смольный, а еще хуже – домой, к родной жене, чему я свидетельница...

История третья, рассказанная матерью двух докторов, работающих в чумных бараках, Олей Большой, о том, как брутальный мужчина вернулся домой в женских трусах.

Недавно – это по времени, а по сути оказалось ох, как давно: прошлой осенью – мне пришлось стать свидетельницей забавной сцены. Я забежала вечером на кофе к приятельнице, которая состоит в счастливом браке. Они с мужем действительно хорошая пара – заняты одним делом по жизни, слышат и понимают друг друга, трогательно заботятся...

Мужа приятельницы не было дома. Она сказала, что он отправился к своей старой больной матери, которая живет у его сестры, и он часто ходит помогать ей мыть маму, перекладывать ее и прочее. Мы болтали, когда он вернулся, – было уже около полуночи. Муж (весьма брутальный мужчина) отправился в спальню переодеваться, а я поняла, что пора домой, и вышла в прихожую. Моя теплая кофта, тем не менее, осталась брошенной на кровать в спальне, где переодевался муж, и приятельница пошла туда за ней. Вдруг из-за двери раздался ее громкий изумленный голос:

- А почему на тебе женские трусы? В цветочек?!

Я остолбенела и невольно прислушалась – согласитесь, не каждый день такое слышишь. Говорили они громко, так что вульгарно «подслушивать» не пришлось. Муж – зычным басом – объяснил дело так:

- Понимаешь, мы с сестрой вдвоем мыли маму, и меня окатило водой – от пояса и ниже. Промокли домашние шорты и трусы. Я шорты снял и повесил, остался в мокрых трусах. Надеть на них брюки и пойти на улицу – тоже промокнут, будет холодно. Думал, пойду без трусов, в одних брюках – так ведь они колотятся... Сестра меня пожалела и дала свои новые трусики из упаковки, мужских у них нет. Я и надел – все же лучше, чем ничего.

Я не знала, плакать или смеяться. Приятельница вышла, посмотрела на меня, поняла, что я все слышала, и спокойно сказала:

- Я ему верю. Все именно так и было.

А знаете – я тоже верю. Думаете, не надо?

- Во, выкрутился мужик! Virtuоз! – восхитился Максим.

- Он правду говорил, – твердо сказала Оля Большая. – Судя по всему, он был трезвый, а, выходя от любовницы трезвым, ее трусы не наденешь. Значит, все так и было.

- Ты чего, правда, можешь в такое поверить? На мужике трусы в цветочек, он говорит, что сестра их дала, – и ты проглотишь?! – изумилась Татьяна.

- И что с того? – мотнула головой Маша. – Правда порой позаковыристее лжи. И это доказывается хотя бы тем, что мы в двадцать первом веке сидим в подземелье без электричества, рассказываем истории, а кругом – чума. Ты полгода назад поверила бы, если б тебе сказали? Нет? То-то... Отчасти поэтому я сейчас еще больше верю тому мужику. Простая житейская ситуация... Другое дело, что тут просто мишень для тапок...

- Господа, не будем надолго отвлекаться! – отчаянно призвал Соломоныч, уже невежливо тыкая пальцем в Машу. – Вот вас прошу высказаться... Только чтобы действительно смешно...

- Боюсь, что будет немножко страшно... – она искоса взглянула на мнимо равнодушного Бориса. – Это почти что репортаж с моей первой свадьбы...

История четвертая, рассказанная троекратной невестой Машей о том, как можно спокойно проспать собственную авиакатастрофу.

В 2013 году я вышла замуж – всего лишь первый раз, как выяснилось, но кто же в день свадьбы о таком думает! Для регистрации я прилетела к месту службы мужа, свежеиспеченного лейтенанта, в зауральский городок. Так случилось, что регистрация в местном загсе была назначена на последний день моего пребывания там, ранним утром самолет должен был увезти меня в родной Петербург. После регистрации сослуживцы (может, правильней – однополчане?) мужа устроили нам свадьбу – как смогли. Поскольку в части присутствовала какая-то сложная техника, то военнотружущим выдавали спирт «для протирки оптики». Представляете – в России – спирт для протирки оптики? Много. А я была – рафинированная петербургская девочка с искусствотведческо-го... Подробности свадьбы можно опустить, как и моей первой брачной ночи, из которой я, как ни пытаюсь, не могу вспомнить ни минуты. Мой муж тоже не мог.

Утром нас кое-как подняли и доставили в аэропорт, а в самолет меня погрузили точно так же, как всем известного Женю Лукашина: увидев состояние пассажирки, добрый милиционер, стоявший рядом со стойкой, где проверяли билеты, сам велел пропустить провожающих на летное поле, потому что всем было ясно, что одна я до самолета не доберусь. Ребята меня на совесть пристегнули – это я смутно помню – и отбыли, потому что пришло время самолету отправляться в полет... Чудом не последний.

Рейс был прямой, до Петербурга – билет заказали заранее. Взлета не помню – отруб произошел моментально. Открываю глаза: я по-прежнему пристегнута, самолет стоит, в тусклом свете видны фигуры пассажиров, бойко устремившихся к выходу. Я обрадовалась: надо же, восемь часов полета проспала! И уже Питер! И никаких проблем! Папа и мама встречаются в аэропорту! Сейчас наша добрая «Кия» отвезет меня домой, в родную девичью комнатку... Мое лицо, вероятно, просияло... В эту минуту я услышала рядом с собой мужской голос с характерным грузинским акцентом: «Нэ, радуйся, дэвушкэ! У нас винужденный пасадак. В Семипалатинске... Ми тут все уже к смэрти пригототились, слюшай, – а ты так хорошо спал, пристегнутый... Ну, ми и пожалели

тебя, решили: чего человеку зря мучиться? Ва-а снэ пуст умирает. И не па-аймёт ничего...». Уже потом другие пассажиры рассказали, что самолет после жесткой турбулентности стал резко снижаться, так что у всех заложило уши и чуть перепонки не лопнули, что сначала стюардессы, белые как мел, всех уговаривали успокоиться, а потом куда-то исчезли, и было не дозваться – и в, довершение всего, свет погас с концами, включился только, когда самолет уже как-то приземлился и встал. Теперь его будут чинить, а нас сейчас отвезут в здание аэропорта...

Мы еще не знали, что, если какой-то самолет только мог упасть, – это не положено знать простым смертным. Сообщают только когда «биологические фрагменты» уже соскабливают с полосы. Поэтому в аэропорту нас изолировали от других ожидающих за стеклянной стеной, не позволяя ни с кем общаться. Там и продержали несколько часов без скамеек, туалетов и воды (про еду даже не вспомнил никто!). Ни один смартфон ни у кого не ловил сеть... Главное – сохранить государственную тайну: люди за стеклом – некие полупокойники, которым сейчас суждено сесть обратно в самолет, только что едва не разбившийся... Отказаться от продолжения рейса было не так легко: в незнакомом городе куда ты денешься? Гостиницы дорогие, билеты на много дней вперед распроданы, можно купить только из «брони», если хватит, – но и там очередь неизвестно на сколько... Оставалось только рискнуть и продолжить путь, и, когда пришла хмурая женщина в форме и велела «пройти на посадку», мы не пошли, а побежали – туалет-то только в самолете нас ждал!

Хуже пришлось встречающим, которые обнаружили, что нашего рейса на табло просто... нет. Ни задерживающегося, ни отмененного, ни совершившего посадку – никакого. Никто ничего не объяснял. Нас просто на время вычеркнули из мира... Мои родители дозвонились в часть мужа, им сказали, что я благополучно вылетела на том самом самолете в Петербург... Толпой встречающие метались от одного служащего к другому – но везде получали отлуп: российскому гражданину не положено знать лишнего. «Надо будет – сообщат!» – вот и весь разговор. Они уже глазам не поверили, когда восемь часов спустя наш рейс, как ни в чем не бывало, появился на табло прибытия.

Когда я ехала уже с вещами на травалаторе, то увидела вдалеке, у самого выхода, своих родителей. И удивилась – почему знаменитый бобрик «под Керенского» у моего папы – совсем-совсем белый... И,

главное, испугаться у меня так и не получилось: все самое страшное я благополучно проспала.

- А я в девяносто шестом вообще налет на блокпост проспал, – сказал Макс. – До этого так получилось, что почти трое суток глаз не смыкал – вот и вырубился. Просыпаюсь – четыре трупа наших и восемь чеченских... Хорошо, вовремя подмога подоспела и чеченов перестреляла, а не то быть бы мне пятым. Я бы и не проснулся.

- Максим, Максим! – предостерегающе выставила ладонь Татьяна. – Мы же договаривались...

- Да я ничего, я так, – он покорно отодвинулся в тень.

- Да, Машенька, юмор у вас, прямо скажем, своеобразный... – покачал головой Соломоныч. – Танечка, на вас вся надежда. Верю, что хотя бы вы не перепугаете нас до кишок своей забавной историей...

- Надеюсь, – улыбнулась Татьяна. – Я расскажу вам про современного Плюшкина, мужа моей одноклассницы. К счастью, неопасного... Вот, послушайте...

История пятая, рассказанная осторожной женщиной Татьяной, о том, какие бывают у женщин мужья – живут ведь, и ничего...

Валечкин муж – художник. Картины пишет на продажу, но покупают их редко, потому что дорогие... По сути, это халтура, конечно, но приносит иногда ощутимые деньги. Поскольку Валя тоже фрилансер по жизни и образу мыслей, претензий у нее нет. Сегодня едят макароны с луком и морковкой – завтра идут в дорогой ресторан. Сегодня донашивает кофточку подруги – завтра покупает три дизайнерских платья. Впрочем, о завтрашнем дне особенно не пекутся... Дети выросли, получили уважаемые профессии, создали семьи, живут своей жизнью, как умеют, родители особенно не вмешиваются, но всегда поддерживают (этот краткий экскурс – чтобы с ходу тапками не закидали).

Но Валин муж органически не может ничего выбросить. То есть, совсем. Оправдывает это тем, что он художник и, по совместительству, общественный деятель, и ему это нужно. Например, кончился чай в пакетиках – несет Валя в помойное ведро картонную коробку. Если заметил – вопль: «Ты с ума сошла! Посмотри, какое тут сочетание цве-

тов! Пригодится мне как образец!». Пластиковая банка из-под сметаны готовится идти тем же путем. Крик: «Не выкидывай! Я буду туда кисти ставить!». (В доме полно для этой цели любых вазочек и стаканов – вплоть до авторской работы). Старые газеты запрещено выбрасывать: «Там такая интересная статья – я хочу ее сохранить и периодически к ней обращаться!». (Никогда и не вспомнит. Проверено). Сносила Валя свои замшевые сапоги, хотела выбросить, но перед этим отрезала тонкую замшу с голенищ: свекровь попросила, чтобы обтянуть какие-то подставки для бижутерии в своем магазинчике. Обрезанные сапоги в пакете бросила меж входных дверей, чтобы утром вынести. Муж нашел – истерика: «Их же можно еще носить – с брюками!». Его старую одежду Валя выносит тайком – иначе у него случится сердечный приступ.

С таким отношением, казалось бы, дом их обречен превратиться в филиал помойки – но нет. Для мужа главное – именно первый порыв: не выбрасывать. Когда-то давно Валя спорила, доказывала, даже плакала – он вырывал у нее из рук свою «драгоценность» и, собой прикрывая, уносил. Ставил куда-то и... забывал, а она потом тихо выбрасывала. Он никогда не спрашивал, куда делась вещь. Теперь Валя не противоречит, когда он вдруг приносит с помойки (там его уже все бомжи знают; он, Заслуженный художник РФ, с ними приятельствует) ни к чему не подходящую колонку от проигрывателя 70-х годов и, отмыв, ею любитесь. Валя просто ее на следующий день спокойно отправляет туда, откуда та пришла, – главное, чтобы муж не видел сам процесс «выноса» своего имущества. То же и с коробочками от печенья, пустыми тубиками от пасты, бутылочками от одеколona и прочим... Газеты выносит сразу пачками. И никогда никаких проблем с этим...

Во всем остальном ее художник – вполне адекватный человек. Ей, когда есть такая возможность, никогда ни в чем не отказывает, любит, чтобы она была красиво и разнообразно одета, с украшениями, новыми прическами. Никогда не спрашивает, сколько что стоило, а деньги добровольно отдает до рубля: «Забери, ради Бога, не умею я с ними, все равно не на то потрачу...». Карточка его пластиковая у жены, ему, как школьнику, выдаются по просьбе деньги на насущные нужды, которые невелики: краски, рамы, редко – холсты, кисти. Одежду-обувь они ему вместе ходят покупать. Он сам завел такой порядок, хотя по типу вовсе не мужчина-сыночек...

Вот только эта ежедневная борьба с хламом ставит Валю в тупик – и

его упорное, странное цепляние за каждую отслужившую свое мелочь, странствование по свалкам. И ведь даже свою жену пытается облагодетельствовать. Недавно принес ей с помойки женскую сумку: «Посмотри, совсем новая, фирменная...». «Да, – говорит Валя, – женщину ограбили, все из сумки вынули, а сумку бросили в бак, чтобы с ней не засветиться. Хозяйка ее опознает – и меня заберет полиция». Одумался, сам немедленно отнес на помойку...

И подобное происходит если не каждый день, то через день – точно. Вале и в голову не придет, конечно, из-за такого разводиться с хорошим человеком, но... Вот что это такое, и как на это повлиять?

- Никак не повлиять, болен человек, – уверенно сказала Маша. – Что-то такое даже в учебнике психиатрии есть. Но, раз в легкой форме, а в остальном человек хороший, – так грех и жаловаться.

- Между прочим, многие гении были подвержены помойным страстям, – согласился Борис. – Пикассо, например. Целые комнаты хламом заваливал. А сейчас так вообще... для инсталляции что угодно сгодится. Возьмешь пару оберток, картонок, баночку поставишь, желательно с хабцами, все вместе живописно к газетке приклеишь, табличку нарисуешь: «Обед бездомного». Еще и первый приз на какой-нибудь продвинутой выставке возьмешь – сто тысяч евро. И заказы посыплются – на такие вот, с позволения сказать, инсталляции... Тут уж сама эта Валя по помойкам забегает, мужу материалы искать...

- А хабцы – это что? – осторожно наведалься Станислав.

- Это по-питерски окурки, бычки ваши московские... У нас ведь еще поребрик вместо бордюра, ларьки стоят там, где у вас палатки, и не тэшки, а маршрутки ходят... Да, еще нам... жены... наливают суп поварешкой, а не вашим московским половником, мясо в латке тушат, а не в гусятнице... Напрягусь – могу еще вспомнить, – поделился Борис.

- Да, у вас еще кур в магазинах продают! – выпалил Митя.

- Точно. И гречу... – добавила Маша. – И на мне сейчас бадлон надет. А на тебе – водолазка.

- Думал, нормальные люди, а оказывается, инопланетяне, – усмехнулся Макс.

- Товарищи, не отвлекаемся! – зашумел Соломоныч. – Кто следующий? Может, вы, Станислав?

- Охотно. Расскажу вам правдивую историю о том, как я тридцать с

лишним лет назад узнал, что самое святое в жизни фронтовой разведчицы... Было это в 1999 году...

История шестая, рассказанная коренным москвичом Станиславом о том, кто и что носит на груди у сердца.

Моя мама держала тогда «православную лавку», приютившуюся в аптеке неподалеку от Арбата. Сейчас таких лавок уже почти не осталось: это были небольшие киоски, торговавшие иконами, цепочками, крестиками, медальончиками, охранными кольцами, религиозной литературой... Часть чистого дохода поступала в ту церковь, от которой велась торговля, часть шла «держательнице» лавки и на зарплату продавцам. Сразу скажу: такая торговля принадлежала бедным сельским приходам, где священнику иногда попросту нечего есть, а семья его одета в обноски, из жалости отдаваемые прихожанами; богатые соборы таких киосков вне храма не имели – лавочки открывали от бедности, а не от богатства. Но я отвлекся.

Иногда я помогал маме развозить товар по точкам – она не водила машину, среди женщин того поколения это было не принято. И вот, приехал я в один такой киоск, разгружаю и записываю книги за прилавком, болтаю по ходу дела со знакомой продавщицей. Подходит покупательница – старушка лет восьмидесяти, очень чистенькая и опрятная, с ясными голубыми глазами, приятно взглянуть. Просит посмотреть золотые крестики, хочет сделать внучке подарок. Продавщица услужливо выкладывает перед ней черную бархатную подушечку, старушка выбирает и параллельно рассуждает о жизни – ну, все знают, что со старыми людьми это часто случается. Оба мы – продавщица и я – лезем вон из кожи, чтобы продать ей золотой крестик, потому что по отчету я вижу, что торговля сегодня идет совсем не бойко. Поэтому мы особенно внимательны и чутки, реагируем на каждое бабушкино слово. А та знай себе рассказывает:

- Я-то всегда была верующая. Особенно на войне. Там-то уж куда без этого? Там атеистов не бывает... Когда на тебя бомбы сверху падают – веришь-не веришь, а закрестишься... А я – так вообще во фронтовой разведке служила... Радисткой. Уж и не помню, сколько раз линию фронта туда-сюда переходила с ребятами... Однажды все погибли, только я выползла с картой и без рации, раненая...

Мы с продавщицей прониклись к ней глубоким уважением. Вытащили другую бархотку – с крестиками подешевле, раз уж не удалось с ходу всучить ей дорогой. Старушка снова выбирает – и дальше рассказывает:

- На фронте я и приняла святое крещение. В оккупированной деревне. Там нам священник очень помог, он и сказал потом – мол, ребята, если кто из вас некрещеный, так давайте я вас сейчас окрещу, а то не ровен час... Я согласилась, и наш сержант тоже – никто не смеялся. Все понимали. Дал мне священник крестик – простой, оловянный... И я никогда больше с ним не расставалась на фронте, только через много лет после войны, уже здесь, в Москве, в церкви Всех Святых, что у Сокола, купила себе серебряный.

Тут она выбрала крестик – средний по величине и стоимости – и оплатила его. Мы расчувствовались и спросили напоследок:

- А что, на фронте начальство вас за это не ругало? Ну, за то, что вы крестик носили?

Бабуля подняла на нас свой небесный взгляд:

- Конечно, на шею надевать было нельзя! Я носила его в левом нагрудном кармане, под пуговицей. Рядом с самым святым, что только может быть у человека... – она сделала торжественную паузу и пояснила: – Рядом с партбилетом!

Далее последовала классическая немая сцена.

Засмеялись все – кроме Соломоныча. Он обиженно набылчился, но через какое-то время не сдержался:

- Я в свое время тоже был членом партии. Как и многие порядочные люди. И ничего плохого в этом не видели. Потому что, если ты не член партии, то с «пятым пунктом» разве сможешь работать, ну, скажем... инженером в секретном институте, как я? Вам, нынешним, не понять. А тогда было так: хочешь не хочешь – а вступишь...

- ...не в говно, так в партию... – без выражения закончил Борис.

Все опять прыснули

- Вы желаете меня обидеть? – агрессивно поинтересовался Соломоныч, и сразу стало ясно, что такому желающему это себе дороже выйдет.

Татьяна замахала руками:

- Вы лучше рассказывайте, Марк Соломонович... Не слушайте их... Ну их всех...

- Ну, ради вас, Танечка... Я, пожалуй, расскажу историю, как один юноша скучал по одной девушке...

История седьмая, рассказанная предприимчивым Соломонычем, о том, как юноша скучал по девушке, которую не знал в лицо.

Вечер пятницы. Еду в я трамвае в гости. Рядом со мной на сиденье – молодой парень, лет восемнадцати-девятнадцати, но с букетом на коленях: три чахлые гвоздички в целлофане. Ясно, что едет на свидание, и не упрекнешь в убогости букета: наверняка студент, беден, как церковная мышь, хорошо, хоть на гвоздики для любимой девушки выкроил. Вдруг у него звонит телефон, и, поскольку я рядом, то слышу, как он расстроено говорит: «Не отпускает?.. Вот гад твой шеф... Ты меня так расстроила... Я так тебе сочувствую... Все время о тебе думаю... Ну, ладно, что делать... Завтра точно увидимся... Целую-целую...». Ну, что ж, дело житейское, его девушку не пустили с работы... Я мысленно жалею парня: гвоздики-то до завтра могут и не дотянуть, точно, со скидкой брал. Но он совершенно не выглядит расстроенным, смартфон в карман не убирает, а начинает кому-то звонить. Я слышу: «Катюша? Это Миша... Слушай, я так по тебе скучаю! Все время думаю о тебе, представляешь?.. Сам не знаю, что со мной, такого никогда не было... Может, встретимся?.. Прямо сейчас!.. Прилечу, куда скажешь... Да?.. Жаль... И высокая температура?.. Ну, выздоравливай...». Смотрит на экран, опять вызывает. И опять: «Ленуся? Это Миша... Слушай, я так по тебе скучаю... – и дальше слово в слово, только в конце: – А отменить нельзя?.. Обещала родителям?.. Жаль...». Снова смотрит на экран, звонит: «Лялечка?..» – и далее точно так же. Я скашиваю глаза на экран его смартфона. Девушки там обозначены так: «Оля Спортзал», «Аня Деканат», «Наташа Парикмахерская», «Катя Бассейн» – и тому подобное. Парень деловито звонит каждой по очереди, но ему не везет: на вечер пятницы у всех планы, переменить которые в последний момент девушки не готовы. Юный ловелас потихоньку раздражается, но упорно выдает свой заученный текст: «Юляша?.. Это Миша...». Наконец, ему «свезло»: какая-то «Марго Экскурсия», которой он тоже признался, что «очень скучал и все время думал», свободна этим вечером. Юноша оживляется: «Уже бегу! Буду стоять наверху! У эскалатора! Целую-целую!» – и кидается к дверям, ждать остановку. Тут телефон у него

звонит сам, парень отвечает – вероятно, другу: «Да нет, не могу сегодня... Еду тут к одной... Прикинь, не знаю, что делать: она меня через полчаса в метро ждет, а я забыл, как она выглядит... В смысле, могу с какой-нибудь другой перепутать... Знаю только, что зовут Марго... Ладно, буду стоять и в пол смотреть – типа, смущенный очень – может, сама подойдет...». Двери раскрылись, парень выскочил, продолжая говорить по телефону. Я проводил его взглядом: сунув букет под мышку и прижимая к уху телефон, он бросился по «зебре» через улицу, отчаянно махая свободной рукой тэшке, идущей в обратную сторону...

Мне стало так жаль – нет, не девушек. Его...

- А что его жалеть, такого гада? – удивилась Оля Большая. – Скольких девушек обманывает...

- Зато он сам никогда не узнает, что такое настоящая любовь, – печально сказал еврей. – Когда так ведешь себя с женщинами, ты никогда уже не сумеешь полюбить...

Стало тихо. В словах Соломоныча неожиданно проглянул своеобразный резон.

- Митя, теперь ты, – глаза сегодняшнего Короля закономерно обратились на Митю. – Надеюсь, ты таким не вырастешь, а будешь встречаться с одной девушкой... Или хотя бы с каждой по очереди...

- Постараюсь, – смутился Митя. – Моя история будет не совсем приличная... Про унитаза.

- Про что?! – вскрикнула его мать. – Решил пойти по стопам младшей сестры? Тебя тоже за руку уводить придется?

- Все нормально, пусть расскажет, он вменяемый, – распорядился Макс. – Давай, Митя, не дрейфь. Унитаз – вещь нужная... Кстати, господ, обращаю ваше внимание на то, что и здесь его нужно не забывать мыть за собой ершиком, и получше. Думаете, если темно... Кхм... Это я так, к слову... Начинай.

История восьмая, рассказанная бойким отроком Митей, о том, как кремлевский унитаз убежал из-под провинциальной бабули.

Каюсь, но этот разговор я подслушал – в «Сапсане», что катается между Петербургом и Москвой. Мы с папой ехали в гости к его другу в Петербург. Я смиренно сидел в поезде, а папа сразу побежал в вагон-

ресторан за своим любимым кофе. Позади в кресле располагалась, судя по голосу, пожилая простая женщина: голос был такой... «народный», что ли... Такие встречаются в жизни уже редко – разве что частушки на сцене так поют. Бабуля громко говорила с кем-то по телефону, рассказывая, как она, будучи в этот раз в Москве у дочери, побывала на территории Кремля.

Рассказ звучал примерно так.

«Ну, посмотрели мы, значит, все церкви, пофоткались – и захотелось мне, грешным делом, «по малому». Смотрю – домик стоит, стрелочка к нему указывает, а тут и дочка говорит – вон, дескать, туалет, мама; ты иди, а я на улице подожду. Ну, я и захожу. Внутри чисто, красиво, культурно, духами пахнет. Одно слово – Кремль. Сидит внутри такая женщина приятная. Я думала – плату берет – ан, нет: оказалось, надо монетки прямо в устройство на двери закинуть. Ну, закинула я монетки, дверь шелкнула, отворилась, а внутри – красота: чистенько, красиво, просторно. Тут тебе и раковина, и унитаз блестящий – я даже сесть на стульчак не побрезговала: сразу видно, что не обоссан. Ну, и решила я, раз уж тут такое удобство немислимое, за раз все дела справить – до дома-то еще когда доберемся! Все с удовольствием сделала, и бумажка такая мягонькая оказалась – прямо пух! – и стала брюки на себя натаскивать... Тут вдруг где-то шелкнуло – и свет погас. Совсем. Я тык-мык в темноте-то... Оправилась кое-как, пошла в перед с вытянутыми руками, наткнулась на дверь, ручку нащупала... А дверь не открывается. Я трясу ее, дергаю – хоть бы что. Плечом налегаю – даже не дрогнет. Стала стучать, кричу: «Откройте, ироды!» – никто не отзывается. Тьма кромешная. Я совсем потерялась – но вдруг опять шелкнуло, и свет зажегся. Я осмотрелась – да и чуть столбняк со мной не приключился: унитаза-то нету! Нету – и все. Там, где он только что был, – кафельная стенка и ровный пол. Я думаю: батушки, на чем я только что сидела?! Подошла поближе, стою, глазами хлопаю... И тут стенка прямо передо мной отъезжает в сторону, и мне навстречу едет – унитаз! А за ним – струи воды и... радуга. Сам белоснежный, чистый – как невеста! Я как такое увидела – так и шась назад, спиной из кабинки вылетела! Она оказалась уж незапертой... Тут как раз давешняя женщина откуда-то входит. Я к ней: «Что у вас здесь творится такое?! Почему у меня унитаз из-под задницы убежал?!». А она мне – спокойно, протяжно так, будто стих рассказывает: «У нас, – говорит, – каждые четыре минуты унитаз

убирается, моется и подается обратно». Это ж ничего себе! А я-то чуть заикой не стала...».

Теперь, когда... если... окажусь еще в Кремле, то надо будет обязательно посетить это замечательное место и посмотреть на смену белых часовых...

Многие не выдержали и начали прыскать от смеха еще до окончания повествования.

- Слушай, Митёк, да ты мастер короткого рассказа! – захопал в ладоши Максим и вытер глаза. – Доходчиво рассказываешь. Я эту старушку как наяву увидел. И как унитаз к ней выезжает... разве что не в фате... Молодчага! Хвалю...

- И главное, господа, видите – даже про унитаз можно рассказать вполне прилично, – все еще булькая остаточным смехом, сказал Станислав.

- Я тоже хочу! – взревела вдруг молчавшая весь обед Оля Маленькая. – Ну, мама! Я – не про стыдное! Честное слово... Я про нашу бабушку Зину! – вдохновенная, должно быть, примером брата, она рванулась по его горячим следам.

- Это сестра моей мамы, – сдержанно пояснила Татьяна. – Абсолютно приличная старая дева. Очень нудная... Даже не знаю, что смешного можно в ней найти...

- А вот и нет, а вот и нет! – запальчиво выкрикнула Олечка. – Я, когда у бабушки зимой на выходных была, баба Зина тоже пришла чай пить и торт принесла – вот такущий! И стала рассказывать, как уши ходила прокалывать...

- Ладно, про уши можно, – поколебавшись, разрешила ее мама.

История девятая, рассказанная любительницей смущать взрослых людей Олей Маленькой, о том, как бабушке Зине, вместо того, чтобы проколоть уши, чуть не сделали дорожную операцию.

Уши прокалывать баба Зина боялась всю жизнь. Так и ходила без дырок. Но какая-то подружка подарила ей хорошенькие золотые сережки... Такие, с синими камушками, я видела... Очень уж ей захотелось их поносить. Она по телефону позвонила в клинику красоты и записа-

лась, но опоздала. Чуть-чуть, на пять минуточек... Только подошла к кабинету – выходит медсестра и говорит, строго: «Почему вы так задержались? Все давно готово, только вас ждут». Баба Зина очень удивилась – вот, какие точные все в этой клинике! Вошла, а там – раздевалка. Медсестра говорит: «Раздевайтесь, завернитесь в простыню и садитесь на каталку». Баба Зина опять удивилась – какая хорошая клиника: вот, даже уши прокалывать везут на каталке. Она быстро разделась, но потом ей стало стыдно, и она говорит: «А трусы – не буду». А медсестра как рассердится: «Как это не будете? У нас так положено!»

- Оля, опять про трусы! Все, хватит, дорассказывалась! – рванулась вперед Татьяна, но была остановлена вполне резонной фразой Бориса:

- Если про унитаз можно, то про трусы и подавно. Кстати, про них сегодня уже рассказывали. И про колготки тоже. Продолжай, деточка. Тут темно, и не видно, как дамы краснеют.

- Ну, завернули ее голую в простыню и привезли в операционную. Там стол высокий, всякие приборы горят, инструменты кругом блестят. А вокруг стола – врачи в масках и перчатках. Тут баба Зоя ка-ак закричит: «Что вы со мной хотите делать?!». А ей и отвечают: «Как что? Жир с живота вам удалять будем! Вы же сами записались». Она ка-ак вскочит, простыня на пол...

- Все понятно, – торопливо перебил Станислав, желая купировать очередной приступ материнского праведного гнева, – она кабинеты в клинике перепутала. Действительно, забавно. Сделали бы ей дорогостоящую операцию бесплатно – а она потом еще бы и клинику засудила, пожалуй...

Девочка довольно кивнула.

- Молодец, – одобрил и Соломоныч. – Я бы на месте этой тетеньки не вскакивал, а посмотрел, что дальше будет...

- Дальше ей дали бы наркоз, и она проснулась бы без жира, – сказала Маша. – Здорово...

- Ну, что, господа, у нас один остался скромник... Скромница-девица-красавица. Катюша. Максим, я, хоть и король сегодня, а чужими женами командовать не могу. Вы уж сами как-нибудь... – застеснялось Его Королевское Величество.

- Катюш... – умильно заглянул Максим в глаза своей жене. – Знаешь забавную историю?

- Да, – легко сказала та. – Только все забавные истории почему-то грустные, не замечали? И моя такая же. Одна женщина у нас на работе очень переживала, что ее сын, наверное, дальтоник...

История десятая, рассказанная грустной женщиной в ожидании Катюшей о том, как ее коллега считала своего сына дальтоником, а оказалось, что все гораздо ужаснее.

Поучительные моменты иногда выдает жизнь. Последние пару лет моя коллега постоянно сокрушалась, что ее сын-подросток, как она подзревала, дальтоник. Собиралась вести к врачу, чтобы выяснить достоверно: то он по ее просьбе снял с верхней полки шкафа не синюю, как она просила, а зеленую шапку, а когда она указала на правильную, стал утверждать, что они одинаковые; то бабушкино пальто бутылочного цвета назвал черным, то попросил папу проскочить на зеленый, который был на самом деле красный... Ком подозрений рос и рос... Все старались убедить ее, что даже если так, – то это не смертельно. Это даже не болезнь, а особенность... «Да знаю я! – грустно взмахивала рукой коллега. – Просто обидно... Обидно, что мой сын никогда не узнает, как прекрасен наш мир, какие совершенные в нем краски, какие сочетания! А всю жизнь будет видеть его искаженным, и я даже никогда не узнаю точно – каким!». Ей говорили, что существуют какие-то специальные очки, позволяющие видеть цвета правильно, – только сначала надо определить тип дальтонизма, чтобы купить правильные очки... Поход к детскому офтальмологу был уже назначен, когда женщина отправилась на медкомиссию, намереваясь поступить, наконец, в автошколу и получить первые в жизни водительские права – до того боялась...

У меня на экране смартфона высветился ее номер, когда мы с Максом ужинали. Она захлебывалась рыданиями, несколько минут не могла ничего толком объяснить – я даже испугалась, не произошло ли какого несчастья... Произошло. «Это не он – это я!!! Это – я!!! Я!!! – кричала она. – Я – дальтоник, оказывается!!! Мне и права получать нельзя, и я всё – всё кругом!!! – вижу неправильно!!! Я жить не хочу! Я отравлюсь!». Успокаивать было бесполезно – пришлось дать прорыдаться и выговориться. Потом она ходила к еще нескольким врачам, надеясь на ошибку, и сына водила – но, увы! Диагноз подтвердился. Она – ред-

кая женщина-дальтоник, да еще и такой разновидности, когда человек почти ничего не видит так, как другие. А сын – нет... У него обычное зрение... Американскую новинку оптики – очки, позволяющие корректировать восприятие цвета, – муж ей действительно достал. Моя коллега их почти не носит. «Не могу, – говорит, – с ума в них схожу, будто на другую планету прилетела... И как вы только живете с таким уродством кругом...».

Тогда я подумала: а если взглянуть шире? Не все ли мы дальтоники для других? Дальтоники, еще и требующие, чтобы все видели мир, так как мы, и впадающие в ярость, когда этого не происходит...

- В точку, – сказал Станислав. – Про меня. Я, хотя меня и проверяли, как и всех, когда права получал, но все время чувствую, что – одно из двух: либо я дальтоник, либо большинство окружающих. В переносном, конечно, смысле, но лучше б в прямом. Безопасней, так сказать.

- И я... И я... И я... – робко понеслось со всех сторон.

- Не знаю, со мной все нормально, – раздраженно бросила Татьяна. – Я стараюсь так не рефлексировать.

- О! В нашем обществе дальтоников нашелся один здоровый человек, – констатировал Борис. – Вывод: с нами все хорошо, а дальтоник – вот, – он указал на гордо вздернувшую подбородок Татьяну. – Потому что иначе очень уж нас, инвалидов, много на сто квадратных метров.

- Мне не нравятся ваши намеки... – прошипела домохозяйка-фрилансер.

- Не хотите намеков – не противопоставляйте себя коллективу. Особенно дальтоников, – постарался перевести все в шутку Станислав.

- Господа, не забывайте, что сегодня был обед, а не ужин! И спать еще не пора, – громко призвала Оля Большая. – Поэтому, если вдруг там кончился дождь, то сидеть в подzemелье полуслепыми и разбираться, кто из нас дальтоник... По-моему, лучше, чтобы кто-нибудь слазил и посмотрел...

- Намек понял, – вздохнул, поднимаясь, Макс.

- Сначала я воспользуюсь своим правом! – патетически воскликнул Соломоныч. – И, как вы уже могли догадаться, назначу не Короля, а Королеву на завтра. Потому что моя душа не выдержит, того, что все дамы уже были королевами, а одна – нет. Я люблю женщин и ничего не могу с собой поделывать, грешен... Машенька! Я вас с великим удовольствием

корону и умоляю придумать тему рассказов на завтра, – кряхтя, он все-таки успешно приклонил колени перед растерявшейся Машей.

- Хорошо, – после секундного молчания сказала та. – Пора придать ускорение, иначе так и будет у нас то одесский сюсюк – не обижайтесь, Марк Соломонович, это не я, это Лихачев придумал – то интеллигентские самокопания. Завтра рассказываем о столкновениях со сверхъестественным. Во всяком случае, о том, чему нельзя придумать разумное объяснение. Надеюсь, хоть так никто морально не пострадает. Даже Оля Маленькая избежит материнского гнева.

Вдоль стола пробежал шепоток одобрения, все оживились, припоминая каждый свое: ведь, к какому бы ясному и легко доказуемому материализму ни приучил себя человек, в душе каждого живет таинственное и непреложное знание об ограниченности видимого мира, о его плоскости и обреченности...

Но Макс, уже взлетевший вверх по лестнице неглубокой шахты, трубным голосом доложил с высоты:

- Товарищи кроты! Тут солнце светит! Айда наверх носы греть!

Седьмой день Декамерона, в который рассказываются истории о столкновениях со сверхъестественным.

На следующее утро погода тоже не побаловала. День намечался сухой, но суровый: первый чувствительный заморозок еще не отошел, трава стеклянно хрустела рассыпчатым ледком под ногами выбравшихся на свет Божий подземных жителей, похожее на старую простоквашу невеселое небо поднялось, не обещая ни дождя, ни солнца.

- А ведь у нас, господа хорошие, отопления-то внизу нет, – Борис, ежась в своей летней куртке, без экивоков высказал всеобщее, пока не афишируемое опасение. – Теплоизоляция, правда, хорошая – но это до первых серьезных холодов. Если мы раньше отсюда не выберемся, то скоро, похоже, придется задуматься об анабиозе.

- Перестаньте наводить панику! – осадил его Татьяна. – Карантин по этой... болезни длится двадцать восемь дней. – Ту семью увезли больше двух недель назад. Еще дней десять-двенадцать – и мы сможем спокойно объявиться у любого блокпоста и потребовать, чтобы нас выпустили в Москву.

- Угу. Само собой. Блокпосты для того и поставлены, чтобы исполнять наши требования, – полностью «согласительным» тоном, выражавшем, тем не менее, крайнюю степень издевательства, отозвался Борис.

Детей увела за последними грибами Оля Большая, Маша в одиночестве уныло бродила в недалеком березняке, Соломоныч гадал Катюше на картах в кухне бункера – и никто не обратил внимания, как незаметно скрылись среди деревьев о чем-то доверительно беседующие Станислав и Максим. Эти двое невероятно гармонично дополняли друг друга, растущее взаимное уважение таких, казалось бы, разнополярных людей уже бросалось в глаза – и Оля Большая даже однажды, пожимая плечами, сказала Кате, что их мужья, наверное, станут со временем настоящими друзьями. «Да. Боевыми», – серьезно добавила та.

Друзья шли неторопливо, как бы прогуливаясь, пока оставались в зоне видимости остальных, но, когда мелькание позади прекратилось и стихли все голоса, они переглянулись и ускорили шаг. Молча перебежали грунтовую дорогу, делившую лес надвое, некоторое время шагали вдоль опушки – и там, где грунтовка делала крутой поворот и разветвлялась, Максим остановился.

- Дальше я один, – спокойно сказал он. – Двоим уже опасно.

- Может, зря ты это... – поколебавшись пару секунд, все-таки сказал Станислав. – Случись что – и Катя...

- Потому я и не беру тебя собой в разведку – чтоб хотя бы одного из нас, если что, сберечь. Хотя именно с тобой – пошел бы без вопросов, – сдержанно ответил Макс. – Я знаю, что в том крайнем случае, если вдруг я... не вернусь, ты не оставишь ее в беде, а, когда у нее начнется... ну, ты понимаешь... Я знаю, что ты вовремя сядешь в мою машину и повезешь Катю к блокпосту. Роженицу не отправят в утилизатор – ее положат в роддом и там изолируют в боксе. Но, по крайней мере, она получит квалифицированную медицинскую помощь.

- Я обещал, мне повторять не надо, – тем же тоном ответил Стас. – Я сделаю для нее все, что сделал бы ты. Но ей нужен живой муж, а ребенку – отец.

- Не забудь, что выйти из машины ты должен раньше, чтобы тебя не заметили, – иначе сцапают, и уж тебя-то отправят... Последние полкилометра она и сама доедет, баба крепкая, – напомнил Макс: ему все равно казалось, что инструкции недостаточны, и где-то допущен роковой просчет, грозящий гибелью.

- Даже если отправят... – опустил голову Станислав. – В одном из них мой сын, а в другом – дочь. Может, хоть узнаю об их судьбе.

- Не вздумай! – жестко схватил его за плечо Максим. – Я почти уверен, что мы все здоровы: в основном, все на десятый-четырнадцатый день начинается, ты знаешь. А попадешь туда – заразишься точно. И, если лекарства за это время еще не изобрели... В общем, ты понял. Да что это я? Разумеется, я вернусь. В Чечне в горы в разведку ходил, а уж тут... К обеду буду. Сейчас рано еще. Нужно ведь узнать, на что рассчитывать, и вообще, что творится за оцеплением в чистой зоне. Чтоб я – да не пробрался? Просто тряхну стариной. Даже приятно... Ну...

Он хотел подать товарищу руку, но вдруг непроизвольно обнял его, притиснул к себе... Выпустил и пошел не оборачиваясь.

Станислав долго не мог заставить себя вернуться к остальным, боясь, что не сможет держаться достаточно естественно, чтобы не вызвать вопросов, – и особенно опасался пронзительного взгляда собственной всевидящей и вездесущей супруги, под которым всегда чувствовал себя не голым – перед женой не стыдно – а полностью прозрачным... «Когда я последний раз так дико волновался? – задавал он себе мучительный вопрос, прохаживаясь в ельнике неподалеку от входа в бункер, но ни к кому из людей намеренно не приближаясь, чтоб не быть вызванным на разговор. – Может быть, когда до меня дошло, что дети вызвались добровольцами в обсерватор? Нет, стало, конечно, страшно, и теперь страшно, и будет страшно, пока я не узнаю, что они живы... Вот недавно, когда сначала Олечка, а потом Митя пропадали? Волновался, но откуда-то знал, что найдутся... Когда двадцать лет назад Леле делали операцию аппендицита? Да, волновался, но не так...». Но это выматывающее ожидание возможной трагической развязки вкупе с собственным унижительным бессилием, этот медленно наползающий со всех сторон темный ужас, постепенно вскипающая изнутри паника – все, определенно, было знакомо и прочувствовано. Стасу казалось, что если он вспомнит, то сразу станет легче: ведь раз он однажды испытал это и не умер, значит, все кончилось хорошо, кончится и теперь... Уже несколько часов, напряженно думая об одном и том же, он без усталости кружил в непреодолимом одиночестве, останавливался, смотрел на часы – и, когда маленькая золотая стрелка начала предательски подползать к двум, напряжение достигло апогея, он остановился и, схватившись за голову, глухо застонал. Застонал – и вспомнил: тридцать лет назад

он точно также прервал судорожное метание и взвыл, взявшись за волосы и зажмурил глаза, – и в тот же миг открылась белая дверь, высокая женщина в мятой форме цвета морской волны улыбнулась в проеме и сказала: «Ну, все, папаша, отмучились, расслабьтесь. Родилась ваша двойня. Мальчик – два девятьсот, девочка три двести, восемь и девять по Апгару». И теперь, через три десятка лет, он выдохнул и открыл глаза: Макс стоял прямо перед ним, возникший идеально бесшумно, словно материализовавшись из напоенного хвоей воздуха, и озадаченно смотрел на идиотически моргающего учителя.

- Слава Богу! – выдохнул Станислав. – Я уж думал, с ума сойду... Слышишь – там уже к обеду созывают...

- Богу всегда слава, – озабоченно отозвался Макс. – Только дела наши, похоже, совсем хреновые. Дыру в оцеплении найти – дело нехитрое. Лесом я обошел, там болото, но, как оказалось, вполне проходимое. Значит, и остальные прекрасно пройдут. Хуже другое: все ближайшие поселки эвакуированы. Городок тоже. Пустые улицы, заваленные мусором, битые витрины, за которыми чернота... Погибшая цивилизация, никаких ужасиков не надо. Несколько мародеров видел издалека. Соблазн был взять «языка» и допросить наскоро – не решился: хрен его знает, откуда он, может, заразный, принесешь еще вам... Пока ходил – не скрою, очко играло. Одному и без оружия по таким местечкам гулять – неуютно, честно тебе скажу. Уж подумал – а вдруг вообще одни банды кругом остались, а все остальные вообще вымерли? Тогда б выходило, что и нас тут, в лесу, как не хрен делать врасплох возьмут. Но нет: подобрался, проверил – блокпост на месте. Значит, по крайней мере, власти пока еще что-то контролируют. Пауэрбанки, правда, зарядил, наш и ваш с Олей, – в одном магазине дверь выломана была, но электричество оказалось. Я их на свой страх и риск заряжаться оставил, пока осматриваться ходил. Еще несколько дней хоть какой дополнительный свет будет... Честно скажу – я не знаю, что делать. Правда, мысль есть: попробуем все-таки с тобой после обеда опять тот штурвал провернуть. Не замурована же с той стороны эта дверь проклятая! А за ней все, что угодно может оказаться и, прежде всего, системы жизнеобеспечения... Может, покумекаем да разберемся. Мы, ведь, похоже, надолго здесь застряли... В утилизатор-то никому не хочется...

Но и после обеда заколдованный штурвал не поддался. Трясли, жали,

раскачивали, вместе и по очереди, призывали Бориса, Митю и даже Соломоньча – лишь без толку провозились до ужина и устали, как псы. Чуть поели – и Макс мрачно толкнул локтем Машу:

- Командуй давай. Самое время таинственные истории рассказывать.

Его жена Катюша улыбнулась, беспечная владелица единственной светлой улыбки в их подземном царстве, – и словно ярче на миг стала экономно подкрученная керосинка.

- Вы не забыли, господа? Сегодня Королева велела рассказывать о встречах со сверхъестественным, – напомнила Оля Большая.

- Ну, или, по крайней мере о том, чего нельзя объяснить с научной точки зрения, – спохватилась Ее Величество. – Кто-нибудь хочет первым высказаться?

- Я хочу! – торопливо вызвался Станислав, стремясь перебить сегодняшнюю безнадежность. – Я расскажу вам, как приходят оттуда...

История первая, рассказанная хорошим другом Станиславом, о том, как его отец явился после смерти своему двоюродному брату.

Когда я был маленький, кузен моего отца по имени Георгий жил в городе Калининграде. Редко можно увидеть людей, настолько противоположных друг другу внутренне и внешне, как были эти двоюродные братья. Жора, громадный объемный мужчина, хохотун, говорун, едок, убежденный холостяк и бабник, просвещенный атеист, насмерть преданный Советской власти партийный работник, приезжал в Москву несколько раз в год, являлся к нам в дом с бутылкой коньяка и традиционно общался с братом, вкусно выпивая под классический мамин «Оливье». Не имея своих детей, меня он попросту игнорировал, а нашу собаку называл «сука́» – именно так, с ударением на последнем слоге. А вот мой папа был последовательным и грамотным антисоветчиком, для которого братец в какой-то степени, вероятно, олицетворял пресловутый «образ врага». Хорошенько побаловавшись, в свою очередь, французским коньячком, папа использовал возможность безнаказанно высказать в лицо партийцу все претензии к советскому режиму, что накапливались у него от приезда до приезда Жорика. Выпив, в выражениях он не стеснялся, а кузен его отмахивался: «Алька, если б ты не был моим братом, то давно бы уже сидел!». У них приключилась в начале

восьмидесятых какая-то смутная история с Евангелием. Достать его в те годы – новое, не дореволюционное – было все равно, что луну с неба. Дядя Жора, имевший связи, обещал добыть и не выполнил обещания – или увез уже имевшееся, чтобы «ребятишки» в моем лице случайно не совратились, точно не помню. Папа множество раз напоминал, просил – тщетно: в голове его брат держал только то, что ему самому требовалось... Прошло больше двадцати лет.

И вот этот-то человек, которого меньше, чем кого-либо другого на свете, можно заподозрить в мистических склонностях или галлюцинациях, летом две тысячи пятого года, примерно два месяца спустя после смерти папы, рано утром предстал перед моей заспанной матерью на пороге нашей московской квартиры без предварительного звонка. Жаль, меня там не было, мы жили с Ольгой и детьми на даче... Особым комплексам веселый Жорик подвержен не был, поэтому мама услышала приветствие дословно такое: «Тебе привет от Альки». Она спросонок не поняла: «Георгий, ты что, на могиле был?». «Да нет, это я в прямом смысле!» – ответил неунывающий деверь и достал из сумки Евангелие...

Случилось вот что. Накануне утром Жора проснулся в своей калининградской квартире оттого, что почувствовал чье-то присутствие в комнате. Продрав глаза, он увидел своего двоюродного брата, смиренно стоявшего в углу в ожидании его пробуждения. «Алик, ты же умер», – удивился Жора. Это гость никак не прокомментировал – как очевидную глупость, наверное, – и прямо приступил к делу: «Ты обещал Евангелие, помнишь?». Жора отлично помнил – но он был атеистом и в загробный мир не верил, потому без колебаний вступил в большевистские пререкания с пришельцем с того света: «Знать ничего не знаю, где оно – понятия не имею, может, и было когда-то, да я забыл». «Как же, оно у тебя вон на той нижней полке, во втором ряду», – было ему указано.

Только тогда убежденный богоборец додумался, что разговаривает с тем, что в народе называется «привидением», – и его все-таки охватил ужас; под пристальным взором призрака несчастный партиец в одних подштанниках пополз по ковру к указанной полке – и действительно обнаружил там искомое. «Теперь отвези его моим, как обещал», – последовал приказ, и видение исчезло именно так, как это всегда бывает: просто растаяло. Тут уже славный Жорик понял, что лучше не упорствовать, и помчался за билетом, чтоб не навлечь на себя что постраш-

нее. Мама, потрясенная этим рассказом из уст дремучего, непробиваемого атеиста, спросила его только об одном – по-моему, вопрос был странный: «А во что он был одет?». Зато ответ последовал такой, что придумать его попросту невозможно. Жора мялся и тужился некоторое время, силясь определить неопределяемое и совершенно для него неопишуемое, а потом выдал: «Он был одет... одет... В свет». Рассказ этот полностью правдив. Добавить к нему мне нечего.

- Впечатляет, – сказал Соломоныч. – Но несколько тенденциозно. Раз они там, на том свете, так пекутся о книге, содержащей учение Христа, то это, якобы, доказывает его правильность. А между тем...

- А между тем – вашего мнения о христианстве не спрашивают! – почти грозно прервал Макс. – Если у вас есть история, подтверждающая правоту Талмуда, – извольте. Только сдается мне, что...

- Но вы же сами слышали шофары и видели... видели... – склонившись к нему, прошептал Соломоныч. – Вот вам и доказательство...

- Лично я слышал трубы ангелов, – сказал Максим. – И Стас тоже. Еще не хватало, чтобы меня обращали в иудаизм...

- Какие шофары? Какие ангелы? – насторожилась Татьяна. – Что вы бредите? Ольга, ты что-то знаешь?

- Да... – неохотно подтвердила Оля Большая. – Им встретилось необычное круглое облако, из которого доносились какие-то странные звуки... Не гром. Марк Соломонович решил, что это звуки шофаров – таких ритуальных музыкальных инструментов... Мой муж считает, что это трубил Пятый ангел Апокалипсиса... Но, поскольку я сама не слышала, то не могу характеризовать точно...

- По-моему, мы тут скоро все чокнемся, – твердо сказала Маша.

- Так господа. Война религий отменяется, – сказал Борис. – Теперь я рассказываю. Со смертью моего отца тоже связано кое-что странное.

История вторая, рассказанная постепенно оживающим Борисом о том, как он пережил опыт сонного паралича – или что-то другое, но очень нехорошее...

Стоял апрель – 31 год назад. За стеной умирал мой отец, жить ему оставалось четыре дня. Легких у него уже практически не было, спать он не мог, почти круглосуточно задыхался, медицина конца девяностых

(которой, если помните, тоже фактически не было) ровно ничего не могла поделаться, а все с трудом найденные лекарства давно потеряли эффективность...

Про «сонный паралич» я узнал только пару лет назад, и то, что случилось со мной тем утром, воспринял как потустороннее явление. Не смейтесь. Не зная о «сонном параличе», как оказалось, многократно описанном наукой, и вы ничего другого не предположили бы.

Я открыл глаза ранним утром после тяжелой ночи (уход за больным, очередная «скорая» и т.п.) и четко увидел рисунок обоев прямо перед глазами: я лежал на правом боку. В ту же секунду обнаружил, что не могу пошевелиться – от слова «совсем». Не могу даже моргнуть – так и пялюсь в стену быстро сохнувшими глазами. Мой испуг был так велик, что из груди рванулся вопль – и не вышел наружу: раздался спастический сип, дыхание перехватило. Позвать на помощь оказалось невозможно: язык, губы – все онемело. Но этого мало: сразу же возникло очень четкое ощущение, что в комнате за спиной кто-то есть, этот «кто-то» находится прямо за постелью, нависает над ней и, более того, испытывает ко мне невероятную, разрушительную ненависть, которая вот-вот перейдет в какое-нибудь жуткое и кровавое действие. Пришло желание перекреститься – куда там! Даже пальцем не шевельнуть... Но ум работал очень ясно, и я начал повторять про себя единственную молитву, которую знал, – «Отче наш». Сколько раз я мысленно прочел ее? Время остановилось. Ученые пишут, что сонный паралич длится не более двух минут, – мне казалось, что прошли часы и часы, когда, наконец, начал постепенно «развязываться» язык, зашевелились кисти рук... И главное, «враг», стоявший за спиной, как бы с сожалением, которое я очень хорошо чувствовал (все чувства были обострены, как никогда), начал медленно «отваливаться» назад, отступать... В какой-то момент я ощутил себя свободным и резко обернулся: никого не было, только звенящая тишина раннего утра... Я никому ничего не сказал – еще не хватало прослыть истеричным юношей или сумасшедшим с галлюцинациями.

Теперь я знаю, что все это классические признаки «сонного паралича», но...

Вечером мама сказала мне странные слова: «За папой сегодня ночью приходил «черный человек». Представляешь, он утром открыл глаза – а в ногах кровати кто-то стоит. Темный силуэт. Папа наш и пошевелиться

не мог, но стал про себя молиться – и силуэт растаял. Теперь он считает, что конец близок». Так и случилось.

Я вот чего понять не могу: этот самый сонный паралич произошел с нами обоими одновременно? Или все же это было что-то... другое?

- И опять-таки рассказ с религиозным подтекстом! – обиделся Соломонич. – Обязательно надо было упомянуть христианскую молитву? Как будто, если бы на вашем месте был я, и я прочел бы Шмонэ-Эстре, то она бы не подействовала.

- Окажетесь в таком положении – прочтите и посмотрите, что получится. Хотя от вас ваш еврейский «Б-г» никаких молитв не примет: вы член партии, – усмехнулся Макс.

Соломонич растерялся только на минутку, но вдруг просиял:

- А нам Талмуд разрешает для виду другую веру принять, чтобы легче жить было, вот так, – он разве что язык не показал от радости, что есть, чем парировать вражеский выпад.

- Господа! – испуганно призвала Королева. – Так мы можем Бог весть до чего договориться... Всем все ясно: сонный паралич. Классические симптомы. А у умирающего – галлюцинации, тоже описанное явление. Просто по времени совпало. Но действительно неприятно с таким сталкиваться, ничего не скажешь.

- Хотел бы я так думать, – отозвался Борис. – Только вот не получается.

- Кто следующий, подданные дорогие? – спросила Маша. – Не стесняйтесь, видите, как бодро пошло...

- Я, тетя Маша, – поставил руку на локоток Митя, как примерный ученик. – Я опять расскажу про ваш Питер, папа меня несколько раз туда возил. А этой весной ездили мы на экскурсию по пригородам, и привезли нас в город Ломоносов – там тоже прекрасный парк, почти как в Петергофе. И краеведческий музей, а в нем стоят две мумии...

История третья, рассказанная любителем путешествий Митей, о том, как две женские мумии охраняли музей от немецких бомб и снарядов.

Более чем скромный этот музей – как почти любой провинциальный краеведческий музей. И не знаю – ходил бы туда вообще кто-нибудь, если бы прямо в начале экспозиции не стояли две относительно «све-

жие» человеческие мумии, давно уже перевезенные туда из петербургского музея гигиены, в котором простояли лет девяносто.

Нашли их в пяти километрах от Ломоносова – в старинном ингерманландском поселке Мартышкино после революции – когда банально грабили склепы на местном кладбище в поисках сокровищ. Не знаю, нашли ли сокровища, – а вот несколько прекрасно сохранившихся мумий откопали... Вовремя приехали ученые – и одну мужскую отправили почему-то в Киево-Печерскую лавру, а две женские выставили напоказ в ленинградском музее здравоохранения (теперь это музей гигиены), откуда со временем они и перекочевали к себе на родину – только вот не в могилу, а в музей.

Имена этих людей неизвестны. Они жили на земле примерно в петровское время – в первой четверти восемнадцатого века. Я думал, что одна мумия – мужская, другая – женская. Нет, в музее сказали, что женские – обе. Почему одна из них в мужском сапоге – тайна. Хотя размер сапога, действительно, крошечный – не знаю, какого размера по нашим меркам, но, наверно, как у Олечки. Что касается другой мумии... Это была молодая женщина, даже не начавшая сесть, делавшая маникюр (лак на ногтях сохранился), носившая изящную дорогую одежду и миниатюрные элегантные туфельки...

Во время ленинградской блокады сотрудники музея не прятались во время налетов в убежище, уверенные в том, что мумии защищают здание, и ни один снаряд в него не попадет. Так и случилось. Здание полностью уцелело, и все служащие пережили блокаду... Значит, эти мумии – добрые, несмотря на то, как обошлись с ними люди.

И вот, они стоят под стеклом в затрапезном краеведческом музее. Я подошел близко, заглянул в их страдальческие лица... Господи, за что им это? Чем так провинились при жизни эти несчастные женщины-христианки? Похоронены они были на кладбище рядом с финской церковью, разоренной Советской властью, а ныне возвращенной по принадлежности... Уже почти полвека ведется спор – хоронить ли Ленина, но то дела политические, а вот их-то, обычных женщин, – зачем выставлять после смерти на позор, да еще одну из них – голую, в одном сапоге? Потому что это теперь не люди, а мумии? Экспонаты?

Знаете, древнеегипетскому жрецу, чья мумия выставлена у вас в Эрмитаже, я почему-то не сочувствую. Заспиртованным «монстрам»-эмбрионам в Кунсткамере, примерно, ровесникам мартышкинских му-

мый, сочувствую немножко. А вот эти две несчастные женщины вызывают в моем сердце настоящую скорбь.

Ну, похоронили бы их уже по финскому обряду! Наверное, это выйдет дешевле, чем содержать их в музее... Все-таки каждый мертвый заслужил кусочек земли.

- Молодец, Митя. Это, хотя и не совсем сверхъестественное, но все же... Люди издеваются над ними, а мумии все равно помогают... – сказала Оля Большая.

- Скорей, не мумии, а души этих женщин молят Бога за неразумных живых, – вздохнул Митя. – Правда, жалко их...

- Опять молитвы, опять церковь, на сей раз финская... – недовольно пожевал губами Соломоныч.

- Чем выражать недовольство – рассказывайте сами, – строго велела ему Королева. – А то больно горазды других критиковать.

- И пожалуйста! И безо всяких молитв! Расскажу, как сам инопланетян видел – у Третьей Парковой улицы! – с вызовом сказал старик.

История четвертая, *рассказанная обиженным стариком Соломонычем, о том, как над Черкизово пролетела эскадрилья летающих тарелок.*

Лично я ни в каких инопланетян не верю. Во всяком случае, в том смысле, какой обычно придается этому слову. Только представьте: есть некая высокоразвитая цивилизация гуманоидов – или многочисленные цивилизации, судя по их бесконечной разнообразности... И вот они с завидной регулярностью посещают захолустную изгаженную планету на задворках Вселенной. Населяют ее неуклюжие существа, стоящие на низшей ступени развития, но тупо гордящиеся недавно полученной способностью над этой своей планетой чуть-чуть подсакивать – аж до орбиты...

И все-таки – что же это было? Поздняя московская осень – кажется, 2010 года, но не исключается, за давностью, и 2009-й, во всяком случае, моя вторая жена была еще жива и здорова... Вечер, часов около восьми, то есть оживленное время. Не уединенный закоулок, в котором, как назло, неоткуда взяться свидетелям очередного «необъяснимого явления», а Щелковское шоссе, пересечение с улицей Третьей Парковой, то

есть, примерно три километра от Преображенской площади – словом, не захолюсь.

Я только что высадил из машины, в ста метрах от Парковой, свою жену, пожелавшую посетить парфюмерный магазин, а это надолго... Сам не торопясь поехал домой – и вот я уже у того самого перекрестка, стою на красном светофоре...

Он почти сразу перемигнул на желтый и зеленый – но вперёдистоящие машины отчего-то не тронулись – наоборот, из них начали выскакивать люди – задрав головы, они смотрели вверх. Последовав их примеру, я точно так же остолбенел: над нашими головами очень низко, едва выше крыш домов, в геометрически правильном «походном» порядке неторопливо плыли восемь-десять странных предметов в форме вытянутых восьмиугольников. Сейчас я подумал, что они напоминали короткие, но широковатые гробы. Они казались сделанными из прозрачного материала, целиком светились изнутри неярким желтым светом, причем, даже угадывалось в них какое-то смутное движение... Размером были... ну, с речной лайнер, наверное, но тут точно не скажешь, потому что они ведь летели на определенной высоте. Два двигались рядом впереди, за ними, на более широком расстоянии друг от друга – еще два, далее, еще шире – снова два, и так далее; получалось что-то вроде клина...

Люди молча стояли, глядя на них в полном молчании. Страх, изумления – ничего не было. Все словно оцепенели – никто не фотографировал – мне тоже это даже в голову не пришло. Весь перекресток с четырех сторон на несколько минут замер. Вдруг непосредственно рядом со мной раздался слегка подсевший, но густой мужской голос:

- Эскадрилей летят, паразиты... Чего мы стоим-то, как дураки? Они сейчас ка-ак звезданут оттуда чем-нибудь...

Надо сказать, что употреблено было гораздо более емкое словечко. Мы тотчас расколдовались, как один, дружно бросились в свои машины и сорвались с места, так что, куда отправились «летающие гробы», я не знаю...

В те же минуты моя жена уже была в том парфюмерном магазине – и только она подошла к прилавку, как в помещении вбежала курившая на улице кассирша с выпученными глазами и криком: «Там инопланетяне!». Все несколько человек, находившиеся в магазине, высыпали на улицу – и увидели тот же «небесный клин», что и мы там, на перекрестке. Он медленно пролетел вдоль Щелковского и пропал в небе...

- Ну, что ж, так, скорей всего, и было... – задумчиво протянул Борис.
– Инопланетяне или нет – никто никогда не узнает. Но что-то подобное видят по всему миру – это факт.

- Что же вы Шмонэ-Эстре не прочли? – иронически поинтересовался Макс.

- Мозги отшибло от неожиданности, – честно признался Соломоныч.

- Вижу, мне пора внести лепту – можно, Татьяна? – смиренно спросил Макс. – Тогда я расскажу, как два раза попадал в петлю времени в здравом уме и твердой памяти. Кому рассказывал – ни один человек не поверил. Кроме Катюхи, конечно. А дело было до всяких там мобильных и навигаторов, в самом начале лихих девяностых, я шестнадцатилетним долбоё... оболтусом был, тогда и приключилась эта

История пятая, рассказанная храбрым разведчиком Максимом, о том, как ему дважды пришлось очень сильно удивиться.

Я был тогда обычным школьником, спортсменом, ничем особо не впечатлялся, так что галлюцинации сразу отметаю. Ливень застал меня на Варварке – ну, и, как все люди в те годы, я спрятался от него в подъезде – в то время слова «домофон» и на слух порядочные люди не знали – а на некоторых дверях старых домов, еще не переживших капремонт, были мутноватые окошечки в верхней половине. Стоя у двери с несколькими точно так же пережидающими дождь гражданами, я периодически смотрел в такое окошко – проверить, не слабеет ли дождь. И вдруг увидел следующую картину: прямо мимо меня проехала кожаная коляска с поднятым верхом; коляску везла лошадь, а лошадью правил извозчик в картузе. Навстречу медленно проехал такой же экипаж, и – мне это врезалось в память! – лошадь второго экипажа, извините, оправлялась на ходу. Я посмотрел по направлению падающего навоза и увидел, что вместо асфальта на улице – черная булыжная мостовая... Как и всякий ребенок сделал бы на моем месте, я зажмурился и отпрянул – а когда с опаской посмотрел снова – все было в порядке: проехал по нормальному асфальту вполне современный микроавтобус-«рафик»...

Положим, «показалось», как принято считать...

26 февраля 1993 года (дата запомнилась навсегда) моего друга и меня пригласили праздновать чей-то день рождения в домике в садоводстве

– не нашем, по Ярославской дороге. Сейчас там дешевые новостройки, а тогда прямо у платформы начиналось то самое садоводство – пестрые халупки и парники на шести сотках. Где искомый домик, мы не знали, но у нас имелся бегло нарисованный кем-то план, следуя которому мы довольно быстро заплутали среди сугробов. Было темно: выходя из электрички, мы убедились, что времени – 20-32 (от вокзала отъехали на электричке около восьми вечера). Мне резко расхотелось идти на день рождения, потому что ноги в летних кроссовках быстро начали замерзать. Я заявил, что надо возвращаться, потому что домик мы стопудово не найдем, а заблудиться и обморозиться – как нечего делать. Друг, одетый в демисезонную куртку (другой у него не было, как и у меня – другой обуви), бодро со мной согласился: ни одного огонька нигде не виднелось, тьма сгущалась, сугробы и узкие тропинки меж ними оптимизма не внушали. Мы повернули и, светя себе зажигалкой, отправились в обратный путь. Шли недолго, серьезно замерзнуть не успели, даже долгого разговора не получилось, когда увидели станцию, освещенную парой-тройкой фонарей. Где-то слышался шум приближающегося поезда, мы увидели впереди отчаянно бегущих к платформе людей. Сами не побежали, были еще далеко. Не торопясь дошли до платформы – там стояла парочка, так и не догнавшая электричку. Парочка сильно переживала по этому поводу, парень горько повторял: «Последняя была электричка! Последняя!». Мы ходили по садоводству от силы час, думаю, даже меньше: если бы больше, то задубели бы на таком морозе точно (минус 16 примерно, как позже дома выяснилось). «Не может быть! – сказал я. – Сейчас около половины десятого. Через полчаса от силы – придет!». Парень посмотрел на меня с удивлением и протянул мне свою руку с часами. Мы стояли как раз под фонарем, и я отчетливо увидел, что на часах около половины второго... Первая мысль была – часы врут: мы с другом сразу проверили по своим – точно. У обоих стрелки показывали полвторого. Нужно было как-то выбираться на виадук и ловить машину. Получилось, что мы бродили по неизвестной местности, заваленной сугробами, пять часов! Этого не могло быть. Ни по каким параметрам. Вообще. Просто потому, что этого не может быть никогда. С огромной натяжкой и оговорками можно допустить, что мы ходили два часа (но и это – из области фантастики). В любом случае – не менее трех часов времени (а скорей всего – четыре!) из жизни двух трезвых, вменяемых парней как языком слизало. Мне говорили, что в темноте и среди снега могло измениться ощущение времени, мы могли

не заметить этих часов – и прочие глупости.

Могло измениться. На час. Но не более. Иначе мы бы там и остались. В одном из сугробов. До весны.

- Действительно интересно, – покачала головой Оля Большая. – И совершенно никак не объяснить. И ясно, что не выдумка...

- У меня, кстати, похоже было однажды, – поддержал Станислав. – Мальчишками летом сбежали со двора купаться в озерах – надо было одну остановку на электричке проехать до платформы «Покровское-Стрешнево» – сейчас «Щукинская», вы знаете... Само собой, «зайцем». Посмотрели на будке расписание, когда обратная будет, чтоб домой успеть и родителей не попасться. Посчитали: десять минут до озер, десять обратно, полчаса купаемся, десять минут на раздевание-одевание. Четко успеваем, и еще пять минут в запасе. Я, как самый ответственный, время контролировал: вовремя из воды вылезли, оделись, побежали обратно через знакомый лесок напрямик, выскочили к платформе. Стоим – нет электрички. Должно было быть около четырех часов дня, а я вижу – солнце где-то не там, где надо, и, как будто, слишком низко. Смотрю на часы – а там полвосьмого! Мы чуть с платформы не попадали... Дома влетело, конечно, по первое число. Так что это точно бывает, тут и сомневаться нечего...

- Какие-то неглубокие временные карманы... – задумчиво сказала Маша. – Я читала о них, и не раз. Не дай Бог угодить. Хорошо, если несколько часов пропадет, а ну, как сто лет? Нет уж... – она поежилась. – Лучше не надо... Смотрю, сегодня одни мужчины рассказывают. Дамы, давайте подтягиваться... Оля?

- Я расскажу историю, в которой нет, на первый взгляд, ничего сверхъестественного. Все, как будто, объясняется случайными совпадениями... Но как-то не очень верю я в них...

История шестая, рассказанная заботливой матерью Олей Большой, о том, как ее сыну вовремя пришла необходимая помощь, на которую никто не рассчитывал.

Речь пойдет об очередном странном совпадении. О таком странном, что его трудно назвать совпадением. Дело происходило осенью 2003 года, когда я была молодой мамой, а моим детям только что исполнилось три годика.

И вот из этих трех лет мой сын года два страдал сильнейшими запорами. Мы ходили к врачу, пили таблетки, использовали народные средства, давали свеклу, чернослив – все мимо. Помогало ненадолго. Каждое хождение «по большому» превращалось в пытку. Дошло до того, что мальчик стал бояться горшка и терпел несколько дней – заставить было нельзя, и от этого проблема только усугублялась. Вот кажется, такая небольшая «незадача» – а жизнь постепенно превращалась в какой-то кошмар.

И вот однажды обстоятельства сложились так, что я оказалась с детьми в доме почти посторонних людей... Причина – внезапно ударившие холода и сломавшаяся печь на даче, невозможность переехать в свою квартиру, где Стас почти в одиночку бился с ремонтом, причем, полностью был снят пол и разобран санузел. Знакомая знакомой подруги – женщина, которую я видела один раз в жизни, должна была срочно улететь в неожиданную командировку, а ее четырехлетнего сына – совершенно случайно! – именно в те дни не с кем было оставить. Она и разрешила мне пожить недельку в ее доме с моими детьми – чтобы приглядывать за ее мальчиком тоже. Я согласилась, нам просто деваться было некуда: на даче холод, дома ремонт, у родственников тесно, а тут отдельная квартира.

Вечером состоялась очередная «трагедия с горшком». Мой малыш страшно кричал от боли, я разрыдалась. Кал вышел сухой, как каменный. Но, наконец, все успокоилось, детей я уложила спать, а сама сидела в другой комнате. По телевизору не шло ничего интересного, книг в квартире почти не оказалось. Делать было совершенно нечего – и я рассеянно стояла у окна, глядя на незнакомую улицу...

Под окном на широком подоконнике рос фикус и лежала стопка разнородных журналов.

И вот что произошло. Я рассеянно сунула руку наугад в середину пачки журналов и – опять же, наугад! – вытащила журнал. Глянула: «Здоровье» за какой-то лохматый год. Они ведь еще при советской власти выходили! Зачем их хранили? Ничего интересного там для меня по определению не могло быть – но я – от скуки! – раскрыла его – снова наугад! И тут в глаза мне бросился крупный заголовок: «Если у вашего ребенка запор». Естественно, я прочитала эту статью! В ней рекомендовали давать в небольших количествах вазелиновое масло. И объясняли, что растительные масла, которые в таких случаях обычно используют-

ся, всасываются в кишечнике, не доходя «выхода», а вазелиновое – не всасывается, доходит до конца и облегчает процесс дефекации... Просто перед едой давать ребенку по десертной ложке этого масла...

Наутро я со всей оравой детей помчалась в аптеку и купила его. И что вы думаете? Уже на следующий день сын «сходил» гораздо легче. Потом все улучшалось и улучшалось – и через месяц проблема была полностью решена!

Но, оборачиваясь в прошлое и вспоминая всю цепочку случайных совпадений, которые в конечном итоге привели к нужному «открытию», я все больше убеждаюсь в том, что кто-то словно за руку меня вел в те дни «с камушка на камушек». Да, за нами все время присматривают, господа... И нужно – с оглядкой – но доверять...

- Это точно, с таким почти каждый в жизни сталкивался. Просто нужно уметь заметить, поверить и не отмахнуться... – задумчиво сказала Королева. – Я, вообще-то сегодня хотела другой случай рассказать, но теперь, когда Оля... Я тоже вспомнила историю про совпадения. Вот послушайте!

История седьмая, рассказанная Королевой седьмого же дня петербурженкой Машей, о том, как некие силы действуют через людей, чтобы помочь нам.

Как-то раз я ехала из гостей по Пулковскому шоссе из города Пушкина домой в Петербург – для меня это недалеко, я живу на юге города. Мы заболтались с подружкой, и часы в машине показывали уже больше полуночи. На съезде с Пулковских высот вдруг запищал и замигал датчик, указывающий, что какая-то дверца открыта. Но этого в принципе не могло быть! Садясь в машину, я всегда блокирую двери, да и, кроме водительской, другие вообще редко открываю...

Ну, что делать? Такие сигналы игнорировать нельзя – пришлось высматривать место, чтобы остановиться. Лучше всего это делать в «кармашке» автобусной остановки – так я и поступила. Проехав метров пять мимо пустой, как мне показалось, железной будки, я остановилась, включила стояночный тормоз и пошла в обход машины проверять дверцы. Все они были надежно закрыты! Выходило, что датчик глючит... Я уже направлялась обратно к водительской дверце, когда услышала сза-

ди робкий девичий голосок: «Дама!.. Дама!..» Обернувшись, увидела, что от остановки ко мне бежит совсем молоденькая девушка. Как она могла оказаться одна ночью на Пулковском шоссе?

«Довезите меня, пожалуйста, до метро! – попросила она. – Автобусы, наверное, уже не ходят, а если я опоздаю в метро, то не доеду сегодня до дома, а денег у меня нет!». Я, конечно, согласилась, и мы поехали. Оказалось, что, увидев, как машина собирается остановиться у остановки, она спряталась, боясь, что там окажутся «нехорошие люди», но, когда из машины неожиданно вылезла «дама», то обрадовалась, что ее могут подвезти... Дорогой выяснилось и еще одно ужасное обстоятельство: оказывается, девушка вечером приехала в гости к бабушке – не старой еще женщине – но нашла ее на полу мертвой. Потому так и задержалась: пока плакала, пока вызывала кого следует, да потом формальности, горе, страх остаться одной...

Но мне совершенно непонятно, что было бы с девушкой дальше, если бы я ей не подвернулась! Автобус действительно, скорей всего, уже не пришел бы, идти по трассе даже до южной окраины города пешком ночью небезопасно – да и вообще далеко: это на машине не заметишь, как долетишь, а там только до КАДа километров семь, а уж до метро... которое закрыто... да без денег...

Но ведь, если бы у меня не сработал датчик двери, – мне бы и в голову не пришло остановиться: и не видела я никакой девушки – да и вообще, мало ли, кто там на остановке стоит, – я никогда не разглядываю... Можно предположить, что датчик сломался, – но после того, как девушка села ко мне, датчик больше ни разу не включился – ни тогда, ни потом. Выходит, он «заключил» на один раз – только, чтобы я ее подобрала и в целости и сохранности вовремя довезла до метро?

Ни в какие случайные совпадения я не верю – достаточно их было в моей жизни, чтобы мне понять, что их не бывает. Все они неслучайны, и их кто-то организывает нам. Ну, если все-таки допустить, что к нам приставлены некие «хранители», то устроить временную поломку какого-то там датчика, например, для хранителя той девушки вовсе не проблема. Или он попросил моего, чтобы тот позаботился? Во всяком случае, вдвоем им удалось заставить меня на четверть часа почувствовать свою причастность к их работе...

- Маша, а я-то считала Вас рациональным человеком, далеким от всяких суеверий, – укоризненно сказала Татьяна. – Вот уж от кого я не ожи-

дала услышать про всяких там «ангелов-хранителей» – так это от вас. Любому понятно: попало что-то в датчик или в дверь, а когда вы вышли и потрясли ее – оно выпало. Песчинка, например, камушек мелкий... И все стало нормально, потому датчик больше и не пищал. При чем тут «хранители»? Какая странная у людей способность искать высшие силы там, где все элементарно объясняется!

- Это шестое чувство у человека. Окончательных атеистов не бывает. Кроме того, уж больно вовремя попала песчинка – как раз, чтобы оградить девушку от, возможно, очень больших неприятностей, – уронил Макс.

- Ну, да, повезло... – пожалала плечами Татьяна.

- Где-то я прочитал... Что-то вроде... Ага: «Я прожил сто десять лет и ни разу не видел, чтобы кому-нибудь повезло; везенья нет, есть что-то иное»... – пробормотал Станислав.

- Сто девять! – радостно крикнула Татьяна. – Он прожил сто девять лет. Это отшельник из «Хроник Нарнии». Вы, наверное, детям читали. Я тоже... Чудные сказки.

- Которые как бы не совсем и сказки, – Станислав снова снял очки и принялся их старательно протирать: он не хотел вступать в спор с этой женщиной, начитавшейся выше головы, но не сумевшей из всех книг вынести главное, такое простое и понятное для него...

- Раз ты не веришь в сверхъестественное, то и рассказывать, наверное, сегодня не будешь? – спросила Королева.

- Ты знаешь, буду, – немного подумав, ответила Татьяна. – Правда, это произошло не со мной, а с моей школьной подругой, но действительно странный случай...

История восьмая, рассказанная материалисткой Татьяной, о том, как ее подруга одновременно благополучно пребывала в двух разных реальностях.

Сразу говорю: не знаю, правда это или вымысел. Но Женя – дама, от которой я услышала эту историю, не особенно похожа на фантазерку: человек занят серьезным делом по жизни, растит двух сыновей-школьников, занимается спортом... Как-то не похоже, что она такое выдумала.

Далее – для удобства буду говорить от первого лица, потому что так удобнее... Вот что она рассказала.

«Мой первый брак был неудачным: семь лет друг друга мучили и, наконец, развелись. Потом долго искала серьезных отношений, все никак не получалось что-то путное, но, наконец, встретила своего человека. Было мне чуть за тридцать, дело происходило в 2021 году. Имелся у мужчины один недостаток: очень щепетилен оказался в вопросах «чести» – не только женской, но и мужской, поэтому я с этим смирилась. Но, чтобы не дразнить лишний раз, свой рассказ о личной жизни «до него» привела в очень сокращенной редакции: была, дескать, замужем, характерами не сошлись, детей не нажили и развелись подобру-поздорову. Он тоже развелся с женой, поэтому мы оказались, так сказать, равны... Вместе не жили, часто встречались, сделал предложение, назначили свадьбу.

И вот – канун свадьбы. Все сбились с ног. Он где-то бегал по делам, я дома с подружками доводила до совершенства свадебный наряд, тоже моталась по городу, устала, как собака, наконец, легла спать и сразу вырубилась – тем более что на завтра предстоял ранний подъем. Жили мы с бабушкой в квартире вдвоем.

Вдруг среди ночи бабушка будит меня и говорит: тебя кто-то спрашивает по городскому телефону. Я спросонья в халате плетусь в гостиную, беру трубку – и с ужасом слышу голос бывшего возлюбленного, с которым не очень красиво когда-то расстались, причем, это я его бросила. Он кричит: «Прости, Женька, я тебе сдуру такую свинью подложил! Зол был на тебя очень – даже не знаю, как вышло...». Сначала я даже не поняла, о чем он толкует, – но потом сердце упало. Все сводилось к следующему: вечером на автозаправке он встретил моего жениха – и оказалось, что они одноклассники по институту! Жених сказал, что завтра у него свадьба. Слово за слово – и бывший возлюбленный понял, что невеста – это я. В нем вскипела давняя обида – и он в подробностях рассказал жениху о моей «гнусной сущности». Ну, и, вдобавок, невольно выдал мою тайну. Жених помрачнел, изменившимся голосом что-то пробормотал, сел в машину и уехал. Бывший говорит: «У меня номер мобильного сменился. Ты запиши его. Если будут проблемы – позвонишь мне, я с ним поговорю, постараюсь смягчить впечатление...».

Рядом с телефоном на комод лежали листки бумаги, но ручка не писала, зато валялась старая помада. Этой-то помадой я и записала продиктованный им номер. Положила трубку и сразу стала названивать жениху – а он «вне зоны действия сети»... В совершенном ужасе, кое-как

одевшись, я бросилась в машину и поехала к нему среди ночи. Ключи у меня были, но квартира оказалась пуста. Зашла на кухню – а на столе лежит презрительная записка для меня. Написано, что я ему солгала, я не та, за которую себя выдавала, он со мной ничего общего иметь не хочет, потому что сам был кристально честен. Еще – что знал, что я прибегу «умножить свою ложь», но пусть я не надеюсь – я его больше не увижу, и вообще «оставь ключи на столе и захлопни дверь»... Звоню – опять недоступен... Это была ужасная ночь, я металась по квартире, как сумасшедшая, рыдала, выбегала на лестницу... Кроме этого – какой страшный позор меня назавтра ждал – пред родными, друзьями, сослуживцами! Наконец, когда уже светало, совершенно измученная и опустошенная, я задремала в кресле.

Проснулась оттого, что кто-то осторожно трепал меня за плечо. Открываю глаза – бабушка! Осматриваюсь: лежу в своей постели, у себя дома. Дико смотрю на бабушку. Она говорит: «Что ты так заспалась! Уже и Саша твой (жених) здесь, и Лена (лучшая подруга и свидетельница)! Как бы вы еще в загс не опоздали!».

Я стала трясти головой, как собака. Выходит, все это был сон? Ничего плохого не произошло? Другого объяснения быть не могло. Я вскочила с постели, меня сразу закружили события этого дня – все бегом, бегом, некогда было думать...

Уже за свадебным ужином в ресторане я снова вспомнила свой сон: такого яркого сна, с подробностями, полностью реалистичного (даже приснилось, как дверцу машины заело!) у меня до того дня никогда не было! Жених вел себя, как обычно, – вполне нормально. Я нашла минутку спросить у бабушки осторожно – кто звонил ночью? Она удивленно посмотрела и сказала, что никто не звонил, мне, наверно, послышалось...

Ну, что делать, я смирилась, хотя была сильно озадачена. Жизнь шла своим чередом. Спрашивать мужа о той злосчастной ночи я, конечно, не решилась. Переехала к нему сразу после свадьбы, бабушку навещала. И вот представь, однажды пришла к ней, попили чаю, а когда уже ушла, она вдруг говорит: «Забыла сказать тебе. Я, наконец, собралась отодвинуть наш комодик, чтобы пропылесосить за ним, а там какая-то бумажка с телефоном, твоей помадой написан. Посмотри, может, тебе нужно?» И протягивает мне ту самую бумажку, которую я видела во сне! С ярко-красными буквами! Я чуть в обморок не упала, бабушка

даже испугалась за меня. Выйдя на улицу, я сразу же позвонила из машины по тому номеру. И что ты думаешь? Трубку взял мой бывший! И первым делом кричит: «Ну, что?! Как у тебя тогда обошлось?! Не полез Санек в бутылку?». И повторил рассказ про встречу на заправке...».

Передаю историю так, как услышала. С одной стороны, неправдоподобно, а с другой... Ну, не врет она обычно, и к фантазиям не склонна. Твердо стоит на земле... Что еще сказать? Женя и сейчас живет в счастливом браке, они с мужем растят детей, у них все хорошо.

- Вот! А ты говоришь! Совершенно необъяснимая история – и случайное совпадение тут не припишешь! Просто никак, – торжествуя сказала Оля Большая. – Только тем, что кто-то там, – она многозначительно ткнула пальцем в низкий потолок, – очень пожалел твою знакомую и все исправил – просто повернул время вспять.

- Ни фиги себе – просто... – сказал Макс. – Хотя, конечно, для кого как...

Все молчали, озадаченные. Даже те, кто с легкостью списал бы все на сон, не находили аргументов – ведь листок с красными буквами свидетельствовал о том, что телефонный разговор состоялся наяву! И вряд ли после такого известия девушка пошла бы и спокойно заснула, чтобы быть разбуженной утром заботливой бабушкой... Правдоподобного объяснения так никто и не предложил – и все стали значительно поглядывать на Катюшу. Заметив это, она застенчиво сказала:

- Ну, а я расскажу про чупакабру...

История девятая, рассказанная доброй женщиной и счастливой женой Катюшей о том, как неизвестное науке животное было замечено в исторических местах.

Лет пять назад семья моей подруги пригласила меня погостить у них на даче. А дача не где-нибудь, а в заповедных пушкинских местах. Там недалеко Михайловское, где поэт писал те главы «Евгения Онегина», в которых описывается история Евгения, Татьяны, Ольги и Ленского, Тригорское – имение Осиповых-Вульф, где Пушкин нашел прототипы для своих персонажей, Петровское – наследственное имение Ганнибалов... Могила Пушкина в Святогорском монастыре привлекает миллионы туристов. Мы тоже за несколько дней побывали на четырех

экскурсиях. Очень интересно! Местные жители ежедневно благодарят великого русского поэта не за его стихи и прозу, а за то, что, благодаря его имени, дороги в округе поддерживаются в приличном состоянии.

Словом, места, кажется, не глухие – хотя, стоит отъехать от Пушкинских Гор километров на десять, – и встретишь что угодно. Как оказалось, и чупакабру тоже.

Однажды во двор дома, где я гостила, пришла знакомая женщина-почтальон, которая обслуживает тот «куст» деревень, где находится эта дача.

Они с мужем объезжали окрестные деревни и уже возвращались к себе домой. Свернули с дороги, ведущей от Киевского шоссе на Пушкинские Горы, на небольшое ответвление – у них он называется «поворот на Тригорское», там и указатель есть. Муж был за рулем и ехал медленно, потому что его жена хотела по дороге быстро что-то записать по работе, перекладывала на коленях бумажки и заносила цифры в ведомость. Был светлый летний вечер. Она зачем-то подняла голову от бумаг и остолбенела. Вот какая картина ей открылась: на поляне, огороженной невысокими кустами, кампания с детьми собралась на шашлык – мужчины жарили мясо, дети играли, женщины накрывали импровизированный стол – полная идиллия; прямо за кустами сидело большое темное животное, женщине-почтальону в первый миг показалось, что собака, потому что оно имело голову, похожую на как у питбуля, только в два раза больше. В следующую секунду почтальонша увидела страшную вещь: у животного были не лапы, а что-то вроде рук. «Как в черных перчатках!» – это ее точные слова. Животное заметило, что на него смотрят из открытой машины, – и мгновенно прыгнуло в кусты, не в сторону поляны, а в противоположную. Она успела увидеть длинное гибкое туловище, а сам прыжок был, как она сказала, «совершенно кошачий – так могла бы прыгнуть огромная кошка». Мелькнул длинный и толстый, как у пантеры хвост... «Точно так описывают чупакабру! Значит, это не сказки!» – взволновано говорила женщина.

Теплая кампания ничего не заметила. Почтальонша стала кричать мужу, что надо остановить машину, предупредить людей – но он только посмеялся и сказал, что ей «привиделся какой-то ужастик».

Не знаю. Но лично мне с тех пор все время, пока я у них жила, было страшно выходить вечером во двор – так и казалось, что сейчас из кустов кто-то прыгнет...

- Век живи, век учись – дураком помрешь, – улыбнулся Станислав. – А если культурней, то можно сказать так: «Есть многое на свете, друг Гораций, что и не снилось нашим мудрецам»...

- Это Шекспир, «Гамлет», – гордо вставила Татьяна.

- Не сомневаюсь, что вы читали, – с легким раздражением отозвался Стас. – Я, например, тот знаменитый монолог – быть или не быть – до сих пор помню наизусть и иногда с удовольствием произношу про себя. Чего и вам желаю...

- А все-таки, что это было за животное, кто-нибудь имеет представление? – спросила Маша.

- Я знаю, – серьезно ответил Борис. – Сбежавший из лаборатории продукт генной инженерии. Гибрид быка, пантеры и обезьяны. Лет десять – пятнадцать, и мы удивляться перестанем. Если чуму переживем.

Кто-то фыркнул в темноте.

- Деточка, а ты что же? – сладко обратился Соломоныч к уже выразительно ерзавшей на стуле Оле Маленькой. – Ни за что не поверю, что современный ребенок не расскажет историю про оживших мертвецов...

- Расскажу, – спокойно ответила девочка. – У нас зимой прадедушка умер. И я его видела... уже потом. И он со мной даже разговаривал.

- Оля! – предостерегающе подняла руку ее мать и обратилась с разъяснениями к окружающим: – У нас действительно дед умер недавно, совсем старый, далеко за девяносто. Но, к удивлению, до самой смерти был в своем уме, даже свекровь мою строить умудрялся... Только вот не думаю, чтобы он из гроба вставал... Так что, Оля, лучше не выдумывай, да и спать пора уже.

- Опять спать! – со слезами выкрикнула девочка. – Почему ты всегда, как только я хочу что-то сказать, гонишь меня спать?! Почему всегда...

- Потому, что ты говоришь, в основном, глупости, – ровным педагогичным тоном ответила Татьяна. – Немедленно поднимайся и...

- Не надо так! – почти крикнула Королева. – Она ничего глупого еще не говорила. Наоборот, только интересное. Все хотят ее послушать. Начинай, Олечка...

- Ничего страшного, – поддержала Оля Большая. – Пусть ребенок пофантазирует. Это же естественно. Не забивай ты ее, Таня...

Сдаваясь, Татьяна пожала плечами и откинулась, глядя вниз: ей было очень стыдно за свою распущенную и вранливую дочку, которой тут все так бездумно потакали.

История десятая, рассказанная мягко забитой девочкой Олей, о том, как ее старенький прадедушка разговаривал с ней после смерти.

Когда прадедушка Костя умер, его похоронили. Он не с нами жил, а с бабушкой, папиной мамой. Потом бабушка меня к себе взяла – ну, на майские. И вот она пекла пирог с мясом на кухне, а мне мультик поставила, старый какой-то, про Белоснежку. Ну, я сижу и смотрю, а потом вдруг поворачиваю голову – а прадедушка Костя на диване сидит и улыбается. И такой как молодой, только старый... Не знаю, как сказать. В какой-то белой-белой рубашке, я раньше ее не видела. Я ему говорю – почему ты улыбаешься, ты же умер. А он мне: я хочу, чтобы ты нашему Мите от меня передала «спасибо» за грамоту. Я думаю, какая грамота – не мог же наш Митя прадедушку грамотой наградить? Спрашиваю его: а почему ты Мите сам не говоришь, а просишь меня передать? Он отвечает: это потому, что Митя уже слишком большой. Я подумала – как это? Хотела еще спросить, смотрю – а деда Кости уже нет. Я никому ничего не сказала, потому что все равно вы бы не поверили.

- Странно, – подалась вперед Олина мать. – Мы деду действительно новую белую рубашку для похорон купили. Потому что у него под пиджак одни клетчатые оказались и водолазки. А Олечку на похороны не брали, естественно: еще испугается...

- Она у вас не из пугливых, – заметила Оля Большая. – С покойника запросто беседует. Я бы, например, со страху в обморок хлопнулась.

- Да ни с кем она не беседует! – досадливо махнула рукой Татьяна. – Просто услышала от кого-то про купленную рубашку – мы же из этого никакой тайны не делали. А остальное придумала. Про какую-то грамоту. А грамотами этими у деда действительно вся стена увешана была – лет за семьдесят, наверное...

- Не придумала она ничего!.. – в наступившей тишине вдруг раздался хриплый от волнения Митин голос. – Я действительно... Разрешительную грамоту к нему в могилу закопал!

- Каку-ую? – не поняла Татьяна. – Зачем? Ты что, спятил – в могилу грамоту закапывать?

- Он не спятил. Он, наверно, заказал по деду заочное отпевание. После этого священник выдает специальную бумагу с разрешительной мо-

литвой от всех грехов. Когда отпевают у гроба, – покойнику ее вкладывают в руку. А если заочно, то отдают родственнику. Он должен сжечь, а пепел закопать в землю, желательно, на могиле усопшего. Что Митя и сделал, да? – волнуясь, объяснил Станислав.

- Да, – напряженно ответил юноша. – Вы ведь не стали его отпевать... Папа еще сказал – зачем в РПЦ кровные носить, попы и без нас богатые. Ну, а я не смог так оставить. Пошел и отпел в церкви на свои карманные.

- Кто тебе разрешил?! – вскипела Татьяна. – Отец денег не печатает, чтобы воздух на них покупать! И вообще, как ты смел, не посоветовавшись... Ведь ты знал, что мы с отцом против, и все равно...

- Танюха, ты что, с ума сошла? – нагнулся к ней Максим. – Ты, вообще, слышала, что сейчас твоя дочь рассказывала? Дошло до тебя, что это – чистая правда? Что мертвый прадед пришел к ней и сказал «спасибо» за то, о чем она и понятия иметь не могла?! Она ведь не знала, что Митя получил, сжег и закопал разрешительную грамоту в могилу! Значит, она не сочиняет!

- Ерунда. Наверняка он все ей тогда же и рассказал, потому что мечтает и ее в церковь затащить со временем. Но теперь будет отпираться, конечно. Как же – такая история потрясающая оказалась, и вдруг ее теперь разоблачить... – презрительно скривилась Татьяна.

- Ничего он мне не рассказывал! – обиженно выкрикнула Олечка. – Я видела деда, видела!!!

- А ну, замолчи, бессовестная девчонка! Когда взрослые разговаривают! – почти взвизгнула мать. – Все, ты последний раз принимала участие! Маленькая еще! Лепишь, что попало, а я за тебя краснею!

- Она говорит правду! – неприлично громко гаркнул Митя.

- Танечка, Танечка, успокойтесь, не берите близко к сердцу, – сочувственно погладил ее по руке Соломоныч. – Конечно, он рассказал, двух мнений быть не может... Дети даже, скорей всего, сговорились. Старший брат подучил сестренку, что и как рассказывать. Дело житейское, не сердитесь на них, это все молодость, незрелость...

- Марк Соломонович! – Митя неожиданно встал во весь свой пока невеликий рост. – Я требую извинений. Вы только что публично оклеветали меня и сестру, безо всяких оснований обозвав нас лжецами!

- Ты еще на дуэль его вызови, – усмехнулась Маша.

- Дойдет до того – так и вызову, – запальчиво ответил Митя.

- Сын! – трагически призвала Татьяна. – Немедленно извинись перед пожилым человеком, которого ты оскорбил! Сейчас же! Я требую! Мы интеллигентные люди, и я не допущу...

- Татьяна, – Станислав накрыл ее руку своей. – Мальчик прав. Он и поступил по-взрослому с этой грамотой, и сейчас не сказал ни слова неправды, а с ним обошлись, как нашкодившим щенком, которого жалко отшлепать за лужицу! – он обернулся к старику: – Марк Соломонович, вы были неправы и напрасно обидели мальчика. Действительно, советую вам извиниться...

- Вы за кого меня здесь держите?! – вскакивая, заклекотал по-птичьи Соломоныч. – Вы сами-то себя слышали?! Я должен извиниться за то, что не поверил глупой истории про то, как девочка беседовала с покойником на диване?! За то, что понимаю, кто ей это подсказал, – не сама же она придумала?! Вы этого от меня хотите?! Извиниться за то, что я назвал ложь своим именем, причем, заметьте, мягко назвал, посоветовал оставить без наказания?! Вы интеллигентный человек, учитель, – как вас с такими идеями допускают преподавать в светской школе?! Вам надо в церковно-приходскую, простите, наняться!

- А он и работает. В воскресной. Бесплатно, – тихо сказала Оля Большая.

- Да, но здесь-то не воскресная школа, прошу заметить! И я вам не мальчишка, а старый уважаемый человек...

- ...член партии... – небрежно вставил Борис.

- ...член партии! – благодарный за подсказку, автоматически повторил в запале Соломоныч, но в следующую секунду, осознав подлый подвох, осекся: – Я надеюсь, что здесь есть еще порядочные люди, которые... которые... – махнув рукой, он неожиданно легко вскочил и бросился вон из кухни, выставив руки вперед, чтобы не разбить случайно голову в кромешной тьме коридора.

- Зачем вы его так дружно отделали? – спросил Максим. – Уж я на что не в восторге от него, но и то не стал добавлять. Он же старый. Помрет еще... Жалко! И, Митя, ты что, и правда надеялся, что Соломоныч перед тобой извинится?

Отходчивый Митя уже остыл и сел на стул. Он поморщился и махнул рукой.

Стас слегка потрепал его по плечу:

- Видишь, каково приходится, когда твоя правда не слишком удобная?

- Станислав, ну, какая правда... – завелась было опять Татьяна, но замолчала, наткнувшись на стальной взгляд Бориса и его тихий враждебный голос:

- Не начинайте снова.

- Я иду спать, – заявила она, вставая: – Оля, дай руку...

- Пойдите, надо наше бурное собрание закрыть, – спохватилась Маша. – И, поскольку на Королеву мы больше не можем рассчитывать, то назначаю Королем... – ее взгляд заметался, но она все-таки решилась: – Бориса!

- Всегда пожалуйста, – отозвался тот. – И темку подброшу вам на завтра преактуальнейшую: о человеческой подлости, – он вдруг осторожно задержал Олечку за локоток: – Чтобы тебе, маленькая, было понятней: про очень плохие поступки людей.

- Что ж, пожалуй, – загадочно улыбаясь, поднялся Станислав. – Спокойной ночи, коллеги. Думаю, завтра всем нам будет, о чем рассказать... – Он уже пошел было прочь, но вдруг остановился на пороге и раздумчиво пробормотал как бы сам себе: – Не бывает никаких атеистов. Бывают только те, кто в Бога верит, но очень Его... не любит, скажем так. Ведь если бы они действительно не верили, то им было бы все равно – отпоют ли кого-то, окрестят ли... Раз это не имеет значения, то какая, казалось бы, разница: ну, провыл там что-то поп... А они ведь, бывает, костями лечь готовы, чтоб не допустить. Значит, верят и боятся... Вот, в чем, оказывается, вся штука-то... – он встрепенулся, потряс головой и быстро вышел.

Только случившийся рядом Макс расслышал сказанное вполне. Он замер, подняв брови и наклонив лобастую голову набок, словно размышляя о чем-то новом, и еще некоторое время молча смотрел во тьму, вслед ушедшему другу.

Восьмой день Декамерона, в который рассказываются истории о человеческой подлости.

Распорядок дня давно установился сам собой. После завтрака, состоявшего чаще всего из вареной картошки, заменившей теперь добровольным отшельникам полностью отсутствующий хлеб, сдобренной

удивительно вкусными овощами из ворованных соседских закруток, все бойко полезли наверх, оставляя внизу хозяйничать лишь смиренного с утра Соломоныча и совсем отяжелевшую, неповоротливую Катю, которая умела мастерски варить пшеничную кашу. Сегодня, правда, произошло неожиданное событие, наполнившее души карантинников непознанной дотоле радостью: проводя утром ревизию оставшихся круп и сахара, Оля Большая и Татьяна с удивлением нашли среди них ранее никем не замеченный пакет пшеничной муки. Дрожжи давно валялись без дела, и наличие сухой муки, обнаружившей восхитительный, прежде никем не замечаемый запах, означало, что теперь они смогут полакомиться теплым белым хлебом. Странное дело: сидя на здоровом пайке из овощей, индейки, круп и варенья, особого голода никто не испытывал и на отсутствие хлеба не жаловался, но, когда выяснилось, что уже сегодня можно нажарить толстых вкусных лепешек, по подвалу впервые пронесся общий восторженный вой.

- Я только сейчас понял старую русскую поговорку – ну, вы помните: хлеб – всему голова, сказал Максим, когда вой утих. – И от души советую: доверьте муку Кате. Я свидетель – ей в трудные времена и суп из топора доводилось готовить – пальчики оближешь, а уж когда есть мука и дрожжи...

- С удовольствием, – обрадовалась Оля Большая, сообразив, что сегодня ей снова можно будет вылезти на свет Божий вместе со всеми.

А свет снова стал ласков и ярк: в опустошенное чумой Подмоскovie стремительно входило пышущее прелым теплом бабье лето. Лес пронзительно сиял, как Грановитая Палата, особенно, ближе к опушке, где прошитый сияющими нитями света еловый бор был щедро разбавлен молодыми березами, уже сменившими скучную зелень словно на су-сальное золото.

Среди деревьев неторопливо шли вдвоем Станислав и Максим.

- Я вот что вспомнил, – волнуясь, говорил Макс. – Насчет атеистов... Ну, ты вот вчера, когда уходил с кухни, сказал, что их не бывает... Давно, лет десять назад, были у нас через забор соседи – потом они продали свою дачу... Так вот, жила там женщина лет шестидесяти – и на лето с ней оставили внука, как сейчас помню, Толика. То лето уже второе было, как его к бабке привозили. А вот сын с невесткой развелись – но внука-то она все равно, конечно, любила, просто души в нем не чаяла. А с нами теща жила, Царствие ей Небесное. Короче, та женщи-

на ей и пожаловалась: мол, бывшая невестка собралась замуж второй раз – да не куда-нибудь, а в Америку, с концами. Толика, ясное дело, с собой забирала. Соседка просто вне себя от горя была: выходило, что своего любимого внука она больше не увидит. Просто убивалась, глаз с него не спускала, не знала, куда посадить, чем угостить... Но теща моя сильно верующая была, в монастырь каждое воскресенье ездила. И спрашивает она ту женщину – а крещеный ли, мол, внучок твой? Та говорит – нет, невестка атеистка, сыну безразлично... Теща ей и советует: отвези его в монастырь да окрести, пока невестка не приехала и не забрала. Тогда ты хотя бы сможешь за него молиться, записки о здравии подавать. И между вами образуется невидимая связь – как со всеми, за кого мы молимся, живыми и мертвыми. И ты будешь ощущать эту связь, и внук твой – тоже, хоть и не поймет сначала... Ну, а потом – как Бог управит... И, знаешь, послушалась ее соседка. Назавтра же поехала в монастырь и окрестила своего Толика. Вовремя, как оказалось: буквально через день приезжает за ним его мать-атеистка. И, когда узнала, что сына окрестили... Я как раз сарай строил, а забор у нас тогда был из сетки, поэтому все видел и слышал. Слушай, с ней просто случился припадок – иначе не скажешь. Приличная женщина, чуть ли не учительница, как ты, – а орала и материлась, будто последняя блатнячка. Мне даже страшно стало, что молодая красивая баба такими словами... последними... пожилую женщину кроет. Та молчит, посерела от испуга. А молодая вдруг как бросится на нее – и ударила бы, наверно, но тут уж я через забор махнул и успел за руки ее схватить. В глаза ей смотрю – а они белые, как молоком налитые от злобы. Ну, потряс я ее маленько, чтоб охолонула. Смотрю – в разум возвращается. Тогда спрашиваю ее – чего ты переживаешь-то, психичка, кому от этого хуже стало? Не веришь в Бога – и не верь, никто тебя не заставляет. А раз не веришь, то к крещению должна равнодушно отнестись – потому как для тебя это пустая блажь. Ведь не стала бы ты свекровь убивать, если б она на Масленицу твоего ребенка блинами накормила, или на Пасху – куличом? Молчит эта чуйка, глазами вращает и прям задыхается... Потом ребенка схватила, как сумасшедшая, вещи его кое-как в машину покидала и самого туда затолкала, даже с бабкой навсегда проститься по-человечески не дала... Газанула и умчалась. И тут я понял: верит она в глубине. Верит и ненавидит. Просто сама для себя прикрывается атеизмом, чтобы страшного в себе не обнаружить, вот какие дела...

Посмотришь на нашу Татьяну – она не до такой степени, конечно, но принцип – тот же... Детей ее жалко.

- Ну, это уж нет! – махнул рукой Станислав. – Митю, как видишь, какой-то приятель верой увлек – и она у него не пустая, кстати, если он в чуму не убоился в церковь сбежать. Ну, а девочка... Они, конечно, к матерям ближе, чем парни, но будь уверен: Митя так просто не отступится, – он помолчал, потом добавил тише: – Да и прадед этот... в белой рубашке... не зря ведь к ней одной пришел.

- Думаешь, правда? – понизив голос, спросил Максим; было очевидно, что этот вопрос его по-настоящему волнует.

- Уверен, – твердо сказал Станислав. – Знаешь, почему? Потому что он сказал, что Митя слишком большой. Ребенок такого не придумает, а заговор с братом я исключаю – я ж не Соломоныч. Митя – и любой взрослый – в такой ситуации от страха в уме повредиться мог. А маленькая девочка восприняла нормально, со здоровой любознательностью. И, кроме того, до семи лет они же младенцы, без греха... Оле нет еще семи, в октябре будет. Так что все сходится... Смотри, а вон и Митя идет.

Юноша быстро шел к ним среди деревьев, лицо его выглядело буквально озаренным какой-то великой идеей.

- Дядя Максим, Дядя Стас! – почти выкрикнул он. – Я тут кое-что придумал! Давайте вечером у бункера костер зажжем и испечем картошку в золе, побольше. Мы с папой однажды на даче пекли – так это... С солью – лучше всякого шашлыка! Это и будет наш ужин... Кате поможем выбраться, как всегда. И истории будем рассказывать в темноте, пока горит огонь, и потом, пока картошка запекаться будет... Чтобы хоть какое-то разнообразие... Да и на свежем воздухе...

Стас вопросительно глянул на Макса, но лицо товарища было непроницаемо.

- Нет, Митяй, – строго сказал он. – Опасно это. Мы ничего не знаем про патрули – где они ходят, когда... Конечно, лес они вряд ли прочесывают, но на просеку вполне могут выходить. Увидят далеко в лесу огонь в темноте – возьмут нас тепленькими в прямом смысле. И уже ночью будем в ближайших обсерваторах. Да и банды мародеров или других каких-нибудь отморозков тоже, кстати, исключать нельзя. Так что нечего привлекать к себе лишнее внимание.

Мальчишечье лицо погасло, словно где-то внутри выключили свет.

- А может, днем? – робко предложил Стас. – Днем же они огонь не увидят.

- Увидят дым, – непреклонно ответил Максим. – Положим, я знаю, как сделать костер без дыма, но все равно это – преступное легкомыслие: рассесться вокруг огня, увлечься рассказами, утратить бдительность... Нет. Нельзя это. Прости.

Митя поник и молча опустил на поваленную березу.

- Что ж это такое, а? – с тихим отчаяньем спросил он через длинную минуту. – Как же это так вышло, дядя Стас? Что даже самого простого нельзя... Я уже не говорю – помыться по-человечески, а не под этой ржавой стружкой... Свет включить – так, чтобы стало светло... Спать не на столе среди тряпья, а в кровати... Даже в лесу на полянке картошечку не запечь! Дядя Стас, когда это кончится? А вдруг вообще не кончится? Вдруг мы выйдем отсюда дней через десять – а окажется, что нет Москвы – все вымерли, и одни гниющие трупы по улицам валяются? Ведь, если не найдут лекарство, – так и будет, да?

- Нет, Митя, – уверенно сказал Станислав, присев с ним рядом. – Москва не умрет. Она – Третий Рим – ты ведь веришь в это? Ну, и я верю. Она все равно встанет. Враги ее пять раз брали, сжигали, резню устраивали – Батый, Тохтамыш, Довлет-Гирей... Потом поляки с литовцами пришли, даже короля своего посадили, а еще через двести лет москвичи сами ее сожгли, когда Наполеону оставляли... А чума? В середине четырнадцатого века было так, что в один гроб по четыре человека клали! И потом еще в семнадцатом такая же, и в восемнадцатом... И что? Стоит Москва и будет стоять до скончания века. Все восстановится, все управится... Тебе в ней жить, работать, детей растить... Все, как прежде. А потом... Потом опять придет какая-нибудь чума – та или другая.

- Веселенькая перспектива, – усмехнулся Макс, примостившийся на соседнем пне.

- Таков ход истории. Все повторяется, – пожал плечами Станислав. – Кому, как не мне знать.

- Я одного не понимаю, – горячо заговорил юноша. – Почему умирают все – хорошие и плохие? Вот перед тем, как мама нас сюда увезла, я узнал, что умерла наша учительница литературы. Молодая, девушка совсем, только институт окончила, проработала первый год. Светлая такая, добрая... Говорили, за два дня сгорела – даже в обсерватор не возили, сразу в реанимацию... Ведь если Бог посылает такие бедствия в

наказание за грехи, – почему погибают не только грешники? Ведь когда в Содоме остался только праведный Лот с семьей, – так Бог их оттуда вывел, перед тем, как сжечь город, – чтобы невинные не пострадали... А теперь? Почему Он не делает так, чтобы заболели и умерли только те, кто это заслужил?

- Да откуда ты знаешь, чем занималась твоя учительница за порогом школы, – ввернул Макс. – Это, может, она с вами была хорошая, а...

- Не смейте! – звонко крикнул Митя. – Я знаю... Я чувствую...

- Ну-ну-ну, – поднял руки Максим. – Это я к примеру... Без обид.

Парень сверкнул на него острым взглядом, но больше ничего не сказал.

- Мне кажется... – заволновавшись, Станислав принялся по привычке протирать очки. – Что, когда народ постигает кара Божья... Его гнев изливается на всех – и хороших, и плохих – любых. Ведь народ – это не просто слово. Это общее... как бы это сказать точнее... Мистическое тело. Это более или менее родственная кровь, которая содержит много, много всего – и родовой информации в том числе. Так всегда бывало, так во все времена происходит: вспомните войну, революцию... Разве только те пострадали, кто был невозвратно грешен? Нет, погибали женщины, дети малые, нетронутые юноши вроде тебя, Митя... Невинных девушек насиловали последние скоты... Так бывает, когда людей накрывает Господня ярость. Потому что накапливается, вероятно, какая-то критическая масса общего, родового греха, – и тогда волна гнева идет до тех, пор, пока полностью не покроет грех... А когда кончится эта чума, я не знаю, но могу предположить. Месяца через два с половиной. Подозреваю, что это у нас пятая труба Апокалипсиса, – а там четко сказано – пять месяцев. Все тянется уже больше двух... Но это только мои слабые предположения... Вполне возможно, что ошибочные...

- Выходит, мы все-таки живем в апокалиптические времена и рассказываем здесь... последний Декамерон? – слегка усмехнулся вдруг Митя.

- Нет, думаю, предпоследний, – серьезно сказал вдруг Макс. – В этот раз еще все выправится – печенкой чую. А вот следующий и последний Декамерон будут рассказывать где-нибудь в глубоком питерском метро после серии ядерных ударов... Даст Бог, нескоро. Когда – того... шестой ангел протрубит.

- Ну, в общем, да, – подтвердил Стас. – Когда седьмой – это уже не страшно. Это уже Господь на землю придет.

Митя вдруг затряс головой, словно вытряхивая из ушей воду:

- Ну, вы даете, дядя Стас! И вы, дядя Максим, тоже! Послушал бы наш разговор кто-нибудь со стороны! Он бы вообще, наверно, ни слова не понял... Я смотрю, вы оба мистики нехилые, два сапога пара...

- Это ты мистик, а мы – большие старые мисты, – улыбнулся Станислав.

- Ладно, может, хоть тебе эта чума на пользу пойдет, – пробормотал Макс. – Все ребята, хорош философию разводить. Носом потяните: теплым хлебом веет... Даже сюда долетает... Испекла, значит, все-таки, Катюха свои лепешки.

* * *

Пышных, поджаристых пшеничных лепешек – мягких внутри и хрустящих снаружи – хватило и на вечер, да полпакета муки еще оставалось, а, следовательно, предстоял на днях еще один Праздник Свежего Хлеба. Истосковавшись по нему, как по близкому человеку, жители подземелья едва притрунулись к овощам и индюшатине – и старательно преломляли хлеб, смеялись, протягивали куски друг другу, блаженно нюхали... Вкусно было не резать, а именно ломать, как в детстве, по дороге из магазина, от батона, за которым послала мама. Даже сегодняшний Король Борис, неожиданно помягчев, отпускал вовсе не злые или едкие, а нормальные человеческие шуточки, никого не ранил мгновенными выпадами. Но про тему сегодняшнего дня помнил он хорошо и, как только его сотрапезники и подданные натешились, призвал всех к серьезности:

- Не забыли? Готовы у вас истории о человеческой подлости?

Все молчали, ошарашенные: такая радость – теплая, осязаемая – и вдруг как в помойку головой.

- Ну, тогда я начну, – не смутился Борис. – Полетали – и хватит. Пора на землю. Заждалась она, матушка...

История первая, рассказанная суровым реалистом Борисом, о самом плохом поступке в его жизни, который он запомнил навсегда.

Может, по объему нанесенного вреда это был и не самый худший мой поступок. Во взрослой жизни случалось и похуже, но, согласитесь, кроме очевидных злодейств – убийства, грабежа, насилия, все наши

«грехи, грешата и грехоиды» всегда имеют какое-то оправдание и извинение – чаще всего, в наших собственных глазах, конечно.

Детские шалости – тем более. Но то была не просто шалость, а... Даже не знаю, как это назвать. В середине восьмидесятых мне было лет семь-восемь, и у нас в Ленинграде не продавались шоколадки «Вдохновение». Для тех, кто случайно не знает: это такая плитка молочного шоколада с орешками, которая разделена на дольки, каждая из которых завернута в отдельную серебристую бумажку. Всего долек в плитке десять, они лежат в плоской темно-синей коробочке с изображением сцены из балета «Лебединое озеро» на фоне Большого театра. В те годы такие шоколадки продавались только в Москве и были, не в пример нынешним, отменного качества и очень вкусные. Не говоря уж о том, что необычные: в Ленинграде можно было купить только целые плитки или же конфеты.

Но моя мама часто ездила в Москву в командировки и всегда привозила мне оттуда любимое «Вдохновение». А однажды не привезла. Дело было так. В те годы, когда кто-то ехал в какие-нибудь края нашей необъятной Родины, где можно было что-то «достать», знакомые и сослуживцы давали ему с собой деньги и список, что купить. Из Москвы в Ленинград женщины возили, в основном, французскую косметику и это самое «Вдохновение», стоившее два рубля. И вот, десять маминих сотрудниц дали ей деньги с просьбой привезти им дефицитные шоколадки. Когда мама пришла в магазин их покупать (чуть не в последний момент перед обратным поездом), в магазине оказалось ровно десять плиток и ни одной больше. Она их купила и в субботу утром привезла домой. Мне объяснили, что нельзя привезти девяти человекам по шоколадке, а одному – нет. Потому что этого «одного» придется выбирать. Это неудобно, могут не так понять, и прочее. Поэтому в этот раз я останусь без шоколадки, но из следующей командировки мама обязательно привезет мне две. Я тогда еще был «хороший» и «все понял». Мама успокоилась и положила пакет с десятью чужими шоколадками на верхнюю полку кухонного шкафчика.

Так вот, ночью, когда все спали, я босиком прокрался в кухню, влез на хлипкую советскую табуретку, с нее – на не менее хлипкий советский столик, дотянулся до полки и вынул одну дольку из плитки. С ней я бесшумно ускакал в свою комнату, где и схомячил лакомство под одеялом. Удовольствие оказалось огромным, но очень уж быстрым. По-

этому спустя время я повторил вылазку... На сей раз я вытянул дольку из другой коробочки... Надо ли говорить, что через час во всех десяти коробках оказалось по девять долек. Я решил, что отопрусь так: мол, если б в одной коробочке была недостача, тогда б еще можно было на меня подумать, но раз во всех... Значит, это так на фабрике сделали. По ошибке. И точка. После этого я заснул сладким во всех отношениях сном.

В понедельник утром на работе мама пережила шок и позор: ушлые тетки мгновенно пересчитали дольки в своих коробочках и предъявили законные претензии. Оправдываться ей было нечем... Она, конечно, сразу сообразила, что дома у нее вовсе не «хороший мальчик», а настоящий «инфант терибль», но доказывать это кому-либо было бесполезно...

Меня не наказали дома – в привычном смысле этого слова. Просто, когда мама пришла с работы, от одного ее взгляда меня как прострелило, – и боль эта осталась со мной надолго, став настоящим, а не сиюминутным наказанием.

С тех пор прошло примерно сорок пять лет. Мамы давно нет на свете. Но я до сих пор помню ту ледяную зимнюю ночь, широкое темное окно кухни над бездной шестого этажа, стрекот электричек на близкой железной дороге, ощущение своих босых ног на прохладном пластике стола... А когда в супермаркете мой взгляд случайно падает на почти такую же, как в детстве, плитку «Вдохновения», – я вздрагиваю и отвожу глаза. С тех пор я ни разу не ел этого шоколада. Потому что некоторые преступления не имеют срока давности.

- Какой ужас... – прошептала Маша. – Я представила себя на месте твоей мамы... Я бы, наверное, стыда не пережила...

- Вот такой я герой, – усмехнулся Борис и вдруг тише добавил: – У тебя.

Маша вздрогнула и подняла на него быстрый пронзительный взгляд.

- Хотел бы я набраться такой смелости, чтобы рассказать о своей подлости, а не о чужой, – сказал Станислав. – Но, в конце концов, вы были ребенком, обиженным несправедливостью: мама привезла десять шоколадок, из которых вам – ни одной. Не знаю, может, я так же поступил бы.

- О, ребята! – вмешался вдруг Максим. – Я вам сейчас тоже расскажу про одного героя. К счастью, это не я.

История вторая, рассказанная начинающим мистом Максимом, о том, как одна девушка случайно получила возможность провернуть своего жениха на вишвость до свадьбы.

Чтобы человека узнать, нужно с ним пуд соли съесть... Да? Нет, хватит и столовой ложки. Но уж, чур, без воды и сахара – всухую. Тогда, может, не придется и пуд съедать. Необходимость отпадет...

Светка, подруга моей старшей сестры, нашла себе завидного жениха. Тогда, в начале восьмидесятых, особый образ положительного мужчины не сходил с экранов, плакатов, страниц книг: красив, широкоплеч, имеет твердый подбородок и ясные глаза, немногословен, мужественен, заботлив, надежен... и так далее. Светочкин жених Витя все это сочетал. Еще речуги толкать любил – о чести, совести и высокой нравственности. Учился на журналиста, а она работала в газете секретарем. Свадьбу планировали сыграть в конце его пятого курса, а после четвертого он отправился писать репортаж о работе геологов в полевых условиях – куда-то в Хакассию. Светка, естественно, взяла отпуск и поехала с любимым – как же иначе? Они ведь неразлучны, часа друг без друга не могут прожить, не то что неделю! Из Москвы до Абакана долетели, как все советские люди, на Ту-154, там собирались пересесть на самолет – и пересели, только такого самолета эти юные москвич с москвичкой и в глаза не видели: Света потом рассказывала, что он напомнил ей летающий трамвай. (Думаю, одна из «Аннушек» это была, не иначе; такие и до сих пор, говорят, летают за Уральским хребтом на близкие расстояния.) Никаких стюардесс и кресел, чуть ли не деревянные на железных ножках стулья привинчены к полу; летчик один – тут же, за занавеской, – выпянул оттуда: «Все на месте? Пристегнулись? Тогда поехали...». И «поехали». Все дребезжало, прекрасные Саяны казалось, плыли прямо под ними; кругом – пассажиры самые необычные: кто-то в неведомых национальных костюмах, кто-то с набитыми мешками, одна женщина – вообще с живым гусем в кошелке... И, представьте себе, что-то случилось с этой «стальной птицей», она начала рывками падать, причем, откуда-то с гудением вырывалось пламя... Никто даже не пискнул – настолько остолбенели люди от ужаса... Наши влюбленные в панике вцепились друг в друга... Но летчик непринужденно высунулся из-за занавески: «Спокойно, граждане, нам повезло – «сядем усе». Тут в горах есть площадка, а на ней – заброшенный военный аэродром, но на

него до сих пор садятся, если надо. И мы сядем, только держитесь там крепче и голову прикройте, как сможете...».

Посадочка вышла жесткой. Очень. Такой, что некоторые привинченные стулья с полу напрочь посрывало. За иллюминаторами все ярче разгоралось пламя, и было очевидно, что топливо, выработать которое у пилота не оказалось возможности, достаточно скоро рванет. Нужно было выбираться – и поскорей. Кто-то ловкий уже открыл аварийный выход и сбросил трап – все дружно устремились туда, и, поскольку людей было немного, они довольно быстро выскочили и бросились бежать на безопасное расстояние. И жених Витя – тоже. Один из первых. На невесту он и не оглянулся, просто бросил ей через плечо: «Давай за мной!» – и исчез. Только вот Света-то выбраться не могла: после жесткой посадки ее намертво зажало между несколькими сорванными стульями... «Витя! Витенька!» – дико кричала она. Он позже рассказывал, что все кругом кричали, поэтому он и не слышал. Зато летчик – услышал. Он один остался в горящем самолете с девушкой, принес какой-то инструмент и принялся ее освобождать, при этом еще и утешая, тем, что «может, и не сейчас еще рванет...». Освободил, помог выбраться и за руку бегом дотащил до какой-то постройки, за которую и бросил, накрыв собой. Только тогда и «рвануло»... Впечатляюще.

Когда обломки приземлились и пыль осела, летчик с извинениями слез с оглушенной девчонки и отправился проверять, не случилось ли чего с остальными пассажирами. Именно тогда к ней, как ни в чем не бывало, подошел Витя... «Ты очень испугалась?» – участливо спросил он. «Очень!» – честно ответила сквозь слезы невеста. Он снисходительно похлопал ее по плечу: «Ну-ну. Не бойся. Я с тобой», – прозвучал над ней его мужественный голос.

Вы, наверно, подумали, что Света вышла потом замуж за того летчика. Нет, так бывает только в сказках. А у нас – быль, поэтому такого не случилось. Когда за ними прилетел спасательный вертолет, Света вернулась на нем сначала в Абакан, а потом в Москву. И там через пару лет вышла за другого. Сестра моя потеряла с ней связь, и я не знаю, счастливым ли оказался ее брак с тем «другим». Надеюсь, она его узнала с самой хорошей стороны – съев с ним целый пуд соли...

- Жаль, не за летчика... – протянула Татьяна. – Про него и сомневаться не приходится: достойный парень.

- Мой первый точно таким же был, как этой Светы жених... Да еще доблестный офицер... И тоже провозглашал здравницы любви и морали. А вот послушайте, как он меня из роддома пятнадцать лет назад встретил... – сказала Маша.

История третья, рассказанная матерью почти взрослого сына Машей, о том, как правильно встречать жену из роддома, чтобы она поскорей с тобой развелась.

Роды у меня были тяжелые, и вели их неправильно: после отхода вод уколами убрали схватки и погрузили в сон, вместо того, чтобы срочно родоразрешать. Халатность то была или непрофессионализм – мне не ведомо, но, когда пришла другая смена врачей, стало ясно, что ребенок во мне вот-вот умрет. Еще четырнадцать часов пытались восстанавливать регулярные схватки и уже на полном серьезе утешали – мол, молодая, еще родишь... Мне только что исполнилось двадцать лет, ужас мой был неописуем. Но вот ребенок родился. «Неужели кричит? Странно, я сердцебиения давно уже не слышала...» – пожалала плечами врач... После такого катастрофического появления на свет – 8 баллов по Апгару. Счастье...

Потом появился мастит, проблемы с кормлением, швами... Больничка была государственная, потому что жили вдвоем на зарплату лейтенанта, соответственно, и условия... Все ходили в одинаковых застиранных халатах без завязок, в казенных кожаных тапках, даже косметика была запрещена, в мыльницах лежали серые обмылки, один туалет на всех с кабинками без дверей находился в конце коридора...

А я была домашней девочкой из интеллигентной семьи, которую мама раньше даже в пионерлагеря отправлять боялась, – и вдруг такое... Поражало, что ко всему этому ужасу женщины относились вполне спокойно – доля, дескать, такая у нас, у баб, что поделаешь...

Но вот настал долгожданный день выписки, огромная санитарка выкрикнула в дверях мою фамилию. И вот я уже внизу, моего мальчишка ловко пеленает другая санитарка, через плечо бросая мне: «Пошевеливайся давай»... Но у меня куча разрывов, и шевелиться больно. Кое-как справляюсь, вместе идем к выходу в приемную, мою фамилию опять зычно выкрикивают... А в ответ – тишина. Что такое? Ведь моя одежда, приданое ребенка – все доставлено... Других женщин встречают с цве-

тами и поздравлениями, папы сразу кидаются к нянечкам с деньгами: в питерских роддомах была тогда строгая такса: за мальчика – тысяча, за девочку – пятьсот. Обесценивание женщины начинается даже не с первых шагов в этом мире, а еще раньше. Моя нянька ждет «зелененькую», но... никто не торопится ее осчастливить. Я ничего не понимаю: еще утром я звонила маме, и она сказала, что остается дома готовить праздничный стол, а муж мой везет вещи в роддом, покупает цветы и подгоняет такси... Мы с ребенком одеты – значит, был здесь! Куда делся? Набираю номер – недоступен. Еще и еще раз... Такси ждет на улице? Да чего его ждать – они вереницами в часы выписки стоят у роддома, знают, что на радостях получат большие чаевые... Няня презрительным тычком сует мне в руки одеяловый кулек с младенцем: ей все ясно – нагулянный он, что с меня взять... Я остаюсь в переполненной приемной, где люди демонстративно отворачиваются от меня. Женщина, которую никто не встречает с ребенком из роддома, недостойна никакой жалости... Потому что – заслужила: не рожай от кого попало.

Неловко прижимая к себе новорожденного сына, выскакиваю на крыльцо, боясь оступиться: я хожу еще враскорячку и не привыкла шустро бегать с ребенком через двойные и тройные двери. Но и с крыльца моего мужа не видать – зато кидаются таксисты со своими услугами. Денег у меня нет, но ничего, мама заплатит – только вот страшно уезжать: вдруг с мужем что-то случилось, а я тут разобижусь и уеду! Надо ждать! Он не мог просто так взять и уйти! Этому есть какое-то логичное объяснение! Звоню, звоню ему постоянно – вне зоны, вне зоны – уж и робот, наверное, устал повторять...

Объяснение нашлось примерно минут через сорок, когда неторопливой походкой в приемную вошел мой супруг – с прозрачным пакетом в руке. Уже почти ослепшая от слез обиды и страха, я еле разобрала, что у него там... Какой-то овощ, весь перепачканный в земле. Картошка? Нет, очень вытянутое что-то... Морковь? Светлое для моркови...

Муж победоносно воздл пакет над белым с синей лентой одеяльцем нашего сына:

- Вот! В этом супермаркете, – прямо за роддомом располагался дорогой сетевик, – оказался корень хрена! Сто лет нигде не видел настоящего! А то что там во всяких баночках – это так, легкая закуска... Только передо мной последний забрали, пришлось ждать полчаса, пока из подсобки новые ящики принесут... Теперь я до лета обеспечен хреном!

Сейчас приедем домой, проверну через мясорубку, разбавлю уксусом, мать твоя закатает в банки – и будет, знаешь, какой горлодер? Во!

Слезы высохли как-то враз. Я через силу проговорила:

- У нас, вообще-то, ребенок родился...

Новоиспеченный папаша рассеянно глянул на отпрыска:

- Ну и что – ребенок? Куда он теперь денется? А вот корень хрена достать – это еще ухитриться надо.

Некоторые из тех, кому я рассказывала об этом, не верили, говорили, что такое – как-то чересчур... И все же это правда. А нашлись и такие товарищи, которые похвалили моего первого мужа за рачительность. Ведь действительно – что мне трудно было полчаса в тепле подождать?

Все молчали. Беспутная Маша, менявшая мужей, как перчатки, постепенно переставала казаться такой уж легкомысленной и легко рубящей с плеча, не признающей трудного процесса «притирки» во имя грядущего семейного счастья...

- И... долго вы с ним после такого прожили? – робко спросил Соломоныч.

- Представьте, ровно год. Когда в суде разводились, у меня на руках сидел довольно тяжелый годовалый малыш, которого муж отказывался даже просто немножко подержать, когда у меня руки совсем отнимались. Шипел: «Сама родила, сама и таскай». И тут же громко описывал судьбе, какая я дурная жена и мать... – спокойно, как о давно отболевшем, пояснила Маша.

- Молодец мужик... Такие даже в наше время редкость... – иронично фыркнул Борис. – Короче, я Король сегодня, кого хочу, того и назначаю. Давайте, Соломоныч, расскажите нам о женской подлости. Не все же мужиков клеймить...

Соломоныч значительно пожевал губами:

- Н-не знаю... Разве что, если считать, что в жилконторах работают одни женщины... Тогда это мегеры какие-то... Подлые убийцы...

- Убийцы? В жилконторах? Понятно, что не ангелы, но все-таки... – удивился Макс.

- А вот послушайте.

История четвертая, рассказанная гуманистом Соломонычем о том, как одна московская жилконтора решила провести «декотизацию».

Во всех подъездах нашего дома в прошлом году были развешены объявления следующего содержания: «Уважаемые жильцы! В целях предотвращения распространения опасных инфекций (чумы и пр.) в подвале Вашего дома с 10-го числа текущего месяца будет производиться декотизация. В связи с этим предлагаем владельцам домашних кошек не выпускать их из квартир. Администрация».

Я хоть и не особый любитель кошек – извините меня, уважаемые Роза и Мурка – но объявление меня все равно озадачило. Через некоторое время, сопоставив латинский отрицательный суффикс «де» в данном неологизме с тем же, но в более известных словах, я додумался: декотизация – это истребление котов! По аналогии с дератизацией – уничтожением крыс и дегельминтизацией – выведением, извините, глистов... Кто-то постеснялся написать «будем уничтожать диких кошек» и заменил его таким вот красивым пассажем... Не иначе, новый Шариков устроился работать в нашу жилконтору...

Как раз у нас в подъезде живет молодая пенсионерка-активистка, из тех, что еще в прежнее время были первыми на всяческих субботниках и подобных развлекательных мероприятиях. Прошлой снежной зимой, в связи с коллективным побегом дворников в Таджикистан, она пыталась на пару с подругой из дома напротив организовать уборку снега в нашем дворе силами жильцов. На этот раз она быстро узнала, в чем будет состоять декотизация: в подвалах разложат в больших количествах крысиный яд, а подвальные окошки и другие выходы будут полностью заколочены щитами. Любая живность, которая на тот момент там окажется, будет обречена. А на теплых трубах у нас в доме живет целая колония черно-белых упитанных котов-родственников; все прекрасные охотники, обеспечивающие нам максимальную «дератизацию». «Тушки» вынесут через несколько дней. Ради нас. Чтобы мы чумой не заболели.

Сразу скажу: этого не случилось, наших котов жильцы дома отстояли у депутата, правда, не знаю, что случилось с ними теперь, в новых, так сказать, обстоятельствах... Но обвинять кошек в том, что к нам пришла чума... Это чудовищно! Но вот что меня еще изумило: количество

людей, которые были «за»! «Вот и хорошо, – качая коляску у подъезда, говорила при мне одна молодая мамаша другой. – Это с них к нам на первый этаж блохи перескакивают!». «И не говори, – отзывалась другая, вытирая нос своему бутузу. – А мой старший недавно котенка помойного в дом принести хотел. Смотрю – а у того из обоих глаз гной так и льется! Я как завизжу! Вот бы действительно их перетравили!».

Нет, нет, повторяюсь, я не кошатник. Но чумой тогда в Москве еще и не пахло. Да и занесли ее, во всяком случае, не коты... Тогда почему и кому вдруг пришло в голову устроить чудовищный кошачий мор? И, главное, откуда берутся люди, которые спокойно к этому относятся и даже одобряют? Сейчас, когда кошек и собак действительно изымают и уничтожают, многие владельцы рискуют жизнью, чтобы спасти их – вот взять, хотя бы наших очаровательных дам – Танюшу и Катюшу...

Подлость ли это? Думаю, да... Ведь кошки беспомощны и не могут защититься. Они будут думать, что им положили вкусную еду, съедят ее с удовольствием и умрут в страшных мучениях. Это ли не подлость? Я не знаю... Зато понимаю, что это за порода людей. Только кто ее такую и как вывел?

- Да, господа... Я тоже думаю, что это подлость. Ведь животные, наверно, привыкли, что их кормят вкусняшками, они доверчиво идут к людям, а те им – яд... Ни за что, ни про что. Из собственной трусливости и недалекости, – печально сказала Оля Большая.

- Хорошо, что мы не такие, – усиленно наглаживая свою Розу, заметила Татьяна. – Надо же, зверство какое задумали...

- Да, если человек подлец, то он и людям, и животным нагадит – все едино, – сдержанно согласился Станислав. – Теперь давайте я расскажу. О собственной подлости. Она, может, и не совсем подлость была, но все-таки...

История пятая, рассказанная совестливым педагогом Станиславом, о том, каково приходится «подсадной утке».

Разные ситуации подкидывает нам жизнь, в том числе и те, которые совсем уж не предполагаешь. И выводы вдруг делаешь – о мире и о себе – совершенно неожиданные...

Глубокой осенью двухтысячного у меня на улице сорвали новую ко-

жаную сумку. Деньги-то я давно уже приносившись носить во внутреннем кармане куртки, поэтому кровными моими преступница не поживилась. Да, это была девушка – здоровенная и длинноногая, огромными скачками устремившаяся прочь со своей добычей после того, как неожиданно толкнула меня в спину и, когда я на первом ледке потерял равновесие, сдернула сумку у меня с плеча. Бежать за ней по гололеду было бесполезно – она неслась восвояси, прыгая, как кенгуру. А вот саму сумку – подарок мамы на день рождения – я очень пожалел: хорошая мужская вещь. Я потом долго не мог себе такую позволить. Но, кроме прочего, там лежал паспорт, поэтому пришлось идти в милицию с заявлением.

В отделении, прежде всего, меня поздравили с тем, что жив. Оказалось, в последние месяцы в нашем районе участились случаи ограбления людей на улице – только после отнятия ценностей им, как выразился дежурный, «обычно суют заточку в печень». Так что мне повезло, уверили меня и, оформляя бумаги, добавили: «Преступники могут теперь по адресу в паспорте найти ваш телефон, позвонить и предложить вернуть паспорт за деньги. Если такое произойдет – немедленно позвоните нам». Оперуполномоченный оставил мне телефон и отпустил.

А через день мне действительно позвонили. Очень приятный и вежливый голос пожилой женщины сообщил, что его обладательница нашла мой паспорт около помойки, когда выносила мусор, узнала через справочное мой номер телефона и теперь готова вернуть пропажу, взяв только пятьсот рублей за хлопоты. В те годы это были хорошие деньги. Для примера – два академических часа моей работы репетитора по истории стоили 120 рублей. На мне были двое новорожденных детей и жена в декрете. Тем не менее, я согласился, и мы назначили встречу в полдень у продуктового магазина. Как мне и велели, после этого я позвонил оперуполномоченному, и он сказал: «Все правильно сделали. Эта женщина – пособница преступников. Так всегда делается у мелких воришек. Ограбят человека, а потом делают вид, что нашли документы, и пытаются взять дополнительные деньги за их возвращение. Так что идите встречайтесь с ней, мы будем рядом и в нужный момент задержим мошенницу. Только денег не давайте, затяните, по возможности, разговор». «Я что – буду играть роль подсадной утки?» – спросил я. Опер рассмеялся: «Можно и так назвать».

В положенное время я отправился на встречу, ожидая, что увижу ми-

лиционеров в штатском где-то неподалеку. Но никого не было – я уже подумал, что они не смогли прийти. В оговоренном месте стояла очень милая, скромная на вид старушка. Такая, как, знаете, были в свое время билетерши в Большом Театре и зрительницы залов в Третьяковке – тип интеллигентной старорежимной бабушки, пострадавшей в тридцатые. Мне стало как-то не по себе. Уж очень она была не похожа на сообщницу уличных грабителей. Но, поскольку милицией по-прежнему рядом и не пахло, я подошел и заговорил. Женщина сразу отдала мне паспорт, очень извинялась, что просит деньги за свою находку, рассказывала о крошечной пенсии, одинокой трудной жизни с кошкой, благодарила меня за согласие помочь... Я уже полез в карман за деньгами, когда они выросли как из-под земли. Вот действительно – секунду назад никого не было – и вдруг четыре здоровых бугая в кожаных куртках, на лицах которых буквально написано, что это либо бандиты, либо опера, – возникли рядом со старушкой и, тыча ей в лицо удостоверениями, профессионально схватили ее под руки и повели в сторону. Мне уже совали на подпись какую-то бумагу... Я полностью одеревенел. И тут ведомая в машину пособница преступников обернулась – и наши глаза встретились. Ее губы дрогнули. «Если б я только знала... – пробормотала она. – Вы, оказывается, предатель... Надо же, а на вид такой приличный молодой человек...». И ее увели. На меня никто даже не обернулся.

Потом я звонил нашему оперуполномоченному, спрашивал – правда ли, что бабуля работала в связке с преступниками. «Можете не сомневаться!» – буркнул он и повесил трубку.

Вроде бы, я поступил правильно. Но отчего уже тридцать лет у меня щемит сердце при воспоминании о ее взгляде?

- Черт. Вот действительно. Не хотел бы я оказаться на вашем месте, – пожегся Борис.

- Да хватит вам! Знаем мы этих бабок-одуванчиков! Сама, небось, бандитский притон содержит, а уж как правильно разговаривать с лохами, – научилась, будьте спокойны... Тем более, что и легенда простенькая: пенсия маленькая, кошечка прожорливая... Тьфу, – высказался Макс. – Не мучайся, Станислав. Никакой твоей подлости не было. У меня полно ментов в друзьях, потому успокойся: девяносто девять процентов за то, что бабка эта – родственница или квартирная хозяйка той девки, которая тебя грабанула. Сумку твою новую они скупщику

краденого прекрасно толкнули, по документам поняли, что парнишка ты приличный, – вот и решили еще сколько-нибудь выдоить, и все дела. Плюнь да забудь.

- А если все-таки она из того, одного процента? – тихо спросил Станислав.

- Ну, что – тогда вы ей большую подянку организовали, – пожал плечами Борис и добавил: – В любом случае, она давно померла. Так что не думаю, что нужно искать ее, чтобы пасть на колени и молить о прощении.

Татьяна прыснула.

- Фыркаете, мадам? – повернулся к ней Король. – Ну, что ж, тогда извольте рассказывать.

- Могу, – согласилась Татьяна. – Про то, как я подслушала разговор в тэшке.

- Подслушивать некрасиво, – заметило Его Величество.

История шестая, *рассказанная внимательной женщиной Татьяной, о том, как умный заказчик обходится с исполнителем своего заказа.*

На самом деле я не люблю подслушивать. Но эти двое сидели в тэшке прямо позади меня – и говорили о чем-то не особо интересном. Из доносившихся обрывков разговора можно было мимолетно заключить, что оба они – художники, и один из них только что выпустил толстый дорогой альбом своей живописи – причем, ухитрился получить на издание грант от какого-то фонда. Другой поздравлял, не особо скрывая зависть, потом принялись обсуждать колористику и прочие не очень мне понятные детали. Наконец, второй мужчина спросил, что нужно представить, чтобы добиться гранта. Последовало перечисление документов и закончилось словами: «...но главное, конечно, представить готовый макет».

Дальше я, пожалуй, передам диалог так, как я его запомнила. Память у меня хорошая, так что передаю, надо полагать, близко к тексту.

Второй: А, макет... Так это дизайнера надо нанимать. Дорого, наверно...

Первый: Точно. Такой макет, как у меня, тысяч на триста потянет.

Второй: Неужели ты заплатил такие бабки?!

Первый: Что я, идиот, что ли? Мне удалось дизайнера кинуть.

Второй: Что?! Как?!

Первый: Да мы договор не заключали, частным образом, по договоренности работали. Ну, я аванс двадцать тысяч дал, а когда получил окончательный вариант, сказал, что не нравится, и платить отказался.

Второй: Слушай, это ведь как-то м-м... н-не... не очень...

Первый: Так это баба. Страшная, как крокодил. Разведенка с прицепом, так что ей и двадцать тысяч – капитал. Она даже без профильного образования – так, самоукой освоила какие-то программы и халтурит по ночам. Пусть радуется, что вообще получила что-то.

Второй: А... Тогда понятно...

И разговор перешел на другие темы. Кстати, темы эти были вполне возвышенные, все про искусство, мат не употреблялся. Когда интеллигентные собеседники проследовали мимо меня к выходу, я имела возможность лицезреть обоих – так вот, и внешность у них была вполне приличная – ухоженные, стильно одетые люди лет сорока пяти...

Знаете, это уже не первый раз, когда я сталкиваюсь с двойной мужской (именно мужской!) моралью. Когда мужчина искренне и вполне простодушно считает, что порядочность – это по отношению к другу, родственнику, компаньону, коллеге – но тоже мужчине. А если к женщине – то к жене, матери, сестре... Все остальные обманутые так или иначе бабы – просто «скальпы» на его охотничьем поясе. И это встречается не осуждение у товарищей, а само собой разумеющееся одобрение. «Кинул» на деньги одинокую женщину, которая тянет ребенка, работает где-то днем и подрабатывает ночью. Наверняка не на бриллианты себе, а может, на лекарства! Она сделала мужику такой впечатляющий макет, что тот получил грант на издание, а он практически не заплатил за работу – и это нормально?

Помню, компаньон моего мужа у нас на кухне с восторгом рассказывал о том, как какой-то его знакомый ловко обводит бывшую жену вокруг пальца с алиментами. Это тоже, оказывается, предмет «доблести и геройства»!

- Ну, ладно – всех-то по одному какому-то подонку равнять! – обиделся Макс. – Я бы так никогда не поступил. И Стас, вон, тоже. Думаю, что и Боря, и даже Соломоньч.

- Позвольте спросить, а почему «даже»? – тотчас примерился старик.

- Извиняюсь, выскочило, – покладисто повiniлся Макс. – Но основную мысль все поняли.

- На деньги кидают и женщин, и мужчин, – миролюбиво сказала Оля Большая. – Но подлость, конечно, от этого меньше не становится.

- Еще как становится! – вспылила вдруг Маша. – Потому что мужик может хотя бы пойти и набить гаду морду. А женщине остается только утираться. Всегда. Я знаю, меня кидали. Я тоже подхалтуривала ночами. Правда, переводами. Один заказ особенно трудным был – около четырехсот компьютерных страниц специализированного медицинского текста. Я чуть не чокнулась, у меня тогда первые седые волосы появились – так упиралась. Три месяца ночами сидела... Заказчик человек приятный был, вежливый – никогда бы про него плохого не подумала. Профессор медицины. Я ему сдуру и отправила готовую работу. Очень гордилась собой, особой похвалы ждала. А он мне в ответном письме вот что написал: «Вы воспользовались переводчиком Гугл – так я бы и сам перевел. Вы халтурщица и никаких денег не получите». Я сгоряча бросилась ему ответ писать – а он меня уже заблокировал. На телефоне – тоже. Тогда я на кафедру к нему приехала – думала пристыдить, к совести воззвать. А он как заорет при всех: «Хулиганка! Мошеница! Что вы себе позволяете! Я сейчас охрану вызову!». Вокруг его ученики толпятся, аспиранты всякие. Обожают его... Еле убежала. Так вот, будь я мужиком, – он испугался бы, что подкараулю вечером в подворотне, да и вытрясу свои денежки. А бабу-дуру-разведенку – чего бояться? Так что правильно подметила, Татьяна.

- Ладно, ладно, прекрасные дамы, – снисходительно пробормотал Король. – Вы разберитесь там между собой, кто следующий...

- Я, – вызвалась Оля Большая. – И тоже про негодных мужчин. Вы думаете, женщины, если вас при всех будут грабить, кто-нибудь обязательно вступится? А вот и не факт....

История седьмая, рассказанной почти ограбленной Олей Большой, о том, как в автобусе на нее напал бандит, и что из этого вышло.

Однажды меня в автобусе грабили. Именно грабили, а не тайком тянули кошелек из сумки. И автобус был вовсе не пуст – без особой толпы, но люди сидели там и тут. За сумкой я приучена в транспорте

внимательно следить, поэтому повесила ее на руку, а рукой этой ухватилась за поручень у окна на уровне груди (чтобы было понятно – это окно напротив второй двери). Сумка находилась у меня прямо перед глазами, поэтому я за нее не боялась – а бояться следовало: там лежали наличные деньги, причем не мои, а общественные: в нашем отделе «пустили шапку по кругу», чтобы оплатить высокотехнологичную операцию больной коллеге, – именно ей я их и везла, и, вдобавок, там были только что собранные документы для регистрации земельного участка, доверенности, паспорт и даже страховое свидетельство. Лишиться сумки именно в тот день равнялось катастрофе. Но всем известный «закон стервозности природы» сработал и на этот раз: прямо у меня перед глазами возникла огромная, поросшая рыжим волосом мужская рука, перехватила ручку сумки под моим запястьем и принялась выкручивать ее с целью оторвать мою руку от поручня. Боль была ужасная, мне показалось, что сейчас лопнет кожа и треснут кости! В другой день я плюнула бы на сумку, не новая она уже была, но, мгновенно представив объем предстоящего несчастья, не уступила, стала сопротивляться. Подняв глаза, я увидела совершенно оловянный взгляд на длинном, небритом мужском лице. Мужчина молча гипнотизировал меня взглядом ужасной бездушной рептилии.

Не отпуская поручень, я быстро обернулась и увидела, что рядом на двойном сиденье сидят средних лет мужчина и женщина – причем, оба прекрасно видят, что происходит! Может, они чего-то не поняли? Я встретила взглядом с мужчиной (не мелкий был мужичок, плечи широкие, мощные колени далеко выдавались вперед) и громко, как могла, спокойно произнесла: «Мужчина! Вы же видите – меня грабят! Помогите!». Он сделал неуверенное ерзающее движение, но жена немедленно пресекла его робкую попытку: «Сиди! Не вязывайся! Потом не расхлебаем!». Никогда не забуду взгляд, который он на меня поднял, и блеющий голос: «Я не могу-у...». Тогда я уже громко крикнула: «На помощь!», потому что силы были на исходе, а автобус уже тормозил перед остановкой. Еще миг – и грабитель сорвет сумку, выпрыгнет в раскрытые двери, а там такого здорового лося уж никто не догонит... Но мужчины не поднимали глаз от своих гаджетов, а кто-то срочно заснул...

Знаете, кто мне помог? Девушка! Маленькая, но крепенькая и шустрая. Как разъяренная кошка, она вдруг прыгнула на мужика и стала

его буквально драть, царапать и лупить по ногам острыми каблуками! От неожиданности он меня отпустил, стал закрывать лицо, издал странный вой, попятился к двери, которая как раз раскрылась, – и получил от девчухи такого пенделя в бок, что слетел на асфальт с верхней ступеньки, взорвавшись неслыханными ругательствами, – это был даже не мат, а что-то еще хуже! Самое интересное, что девушка гордо вышла за ним и, не оглядываясь на свою жертву, пошла по улице, не дав мне возможности даже поблагодарить... Автобус поехал дальше, никто по-прежнему не смотрел в мою сторону...

Интересное было позже, когда я рассказала о случившемся на работе.

«А что ты хочешь? – рассудительно заявили мне. – Теперь времена не те, чтобы вступаться. Раньше единственное, чем благородный защитник рисковал в такой ситуации, – это получить по мордам от более сильного грабителя. Сейчас каждый знает, что вполне может расплатиться жизнью: просто воткнут нож в живот – и все». Потом еще рассказали, как недавно чья-то знакомая увидела в троллейбусе, как женщине режут сумку. Она не пыталась вступить, она просто ахнула от неожиданности – мол, что вы делаете, гражданин?! Так этот «гражданин» обернулся – и той же заточенной монетой, которой резал сумку, полоснул женщину по лицу наискосок. Она мгновенно облилась кровью, а он выскочил – ему никто и не думал препятствовать! Ради чужого кошелька с сотней можно инвалидом остаться! «Дураков сейчас нет! – сказали. – Только ты – дура. Дура, которой крепко повезло...».

Так что рассчитывайте лишь на себя, милые дуры...

- И на меня! И на меня! – почти хором выкрикнули Макс, Борис, Митя и Соломоныч.

- А мне почему ничего не сказала? – хмуро спросил Станислав.

- Так ведь расстраивать не хотела. Ты из-за старушки с паспортом тридцать лет успокоиться не можешь, а тут бы и вообще в нервную клинику тебя класть пришлось, чего доброго... – нежно глядя на мужа, ответила Оля.

- Зря ты так, – покачал головой Максим. – Мужик твой – настоящий, даром что шуплый. А внутренних резервов на трех спецназовцев хватит. Я ему раз сказал наедине, теперь вот при тебе говорю: я бы пошел с ним в разведку.

- Я тоже, – улыбнулась Ольга. – Собственно, я уже пошла с ним в раз-

ведку. Тридцать один год ходим, и ничего, живы пока.

- Как-то не очень хорошо получается, что, если про подлость, так это все время про мужчин... – застенчиво сказала Катюша. – Вот и у меня история – про мужа моей подружки-однокурсницы. Лет десять назад это произошло... Родился у них мальчонка...

История восьмая, рассказанная впечатлительной молодой женщиной Катюшей, о том, что для кого-то дороже всего сын, а для кого-то – сон.

Вот как дело было. Сидит Лидочка в декрете, ее сыночек совсем маленький – пять месяцев, кажется. Муж убегает из дома, пользуясь малейшей возможностью, – лишь бы она не заставила помогать с ребенком. А ребенок, как назло, очень беспокойный – и часа подряд не спит – просыпается и орет, надо укачивать снова и снова. И очень болезненный. То одно, то другое. И вот, заболел мальчик серьезно – простудился или заразился в детской поликлинике. Лидочка сбилась с ног, ухаживая за ним. Кашель ужасный, но, вроде, не воспаление легких. Мужа целыми днями дома нет: с утра на работе в офисе – а потом он устал, ему надо расслабиться. Поэтому ходит в боулинг или в бассейн в друзьями, домой – глубокой ночью и сразу ложится спать. Зато Лиде несколько дней спать удавалось только урывками, один раз она даже заснула стоя, катая кроватку. Говорит, как только перестаешь катать, – сын просыпается... Ужас. Вызвали врача, он осмотрел ребенка и говорит: «Пока госпитализировать не надо, но сделаем это, если начнется ложный круп. Вы внимательно следите за ребенком. Если начнет задыхаться – сразу «скорую» вызывайте. Нельзя оставлять его ни на минуту без присмотра сейчас». Лидочка на госпитализации не настаивала: их однажды уже госпитализировали, и она с ужасом вспоминала их пребывание в больнице.

Но вот беда: из-за того, что Лида несколько дней практически не спала, ее начало вырубать по-настоящему, она чувствовала, что не справится: просто упадет, где придется, и заснет мертвым сном. Едва дождалась мужа: он после работы был у своей мамы, долго смотрел с ней телевизор и ужинал – дома-то жена его кормит супом из консервов, сваренным на скорую руку, – он так не привык, он любит, когда борщи-рас-сольнички по всем правилам! Ну, ладно, пришел, покривился, увидев

жену: «Что-то ты совсем себя запустила. Косметикой не пользуешься. И что это у тебя на голове за метелка?». Лидочка ему со слезами объяснила, что сын их только что заснул, врач сказал, что нужно присматривать, чтобы не пропустить ложный круп, а она уже «никакая», сейчас упадет. Робко попросила дать ей поспать хоть часа четыре – иначе с ней может случиться что-нибудь плохое, ведь нельзя же человеку трое суток почти без сна. Муж был очень недоволен: «Я работаю, как вол, и устаю! Я семью кормлю! Мне нужно девять часов полноценного сна, потому что я на ответственной работе! Заниматься ребенком – дело матери, для того ты и дома сидишь!». Но посмотрел на нее внимательней – и согласился. Действительно, она, наверное, стала похожа на собственную смерть...

Договорились, что муж разбудит Лиду ровно в три часа ночи (было одиннадцать вечера), а потом ляжет спать и проспит до девяти утра и как-нибудь успеет к десяти в свой офис. Конечно, шесть часов сна – это мало, но ради семьи придется пожертвовать собой...

Он расположился в кресле у детской кроватки со всеми удобствами, затенил торшер, взял умную книгу: Гай Светоний Транквил, «Двенадцать цезарей» – и приготовился к ночному бдению. Лида буквально упала на кровать и тут же выключилась, как лампочка. Но перед тем она успела увидеть, что муж открыл книгу на главе «Тит» – так звали одного из римских императоров, о которых там рассказывается. Она запомнила, потому что только три буквы, и имя смешное, как ей показалось...

Лидочка открыла глаза – и сначала ничего не поняла: в комнате было светло и совершенно тихо. Вспомнив вчерашнее, она подбросилась на постели: муж спал в удобном кресле глубоким сном. Часы показывали начало десятого утра. Книга лежала у мужа на коленях, как вчера. Название главы снова бросилось Лиде в глаза: «Тит». Выходило, что муж и не пробовал читать! И со сном даже не боролся! А заснул сразу же, как только сел в кресло и увидел, что жена заснула... Из детской завешенной одеялом постельки не доносилось ни звука. Это могло означать одно из двух: либо случилось небывалое – и сын проспал десять или больше часов, не просыпаясь, чего с ним ни разу не случалось, либо...

Лида боялась подойти к кроватке и посмотреть. Сердце ее выскакивало. Но делать нечего – она встала и подошла. Сынок ее крепко спал, ровно дышал: ночью перевалил кризис, и ребенок уснул крепким сном выздоравливающего...

Никаких упреков от Лидочки в том, что заснул сразу и не следил за

ребенком, муж не принял: «Ничего не случилось? Все в порядке? Ну, и нечего беситься!». Быстро собрался и уехал на работу.

Да, ничего не случилось. Болезнь повернула к выздоровлению. А если бы повернула в обратную сторону, а безответственный отец это продрых бы?

Но все обошлось... Это действительно значит, что он ни в чем не виноват?

- Надеюсь, она с ним развелась, – сказала Маша.

- Ты чуть что – и бегом разводиться... – презрительно процедила Татьяна.

- Да, но не сразу. Года четыре еще промучилась после того случая. А потом муж другую нашел, которая с детьми не напрягала, – объяснила Катюша.

- Помню я этого уroda, – кивнул Макс. – Помнишь, Лидка с ним к тебе на день рожденья как-то раз приходила? Я тогда еще подумал: слизняк, а не мужик.

- Подлец, – мягко поправила Оля Большая.

- А я тоже однажды так проспал, – помолчав, сознался Соломоныч. – Когда у старшего ангина была с высокой температурой. Там, правда, смерть не грозила, жена просто попросила присмотреть и водичку ему давать время от времени... А я после работы... Ну, и... Наверное, если б думал, что он может умереть, не проспал бы. Да и ребенку уж четыре годика исполнилось... Позвал бы, наверное...

- Или не позвал, – меланхолично бросил Борис, напучив губы; потом вздохнул: – Ну, что, сестрица Аленушка и братец Митяюшка... Двое вас осталось невысказавшихся. Не таитесь, расскажите нам еще о двух мужчинах-подлецах. Король приказывает.

- Почему обязательно о мужчинах? – спросил Соломоныч.

- Ну, не о женщинах же... – как нечто само собой разумеющееся, произнес Борис, и непонятно было – серьезно он говорит или издевается.

Митя, за весь вечер не сказавший ни слова, вяло поднял голову:

- Хорошо, я расскажу. Про редкого человека – с нулевой нравственностью. Надо сразу сказать – я про него подслушал разговор, как мама. Только не в тэшке, а на пляже в Болгарии в прошлом году. Я на песке валялся, а рядом на двух лежаках женщины разговаривали. Когда я понял, что подслушиваю, вставать было уже совсем неудобно – и я притворился спящим... И так мне открылась

История девятая, рассказанная будущим писателем, а пока любопытным школьником Митькой, о редком человеке, неотягощенном вообще никакой моралью.

Короче, вот что та женщина своей подруге толковала.

Я, говорит, целый год была влюблена в очень красивого мужчину. Росту в нем было около двух метров, торс – классический треугольник, с кубиками, все как положено – хоть сейчас на обложку мужского журнала. Светлые курчавые волосы, умеренно коротко подстриженные. Гордый нос с аристократической горбинкой, а глаза... Такие идеально ярко-голубые, что казалось, такого не может быть! Просто витязь, или викинг, или голливудский артист.

На этом, как очень скоро выяснилось, его достоинства и заканчивались. Поразительно, но этого человека не интересовало ровно ничего, кроме собственной особы. Постепенно выяснялись пугающие подробности его жизни. Он совершенно искренне не помнил, где работали обе его бывшие жены, какие институты они окончили. При этом памятью обладал феноменальной – в области гуманитарных знаний – но запоминал только то, что считал нужным. А женами просто не интересовался. Родная дочь боялась выходить из комнаты даже в туалет, когда папа был дома, – и, извините, писала на ковер, чтобы не проходить мимо двери кухни, когда он пил там кофе. Потом она сбежала жить к бабушке, у которой и выросла. Я спросила его – почему. Ответ был таким: «Она была мерзким ребенком – все время притворялась, что хочет в туалет, чтобы вывести меня из себя своими шастаньями по коридору. Вот однажды я и запер ее там на сутки, чтобы проучить, когда жена в командировке была. Естественно, больше эта малолетняя дрянь при мне не смела болтаться по квартире». Сказано было спокойно, без какого-либо чувства неправоты.

Однажды я сильно заболела гриппом и позвонила сказать, что не могу прийти к нему на свидание. Он ответил: «Я купил пирожные – мне что, выбрасывать их, что ли? Приди и съешь, а потом болей, сколько хочешь». Если речь заходила о каком-нибудь несчастье с кем-то из знакомых, мой «витязь» лишь пожимал плечами и переводил разговор на тему искусства. Однажды меня постигли крупные жизненные неприятности, я бросилась к любимому за советом – и услышала: «Ой, пожалуйста, ничего тяжелого мне не рассказывай. Любовь – это светлое

чувство. Ему должна сопутствовать только радость. Давай встретимся, когда твои неприятности закончатся. А до этого, умоляю, мне не звони, а то я расстроюсь. Мне вредно». Когда тяжело заболела его старая мать, к ней бегали две его бывшие жены и дочь – но не единственный сын. Спросила – как же так. Ответил: «Не хочу волноваться, у нее и без меня все есть». На похороны он тоже не пошел. Почему? Они были назначены на десять часов утра, а для него это «середина ночи», и «... если я встану в такую рань, то головная боль на весь день обеспечена». К тому времени моя влюбленность уже в муках погибала, но я все равно пыталась робко искать ему оправдания: то он недавно переболел (ОРЗ), то получил тяжкую моральную травму (с работы уволили), то слишком ранимый... Но все равно вопрос в конце концов встал ребром: насколько низко может пасть человек, продолжая считать себя образцом нравственности? Да, представьте, мой герой постоянно толкал речи о человеческой черствости и писал душешипательные статейки в журналы о тонких чувствах – то есть, разбирался в них прекрасно, не судил только самого себя.

Конец нашим встречам положил рассказ общего знакомого о соседском породистом коте, который забрел однажды на дачу к моему красавцу, – так, из любопытства, часто свойственного домашним непуганым котам. А тот как раз рассуждал на веранде со знакомым о вечности. Котик мягко вскочил на диван, где восседал «витязь», – и здоровенный двухметровый мужик, не прерывая разговора, лениво взял животное за шкурку и ударил с размаху о стенку с такой силой, что сломал ему две лапы. Кота потом еле вылечили. Я спросила бывшего возлюбленного в лицо – правда ли, что он совершил такое страшное деяние. На меня посмотрели два ледяных глаза – с полным непониманием: «А что я такого сделал? Я просто не люблю кошек и отшвырнул какую-то, которая лезла... Я что – виноват, что она лапы сломала? Сломала и сломала, я-то тут при чем?».

Знаешь, он до сих пор жив и здоров. И все так же пишет, наверное, свои высоконравственные статейки...

Вот примерно так она рассказала.

- Мужик как мужик, – сказала Маша. – Таких раком до Москвы не переставишь.

- Москва в пятидесяти километрах, – напомнил Борис, приподняв бровь.

- Я имела в виду – от Питера. Или от Парижа, все равно.

- Между прочим, Дмитрий, ты судишь взрослых людей, в то время как сам еще мальчик, – сочла нужным сделать замечание его мать. – Да еще подслушиваешь чужие интимные разговоры. Ты вполне мог чего-то не понять, не так оценить... Изволь помнить, что ты еще далеко не взрослый и не можешь рассуждать о чьей-то нравственности! Тебе еще собственную развивать и развивать.

Против обыкновения, Митя не стал спорить и отрешенно откинулся на стуле.

- У него-то с этим все в порядке, – негромко сказал Станислав. – И подмечает он правильно. Жаль, много трудностей парню предстоит. Которых вполне можно было бы избежать, – он многозначительно глянул на родительницу мальчика.

- Вы на что намекаете? – раздраженно спросила та. – Мы с отцом в лепешку расшибаемся ради будущего детей. Муж свой бизнес с нуля создавал, а Митя на готовое придет. Отец ему все разъяснит, покажет... Какие еще трудности... Только б чуму проклятую пережить, а там...

- Именно... И не только чуму, – Стас отвел глаза, не желая спорить.

- А ты, малышка, уже знаешь, что такое человеческая подлость? – пристально посмотрел вдруг Борис на Олю Маленькую.

- Вот только ребенка не надо трогать! – вскинулась Татьяна. – Ей еще и семи нет, она в этом году из вполне приличного детсада вышла, росла среди любящих людей. Зачем ей раньше времени такие вещи знать? Она и так сегодня слишком много... всякого... услышала. Хорошо, что не понимает пока.

- Понимаю, – тихо сказала девочка. – И сейчас расскажу, как мне сделали подлость.

- Хорошо, расскажи, – смирилась мать и бросила в сторону: – Какие-нибудь детсадовские обиды...

История десятая, рассказанная выпускницей приличного детского сада Олей Маленькой, о том, как ей довелось хорошенько прочувствовать человеческую подлость.

...У меня была фарфоровая куколка, очень красивая, с корзинкой. Вот такая маленькая. Мне бабушка подарила. Я с ней все время дома играла, даже папа сказал: «Надо же какую красивую штуку бабка для

тебя не пожалела!». Ну, и я принесла ее с собой в детский сад, чтобы было с чем во время тихого часа играть. Большие игрушки в спальню нельзя брать, а эту можно было спокойно под футболку спрятать. Я весь тихий час на нее смотрела. Сделала такую пещерку из одеяла, чтобы воспиталка не орала...

- Во время тихого часа надо спать, а не играть в игрушки. И, Оля, я еще раз повторяю: не воспиталка, а... – не удержалась Татьяна.

- Ну хватит уже ребенку рот затыкать! – почти грубо оборвал ее Король. – Слова сказать спокойно девочке не даете!

Было что-то такое особенное, как у раненого льва, в его неожиданном рыке, что женщина осеклась, дав возможность Олечке беспрепятственно продолжить:

- После тихого часа, когда был полдник, рядом сидела Нелька Маркина. Она мне говорит: покажи, во что ты там во время дневного сна под одеялом играешь. Я достала мою куколку и дала ей посмотреть. Нелька посмотрела и говорит: «Красивая. Она теперь будет моя» – взяла, такая, и сунула ее в свой карман. И, главное, сидит ест спокойненько... Тогда я разозлилась, как толкну ее – и свою куколку у нее из кармана выдернула. А она как заорет! Будто ее режут! Воспиталка... воспитательница, такая, подбегает, а Нелька ей: «Она меня толкнула и мою куколку насильно отобрала!». И, такая, громко плачет. Воспиталка говорит: «Дай сюда». Ну, я дала, конечно, а она ее у меня выхватила и отдала Нельке – я даже сказать ничего не успела! И говорит нам: «Сядьте на разные концы стола и рисуйте». Ну, мы рисуем, такие, а я папу жду. Думаю – вот сейчас он придет и задаст этой Нельке и воспиталке заодно: он-то знает, что куколка моя, что бабушка мне ее подарила. Папа такой приходит, а воспиталка ему говорит: «Ваша дочь другую девочку удачила и игрушку у нее отняла, она у вас очень ар... аг... агрессивная». Я говорю: «Папа, скажи им, что это та куколка, которую мне бабушка дала! Это не я ее от Нельки отняла, а Нелька от меня! А я просто обратнo взяла!». Воспиталка смотрит на папу и спрашивает: «Это что – правда?». Я думала, папа сейчас скажет, что, конечно, правда, это ее, ей бабушка дала, а он, такой, раз – и говорит: «Ах, Нина Викторовна, вы уж ее простите, она у меня им... имп...импульсивная. И потом, сами знаете – дети: сегодня ссорятся, завтра мирятся...». А когда мы с ним в раздевалку вышли, он мне ка-ак даст подзатыльник! Я даже язык прикусила. А там как раз эта Нелька со своей мамой была – и мне фигу из-за ее спины показала...

Оля замолчала, очевидно, вновь переживая случившееся.

- Какая плохая девочка эта Нелька... – неуверенно начала Татьяна.

- Да при чем здесь Нелька?! – дрожащими губами выговорила девочка. – Нельке просто куколка понравилась, она ее и схватила, потому что знает, что сильная и выше всех в группе. А подлость – это папа сделал, что не сказал воспиталке, что она моя, и меня же потом стукнул!

На некоторое время воцарилась недобрая тишина.

- Хм... Да... Вызывает интерес воспитательный процесс... – не предвещавшим ничего хорошего тоном протянул Борис.

Даже в полутьме все увидели, как лицо Татьяны пошло пунцовыми пятнами. Пикироваться с сегодняшним Королем она не посмела, зная, что тот за словом в карман не полезет, и потому гнев ее немедленно обрушился на детей:

- Ты не ребенок, ты просто вредитель какой-то! До чего дошла! Уже собственного папу оговаривает при посторонних! Сколько раз тебе говорить, чтоб не смела рассуждать про взрослых! Тем более, про родителей! Потому что ничего не понимаешь! Папа так сказал, чтобы с воспитательницей не обострять отношений, чтоб тебе же хуже не было, дура! А ты тут рот на отца открываешь, маленькая мерзавка! И я знаю, откуда все это идет... – она гневно повернулась к сыну: – Ты, Митя, разговариваешь с ней на темы, о которых ребенку рано еще думать! И тебе, кстати, тоже! Твое дело – хорошо учиться, а не... сомнительные знакомства заводить и шататься по всяким там церквям! Митя, ты слышишь, что я тебе говорю?! – повисла пауза, после которой вдруг прозвучало ее недоуменное: – Митя?.. Митя, ты заснул там, что ли?..

Все обернулись на юношу: он понуро сидел за столом, положив на него локти и запустив пальцы в волосы. Наконец, медленно поднял голову и сказал:

- Да не сплю я... Просто голова что-то раскалывается...

Сидевшая рядом Оля Большая привычно бесцеремонным материнским движением протянула руку и положила ладонь Мите на лоб. Все на миг оцепенели.

- Он... горит... – прошептала Ольга.

- Упс, – прозвучал в гробовой тишине невозмутимый голос Бориса. – А ситуация-то выходит из-под моего королевского контроля. У кого это я прочитал: «Заболел какой-то ерундой, но так как на чуме ничем, кроме чумы, не заболевают, то это, стало быть, чума...»? И, главное,

фразу дословно помню – чуть не с школы... Кстати, на случай, если это все-таки не чума, то назавтра назначаю королем тебя, Макс. Твоя тема?

- Моя тема... Тема – жизнь, как она есть... Без прикрас, – автоматически озвучил Максим давно совместно с Катюшей придуманную повестку дня своего правления – и потрясенно добавил: – А если все-таки...

- А если все-таки... – медленно произнес Борис. – То о чем тут спрашивать... И так ясно, что...

Король не казался ни испуганным, ни расстроенным – лишь глубоко задумавшимся. И если бы кто-то в ту минуту пригляделся к Борису, то легко заметил бы в его обычно насмешливом взгляде некий острый интерес и даже смутную, будто медленно разгорающуюся надежду.

- ...через недельку в этом бункере будет братская могила – только и всего, – пожал плечами он.

Девятый день Декамерона, в который рассказываются истории о жизни – такой, какая она есть, без прикрас.

В эту ночь подземелье наполнилось шепотами.

Лихорадочный лепет побелевшей Татьяны – «Это не то... Это просто так... Простыл... У него часто такое бывает...» – карантинников не убедил. В комнатах убогий свет от вновь заряженных телефонов никто не экономил – спать и не думали.

- Знаешь... – шептала своему мужу, лежа среди вороха одежды на полированном столе для заседаний, Оля Большая. – Как это ни странно, но именно у нас двоих есть в этой ситуации один крошечный лучик надежды...

- Какой? – Стас сидел у стола на винтажном советском стуле, положив голову на руки рядом с лицом жены. – Мы все здесь тесно общались, ели за одним столом. Если Митя... заболел – мы все больны тоже. И симптомы сейчас начнут появляться у одного за другим.

В голубоватом свете экрана он увидел таинственную улыбку на лице жены.

- Если Митя болен, мы сразу же поедем к блокпосту и заявим – это ведь понятно, нельзя же оставить его без помощи и действительно превратить наш бункер в могилу... – сказала она. – Его увезут в больницу, Катю – в роддом, остальных – в обсерваторы... А там...

Станислав поднял голову:

- А там кто-то из нас с тобой наверняка встретится с одним из наших детей... Ты это хотела сказать?.. Ваня – в мужском, Лена – в женском... Мы даже попросим отвезти нас именно в эти обсерваторы, сказать, что нас там ждут, назовем фамилии... Могут и не отказать... Но даже если откажут, то мы позвоним детям, как только появится связь, – скорей всего, еще из «скорых» – дети найдут нас в любом случае и сделают все, чтобы вылечить. Или хотя бы обеспечат наркотиками, чтобы мы умерли без мучений. Ты это имела в виду?

- Нет, – неожиданно сказала Ольга, и в темноте Стас услышал, как на этом коротком словечке надломился ее голос. – Это было бы слишком хорошо. Это был бы не лучик, а целый поток света. Так не бывает. В чуму – так не бывает. Ты сам говорил – гнев Божий один на всех. Я говорю о том, что обязательно отыщутся среди врачей такие, кто взялся бы просто узнать о Ване и Леночке. Через какие-нибудь десятые руки – где, когда, как... Чтобы мы не ушли в неведение... Я верю, что хоть один такой человек найдется.

Станислав поднял голову, пристально взгляделся в мерцающие родные черты; за тридцать один год он привык к лицу жены и не видел перемен, но именно сейчас в сердце толкнулось: какой же старой она выглядит! Странно – при свете дня Оля такой не казалась: всегда опрятная, подтянутая, ухоженная, насколько возможно, даже сейчас; он наивно полагал, что его жена выглядит не хуже тридцатипятилетних Маши и Кати и уж точно лучше сорокалетней Татьяны! В полутьме, при слабом источнике света, тени падали в каждую морщинку, оттеняли каждую неровность – перед ним словно оказался профиль древней старухи, уже лежащей в гробу.

- Ты не веришь, что они живы? – глухо спросил он.

- Хочу верить, – ответила Оля. – Но, видишь ли, у меня уже несколько дней, как запеклось сердце. Так было, перед... мамой и папой – когда я еще не знала. Я живу, хожу, ем, пью, смеюсь, рассказываю истории... И не чувствую своего сердца.

- Ты можешь ошибаться! – строго сказал Станислав.

- Я могу. Сердце не может, – со страшным спокойствием сказала его жена. – Но, в принципе, это неважно уже. Если Митя действительно... То нам остались считанные дни. А потом – полная ясность.

Он молча нащупал ее руку, поднес к губам:

- Ты бы поспала. Измучаешься ведь...

Оля улыбнулась:

- Мне жалко спать. Знаешь, может, это у нас с тобой последняя ночь вместе. Я никогда не забуду первую – помнишь, сеновал, хозяйский плед, ты почти устроил пожар... – и все эти годы иногда во мне возникала мысль: ведь когда-то же будет наша последняя ночь! Я нарочно не пыталась представлять ее, но если б даже вдруг...

В дверь робко постучали, даже поцарапались, словно одна из двух местных кошек просилась впустить ее.

- Соломоныч бродит... – безошибочно определил Станислав. – Войдите!

Завернутый в свой неизменный рыже-клетчатый плед, Соломоныч робко вступил на чужую территорию, подсвечивая себе путь экономным кнопочным телефоном, едва ли не достигшим к этому году совершеннолетия. Его усадили у Олиного торжественного ложа.

- Я пришел именно к вам, потому что вы оба – самые культурные здесь люди... И с вами можно нормально говорить, не боясь, что... В общем, вы понимаете... – счел он нужным подсластить пилюлю. – Я только хотел выяснить ваше мнение по поводу произошедшего. Ведь если у нас здесь в бункере появилась чума, то нужно сейчас принять грамотное решение... Например, совершенно очевидно, что больной... и его семья... Они должны быть как-то изолированы... Или даже, вообще, мы имеем полное право попросить их покинуть...

- Вы что, рехнулись?! – культурно прервал его Станислав. – Если у нас тут чума, то изолированными в обсерваторах окажемся мы все, причем, завтра. То есть, уже сегодня. Утром будет понятно – нарастают симптомы или нет. И если, не дай Бог... Мы немедленно вывезем Митю к блокпосту: он молодой, крепкий, и у него есть шанс выкрутиться. Нас всех, разумеется, в этом случае тоже можно считать зараженными. Причем, скорей всего, смертниками...

- Хорошо, положим, так... – бархатно согласился старик. – Но, согласитесь, обсерватор обсерватору рознь... Вот вы двое, благодаря вашим детям, можете рассчитывать на гораздо лучшие условия... И соответствующее лечение... Чего нельзя сказать обо всех остальных... И уж тем более, обо мне – ведь кто возьмется лечить старого человека, если за него некому попросить. Тем более, если этот человек еврей, а, как

мы с вами видим даже в этом ужасном месте, антисемитов в нашем обществе меньше не становится... А врачи-евреи в обсерваторе... – он замолчал и потупился.

- Хотите блатом в чумном бараке заручиться? – напрямик спросила Оля.

- Не блатом, не блатом! – замахал Соломоныч руками. – А добрым словом...

Она приподнялась:

- Марк Соломонович. Вы можете быть абсолютно уверены в том, что если мы найдем живым хотя бы одного из наших детей, – а я не знаю, насколько это реально в отношении врачей-добровольцев первой волны, – то все наши товарищи по этому бункеру станут немедленно известны – если мы сами, конечно, еще останемся в сознании... И для них сделают все, что вообще возможно. Во всяком случае, не меньше, чем для нас. А сейчас...

- Да, сейчас, – твердо поддержал Стас, – нам бы хотелось побыть наедине. Хотя бы просто потому, что мы можем больше не увидеться.

Укоризненно кряхтя и вздыхая, несколько уязвленный Соломоныч поковылял в темноте к двери.

В соседней комнате Максим сидел в ногах жены на ее красном клеенчатом диване. Впрочем, в едва освещенной комнате все предметы выглядели черно-белыми, как им и положено.

- Я не засну... – сдавленно повторяла Катюша. – Я не смогу... Потому что, может быть, уже завтра...

- Тебе обсерватор не грозит, – в десятый раз терпеливо объяснял Макс. – Тебя положат в бокс, где и примут роды. Ты ведь знаешь: ребенку эта бацилла не передается – это уже много раз по телевизору говорили. Значит, он будет здоровенький. А в документах ты перечислишь всех наших родных. Кто-то из них да выживет и возьмет его, если мы... не уцелеем в этой свалке. И, как бы там ни было, он вырастет не в детском доме, а в семье, и наш род на земле не прервется...

- Когда мы попали в карантин, потом – сюда, а потом, когда сожгли наше садоводство... Я, дура, думала, что все ужасно. Что хуже уже не будет... Оказалось, ступень вниз есть всегда... Представь, я теперь уже счастлива была бы даже, чтобы роды у меня здесь приняли Оля, Таня и

Маша, – но только чтобы мы все были при этом здоровы, и нам не грозила бы чума! А она уже здесь. Взяла и пришла. Что теперь может быть еще хуже?! – Кате, наконец, удалось заплакать, и стало легче.

- Митя, скорей всего, просто ноги промочил. Я в его возрасте тоже так болел: раз, – и тридцать девять температура, всего трясет, кости ломит... Мать аспирина даст, ночь протрясусь – утром как огурчик. Зелененький и в пупырышках. И друзья мои так же. Так что спи давай. Не для себя, так для нашего парня. Как он там? Дай послушать, – Макс откинул одеяло и осторожно прильнул ухом к высокому круглому холму Катиного обтянутого рубашкой живота. – Ишь, не спится ему. Полуночник нашелся... Небось, трудно будет его спать загонять, когда утром в школу ...

Катя хотела напомнить мужу страшные слова этого беспощадного циника Бориса – о том, что во время чумы ничем другим не болеют, – но откуда-то знала, что Максим тоже помнит их, и навязчиво пытается прогнать из воспаленной памяти – и пожалела его, доверчиво приникшего к ее раздавшемуся чреву, лоящего стук и трепет почти готовой выйти на свет такой долгожданной и хрупкой жизни. И так они замерли беззвучно: она – комкая губы и неслышно глотая слезы, и он – полный священного недоумения перед этой ни одним мужчиной не разгаданной тайной – вполне осязаемой и доступной для изучения, но вечно недоступной.

Борис и Маша тоже были вдвоем в эту ночь – сидели рядышком на узенькой, кое-как застеленной кушетке в раздевалке, не касаясь друг друга даже локтями, но каждый ощущал несомненную нужность другого в эти смутные часы.

- А ты говорил – все будет хорошо, и я с ними встречусь... – убито шептала Маша. – Теперь даже если они уцелели, то я этого просто не узнаю...

- Ситуация ничуть не противоречит моим словам. Я чувствовал обязательность вашей близкой встречи. Просто немножко ошибся в адресе. Если они умерли, то увидите вы достаточно скоро, – не стал переубеждать Борис. – И я с Ларочкой и... ее мамой.

- Ты правда веришь во встречи... после смерти? – подумав, спросила женщина.

- Ну, ты ведь веришь в ангелов-хранителей. Ты сама о них рассуждала недавно. А раз они есть, значит, существует и нематериальный мир. Но не может же быть, чтобы он существовал только для ангелов. Раз они так пекутся о людях, значит, нас тоже туда пускают. А как еще, если не после смерти? По-моему, логично, – с убийственным спокойствием ответил мужчина. – Кроме того, у меня еще есть личная, так сказать, теория... Видишь ли, оставшись один, я много мотался фото-корреспондентом по горячим точкам. Только так смог не свихнуться... Впрочем, это мне, вероятно, только так кажется. Но речь о другом. Мне там достаточно часто приходилось видеть, как люди умирают. Их, извини, как комаров, что-то прихлопывает. Вот пытается спастись семья беженцев... Родители, дети, сзади даже дедушка какой-то хромает с палкой... Тюки на себе тащат, чемоданы, у девочки кукла в руках, мальчик щенка к груди прижимает... Они куда-то хотят добежать, устроиться, планируют, быть может, начать новую жизнь... И вдруг – шш-у-ух.. – снаряд. Взрыва они не слышат, его слышу я. А на месте семьи уже яма. В которой – вообще ничего, даже кусков мяса. Потому что такой снаряд, если что, многоэтажный дом в щебень разносит, что ему какие-то там несколько человек. И военных видел на позициях. Минуту назад курил, балагурил – и бац! – уже лежит с дыркой между глаз: снайпер. И вот посмотрел я на это раз, посмотрел другой – и подумал: если нет вечной жизни, то лучше быть собакой, кошкой, птичкой... «Хорошо быть кисою, хорошо – собакою: где хочу – пописаю, где хочу – покакаю», но не только поэтому: им приходится не так долго мыкаться по земле, и вообще легче, когда меньше соображаешь. Ведь потом – все равно один конец для всех: ни-че-го. Но ведь зачем-то же – дано... Думать, мучиться, творить, представлять, любить, наконец... Для чего – для ямы? Не слишком ли расточительно? А в природе все продумано. Значит, не зря, – Борис помолчал и поднялся: – Пойду-ка я спать. Мне еще на чуму силы потребуются.

Не отвечая ни слова, Маша молча повалилась набок, на служившую подушкой свернутую флисовую кофту. Глаза ее были открыты и тупо смотрели в чуть отсвечивающую матовой серебристостью тьму.

Некрепкий, пронизанный черно-белыми виденьями сон все-таки исподволь заползал перед рассветом во все комнаты замершего от ожидания беды подземелья. А прогнал его восвояси хриплый от радости крик:

- Ложная тревога!!! Чума отменяется!!! Ложная тревога!!!

Макс с треском распахивал двери одну за другой, нимало не заботясь о приличиях:

- Будем жить, господа!!! Соломоныч!! Кто у нас здесь бессменный дежурный по кухне?!! Отменяется чума!!! Жрать охота!!

Недоверчиво высыпавшие в коридор взъерошенные сидельцы были тотчас просвещены бледной, но совершенно счастливой Татьяной:

- Всю ночь – тридцать восемь и девять! Парацетамол два раза давала и полбанки малинового варенья с чаем скормила... И что вы думаете?! В шесть утра – тридцать пять и семь! Кашля нет, и не было, спит спокойно. Сами пойдите посмотрите...

Все по очереди пошли и посмотрели, передавая друг другу слегка чадающую керосиновую лампу. Митя глубоко и сладко спал на столе, под шерстяными одеялом, сильно и ровно дыша; мокрые волосы слиплись на лбу; ладонь по-детски пряталась под щекой. Мать орлицей висела над спящим птенцом, готовая немедленно терзать любого, высказавшего малейшее сомнение.

Дав всем насладиться волшебным зрелищем, Макс тихонько прикрыл за собой дверь:

- Ну, что, коллеги? Поднимите руку, у кого сегодня всю ночь очко НЕ играло?

- Предлагаю поесть, кто что найдет, и идти досыпать, – сказал Станислав после минутной паузы.

И действительно, спали до обеда, лишь после него некоторые совершили короткую вылазку на природу, а к ужину на кухне снова собрались всем коллективом, включая сюда и почти выздоровевшего, лишь чуть-чуть излишне розовощекого Митю, искренне не подозревавшего, причиной каких горьких разговоров и слез довелось ему стать минувшей ночью. Более того, он и начал первым:

- Дядя Максим, вы ведь сегодня Король, да? А я, пока тут целый день, как дурак, на столе валялся, уже историю про жизнь вспомнил. Можно, я сегодня начну?

- Дивны дела Твои, Господи... – в сторону пробормотал Станислав. – Начинай, конечно. Дядя Макс разрешает.

История первая, рассказанная невольным возмутителем спокойствия юным Митей, о том, что каждый из нас – только полчеловека.

Эту историю рассказал Витин – ну, друга моего – папа, а мне она запомнилась. Думаю, нелишней будет. Ему сейчас пятьдесят пять лет, и он, когда учился в школе, еще видел живых ветеранов войны... Их часто приглашали на так называемые «уроки мужества», особенно, если дело близилось к 9 мая или к 23 февраля. Вот и командир одного партизанского отряда пришел к ним в класс. Он рассказал, как их отряд действовал почти всю войну на Брянщине. Досаждал он немцам знатно, поэтому они, разумеется, неоднократно предпринимали попытки «накрыть» его и уничтожить. Несколько раз им даже удалось узнать точное местонахождение отряда, командование отправляло туда сначала просто карателей, а потом – даже специально обученные роты СС. Но никому, как бы секретно ни проводилась операция, никогда не удавалось подобраться к нему достаточно близко, чтобы застать врасплох. Партизаны всегда как-то пронюхивали о приближении врага и успевали либо покинуть лагерь, либо давали серьезный вооруженный отпор.

Так вот, поведав обо всем этом в красках, он предложил им, пятиклассникам, догадаться, почему отряд был таким неуловимым. Напрасно он это сделал: дети были слишком малы, чтобы понять все тонкости, даже выпускники, наверно, не догадались бы. Тогда ветеран, непосредственно жестикулируя и сверкая яркими голубыми глазами, рассказал:

- Незадолго до войны моя сестра вышла замуж, и здесь, в Москве, венчалась с мужем в одной из немногих на ту пору открытых церквей. После венчания священник подвел молодых к Царским Вратам и сказал им маленькое напутствие. Я стоял близко и слышал все дословно. Вот что он сказал: «Сегодня в вашем лице родился новый человек. Потому что Господь «сотворил Человека – Мужчину и Женщину, сотворил Их». То есть, человек – это мужчина и женщина вместе, а по отдельности каждый из них – только полчеловека. Отсюда и происходит слово «пол» – мужской и женский. Поэтому никогда ничего друг от друга отдельно не делайте, всю полноту вы можете обрести только вместе». Я почему-то вспомнил об этом уже на войне, когда оказался в партизанах и стал командиром. И что-то надоумило меня: «секреты», выставляемые на страже отряда, у меня всегда теперь состояли не из двоих мужчин, как

раньше, а обязательно из мужчины и женщины. Потому что мужчина видит одно, а женщина – другое. И только сложив их наблюдения, можно получить достоверную картину происходящего. Обнаружить приближающегося тайно врага такой паре гораздо легче: мужчина, например, видит картину целиком, но упускает детали, а женщина примечает такие подробности, на которые он никогда бы не обратил внимания, – но не умеет собрать их в единое целое. Так они всегда совместными усилиями замечали признаки приближения немцев задолго до их нападения, успевали доложить, и мы оказывались готовыми дать отпор или быстро уйти...

От себя я добавлю, что, конечно, ни мужчина, ни женщина чаще всего не пропадут, если останутся одни. Приспособятся так или иначе. Некоторые даже любят свое одиночество.

Но... «Негоже быть человеку одному». Он – только половина. Прав был тот ветеран...

- Слушай, а ты молоток. Кроме шуток. Такие вещи запоминаешь и в сердце берешь. Давай пять, – протянул руку Макс. – Это тебе мое королевское рукопожатие.

Митя запунцовел, пожимая руку боевому прапору.

- По крайней мере, не придумывал небылиц, а пересказал слова взрослого, – сдержанно похвалила его мать. – Так и в будущем: лучше не якай, а ссылайся на опыт старших.

- Прекрасный рассказ, Митя, – искренне сказал задумчивый сегодня Станислав.

- Теперь я, – вызвалась Маша.

История вторая, рассказанная одинокой брошенкой Машей о том, как ее коллега увела мужа из семьи.

Думаю, что вы поверите, если я скажу, что ненавижу измены: мне самой случилось оказаться пострадавшей, вы знаете. Измена сама по себе разрушает брак, где муж и жена должны быть едины во всех отношениях: если один из них нарушил единство, то брака уже нет, и сохранять тут нечего даже «ради детей», которые вырастут и уж точно не посочувствуют разбитой жизни родителей.

Но считаю, что бывают исключения, когда «разбивание семьи» впол-

не оправдано, и могу привести пример. Моя коллега уже пятнадцатый год живет в счастливом браке с женщиной, который развелся ради нее со своей женой, и первый брак его длился более двадцати лет.

История такова. Мужчина, назовем его Иван, женился поздно, пережив до этого сложную длительную связь с женщиной, по отношению к которой испытывал тяжелую зависимость: она унижала, оскорбляла его, изменяла много раз – но он никак не мог с ней расстаться. Наконец, она сама бросила Ивана, и ему закономерно захотелось «тихой пристани». Его познакомили с «идеальной» девушкой лет тридцати: симпатичная, тихая, скромная, учительница, прекрасная хозяйка, мечтавшая о детях. Иван обрадовался: перед ним был полный антипод его предыдущей «любви», и он ожидал теперь только спокойных радостей счастливого брака. Было ему за тридцать, хотелось иметь свой дом и семью. Лучшей кандидатуры, чем Аня, он не видел, хотя особой влюбленности не испытывал – только симпатию и уважение. Но влюбленностью он уже «нахлебался», вспоминал с ужасом. Они поженились.

Довольно скоро выяснилось, что Аня – холодная женщина. Прошли все сроки «пробуждения», а она по-прежнему относилась к физической близости как к тяжелому долгу, причем, не скрывала этого, терпела с зажмуренными глазами, вполне способна была спросить в самый острый момент: «Ну, скоро уже?! Сколько можно...». Иван – человек добрый и ласковый, чувствовать себя насильником ему было вовсе не по нутру. Он пытался сглаживать углы, предлагал обратиться к специалистам – без толку: Аня считала, что с ней все в порядке, она просто «целомудренная», а фригидность не мешает рожать детей, что для женщины – главное. Она и родила – сына и дочь. Иван был в восторге: он по природе «мужчина-отец» и хлопал крыльями над своими чадами еще получше, чем их мать. Анну он уважал и ценил как мать своих детей, но интимные дела у них лучше не стали – наоборот, она вообще перестала допускать мужа до себя, вечно занятая детьми и школой. Это очень трудолюбивая, старательная и порядочная женщина. Но муж ей нужен был только как, простите, «осеменитель», а потом как добытчик и, по совместительству, исполнитель тяжелых «мужских» работ. Но и разводиться она не хотела, имея стойкий стереотип: «разведенка – признак жизненного краха». Иван тоже не подавал на развод: он обожал детей и не желал наносить им тяжелую моральную травму. С женой они теперь спали в разных комнатах: навязывать себя он не хотел, супруги посте-

пенно вовсе отдалились друг от друга, разговаривая только о совместных бытовых делах и детях, не раскрывая душу.

Иван по природе не «ходок» – но жить вовсе без женской ласки и сочувствующей души ему скоро стало тяжело. Выросшие дети радовали: дочь удачно вышла замуж, училась в Университете, сын тоже поступил в престижный вуз.

Именно в этот период Иван случайно, в гостях, познакомился с Инной, которую незадолго перед этим бросил с ребенком-подростком муж. Буквально с первых минут общения между ними возникло то, что иногда называют «химия», – причем, люди-то были уже не юные: ему далеко за сорок, ей – за тридцать...

Все кругом говорили: бес в ребро. Пророчили краткосрочность этого «кризиса среднего возраста». Ане на работе другие учительницы в один голос обещали: через месяц на коленях приползет. Но Иван все не полз и не полз. Потому что понял, что в лице Инны встретил ту самую женщину, которую втайне ждет любой нормальный мужчина: свою женщину, именно такую, какая была ему нужна.

Но все могло бы сойти на нет, согласись Инна на роль любовницы. Она не согласилась, предчувствуя горечь, разочарования и бессмысленность такой жизни. Скрепя сердце сказала: «Или ты разводишься, и мы женимся, как люди, – или расстанемся сейчас, пока не прикипели друг к другу окончательно». Вот тут и полетели тапки со всех сторон: «вынудила», «сломала мужика», «выкрутила ему руки» и прочее... Ну, и, конечно – разлучница, хищница, развратница – как же без этого. Только Иван и Инна на это все наплевали. Иван развелся с женой (у которой было ранено не сердце, а всего лишь гордость, и пострадали «принципы»), а потом они с Инной сыграли скромную свадьбу.

Прошло почти пятнадцать лет – они все так же влюблены друг в друга, всегда держатся за руки. С сексом у них все в порядке. Дети очень скоро перестали осуждать своих родителей. Иван помогает бывшей жене: она не брошена «старой, одинокой, нищей и никому не нужной». У Ани любимая работа, друзья, внуки и насыщенная жизнь. О браке с Иваном она вспоминает с самыми неприятными чувствами. Не ее это был человек. Не ее.

В этой истории я никого не осуждаю. А вы?

Получить одобрение этого рассказа Маша, конечно, и не рассчиты-

вала: вряд ли три замужние женщины могли бы встать на сторону смелых героев истории, а мужа, если и посочувствовали им, то при своих мгновенно ошетинившихся половинах выступить, в любом случае, не рискнули бы. Рассказ предсказуемо был встречен гробовым молчанием – прервал его лишь Борис:

- А-а, молчите. Знаете, что она права, потому и молчите. Ну, а мое мнение – молодцы эти Иван с Инной. Не испугались гадючьего клубка. За то им и награда. Хвалю. И тебя, Машка, за то, что не побоялась рассказать.

- Что и требовалось доказать... – еле слышно пробормотала себе под нос Татьяна. – А у меня есть действительно драматическая история, где не муж, как обычно, был пьяницей, а наоборот...

История третья, рассказанная счастливой матерью Татьяной, о том, как страшен женский алкоголизм, и как от него страдают мужчины.

Все началось еще, кажется, в прошлом веке. Один родственник мужа, назовем его Леша, женился на красивой однокурснице Вале. Молодые люди получили инженерную профессию, но нормально устроиться не смогли.

Тогда Леша научился крутиться по-разному, завел свой бизнес, работавший с переменным успехом, но, в целом остававшийся на плаву...

Уж не знаю, каким он был бизнесменом, а в жизни – человек он добрый и ласковый, про таких говорят: «Мухи не обидит». Тихий, непьющий, в семье со всем согласный, обожающий дочку Люсеньку и кота Марса (кстати, такого красивого кота, как у них, я в жизни нигде и ни у кого не видела). Люсенька собирала выпавшие усы кота в коробочку, за годы накопила их много и всем показывала. В общем, семейная идиллия... Все бы хорошо, если бы Валя не начала злоупотреблять алкоголем. Сначала «от усталости», потом при разговорах «за жизнь», потом «чтобы лучше спать» – но постепенно это стало потребностью: уже рано утром она добавляла себе в кофе изрядную порцию коньяка, потому что «так вкуснее». Работы особой не было. Торговала в магазине мужа – стало тяжело, а еще надо присматривать за дочкой в переходном возрасте, Леша согласился, чтобы жена «занималась хозяйством и не перенапрягалась». Теперь Валя прикладывалась к бутылке уже не-

сколько раз в день – но пока алкоголь был дорогим и качественным. Добавляла сладкое вино «в чаек», коньяк и виски – «в кофеек», на сон грядущий опрокидывала наливочку – но уже не стопку, как раньше, а стаканчик... Если шли в гости или приглашали друзей на семейное торжество – всегда надиралась до неприличия, за столом пила все подряд, вперемешку, – потом пела, рыдала, танцевала на столе... Мужу вечно бывало за нее стыдно, он робко пытался урезонивать любимую супругу, потом укладывал спать, бегал с тазиком...

Но он не понимал, что женщине грозит настоящий алкоголизм. Все-таки в общественном сознании прочно закреплен образ мужа-алкоголика при страдающей, тянущей всю семью жене... А вот наоборот... Никто об этом всерьез не задумывался.

Лёша понял, что дело плохо, только когда жена его была навеселе круглые сутки: она начинала утро с легкого возлияния, в течение дня понемногу добавляла, и пила уже только крепкие напитки. Дочь тринадцати лет начала ее раздражать, часто попадалась «под горячую руку» – и тогда девочка получала все: от легкого подзатыльника до сочных ударов по лицу. Мать на глазах опускалась, круглые сутки ходила немытая-нечесаная, ненавидела уже всех, и первым делом – «мужа-неудачника» и «идиотку-дочь».

Но дочка Люсенька, как ни странно, росла хорошей, тихой и прилежной девочкой, училась хорошо, уроки делать бегала в семью дяди – и вообще проводила там много времени с двоюродной сестрой-ровесницей, стараясь вернуться домой, когда мать уже напьется и заснет, так и не вспомнив о дочери, если та не попадетс ей на глаза.

Слабохарактерный Лёша ничего поделывать не мог – только робко уговаривал одуматься и вспомнить о семье. Он тоже старался реже бывать дома, и деньги выдавать «на хозяйство» перестал, продукты покупал сам, готовили с дочкой, как умели: мать давно на это махнула рукой. Тогда Валя стала пропивать вещи из дома, что-то закладывала в ломбард и не выкупала, в отсутствие мужа продала диван из гостиной... Если видела дочь – немедленно бросалась ее избивать просто так, а когда девочка жалобно кричала: «Мамочка, за что?!», отвечала традиционным: «Было бы за что – вообще бы убила, дрянь малолетняя!».

Люсенька окончила школу в семнадцать лет с весьма приличными оценками. Тем же летом она пропала.

Мать, которая к тому времени уже могла упасть и заснуть на улице,

этого, кажется, даже не заметила, отец заявил в полицию – а сам чуть руки на себя с горя не наложил. Девочку не нашли. За год Лёша стал полностью седым, жил на работе – в подсобном помещении своего магазина, Валя оставалась в их общей квартире, потерявшая полностью человеческий облик.

Поразительно, но с ней ничего не происходило! У нее было какое-то железное здоровье – ни сердце, ни печень, ни почки, ни другие органы не отказывали! Пила и пила себе. Домой водила собутыльников, квартира превратилась в хлев, о пропавшей дочери и не вспоминала...

Прошел год – и вдруг Лёша получил письмо из Владивостока. Обычное, бумажное – даже пятнадцать лет назад это было уже редкостью. Нашел его случайно, когда механически открыл почтовый ящик, придя за чем-то в испоганенную квартиру. Письмо оказалось от Люсенки и начиналось словами: «Папа, прости меня. Я знаю, какое горе причинила тебе своим исчезновением, но иначе было нельзя. Я была несовершеннолетняя, и меня насильно вернули бы домой – а я больше не могу жить с мамой... Я жива и здорова, живу во Владивостоке, учусь в институте...». Оказалось, ей помог бежать ее совершеннолетний парень, они уехали вдвоем, девочка – по чужому паспорту; потом с парнем расстались, но она не пропала – сумела поступить учиться, устроилась в общежитие, нашла подработку...

Леша летал во Владивосток, полностью простил дочь, но сердце не выдержало – через год он умер. Жена-пьяница пережила его на восемь лет! И здоровье ее так и не пошатнулось – в пьяном виде она утонула в ванной! Вот так бывает, когда в жизни все наоборот...

- Охренеть, какое здоровье у сволочей! – сказал Макс. – Я здоровый мужик, но, если б так пил, – лет через пять с гарантией бы загнулся.

- Это одержимость бесом пьянства, – сказала Оля Большая. – Этим она и отличается от обычного алкоголизма. Простой алкоголик быстро наживает цирроз или еще что-то – и адью. А бес бережет тело, в которое удалось вселиться, подлечивает его потихонечку, бережет... Многократно замечено, что горькие, непросыхающие пьяницы иногда живут необъяснимо долго, – по всем законам давно умереть человек должен – нет, живет себе и всех мучает... И неважно, какого он пола.

- Олечка, я надеюсь, это вы в переносном смысле – про чертей... – промурлыкал Соломоныч.

- В самом прямом, – отрезала Оля и, перемолчав секундочку, добавила: – Давайте, Марк Соломоныч, не стесняйтесь. Если хотите, – рассказывайте. Про жизнь, как она есть, без чертей и прикрас...

- Ну, что ж, – помялся он. – Можно и про жизнь...

История четвертая, *рассказанная не уважающим чертей Соломонычем, о том, как подруга его жены побывала замужем за заботливым садистом.*

Муж Асиной подруги ушел к другой. Все очень интеллигентно, культурно, без сцен и скандалов: дети выросли, он им «больше ничего не должен», а ей от души пожелал «устроить свою жизнь». Пара-то казалась до этого вполне приличной, без острых углов – никто не ожидал такого поворота. Весь женский круг знакомых принялся горячо сочувствовать покинутой, ободрять, опекать, советовать... Еще бы, все мы знали, какой у нее был хороший муж – заботливый. Чуть что у нее заболит – немедленно ее на обследование, всегда туда сам сопровождал, врачам не доверял. Следил, чтоб сыта была всегда, не переохлаждалась, питалась правильно – и вдруг такое! Нашел молодую, сволочь... Ну, ничего-ничего, сам на коленях приползет – и тогда уж Юлька еще подумает, пускать мерзавца обратно или нет... В таком духе мы все вокруг нее рассуждали.

А Юлька вдруг начала на глазах расцветать! Сама собой как-то округлилась, улучшился цвет лица. Возник интерес к жизни – забегала по выставкам, театрам. Совсем не выглядела несчастной брошенной женой. Все терялись в догадках. Но однажды Юлечка была у нас в гостях и банально перебрала – настолько, что грузить в такси мы ее поостереглись, чтоб не нажила себе, не дай Бог, неприятностей. Ася уложила ее на диване в гостиной, и обе они в четыре часа как-то синхронно проснулись – и сошлись на кухне в поисках чая... А тут и я подтянулся – пить очень хотелось. Там и разоткровенничалась Юлечка – в полумраке такая, знаете, лохматая, с поплывшей косметикой. Все рассказывала, как ушедший муж о ней заботился.

Например, началась у нее однажды рвота и понос, она даже знала от чего: отравилась пирожным, бывает. Попить солевой минеральной воды побольше и отлежаться денек. Но супруг настоял на том, чтобы вызвать «скорую», потребовал отвезти жену в инфекционное отделение.

ние, сделать промывание желудка. Очень на этом настаивал! Никаких отговорок слушать не захотел: ведь она может умереть, и он тогда тоже умрет – от горя. Промывание сделали. Что это такое в инфекционной больнице, не дай Бог узнать никому. А кто уже знает, ни за что второй раз не захочет.

Но муж умел убеждать. Характер у его жены слабый, сопротивляться она не умела. Да и стыдно: заботится ведь человек, а она – неблагодарная!

В другой раз у нее началось, извините, кровотечение – ночью. У Юльки одноклассница – гинеколог, стоило только подождать до утра – и все было бы прекрасно. Но муж и слушать не стал – опять вызвал «скорую» – потому что боялся, что она истечет кровью. Никакие уговоры не помогли. Потребовал увезти в больницу и сделать выскабливание. Сразу же. Все отделение на ноги поднял. И сказал, чтобы никакого наркоза. Потому что от наркоза умирают – у него лично родная тетя не проснулась, когда ей аппендикс удаляли. Велел жене потерпеть – ради него. И терпеть-то всего минут десять, подумаешь. Потому что, ведь если что случится, – он не переживет. И она терпела, обливаясь холодным потом. Всего один раз закричала. Но ничего. Зато не было риска умереть от наркоза.

Точно так же, когда у Юли воспалился геморроидальный узел, он отправил ее на колоноскопию – тоже без наркоза. На всякий случай. Чтобы исключить рак. Его ведь надо на ранней стадии поймать.

Он и в жизни о ней точно так же заботился – скрупулезно. Например, когда жене предложили работу, о которой та мечтала всю жизнь, она готовилась к собеседованию до утра и потом прилегла всего на часик, он заботливо придушил будильник заранее, чтобы дать ей выспаться. Очень переживал, что если она не выспится, то у нее давление подскочит. Юля на собеседование опоздала и упустила уникальный шанс – только муж не понял, почему она сердится! Он ведь просто заботился! Недосып ведет к болезням, а он хочет, чтобы жена была здорова.

А однажды перед самым приходом гостей кот поцарапал Юле щеку. Муж подошел к проблеме ответственно, сказал, что нужно продезинфицировать царапину. Очень волновался, как бы заражения крови не было. Она зажмурила глаза, уверенная, что он прижжет ей ранку одеколоном. Он действительно чем-то долго мазал, нежно дул ей на щеку, чтобы унять боль. Когда Юля открыла глаза, выяснилось, что ее щека была

густо, до черноты намазана зеленкой. Потому что это лучшее средство, объяснил муж. Некрасиво? А кто не хочет, тот пусть не смотрит. Ему лично она кажется красавицей и с зеленкой на щеке. А на дураков наплевать.

«Когда он сказал мне, что у него другая женщина и он хочет развод, я как раз стояла у окна, – закончила Юля. – И вдруг мне показалось, что все – и небо, и деревья, и машины, и цветы на газоне – стало ярче, будто вышло солнце. А день был очень пасмурный, моросил дождь. И тогда я поняла, что это солнце взошло у меня в душе. А раньше я даже не знала, что это такое».

- И правда, странная какая забота... Больше на издевательство похоже... – задумчиво проговорила Маша.

- А она еще терпела такого гада столько лет... – добавила Катюша.

- Ну и за что вы так на него ополчились? – раздраженно спросила вдруг Татьяна. – Человек действительно заботился о жене – просто делал это, как умел, исходя из своих представлений. Юля эта ваша – просто неблагодарная женщина, поэтому и осталась одна. Муж ее любил и с зеленкой на щеке, считал самой красивой – так и говорил. Она вообще получала заботу, о которой многие другие и не мечтают, а умела только недовольство высказывать. Потому что, если б он такой плохой был – так сама бы его бросила – но ведь жила же с ним, значит, все устраивало... Конечно, когда мужу это надоело и он нашел другую, сделала хорошую мину при плохой игре – чего тут не понять!

- Да, наш папа тоже маме денег на укол не дал, когда ей руку вправляли! – вдруг бойко прозвенела на всю кухню Оля Маленькая. – Когда она плакала в коридоре и говорила: я не выдержу, я буду кричать... А папа: все терпят – и ты потерпишь, кобыла здоровенная, а то отрубишься от укола – я что, твою тушу на себе по лестнице попру?

Олечка поведала эту историю так ловко, четко и простодушно, что мать не успела вовремя среагировать. Она опомнилась лишь через несколько секунд и почти истошно взвизгнула:

- Оля!!! Кто тебе разрешил?! – и, заикаясь, принялась оправдываться на все четыре стороны: – Это совершенно не так... Она не так все поняла... Мой муж... Мы... Он просто тренирует в нас волю... Воспитывает твердость... Не дает разнюниваться... И я с ним полностью согласна... Полностью... Мне вправили плечо очень удачно и безболезненно... Он

был совершенно прав насчет укола... Абсолютно...

- Да-а, – обиженно протянула Олечка. – А ты в кабинете все равно орала, как резаная, когда мы в коридоре ждали! Папа послушал-послушал и говорит: «За такие бабки могла бы и потише выть. Здесь не бесплатная больничка для быдла».

Татьяна вскочила:

- Это все неправда! Мой муж... Он привез меня в хорошую клинику... Когда я упала с велосипеда... Олечку не с кем было оставить... Она была маленькая... И вообще все перепутала... Наверное, с каким-нибудь глупым фильмом... Она не может помнить... Это было давно... Наша семья... – залепетала она. – Оля, извинись сейчас же! И скажи, что ты все это выдумала!

- Я все помню! – тоже подпрыгнула и даже притопнула ножкой девочка. – Я вообще все помню! Я даже помню, как я в песочнице играла у нас на площадке, а вы с папой рядом стояли!

- Не можешь ты этого помнить! Тебе не больше двух лет было, когда мы тебя в песочницу водили. Дети еще не осознают себя в таком возрасте и не понимают слов, – наставительно произнесла ее мать. – Вот видите, она все выдумывает!

- Ничего я не выдумываю! – оскорбленно взревела Оля. – Я даже помню, что папа тебе говорил, когда вы стояли!

- Ну, и что же? – ласково спросила Оля Большая, не желая раздувать конфликт. – Он, наверное, говорил твоей маме – какая у них дочка умница и красавица...

- Не-ет... – поморщилась девочка. – Он говорил ей... Говорил... А, вот! «И ведь не вышвырнешь тебя теперь в этот ваш клоповник, когда тут такой приплод!». А что такое приплод, тетя Оля?

- Вызывает интерес ваш супружеский прогресс... – с явным удовольствием начал Борис, но Оля Большая обернулась к нему со зверским выражением и грозно цыкнула; потом она с елеиным лицом обратилась к своей маленькой тезке:

– Олечка, давай теперь ты расскажешь историю. Только без папы. Потому что мы сегодня не про пап рассказываем, а про жизнь. Ну, то есть, про всякое разное.

Олечка серьезно задумалась и, наконец, согласилась:

- Хорошо, я расскажу про то, как мы летели в самолете с мамой без папы.

История пятая, рассказанная памятливой девочкой Олей, про самолет, облака и лимонад.

- Мы с мамой летели в самолете в Крым в гости к ее подружке тете Наде... Я сидела у мамы на коленях, а сбоку у нас было такое маленькое круглое окошко...

- Господа, это все совершенная ерунда, – прервала Татьяна. – Мы летали в Крым летом двадцать шестого. То есть, ей до трех лет оставалось месяца четыре. Ребенок физически не может ничего помнить. Это смешно. Просто она потом слышала какие-то отголоски разговоров о нашей поездке к Наде – вот и все.

Оля на этот раз не обратила на нее никакого внимания:

- Я смотрю в окошко – а там будто вата внизу. Я маму спрашиваю – что это такое, а она мне говорит, это облака. Я говорю – почему они внизу, а она мне: мы над ними летим. Я говорю: не летим, а висим, ведь мы не двигаемся. И вдруг к нам наклоняется такая красивая-красивая девушка в красном пиджаке и шапочке, а в руках у нее большой круглый поднос. На подносе много-много маленьких стопочек, из которых пьют водку. Только в одних стаканчиках белая водка, а в других – желтый лимонад. Я говорю тете: я водку не буду, водку только папа пьет, я буду лимонад. Тетя удивилась и говорит: у нас не водка, а просто вода. Я только хотела взять стаканчик с лимонадом, как мама раз – и схватила меня за руку. У вас, говорит, все из холодильника, а у нее горло больное, ей нельзя. А сама взяла – и сразу два стаканчика выпила, сначала один, потом второй! Мне так пить хотелось, а мама говорит – ничего, потерпишь как миленькая, а то еще обоссешься, – и тетя ушла со своими стаканчиками... Я смотрю в окно – а мы по-прежнему не летим, а висим... Я глаза закрыла. А когда открыла их, мама уже по лестнице спускалась на землю, я у нее на руках сидела, а тетя в красной шапочке несла нашу сумку. Вот. Я все помню.

- Вот так мы и наносим рубцы друг другу на сердца, – задумчиво протянул Станислав. – И не замечаем.

- По-вашему, это ей тоже кто-то рассказал? – спросил Борис.

- Этого просто не было, – Татьяна приняла решение твердо держаться прежней линии, и своротить с этой дороги ее, видимо, не могло уже ничто. – Она нафантазировала, понимаете? Просто мы много ей читали, и

у нее излишне развилась фантазия, вот и все. И не надо искать никаких неправдоподобных объяснений.

- Да ладно, – с оттенком обидной многозначительности сказал сегодняшний Король. – И так все ясно. Кончаем базар. Станислав, давай ты.

Тот вышел из грустной задумчивости:

- Пожалуй... Знаете, мне тоже довелось подслушать в тэшке разговор о жизни.

- Иди ты! – искренне изумился Макс. – Ты – подслушивал?

- Ну, деваться-то некуда было...

История шестая, рассказанная порядочным подслушивателем Станиславом, о том, как у одной девочки было не лицо, а мордочка.

Я никогда специально не подслушиваю, но если кто-то при мне говорит громко, не стесняясь, то слушаю очень внимательно: в таких случаях, как я считаю, в разговоре есть нечто, предназначенное и мне тоже.

Две дамы сидели позади меня рядом и обсуждали успехи в учебе некой Насти. Деваться мне было некуда – и очень скоро я знал, что одна собеседница – мама этой девочки, причем, по профессии она – участковый врач в детской поликлинике. Другая женщина – моя коллега, учительница, репетитор Насти по английскому. Настя учится в одиннадцатом классе.

- Могу сказать точно, – говорила учительница, – что у вашей девочки исключительные способности к языкам. Представляете, мы дочитываем уже шестую сказку из «Хроник Нарнии» в оригинале. И ей так легко дается – я просто диву даюсь. Она язык не просто хорошо учит, а чувствует! И абсолютная грамотность, стихи замечательные пишет – по-английски! Из взрослых не носителей языка так могут единицы, а она почти ребенок... Очень одаренная! Летом ей поступать, и я надеюсь, что...

- Вы мордочку ее видели? – вдруг громко перебила мама.

Учительница осеклась, я вздрогнул.

- Вы на мордочку ее смотрели, я вас спрашиваю? – продолжала женщина. – Чтоб я девочке с такой мордочкой дала засохнуть над конспектами? Да вы что? Чтоб шесть лет, как я, в аудиториях свою красоту губила? Чтоб потом всю жизнь на дядю ишачить за копейки и превра-

титься в старую обезьяну?

- Она очень хорошенькая, но... – пролепетала учительница, – кроме внешности, важно еще и...

- Важно сдать ЕГЭ, а потом удачно выйти замуж, пока мордочка свежая! – назидательно произнесла мать. – Кому она потом будет нужна, заезженная кляча с дипломом! – я не видел ее лица, но четко представил, как презрительно скривились ее губы, когда она процедила: – Поступать, надо же!.. С такой мордочкой...

Учительница замолчала, а через полминуты сказала, что ей пора выходить.

Я, конечно, не вмешался: за пять минут ни в чем не убедишь, а помоями обольют. Хотя душа буквально рвалась в бой... Бедная девочка, которая читает «Хроники Нарнии» в оригинале! И повезло же ей родиться не с лицом, а с мордочкой...

- Ну, и в чем она неправа? – вызывающе спросила Татьяна. – Нормальная женщина, которая хочет для дочери простого женского счастья.

- ...как ваше, например... – в тон ей предательски вставил Борис.

И Татьяна с размаху угодила в ловушку, также неуклюже, как еще недавно «член партии» Соломоныч:

- Как мое, и вообще...

Тут уж сдавленно фыркнули все, кроме ее детей, Татьяна осеклась и обиженно замолкла.

- Я тебе объясню, почему та женщина неправа, – сжалившись, обернулась к ней Маша. – На своем примере. Видишь ли, у меня тоже в свое время была такая «мордочка». Я после школы задумала, сказала, что хочу взять все от молодости, а учиться еще успею... Мама же требовала, чтобы я немедленно поступала в институт. Ну, я ей и сказала примерно, как та, в маршрутке: «Ты что, мама, разве не видишь, что с моим личиком у меня никогда не будет никаких проблем? В женщине главное – красота, и, если она есть, то остальное на блюдечке принесут!». А у нас дома была старая пароварка, бабушкина еще. И вот буквально тем же вечером я стояла на кухне рядом с плитой, когда с агрегата сорвало крышку... Горячий пар шибанул мне в лицо. Удивительно, что я как-то успела зажмурить глаза, а то вообще могла ослепнуть. Все-таки я не очень близко находилась, поэтому ожоги были только второй степени – но заживали все равно полгода, а полностью следы исчезли только

через год. Кожа пластами слезала... Это был ужас... «Вот тебе урок», – вместо сочувствия, говорила мама. Да я и сама уж без нее поняла, что лицо – дело такое. Сегодня есть, завтра нет. И что без образования оно ровно ничего не стоит и никакого личного счастья не даст...

Оля Большая за спиной Татьяны делала Маше отчаянные знаки – но та их не понимала и слишком поздно вспомнила, что у Татьяны именно образования и нет, а миловидное личико, имевшееся в молодости, не обеспечило ей никакого ослепительного счастья. Вечер рассказов как-то не задавался... Добрая Оля решила немедленно отвлечь всех от собственных скорбей и ошибок:

- Моя очередь рассказывать. И тоже про подслушанный разговор. С той лишь разницей, что не в тэшке, а в гипермаркете...

История седьмая, рассказанная миротворицей Олей Большой, о том, как не надо, по ее мнению, воспитывать мальчиков.

Жизнь – лучший режиссер, поэтому я так редко хожу в драматический театр...

Стоим, помню, в очередь в кассу, все с немаленькими тележками. Передо мной молодая усталая женщина с вялым хвостиком волос и в темной курточке быстро выкладывает свой товар на ленту. Она очень этим озабочена и ни на что не обращает внимания. Рядом с ней – мальчик лет шести, крепко сбитый, одетый в яркую куртку и хорошие кроссовки. Он мусолит «Чупа-чупс», но фантик от него заботливо положил на ленту, чтобы пробили штрих код, – научен честности, это хорошо. Продуктов у его мамы много, и я рассеянно отмечаю, что в семье, должно быть, будет праздник: множество нарезок, икра, несколько бутылок вина и водки, огромный торт...

Замечает это и пожилая дама, которая мнетя в очереди прямо за женщиной, и ее распирает от желания с кем-нибудь поговорить. Я специально утыкаюсь в телефон, и она набрасывается с сюсюканьем на мальчика. «Ах, какой самолет у тебя на куртке вышит... Ах, вкусная ли у тебя конфета... Ах, собирал ли ты наклейки – на них игрушки дают...». Мальчик терпеливо и обстоятельно отвечает – баском, неторопливо, явно подражая кому-то, должно быть, отцу. При виде таких детей я всегда невольно думаю: «Мужичок-с-ноготок». Внимание разговорчивой старушки доходит до покупок его мамы: «Ах, сколько всего вы

покупаете... Наверное, гостей ждете? У тебя день рождения? Сколько тебе годиков?» Ему, конечно, «шестой миновал», но говорит он не это, а другое, очень важно: «Нет, не у меня. У Самого. Гости придут». Эта заглавная буква так и слышится в его тоне – ясно, что «Сам» у них в семье – имя собственное». И это, конечно, отец... «У твоего папочки?» – сюсюкает старушка. Мальчик с достоинством кивает, не вынимая конфеты из-за щеки. «Ах, как хорошо! Какая у вас семья хорошая! – умиляется она. – А у мамочки когда день рожденья? Что вы с папой ей подарите? Духи? И гости тоже придут, подружки ее, да?». Тут мальчик вынимает «Чупа-чупс» и строго говорит, явно копируя выражение лица и манеру «папочки»: «Мы с отцом не любим бабские посиделки. Мы мамино и Наташкино рожденье не справляем. Только когда у Самого или у меня».

Сказал – и засунул леденец обратно. Мама его не обернулась, расплачиваясь у кассы. У старушки вытянулось лицо. Мы с ней переглянулись и одновременно вздохнули.

А ведь есть у него еще сестренка Наташка...

- Надо же, лет шесть, а уже готовая сволочь, – категорично отозвалась Маша.

- Ну и что, мы мамино тоже не празднуем! – снова невинно сдала семейный секрет Оля Маленькая.

- Выйдешь за такого, как твой папочка, – твой день рожденья тоже праздновать не будут, – с обычным спокойствием кинул фотограф.

- Не лезьте не в свое дело! – вспыхнула мать. – И не смейте настраивать ребенка против родителей! Нечего чужую дочь воспитывать, свою беречь надо было!

- Сука, – тихо, без гнева констатировал Борис.

- Господа подданные! – призвал к порядку Король. – Попрошу без личностей! Мы здесь застряли на неизвестный срок, и нам тут подземная война ни к чему.

- Так. С меня лично хватит этих Декамеронов, – гордо поднялась Татьяна, цепко хватая за руку дочь: – Ты немедленно отправляешься спать. Доболталась. Домолола языком. Митя, тебя это тоже касается. Поднимайся.

- Мне рано спать, – не пошевелился он. – Я еще послушаю.

Его родительница предпочла не продолжать при посторонних унизительный скандал и, волоча хныкающую и упирающуюся Олю Малень-

кую, исчезла во тьме, слегка подсвеченной тускнеющим фонариком айфона.

- А я вам расскажу о хорошей матери, – вдруг сказала до того ни во что не вступавшая Катюша. – Которая не согласилась с методами воспитания тети.

История восьмая, *рассказанная скромной и наблюдательной женщиной Катей, о том, как умная мать не стала подрезать крылья своей дочери.*

Так случилось, что в Москве у моей школьной подруги Гали бабушки не было: мамина мама жила в деревне, а папина умерла, – зато осталась в живых ее сестра, успешно заменявшая недостающих бабушек. Она очень активно вмешивалась в воспитательный процесс, но просила называть ее не бабушкой, а тетей, потому что к «старушкам» причислить себя ни за что не хотела.

Гале было лет девять-десять, когда она начала писать стихи и рассказы. Хорошие они были или плохие – теперь трудно судить, потому что она их потом уничтожила, да и не в этом дело. Странность заключалась в том упорстве, с которым она занималась «литературным трудом», отодвинув надолго и далеко все остальные, гораздо более присущие столь нежному возрасту занятия. Переписывала свои творения набело в красивые блокноты, тетрадки, никогда не стеснялась читать их взрослым – и помню, как во время застолий Галю иногда ругали за «неправильно выбранные темы». Например, она прочла поэму про инопланетную экспедицию – а ее убеждали: «Напиши лучше про котенка, щеночка, цветочки... Ты же девочка!». Она не слушалась, писала по вдохновению и вскоре стала заявлять открыто, что намерена стать писателем или журналистом.

Ну, лет до четырнадцати никто это желание всерьез не воспринимал – тогда многие дети мечтали стать банкирами или фотомоделями; журналист – это была не очень типичная, но все же приемлемая вариация детской мечты. Помечтает-помечтает ребенок – и станет водителем троллейбуса. Или медсестрой. Если из интеллигенции – то юристом или программистом. Так все обламываются. Не он первый, не он последний. Все в детстве мечтали о чем-то особенном...

Но Галина мечта никак не желала укрощаться – и, что редко бывает,

родители ее в целом поддерживали, хотя и предупреждали об очевидных – и неминуемых! – трудностях, которые ее ожидают. Но не «обламывали», серьезно относились к разным дочкиным «проектам».

Однажды мы с Галей зашли к ней домой вечером, я хотела что-то у нее взять. Она открыла дверь квартиры своим ключом, и тут мы обе услышали голос «бабушки-тети» с кухни: она пришла в гости и пила чай с Галиной мамой. Голос у нее был резкий, интонации категоричные:

- Вы, Зиночка, – наставляла она Галину маму, – девочке-то крылья уже подрезайте постепенно, подрезайте... А то загубите ребенка. Не дай Бог, действительно решит пойти по пути писательства. Пора властной рукой направлять ее в нужное русло. Выберите ей достойную профессию – например, экономиста, менеджера – и объясните, что время мечтаний должно закончиться, и пора браться за ум. А то ишь, размечталась! А вы еще поддерживаете, хвалите. Наоборот, надо жестко сказать, что ничего такого особенного в ее писаниях нет, и ждать ей в этом смысле нечего. Только потеряет время и испытает горькое разочарование. Твердо и убеждено, чтобы она поверила. Вы – мать, авторитет для нее. Это ваша обязанность. Любовь не в потакании ребенку, а в умении пресечь в корне то, что в будущем навредит. Крылья детям надо подрезать сразу! Иначе взлетят-то высоко – а каково будет падать, сами подумайте!

Галя заплакала и выбежала из квартиры. Я – за ней.

Но только ее мама не послушала тетю. Через два года Галя поступила на факультет журналистики – и родители еще пять лет оплачивали ей учебу, верили в свою дочь и подбадривали. И сейчас она – вот Максим знает – успешный публицист, ведет отдел в международном журнале...

- ...но не замужем и без детей... – попробовал Борис поймать и Катюшу в свою дважды удачно сработавшую ловушку.

- А вот и нет! – Катя живо повернулась к нему и даже победительно показала кончик языка: – У нее муж-коллега, а детей двое, оба мальчики и мои крестники, им сейчас одиннадцать и двенадцать. Прекрасная семья.

Борис поднял руки:

- Сдаюсь. Но исключения лишь подчеркивают правило.

- Какое правило? – наведальась Маша.

Но Борис предусмотрительно смолчал.

- Кхм... Борис... А ты можешь рассказать историю без острых соци-

альных проблем? – серьезно спросил Король.

- Могу и как раз собираюсь, – охотно отозвался тот. – Я расскажу, как заработал свои первые деньги в восемь лет...

- Ну, кто б сомневался... – в сторону прошептал Соломоныч.

История девятая, рассказанная жертвой детского труда Борисом, о том, как в восемь лет он начал зарабатывать.

Может быть, вы будете смеяться, но позволю себе напомнить, что писатель Куприн работал репортером, грузчиком, бродячим актером, циркачом – и кем только не... Чехов и Булгаков, например, по профессии были докторами... Достоевский – инженером-артиллеристом (правда, став было «петрашевцем», он быстро переквалифицировался в политкаторжанина), Кафка всю жизнь проработал бухгалтером, Ахматова, когда не сидела ни у кого на шее, трудилась в библиотеке, Берберова работала секретаршей...

Ну, а ко мне первые деньги пришли так: в дачном поселке под Питером мы, дети, на каникулах организовывали в нашем переулке «концерты»: набирали ребятню из дачников и местных, желающих выступить с каким-нибудь «номером» – стихотворением, песней или танцем, рисовали фломастерами билеты и продавали их по двадцать копеек – ибо интуитивно знали, что всякий труд должен оплачиваться. Кому? Да своим же собственным родителям и другим взрослым. Чистый сбор шел целиком нам на лакомства и прочую мелочевку, делился поровну и тратился каждым по собственному усмотрению. Дело было в середине восьмидесятых, так что все происходило вне рамок каких-либо приемлемых законов. Ни в каком пионерлагере или, тем паче, на школьной сцене, такого по определению в те годы не исполняли... Некоторые взрослые возмущались – как это так?! Платить детям за их «два притопа – три прихлопа», как за билет на дневной сеанс в кинотеатре? Такие заносились в «черный список» – к ним больше не приставали. Но, в основном, люди не жалели двугривенного, желая разнообразить унылую дачную жизнь – ведь в те годы на даче было разве что радио с единственной программой «Маяк».

Так что не смейтесь, но первые заработанные мною в жизни деньги имели место лет в восемь и поступили от презренного актерства – ибо, представьте себе, я – пел! Беззастенчиво пел перед взрослой «почтен-

нейшей публикой», маявшейся на стульях в тупике, – так что сбежать зрители не могли бы, даже если б захотели, потому что выход был только через «сцену»! Что пел, сейчас не помню точно, хотя подозреваю, что «Мурку» и жалостливую песню темного школьного фольклора: «Папа, купи мне новенькую шляпу! – Мама купит. – Папа, а я штанишки разорвал! – Надень мои. – Папа, как хорошо, что ты женатый! – Сам знаю. – Спасибо папа, что ты от мамы не ушел! – Еще успею». Самое интересное, что папы не протестовали, а дружно хлопали, однажды даже совместными усилиями нарисовали яркую грамоту с надписью: «Присуждается лучшему исполнителю» и после концерта торжественно преподнесли ее мне. С тех пор петь я больше не дерзал – ни соло, ни хором – разве только за праздничным столом, когда всем уже все равно, какие у кого вокальные дарования.

Сейчас это не кажется чем-то особенным. Нам, певшим и плясавшим тогда в переулке, теперь за полтинник. Иных уж нет, а те далече... А концерты почему-то застряли в благодарной памяти эдакими солнечными зайчиками...

- Как мило! – хлопнула три раза в ладошки Катюша. – Какое у вас детство было хорошее, Борис!

Станислав поднял голову:

- Я в своем тоже что-то такое помню. Соседские девочки у нас на даче такие же концерты делали – люди ведь еще безо всяких гаджетов жили... Песни, правда, пели вполне приличные – из тех, что по телевизору исполнялись... Пугачевой там, Хиля... Только вот я точно помню, что концерты были бесплатными...

Макс позвенел алюминиевой вилкой по тарелке:

- Внимание, подданные! Ваш король будет речь толкать!

История десятая, рассказанная Королем Девятого дня Максимом, об испуганном поросенке, которого съели.

Давно это было. Ох, давно. Когда моя восемнадцатилетняя младшая сестра (у меня еще старшая есть, но это не она) в середине девяностых годов я решила поехать навестить своего парня в армию. Конечно, ей было далеко до декабристок – в отличие от них, с их санями и кибитками, она все-таки летела на ТУ-154 и пересекла полстраны – из Москвы

в Туву. Но одну ее родители отпустить ни за что не хотели – и пришлось им снарядить с ней в путь заодно и меня: я как раз между срочной и сверхсрочной приехал в отпуск. А служил ее парень в военном трибунале. «На паркетe», как тогда говорили, служил: их было всего шестеро рядовых и сержантов, русских, белорусов и украинцев. О дедовщине и не вспоминали. Жили семьей, делились едой, предметами первой необходимости, стремились по мере сил облегчить друг другу тяготы военной службы – тем более в условиях во всю гремевшей перестройки, когда, даже выйдя в увольнение, в столичном городе Кызыле купить нормальное съестное было непросто по причине дороговизны. Посылки из дома, само собой, были всегда общими. В Москве уже продавались в то время приличные продукты – и мы навезли им всякой всячины, особенно потрафив парням сгущенкой... А один из украинцев, по прозвищу Пацук, как раз получил из родного дома посылку с салом. Конечно, устроен был званый обед местного значения – с девушками. Торжественно разрезали сало, попробовали – и Пацук скривился: «Что за дрянь мать прислала!». Я с опаской попробовал: никогда, ни раньше, ни позже не ел сала вкуснее! Оно буквально таяло во рту! Все нахваливали – настоящее украинское сало! Один только Пацук ел через силу, морщился... Чуть позже нашли в присланном домашней вязки носке и записку от его матери. Она перечисляла все, что сын должен был найти в посылке, и заканчивала припиской: «Только вот сало, сынок, наверно, не такое вкусное, как всегда. Прости уж: дед не уследил, поросенок успел испугаться». «Ах, во-от оно что! – протянул Пацук. – Говорил же матери – не давай деду поросей резать! Не успевает по-быстрому, оттого испуг им в кровь проникает, невкусные становятся...».

Никто как-то не обратил внимания на его слова, а я помню их до сих пор – так они меня поразили. Свинья, между прочим, по биологическим и физиологическим показателям очень близка к человеку, недаром даже медицинские опыты ставят именно на них (кролики и лягушки – это для студентов), лекарства на них же испытывают и даже многие из свинок делают, кажется... И если один короткий испуг успевает так отравить свинье организм, что даже жир ее меняет вкус, то что говорить о том, какие потери несет наш организм от многочисленных стрессов! Вот перебежал у меня, допустим, пешеход дорогу перед капотом – так сердце упало, наверное, жестче, чем у того поросенка!

А сколько таких «испугов» мы друг другу устраиваем каждый день!

Вот почему мы, в большинстве своем, внутри такие «невкусные»... Это я и про сегодняшний наш вечер говорю. Без обид только.

Теперь же, поскольку у нас остался только один некоронованный товарищ... Стас, хочешь не хочешь, а завтра быть тебе нашим Королем.

Станислав тяжело вздохнул:

- Тяжелый сегодня был день. Перенервничали мы все. Оттого и такие... свиньи. Действительно, надо идти спать. Утро вечера мудренее. Может, завтра опомнимся и снова очеловечимся...

- А твоя тема? – спросила Оля Большая.

- Тема... Грустные истории. Вы можете меня упрекнуть – мол, в нашем положении нужно больше позитива – так нынче принято... Но... – Стас снова потянул руку к дужке очков в вечном смущенном стремлении к их протирке.

- Нет, – быстро сказала Маша. – Искусственный позитив только хуже делает, а нарывы надо вскрывать, – она покосилась на Бориса; тот едва заметно кивнул.

- Преотлично. Значит, расскажем печальные истории; не впервой, – согласился Макс.

- А потом?! – вдруг вскрикнула Катюша. – Вот завтра закончится десятый день Декамерона. Их ведь и должно быть всего десять – я правильно помню? Что же будет на одиннадцатый? Начнем сначала?

- Решим, если он настанет, – лаконично бросил Борис, вставая.

- *Когда* настанет... – тихонько поправила Оля Большая.

- *Если*, – обернулся в дверях ее несговорчивый оппонент.

Десятый и последний день Декамерона, в который рассказываются грустные истории и происходит еще кое-что.

До обеда опять стояла над лесом мириадами холодных водяных пылинок промозглая осенняя морось – но к четверем пополудни неожиданно брызнули меж ветвей длинные солнечные лучи – и словно россыпи танцующих бриллиантов засверкали на еловых лапах, запутались в покинутой паутине, скатывались с дрожащих пунцовых осинового листьев на опушке. Перезрелые, будто налитые густой кровью, рябиновые ягоды тянули книзу тугие влажные ветви. Пленники подземелья один за

другим выбирались на поверхность, жадно вдыхая прохладный целебный воздух. Подняли даже исстрадавшуюся от духоты и собственной вынужденной неуклюжести Катю – для этого тоже был со временем выработан особый, продиктованный крайней осторожностью способ: один из мужчин поднимался впереди, за ним медленно двигалась Катя, тяжело подтягивая одну ногу к другой, а снизу двумя руками поддерживал ее упирившийся в стены тоннеля коленями и спиной Макс, готовый, в случае чего, немедленно принять на себя всю тяжесть своей любви. Тот, кто шел первым, – чаще всего это был более крепкий, чем Станислав, Борис – вытаскивал женщину за обе руки при помощи подталкивавшего Максима. После этой операции Катюша, всегда чувствовала легкую вину и унижение, тем более, невольно слушая во время подъема, как Борис бормочет себе под нос: «Ох, нелегкая это работа – из болота тащить бегемота!». Поэтому, оказавшись на твердой ласковой земле и едва поблагодарив насмешливого помощника, она стремилась сразу же уйти подальше и остаться на воздухе подольше – дабы не слишком часто приходилось повторять эту тяжелую и некрасивую процедуру. Макс неотступно следовал за женой, предугадывая ее движения в тоскливом страхе перед ее возможным спотыканием и последующим ущербом. И сегодня супруги тем же порядком добрались до края леса, где таился их замаскированный джип.

Небо над просекой быстро прояснилось, ровными шеренгами бойко шагали по нему тугие калиброванные облачка-хамелеоны, переливаясь от лилового к золотому.

Катюша, устало прислонившись к мощному стволу древней березы, смотрела вверх и говорила мужу с болезненным спокойствием обреченности:

- А вот сегодня – точно наш последний день. Завтра начнется. Я знаю.

- Как ты можешь знать?! – всполошился Максим. – Чувствуешь... что-нибудь такое?

Она медленно кивнула:

- Да. Живот опустился и как окаменел. Малыш меньше шевелится. Это признаки верные. Я и сама читала, и все говорят... Хотя срок и тридцать девять недель, вроде, да кто ж точно скажет... Так что – завтра, скорей всего. В крайнем случае – послезавтра, но это вряд ли...

Макс заглянул ей в глаза:

- Тогда, может, сегодня поедем к блокпосту? Уже вечером будешь в

безопасности, в закрытом боксе роддома или больницы. Там, конечно, есть связь, и ты сможешь сообщать каждый свой шаг нашим родным. А в том, что я найду тебя... вас... после всего... странно и сомневаться.

Она помолчала, опустив голову, потом остро глянула в глаза мужу:

- Ты совершенно в этом уверен?

Макс не выдержал ее пронзительно-вопрошающего взгляда: никто из них ничего достоверно не знал. Что творится за страшным блокпостом, за брошенными поселками, за вымершим пригородом? Как живут там теперь люди, какие у них правила? Что по этим правилам сейчас положено делать с карантинными роженицами? И с их новорожденными детьми? А если мать и сына разлучат после родов, – и ребенок будет потерян навсегда? А вдруг Катю заразят в больнице или где-то еще, и она, обессиленная беременностью, не справится с болезнью? А если он сам... Все эти жалающие «если» и «вдруг» жужжащим роем накинудись на него – и он, никогда ни перед чем не отступавший, стиснув зубы и коротко простонав, в минутной беспомощности склонил перед женой свою крупную, под машинку стриженную голову.

- Вот видишь... – Катя горько улыбнулась и нежно провела рукой по его колючему «ежику». – Лучше нам оставаться вместе так долго, как возможно. Ведь каждый час может стать последним. Или даже минута... – она не поняла, почему поднявший в этот момент голову Максим вдруг резко дернул ее за руку, увлекая в непросохшие кусты.

- Пригнись! – отчаянно прошептал он и жестко надавил ей на плечо – так, что женщина инстинктивно повалилась на колени.

Сквозь поредевшие листья они теперь четко видели метрах в ста с небольшим, на другом конце просеки, четыре высокие человеческие фигуры в резиновых противочумных костюмах, противогазах и с автоматами на груди. Все они были развернуты в сторону опушки, на которой притаились ошеломленные супруги, – из чего те бесповоротно поняли, что замечены. Секунду постояв, автоматчики быстрым шагом направились к ним через усеянную низкими пнями поляну – и Максим мягко потянул Катюшу за собой, коротко скомандовав:

- Уходим. Они нас видели. Сейчас главное – увести их от джипа: его нельзя потерять. И от люка...

Зная, что жена не может идти так же быстро как он, Максим вынужденно замедлял шаг, копчиком чуя приближение погони. Он бы не боялся быть пойманным, если б точно знал, что только ему грозит об-

серватор, а с Катей точно поступят гуманно. Но что считалось теперь гуманным? И по отношению к кому применялась еще недавно провозглашенная высшей ценностью гуманность? Не шестое – у него их было гораздо больше – а, наверное, шестнадцатое чувство подсказывало бывшему воину, не раз ходившему в опасную разведку, что человечность, скорей всего, не распространяется теперь на злостных нарушителей карантина в условиях всеобщего мора, – и он молча тащил послушную жену за собой, хотя и знал, что расстояние между ними и преследователями драматически сокращается.

- Катя... – проговорил он на ходу. – Ты мне веришь?

- Да, – запыхавшись, еле ответила жена.

- Тогда вот что... Нам от них не уйти...

- Беги один! – самоотверженно предложила она. – Не застрелят же они беременную женщину!

Макс нервно усмехнулся:

- Уже не знаю. Один я не пойду в любом случае – кто я буду после этого? Нам придется затаиться и пропустить их мимо... Просто слушайся меня и молчи... Ни звука – во что бы то ни стало! – он уже искал взглядом подходящее убежище – и сразу заметил канавку за сломанным под углом еловым стволом. – Лезь туда на карачках! Живо!

С похвальной быстротой Катя на четвереньках протиснулась в треугольные «воротца», а Макс, успев кинуть на них побуревшую мертвую хвойную ветвь, махнул через верх и закрыл жену собой, горячо шепча ей в ухо:

- Хорошо, что на мне камуфляж, – могут и не заметить... Если не наткнутся прямо на нас – пройдут мимо с двух сторон... Закрой глаза, чтоб не впасть в панику... Только не крикни... Христом-Богом прошу...

Валежник хрустел под тяжелым шагом идущих уже совсем рядом – сбоку и позади. Вот кто-то запнулся о корягу, глухо вырвалось из-под маски черное слово, но шаги, приближаясь, не ускорились: двигавшиеся цепью преследователи пока не замечали затаивших дыхание беглецов. Макс крепче сжал хрупкое Катино запястье, чувствуя, как напряжено ее незащитное, неуклюжее тело. Он осторожно глянул сквозь красноватые хвоинки: темные резиновые ноги трижды переступили в метре от его глаз и исчезли; тот, кто обходил с другой стороны, уже вырвался вперед, оставляя их укрытие за собой, а остальные и вовсе прошли вдаль. Когда шум начал стихать, Макс выдохнул и прислу-

шался: за этими четверыми никто не шел. Он поднял ослабевшую от схлынувшего страха Катю:

- Быстро к люку. И ступай как можно тише.

Она кивнула, не в силах говорить, и протянула трясущуюся руку.

- Вроде, они вбок забирают... – ободряюще шепнул Макс на ходу. – Не должны, как будто, к бункеру выйти...

Первым они встретили блаженствовавшего на березовом пне посреди небольшой полянки Станислава: сняв очки, он подставил странно голое без них лицо косым вечерним лучам.

- Здесь патруль, – бросил, поравнявшись с ним, старый прапор. – Они нас видели, мы их немного в сторону направили, но... Много народу наверху, не знаешь?

Педагог вскочил:

- Митя не выходил – бережется еще, Татьяна с девочкой недавно спустились, Соломоныч с Ольгой тоже полезли еврейский бигус к ужину стряпать... Значит... Только Маша с Борисом где-то шля... гуляют.

- Спустим сначала Катю, – приказал, трогаясь, Максим. – Потом пошукаем их... Давай, ускоряйся!

Но шукать не пришлось: буквально через минуту они наткнулись на ошалело бегущих из березовой рощи любовников.

- Патруль! Четверо! – почти крикнул Борис.

- Вас видели?! – диким шепотом спросил Макс.

Борис кивнул:

- Да, но издалека. Должны успеть. Ах ты, черт... Катя...

Она действительно чуть шла, подхватив двумя руками живот, почти валилась со своих отекавших, утративших гибкость ног... Макс думал лишь секунду – с натужным криком он подхватил жену на руки и побежал – на висках разом вздулись корявые синие вены толщиной в палец. Маша первая юркнула в раскрытый люк, Макс, опустив Катю, – за ней – и протянул вверх руки:

- Лезь, я страхую. Борис, помоги ей!

- Я прикрою! – героически предложил Станислав; сказав это, он неожиданно для себя улыбнулся – настолько комичной показалась ему собственная фраза: ведь в одиночку он даже неподъемную крышку люка закрывал за собой с великим трудом.

Но отчаянным рывком он поднял ее с земли, а Борис, протянувший руку снизу, уже из шахты, ухватился за внутреннюю скобу и, с трудом

удерживая балансирующую крышку, дал возможность протиснуться и Станиславу. Зажатые в узком для двоих лазе, едва нащупывая ногами ускользящую опору, слыша под собой возню еще спускавшихся Макса и Кати, боясь покалечить себя и друг друга, они боролись с тяжелой, готовой разбить сразу две головы дверью – и разом увидели четыре выросшие среди стволов фигуры с оружием наизготовку. Синхронно втянув головы в плечи, мужчины дали крышке с лязгом захлопнуться над собой – и Борис резким движением задвинул засов, а Станислав крутанул блокирующее колесо.

Снизу кто-то подсвечивал фонариком – и все благополучно оказались в коридоре.

- Как думаешь, они успели заметить, как мы дверь закрывали? – задыхаясь, спросил Станислава Борис.

Тот покачал головой:

- Не знаю. А вот что услышали – факт. Но если не видели точное место, то могут и не найти. Во всяком случае, мох с крышки никуда не делся – не зря же Макс его наклепил, да и листья на нем тоже должны быть... Чтобы обнаружить, знать надо. Но в худшем случае – вытащить нас отсюда – дело нескольких часов... Кстати, чем нас можно вытащить, Макс? И как скоро?

- Болгаркой с алмазным диском. Газовой резкой. Или лазерной. Что найдут, – устало ответил Максим, свалившийся на стул тут же, у нижних ступеней. – От двадцати минут до трех-четырёх часов – в зависимости от того, есть она у них здесь, или нужно куда-то сообщить, чтобы доставили.

- Блин, как бы узнать – засекли они место или нет... – задумался Борис.

- Никак, – мрачно отрезал Макс. – Если нашли, то у люка уже пост с рацией. Высунемся – капец. Сделать мы ничего не сможем – у них «калаши», ты сам видел. А у нас – женщины, старик и дети... Остается только ждать... У моря погоды.

- И рассказывать печальные истории, – с улыбкой вставил сегодняшний Король.

Борис глянул на него, как на психа, зато Максим – с явным уважением:

- Твое Величество дело говорит. Только так мы избежим бабской истерики и всеобщей паники. Но... На случай, если мы все-таки обнаружены и нас отсюда сегодня вынут, необходимо каждому собрать вещи

первой необходимости, лекарства, какую-то еду – и держать все под рукой. Даже в обсерваторе лучше оказаться подготовленным – про Катю я уж не говорю... Мне передохнуть надо, а то не сдюжу. Ты сегодня король, ты и командуй...

* * *

Станислав распорядился толково: когда карантинники подтянулись на кухню, влекомые запахом квашеной капусты, тушенной с индюшатиной и пряностями, у каждого уже был готов рюкзак или узел с барахлом и пайкой – все это скромно выставили вдоль стеночки. Сидельцы потихоньку приходили в себя: с инцидента миновало уже два с половиной часа, а никаких звуков сверху не доносилось, что вселяло нешуточную надежду на то, что убежище не обнаружено случайным патрулем – или патруль посоветался на месте и благоразумно решил не создавать себе новую проблему в дополнение к, несомненно, имеющимся другим – и немаленьким. Не успели закончить чай, как Король торжественно забрал вилкой о граненый стакан, призывая к вниманию:

- Уважаемые коллеги! Предлагаю всем, кто еще не успокоился, немедленно сделать это, потому что изменить мы, в любом случае ничего не сможем, а предаваться пустым страхам в темноте – не наша чашка чая, как сказали бы вероятные противники. Поэтому объявляю десятый день Декамерона открытым и напоминаю, что сегодня мы рассказываем грустные истории.

Никто не возмутился и не отказался – присмирела даже Татьяна, вчера еще намеревавшаяся завязать с вечерними посиделками в неприятной компании.

- Молчание – знак согласия, – провозгласил Станислав. – Но, вероятно, потребуется благой пример. Что ж, хороший король обязан быть первым в атаке и последним в отступлении, как написано у... у...

- Льюиса, – механически подсказала начитанная Татьяна.

Станислав благодарно кивнул ей:

- Именно. Поэтому я первый расскажу сегодня печальную историю о собачке и ее старушке...

- Старушке и ее собачке! – звонко поправила маленькая выскочка Оля.

- Дядя Стас никогда не ошибается, – строго повернулась к ней Оля Большая.

История первая, рассказанная не склонным к ошибкам королем Станиславом, о том, как несчастная псина погибла под колесами машины.

У моей коллеги, молодой учительницы английского, зимой случилась большая неприятность. Не найдя места для парковки в своем дворе, она заехала в чужой – и там случайно задавила маленькую собачку. Совсем крошечную, тонконогую и лупоглазую. С такими, знаете, огромными невинными глазами – и в трогательном синем комбинезончике. Девушка, разумеется, не хотела ее убивать – она очень любит собак, кормит бездомных кошек и голубей. Увидев в свете фар, как по дорожке навстречу ей семенит бабулечка Божий одуванчик, у ноги которой, как пристегнутая, вприпрыжку бежит черненькая собачка, девушка остановилась пропустить обеих, чтобы избежать любых случайностей. И увидела, как старушка отошла на соседнюю тропинку, а собачка немедленно потрусилась за ней. Тогда девушка поехала по утоптанному снегу – тихонько, на второй передаче. Метров через десять она услышала сзади истерический женский крик и непроизвольно остановилась. Выяснилось, что собачку ее машина переехала дважды – передним и задним колесом. То есть, от животного мало что осталось. И смотреть на это было невозможно – совсем. Как несчастная очутилась под колесами – загадка. Просто испугалась чего-то и метнулась. И с человеком может случиться, не то что со зверем. Бабушка кричала, держась за сердце. Прибежали какие-то люди – бабушкины соседи, которые тоже гуляли с собакой. Оказалось, что бабушка живет одна, дети давно куда-то уехали, и видит она их раз в год, муж умер, и собачка эта была для нее ближе близкого и родней родного. Заботилась старушка о ней лучше, чем мать о ребенке, на поводок никогда не брала – зачем? Собачка же такая умница, послушная, человеческий язык прекрасно понимает, разве что не говорит. Теперь любимицу убили у хозяйки на глазах, и у бабушки сердечный приступ. И давление подскочило – она еще и гипертоник. А по совместительству – Заслуженный учитель России. И «дитя Победы», конечно, а это в свете нынешней политики партии и правительства и вообще причисляет ее прижизненно к лику святых. И тут у нее убили друга. Почти ребенка. На глазах. «Убийца!» – хрипит она, задыхаясь на руках у двух знакомых женщин. Кто-то вызывает «скорую», а кто-то полицию. Номер машины уже записали... Девушка попыталась извиниться,

предлагать помощь – ее обругали и обозвали. Тогда она села в машину и уехала: о бабушке есть, кому позаботиться, собачке уже все равно.

Поскольку моя коллега живет в соседнем дворе, а машина ее стоит там же, то ее скоро вычислили. Нет, бабушка-то очухалась, завела себе kota: с ним гулять не надо. Но, когда девушка выбегала в угловой магазин за молоком, с ней не здоровались, обслуживали безмолвно: она же убийца. Минувя ее на улице, матери с детьми отворачивались, прижимая к себе детские головки: вчера это чудовище задавило собаку заслуженной женщины, а завтра задавит их деток и скажет, что те выпили бутылку водки. Бабушек у подъездов почти нет – все смотрят сериалы дома, но те, что остались, чуть ли не плевали девушке вслед. Потом пришла чума – и народ переключился на нее. Но пока не переключился, наша учительница так и жила с этим клеймом: убийца. Вполне заслуженно – она ведь убила незащитное животное, утешение несчастной женщины.

Уж не знаю, может, проклятая псина снится ей до сих пор – размером с лошадь и с огромными клыками...

- Станислав, – не удержалась Татьяна. – От вас я меньше всего ожидала – при ребенке... Вы как педагог должны понимать, какую травму...

- Да противные эти собачки, знаю я их: ножки как спички и трясутся все время. Гадость! – безапелляционно заявила вдруг Олечка. – Правильно ее учительница переехала.

Шокированное общество ненадолго замолкло.

- Мне все больше и больше нравится эта девочка! – провозгласил в тишине Борис.

- Ты еще и живодер, – отодвинулась от него до этого момента втихомолку мечтавшая о примирении Маша.

Борис только плечами пожал:

- Могу стать следующим, – и, не дожидаясь королевского соизволения, добавил: – Живодерная история номер два.

История вторая, рассказанная растерянным гуманистом Борисом, об экзотическом способе эвтаназии.

Одна моя недавняя и мимолетно близкая знакомая, вполне миловидная, интеллигентная молодая мать-одиночка купила домик в деревне, чтобы возить туда летом «на парное молоко» своего воспитанного ре-

бенка. Она долго умилялась сельским пейзажам, опасливо гладила «коровушек» и даже попробовала с робким «цып-цып-цып» бросить горсточку крупы в сторону соседских цыплят.

Как-то раз, зайдя за продуктами в местный магазин, она встала там в хвост небольшой очереди и стала невольной слушательницей ни в какие рамки не лезущего разговора. Разговаривали две на вид вменяемые женщины, одна из которых крепко держала за руку сонную девочку лет трех, рассеянно мусолившую по подбородку захватанный банан.

- Прямо даже не знаю, как и быть, – жаловалась первая. – Двенадцать лет уже кобелю, лысый стал, слепой, задние лапы волочит, зубы все выпали. Давно уже не только двор не охраняет, но и гавка от него не услышишь. Дрыхнет целый день – вот и вся служба. Зато жрет, как молодой. Прямо прорва. А жрать не дашь – воет. Хоть сама завой.

- Так усыпи, и все дела, – дала здравый совет вторая.

- Ага, усыпи. Это к ветеринару в район его тащить надо – а как я его, на себе, что ли, понесу? Да и удовольствие недешевое – тыщу рублей, небось, стоит. Я денег не печатаю, чтоб еще на дармоеда этого плешивого их выбрасывать.

- Так способ есть простой, сама раза два так делала. Берешь пакет полиэтиленовый попрочнее – только смотри, чтоб дырок на нем не оказалось – да и на голову ему – и сразу скотчем покрепче замотай. Две минуты – и все дела.

- А не сдерет когтищами-то? – усомнилась собаководелица.

- Так ты сначала лапы ему свяжи как следует, – последовал еще один добрый совет.

- А ведь и правда. Слушай, спасибо. А я-то, дура все думаю, думаю... Сегодня же и сделаю. А потом – в немецкий бункер, туда недавно соседка своего кота дохлого кинула... А вот еще подскажи-ка мне, если знаешь: в маринад для грибов можно хрен рубленый для остроты добавить?

Но подружка ее не слышала: она деловито вытирала салфеткой подбородок своей скучавшей дочурки и приговаривала: «А кто это у нас тут такой холёсенький? Это наша Ленусенька!..»

- И что я должна была сделать? – надрывалась неделю спустя передо мной интеллигентная юная дама. – Вмешаться и пристыдить их? Разъяснить, как ужасно то, о чем они так спокойно говорят? Так ведь

послали бы меня сразу же – ну... туда, в общем. Тут и думать нечего. Сказать, чтобы отдали собаку мне, а не убивали? Ответили бы – да пожалуйста, забирай, чокнутая. Ну, и что бы я с тем псом делала? С блохастым, больным, дворовым? Это ведь ужас! Привезла бы его в свою стерильную квартиру? Вбухала бы три зарплаты в его лечение? Так он все равно через месяц-другой от старости помрет. А до этого ребенка мне чем-нибудь заразит. Или покалечит. Да и вообще – домашние меня с таким чудом и на порог не пустят... В приют его? Где это, да и кому он там нужен? Предложить деньги на усыпление? Так они их на свои нужды потратят, а собаку все равно задушат – надо было тогда ехать с ними не пойми куда и как; все это дичь какая-то, да и ребенка я бы куда дела, не с собой же... Вот и стояла, и слушала, а сердце кровью обливалось...

Я хотел ответить – гуманно и толково, как в таких случаях полагается. Открыл рот – а слов не оказалось. Действительно, как бы я поступил на ее месте? Я скажу: повернулся бы и ушел.

- Фу, – сказала Оля Маленькая, снова совершенно не расстроившись.

- Ну, что за люди у нас! – воскликнула Оля Большая. – Просто дикари какие-то! В двадцать первом веке...

- ...и последнем, если так будет продолжаться, – закончила Маша.

- Ну, коли хотите знать мое мнение, – к тому идет, – сказал Макс. – Наша чума тому доказательство.

- Этим людям есть название: эмоционально тупые, – авторитетно заявил Станислав. – У них как бы спит совесть, так что даже странно. И дети среди них встречаются – я таких учеников все чаще и чаще наблюдаю... И все никак не могу разгадать – откуда? Понятно – телевиденье, фильмы, интернет... Но и у других все то же самое – а они нормальные, человечные...

- Это родовое, Стас... – тихо сказала Оля Большая. – Накапливается что-то из поколения в поколение... И это что-то – грех, вот что это. И у приличных с виду родителей рождается такой недочеловек... Хуже фашиста, хуже убийцы... Потому что у тех – идеи какие-то там или мотивы... А тут – просто как метлой сметена любая нравственность.

- Я не совсем согласен. Общество тоже виновато. Вот послушайте мою историю – она короткая, и не про людей, а про... монеты, – громко сказал Макс. – И ужасно грустная, прямо трагическая.

История третья, рассказанная сильным мужчиной и надежным мужем Максимом, о том, какие интересные монеты выпускаются в разных странах.

Есть у меня приятель один – типа, нумизмат. Захожу я к нему с год так назад – а его водкой не пои – дай монеты свои кому-нибудь показать. Альбомы у него специальные, красивые, все подписано. Смотрю – какие-то необычные монеты, коллекционные, с цветной эмалью. «Что это?» – спрашиваю, а он давай рассказывать. Короче, московский Монетный двор лет десять с небольшим назад выпустил серию монет «12 апостолов» номиналом 25 рублей. И среди них, как ни в чем не бывало, оказалась монета с изображением Иуды Искариота! Вот прямо так, по плечи, со всем уважением... Человек, поцеловавший своего Учителя, чтобы указать на него врагам, недостойный ученик, чей поступок стал олицетворением всей мировой гнусности! Ведь ругательство «Иуда!» считается одним из самых оскорбительных даже среди атеистов... А он спокойненько изображен на российской памятной монете с нимбом вокруг головы. Более того, если приглядеться, то рядом с нимбом, слева и справа, можно еще разглядеть выгравированную надпись на старославянском языке «Святой апостол Иуда Искариот».

Недоразумение? Не думаю. Это означало бы, что нигде на Монетном дворе не нашлось человека не то что верующего, а хотя бы слышавшего о роли Иуды Искариота в христианской истории. Так может быть, там другой апостол, Иуда Фаддей? Меня с детства еще как-то корбило, когда бабка нам, маленьким, Евангелие читала, что был у Христа и другой Иуда, хороший. Нет, четко написано «Искариот». А монета Фаддея тоже есть среди двенадцати. Куда ни кинь – а получается, что в «святые апостолы» удушенник записан специально – с какими намерениями? Ради «примирения»? Но это, кажется, единственный человек в истории, которого она так и не простила. Были великие злодеи – но ушли, каждый вместе со своим временем, а Иуда останется до скончания века. Выходит, это плевок в душу верующим – циничный и осознанный. И безнаказанный, хотя и попадает под статью об оскорблении чувств верующих.

Надо сказать, создатели этой монеты – не первопроходцы. Смотрю коллекцию дальше – и пожалуйста! Вот монета островного государства Республика Палау – на ней тоже Иуда Искариот, и тоже с нимбом...

И вот на монете Конго – правда, хотя бы без нимба...

Выходит, Иуда начал триумфальное шествие по земле уже давно, и мы, граждане России, – опять «впереди планеты всей», если не считать Палау и Конго?

Мне лично кажется, что если и чеканить где-то Иуду, то только, как на украинском ордене – его давно еще сделали – специально для гетмана Мазепы. Там он изображен висящим на дереве, что имело место в истории, – у приятеля моего копия есть... Так что не удивляюсь уже тому, что псам на голову мешки надевают... Не удивляюсь, господа.

- Ну, и что? – сказала Татьяна. – Не нравится – не смотрите. Только и всего. А кому-то, может, интересно такую необычную мифологическую персону в коллекции иметь.

- Да-да, – поддержал Соломоныч. – Именно мифологическую. Из мухи слона раздуваете. И не понимаю, что вы тут грустного нашли...

- Вот сволочь, – шепотом отозвался Митя, и было непонятно, к кому относится оскорбление, – во всяком случае, старик охотно принял его на свой счет и нахохлился.

Станислав глубоко и выразительно вздохнул:

- Ладно господа. Тут мы явно к консенсусу не придем... Кто-нибудь хочет следующий?

- Я, – сказал Соломоныч. – И моя история, поверьте, никого не заденет и не вызовет никаких споров... Это просто грустная история, какая и требуется...

История четвертая, рассказанная вечным отрицателем Соломонычем, о том, как одной девушке сделали предложение, которого она меньше всего ждала.

Моя покойная жена Ася еще в конце прошлого века помогла одной девушке готовиться к поступлению в хороший вуз – репетировала ее по математике. Ученица благополучно поступила, училась хорошо и добралась до последнего курса. Девушка была миловидная и умненькая, при этом, влюбчивая: мама ее «не понимала», и со своим разбитым сердцем она часто прибегала к Асе, «старой и мудрой» женщине. Эту коротенькую поучительную историю Мариночки, думаю, стоит узнать девушкам.

В тот год она в очередной раз «на всю жизнь» влюбилась в своего молодого руководителя дипломного проекта. Рассказывала, какое он сокровище: лет на семь ее старше, но уже со степенью, холостой красавчик-преподаватель, обходительный, с собственной двухкомнатной квартирой, воспитанный, галантный, любит своего кота и чужих детей, не белоручка, с хорошим будущим... В общем, полный набор достоинств для завидного жениха – тут и не поспоришь. Девушке показалось, что и она ему приглянулась: диплом он шутя почти сварганил за нее, обсуждать его водил в кафешку, после чего прогуливались в парке и говорили не только о дипломе, но и «обо всем на свете», очень сходясь во мнениях и взглядах на жизнь. Она прибегала к нам (жили мы в соседних подъездах) вся сияющая: он сказал, он посмотрел, он шоколадку подарил... Но больше – ровно ничего: даже за руку не взял, не то что целоваться или приглашать «на кофе» домой. Ученица Асенькина восхищалась: порядочный! Ухаживает по-настоящему, интеллигентно, не то что другие! Не мечтает завалить в постель и смыться!

Диплом они защитили на пятерку – и сразу гордый руководитель пригласил свою питомицу в кафе – вроде бы, отпраздновать их общую победу, намекнув, что хочет сделать ей важное предложение. Ну, какое предложение может сделать красивый молодой человек красивой девушке одних с ним интересов – сами подумайте!

Она перетрясла свой шкаф, шкаф сестры, шкаф подруги, ничем не вдохновилась, разорила свою девичью заначку, купила дорогое платье, а туфли к нему взяла у моей Аси, – на них денег не хватило, а размер ноги у них был один, и цвет точь-в-точь подошел. Надушилась мамиными духами и полетела на свидание. Полетела – и пропала. «Ну, – думаем мы с Асей, – закрутило девчонку счастье, готовится, наверно, к свадьбе... Вопрос только, как туфли назад получить...». Но через полмесяца в нашем угловом магазине, когда Ася послала меня за пачкой соли, я столкнулся с Мариночкиной матерью – мы не дружим семьями, просто добрые знакомые. И она, представьте, рассказала мне о долгожданном предложении, полученном ее дочерью.

Все было очень мило: пили они с кавалером кофе, заедали легкими пирожными, чокнулись бокалами с шампанским в честь диплома – а кавалер все тушевался. Девушка с замиранием сердца ждала великого предложения. И оно поступило: «Мариночка, видите ли, какое дело...

Я решил жениться, мы уже и заявление подали. Но моя будущая жена, знаете ли, совершенно не дружит с домашним хозяйством: вся в искусстве, науке, диссертацию пишет... В общем, некогда ей стирать-убирать. А вы ведь пока, сразу после диплома, высокооплачиваемой работы все равно не найдете. Я вам полностью доверяю, мы с вами почти друзья, вот и предлагаю: не могли бы вы раза три в неделю приходить к нам прибираться и готовить? И, ну, машину там запустить стиральную и... и... ну, что там еще домработницы делают... Это вам, считайте, вторая зарплата будет...».

Какая сцена после этого последовала, от меня скрыли. Наверное, немая, как в конце «Ревизора». Туфли моей Асе девушка принесла еще через месяц и хмуро спросила: «Вы уже знаете?» Ну, что делать – Асенька кивнула... Так что вывод для вас, девушки, очевиден: не радуйтесь заранее никогда и ничему – все может оказаться совсем не тем, что вы думаете...

Соломоныч гордо замолчал.

- С девушками у нас напряг, – подал голос Борис.

Пронесся общий смешок, очень обидевший Соломоныча, ожидавшего другой реакции на свою печальную историю. Добрая Оля Большая немедленно пожалела его:

- Прекрасная история, и грустная... Девушке-то какво? А этот молодой кандидат наук – тот еще подлец: не мог ведь не видеть, что она влюблена, значит, знал, какую рану наносит... И вы хорошо рассказали, Марк Соломонович, красиво... Спасибо вам.

Старик сидел недалеко от лампы, и все заметили, как он зарделся от удовольствия.

- Как мало надо человеку для счастья, – шепнула Маша на ухо Татьяне.

- А дамы что же? – спросил Король. – У вас-то должны быть в запасе грустные истории...

- Не сомневайтесь! – отозвалась Маша. – Нам для счастья нужно больше, чем вам... – она указала глазами на все еще интимно переживавшего похвалу Соломоныча. – Моя история – про то, как долго можно вспоминать человека, которого никогда не знал и не видел...

История пятая, рассказанная все еще на что-то надеющейся Машей, о том, как от одной женщины осталась только серебряная ложка.

Ее звали Евстолия. Она родилась в конце девятнадцатого века в семье не особо успешных, а если быть честной, то попросту разорившихся купцов Шокиных. В той среде новорожденных называли по Святым – и, какое имя выпало, такое выпало...

Речь идет о сестре моей прабабушки, дедушкиной матери. Имя с детства меня завораживало – даже сейчас, при моде на всяческий «винтаж», шансов встретить обладательницу этого имени практически нет. Замуж Евстолия вышла поздно, за младшего сына из богатой купеческой семьи Ворониных, торговавших ювелирными изделиями. Поздно – потому что родители жениха несколько лет не давали своего согласия на брак сына с бесприданницей. Но молодые люди сумели пронести свою любовь через все семейные неурядицы и, наконец, обвенчались – уже в начале Первой мировой войны. Новобрачная, конечно, сменила фамилию. Молодой муж успел заказать ей личный набор столового серебра – с вензелем на черенках, изображавшим красиво переплетенные буквы Е и В – Евстолия Воронина. Почти сразу у него открылся туберкулезный процесс – и примерно год спустя Евстолия овдовела бездетной, ну, а потом посыпалось: войны, революции... Прожила она недолго.

Набор серебра, конечно, за сто с лишним лет «поистратился»: что-то теряли, на что-то выкупали кого-то из тюрьмы, что-то обменивали на продукты – в общем, мне какими-то кружными путями перепала одна столовая ложка, которую я активно использую. Причудливо завитые буквы вензеля по-прежнему хорошо видны – и поэтому сестру прабабушки Евстолию, чьей фотографии у меня нет, и никогда не было, я вспоминаю каждый день. Одна я. Больше никому. Все умерли. А кто жив – у того нет ложки.

Вот что такое – «на память». Пока живы те, кто тебя видел и знал, они, может быть, иногда случайно упомянут тебя в речи, или вспомнят по какой-нибудь ассоциации. Но, когда и они умрут, твой образ на земле угаснет тоже. А вот этой Евстолии посчастливилось забросить некий «крючок» на целый век вперед: имя, ложка – и краткое, более чем краткое, жизнеописание...

- Действительно грустно... Когда даже фотографии не осталось, а только ложка... – прошептала Оля Большая.

- А дорогая? – деловито осведомился Соломоныч. – Ведь в трудных обстоятельствах она может вас еще как выручить...

- Не думаю. Ложка как ложка... – задумчиво ответила Маша.

- Когда я был молод, на экраны вышел один фильм. Со Штирлицем. Ну, в смысле, артистом, который его потом сыграл, – озарился от воспоминания Соломоныч. – Но там он был в роли не разведчика, а учителя, положительного человека. Так вот, он сказал своим ученикам: «От большинства людей остается только тире между датами рождения и смерти». А тут целая ложка. Да еще серебряная.

- Все равно печально, – сказала Татьяна. – Но у нас, к счастью, все-таки есть, что оставить своим детям...

- Что из этого сохранится через сто лет, и будет ли связано с вашим именем – большой вопрос, – меланхолично бросил Борис.

Татьяна демонстративно проигнорировала выпад.

Наступила короткая тишина, в которой каждый тайком от других, а пуще – от самого себя прислушался изо всех сил, устремив напряженный слух в коридор и наверх: не донесутся ли подозрительные звуки? Максим безжалостно дезавуировал все попытки:

- Господа, не надрывайтесь так: пока дверь не начнут вскрывать, мы ничего не услышим, она слишком толстая. А если начнут – услышим без всяких прислушиваний.

- Давайте лучше рассказывать, – призвал Король и посмотрел на пониющую Катю, желая подбодрить ее: – Может, вы?

Она наклонила голову:

- У меня уж очень грустная история... Макс, ты ведь помнишь мою подругу Ангелину – ту, что работала в Пушкинском музее? Ну, вот, я и расскажу о нашей последней встрече...

История шестая, рассказанная ожидающей скорой личной развязки Катюшей, о том, каково это, когда видишь человека последний раз в жизни, но не знаешь об этом.

Несколько лет назад умерла от рака моя подруга Гелечка, проболев лишь пять месяцев и не дожив до сорока лет примерно девять недель. До болезни это была пышная красавица с рыжеватыми волосами, слов-

но сошедшая с полотна Рубенса, прекрасно себя чувствовавшая... Никому и в голову не могло прийти, что у нее обнаружат рак уже в четвертой стадии. Нет, мы были не самыми близкими подругами, но уважали и ценили друг друга, иногда встречались, откровенно разговаривали, обменивались небольшими подарками...

Наша последняя встреча теплым летним вечером в центре Москвы ознаменовалась зловещим случаем. Я долго прождала Гелю у метро «Кропоткинская» – она задержалась почти на час: ее не отпустили с работы – она была искусствоведом, работала в музее изобразительных искусств. Я стояла и злилась на нее за свое потерянное время, но, когда она прибежала – запыхавшаяся и извиняющаяся, то, конечно постаралась не показывать вида и постепенно успокоилась. Мы неторопливо пошли, разговаривая, в сторону Москвы-реки и по дороге завернули на улице Ленивке в кафе-подвальчик, чтобы посидеть и пообщаться... До сего дня ношу я в сумке крошечный блокнотик, в котором Геля, сидя в том кафе, своей рукой написала для меня телефоны одной нужной мне организации и список документов...

Через какое-то время я извинилась и вышла в туалет, а Геля осталась за столиком. Я уже выходила из кабинки, когда совсем рядом раздались выстрелы и громкие женские крики. Меня обуял страх: это там, в обеденном зале?! Надо бежать спасать Гелю?! Что делать?! Кто стреляет?! Пока я колебалась, все стихло, и я решила выбраться из туалета... Первое, что я увидела, – это несколько мужчин, заваливших на пол здорового детину и вязавших ему руки ремнем, а второе – Гелю за столом, совершенно белую... Она вскоре оправилась от испуга и рассказала, что какой-то посетитель подошел к стойке, заговорил с бариста, что-то ему не понравилось, он выхватил пистолет, очень похожий на настоящий, и стал палить наугад – к счастью, ни в кого не попал. Другие мужчины кинулись на него и обезвредили, администратор уже вызвал полицию...

Нам резко расхотелось оставаться в этом месте, мы быстро расплатились и ушли... «Я так испугалась за тебя! Но теперь ты будешь жить до ста лет!» – пошутила я...

Геле оставалось несколько месяцев. И это была наша последняя встреча.

Все молчали, потрясенные коротким незамысловатым рассказом.

- Тут даже не знаешь, что и сказать, – выразил, наконец, общее мнение Максим. – Да, я хорошо помню, конечно, ту женщину. Очень порядочная была и, как бы это сказать... чистая, – подумал и уточнил: – По-хорошему.

Стало понятно, что последнее слово адресовано Борису, с целью предупредить его возможную колкую реплику. Тот дернулся – но промолчал.

- Достойный рассказ, – сказал Станислав. – Кто следующий?

- Я, – сказала Оля Большая. – Мой рассказ будет просто ужасным. Про то, как я по молодости и дурусти обрекла человека на катастрофу.

История седьмая, рассказанная совестливой женщиной Олей Большой, о том, почему надо хранить чужие визитки.

Не знаю, может ли меня хоть отчасти оправдать тот факт, что мне тогда едва исполнился двадцать один год, я только университет окончила. И отправили меня как молодого специалиста на дурацкую, никому не нужную конференцию, куда никто не хотел идти. Не помню, как мы разговорились с женщиной средних лет в обеденный перерыв этого унылого мероприятия. Просто оказались за одним столиком. Мужчина, как я сразу поняла, был слегка навеселе, очень разговорчив и подвижен. Я той ночью не выспалась и на тот момент так устала, что могла лишь слушать его с рассеянной улыбкой и для приличия кивать. Кто из нас не вел таких необязательных разговоров! Но собеседник мой, очевидно, решил, что обрел во мне идеального слушателя, на которого можно излить свое приподнятое настроение – и все семейные новости.

Через четверть часа я уже знала, что семья его – он, жена и двое детей – долго не могли вырваться из нищеты, вчетвером жили в полторакомнатной «хрущевке» в Черкизово – и вдруг ему удалось проверить удачную сделку на работе. Его серьезно премировали, и, в результате, квартиру из комнаты с альковом удалось превратить в полноценную двухкомнатную. Вдобавок, с неба упало такое счастье, что теща решила уехать к старшей дочери в Америку на ПМЖ, а свою комнату в коммуналке отдать младшенькой – жене моего визави. Ошалев от счастья, они продали и эту комнату, и свою «двушку» – очень выгодно, а деньги положили в банк – в рублях, потому что доллары покупать стремно. В «двушку» уже переехали новые жильцы, а в проданной комнате тещи

им разрешили пожить еще месяц – за этот срок они обязаны купить новую трехкомнатную квартиру. И вот, они как раз тем утром нашли искомую – не квартиру, а игрушку! Даже свежий ремонт сделан! Он счастлив! Какое облегчение! Сделка на той неделе! А что выпивши сегодня, – так это от радости, а так-то он себе не позволяет: семью тянуть надо, сыновей на ноги ставить... Вот его визитная карточка. Если что понадобится, – пусть я обязательно звоню!

В этот момент пригласили обратно в зал, собеседник суетливо поднялся и распрощался. Я безо всякого внимания взглянула на его визитку: непонятная компания, занимается непонятно чем, непонятная должность и дурацкая фамилия... Этот человек мне никогда в жизни не понадобится, а в сумке и так полно бумажного мусора. Я скомкала карточку и бросила на тарелку вместе с использованной салфеткой. Мероприятие скоро закончилось, а случайную встречу я выкинула из головы еще раньше...

Вспомнить о ней мне пришлось менее чем через сутки. Ближе к вечеру следующего дня нам домой позвонила близкая подруга мамы, занимавшая достаточно высокую должность в одном из ведущих банков. Нет, мы не богачи, имеющие таких друзей, это просто была мамина одноклассница, с которой она дружила с третьего класса. Под большим секретом она сказала, что к ним просочились вполне определенные данные о том, что уже завтра рубль будет обесценен во много раз. «Если у вас где-то лежат деньги – бегите и снимайте немедленно. Завтра, скорей всего, вы уже не сможете это сделать. И купите на них доллары – сейчас можно таким образом разбогатеть за час», – примерно так она сказала, а мама только рассмеялась: «Откуда у нас деньги? Все, что получаем, проживаем сразу же, какие там банки-доллары...».

А я даже сначала не поняла, почему вдруг у меня похолодело в животе, как от ужаса, – ведь меня-то это сообщение, определенно, не касалось! И тут в голове вспыхнуло: тот, за столиком! Человек, который скоро окажется с семьей на улице, – и вот сейчас я могла бы предупредить его и спасти! И уже не сделаю этого никогда...

Так плохо морально мне до тех пор никогда не было.

Стоял август 1998-го. На следующий день сбережения большинства российских граждан превратились в пыль. А я вот уже больше тридцати лет храню чужие ненужные визитные карточки...

- Э-э... Мне тогда три годика было, – протянула Маша. – А что там случилось, в девяносто восьмом?

- Масштабный кризис, – разъяснил Борис. – Тогда действительно за день одни стали нищими, а другие разбогатели. Мои родители как раз дачу себе на старость покупать собрались, под Ломоносовом. Ну, и все. Ни денег, ни дачи.

- А я помню, в нашем угловом магазине стали продавать куриц-инвалидов... – поведал Соломоныч. – Представляете – то без одной ноги, то вообще без ног, но с крыльями, то без крыльев, но с ногами... Ася купила сразу четыре штуки и заморозила...

- Слушайте, какие курицы? Тут семья жилья лишилась! – возмутился Макс. – Но Ольга не виновата – она же не провидица... Хм... По крайней мере, тогда еще не была по молодости.

- Да, не терзай себя, Оля, – поддержала и Татьяна. – Никто не хранит карточки посторонних людей. Ни я, ни любой из здесь присутствующих... Просто так сложилось именно в тот день. А если бы не кризис – ты б и не вспомнила о том пьяненьком мужичке...

- Не казись, Леля, – мягко сказал Станислав. – Может, их кто-то другой предупредил, ты же не знаешь. Но даже если нет, и ты оставила бы у себя карточку, то вряд ли спасла бы их: не факт, что мужик поверил бы какой-то случайной девушке и помчался в банк. А такую сумму сразу наличными могли и не выдать, записали бы на следующий день, а мы уж знаем, каким было то «завтра»... И вообще, он спал, скорей всего, мертвым сном после дурацкой конференции и выпивки «на радостях» – и просто не подошел бы к телефону... Ничего бы это не изменило: вероятно, им было назначено именно такое жизненное испытание. Почему именно такое и именно им? Ну, это уж не к тебе вопрос...

- И опять у нас тут являются высшие силы и злой рок... – пробормотал себе под нос Соломоныч.

- Ну да, – напомнил Макс. – По-вашему, они являются только дудеть в шофары, а когда этого не требуется, то просто спят на облаках.

- Вот вы смеетесь, а ведь это очень серьезно... – начал Соломоныч, но был жестоко оборван Королем:

- Господа, давайте теологические споры отложим до лучших времен! У нас время печальных рассказов. Кто еще не высказался? Татьяна? Митя? Кто будет следующим?

- Ладно, я... – сдалась Татьяна. – Хоть я и не собиралась больше,

но... Раз уж у нас и так последний день... В общем, грустная история будет про нашу встречу одноклассников в мае – как раз перед... эпидемией. Прошло двадцать три года, как мы школу окончили.

История восьмая, рассказанная давней выпускницей школы Татьяной, о том, как суровый мужчина заплакал при дамах.

Всем нам, бывшим одноклассникам, исполнилось сорок. «Всего» или «целых» – зависит от того, кто слушает. Лично я сказала бы, что на ту встречу в ресторане пришли, на мой взгляд, очаровательные девушки и красавцы-ребята. Абсолютно все мы, как я самонадеянно считаю до сих пор, выглядим значительно моложе своих лет... Вопрос только – а как же нужно выглядеть, чтобы тебе давали «свои»?

В детском садике (о, да, давно) у меня была воспитательница, про которую мои тридцатилетние тогда родители говорили так: «У нашей дочки, она, к счастью, пожилая, добрая». Я ее отлично помню: высокая, крупная. Всегда либо в темно-сером глухом платье, либо в закрытом буром сарафане, под которым – светлая блузка с длинным рукавом. Темные волосы коротко подстрижены, на ногах – плотные телесные чулки и байковые тапочки. Мне было три годика, и я интуитивно относилась к поколению своей прабабушки. И вот случайно нашла пачку детсадовских фотографий, на которых была и та добрейшая Антонина Прокофьевна в окружении нас, своих мелких воспитанников... Никакого умиления у меня не получилось – только отчетливый ужас: ей тогда было около сорока. Не больше. Она не наряжалась, не красилась и выглядела «на свои» – только и всего. Не знаю, полагалось ли тридцать семь лет назад всем женщинам «под сорок» одеваться «сдержанно», или просто та воспитательница сама так считала, но она всегда была и остается одним из немногих людей моего детства, о которых я вспоминаю с благодарностью и симпатией.

Но на том вечере в ресторане все мы оказались выше всяких похвал, честное слово: модно причесанные, неброско подкрашенные, в брендовых нарядах (у кого-то, может, та кофточка была единственной – но кто ж о таком рассказывает!). Парни, конечно, делали нам комплименты – дескать, мы с выпускного вечера ну, ни капли не изменились, хоть сейчас на дискотеку... Праздновали встречу долго, и под конец один из наших дорогих «мальчиков» – а ныне серьезный мужчина с раскру-

ченным бизнесом – надрался, как говорится, «до утраты лика». И этим самым утраченным ликом упал он – нет, не в салат, рядом с тарелкой – и заплакал. Подняли, опросили. Салфетками отерли горькие слезы и поинтересовались причиной рыданий. Он обвел нас честным мокрым взглядом и сознался: «Потому плакал, что жалко мне вас, девчонки». «Как – жалко?! Почему?! – всполошились вокруг него молодые красавицы. – За что нас жалеть?!». «Да старые вы и страшные», – горько ответил Ваня.

В ресторане стало тихо. Совсем. Только кондиционер гудел.

Все снова затихло и в подземелье. Может быть, Татьяна и ждала взрыва мужского негодования с уверениями в ее вечной молодости и неотразимости – но их не последовало и последовать не могло: моргающий свет подкрученной керосинки бросал безжалостные грубые тени на все без исключения лица – и даже почти первоклассница Олечка выглядела потрепанной временем старушкой-карлицей... А уж взрослые обоего пола и вовсе напоминали несчастных призраков без возраста, истерзанных заботами и страхом, ни на секунду не забывающих о правящей наверху настоящей королеве – Ее Величестве Чуме... Молчание становилось тяжелым – и никто не нарушал его, остерегаясь фальшивой ноты, которая годами будет терзать лицемерного утешителя при воспоминании об этих темных собраниях десятерых полумертвецов.

- Моя очередь, – наконец, сипло проговорил Митя. – Я хотел рассказать про цыганский гипноз...

История девятая, рассказанная приметливым юношей Митей, о том, что от цыганок на улице не спасет никакая просвещенность.

Зашел я как-то зимой к однокласснику, сидим, болтаем, его мама нас супом с цветной капустой кормит. Вдруг раздается длинный, тревожный звонок в дверь – такой, что сразу понятно: что-то случилось. Бежим вместе с прихожую с одной мыслью: только бы ни с кем из их семьи никакого несчастья! Мама одноклассника смотрит в глазок и открывает дверь: на пороге заплаканная соседка. Даже не то что заплаканная, а вся в красных пятнах, трясется и причитает, лицо искажено. Завели в кухню, налили воды – у нее даже зубы стучат о край чаш-

ки! Причем женщина – не замухрышка, а такая вполне себе: дорогой пуховик с рыжей лисой, замшевые сапоги, идеальная стрижка, ногти красивые, с рисунками и камушками... Но ни перчаток, ни украшений, ни даже шарфика на шее! Кожаная сумка расстегнута по всей длине и почти пуста! Рыдает, икает, сквозь слезы рассказывает такую историю:

Ездил на кладбище цветы на могилу родственника положить. Когда вышла оттуда на стоянку машин, – подбежали цыганские дети, просят «копеечку». Она сдуру и достала монетки из кармана, стала им совать: положено ведь милостыню подавать в память усопшего. А цыганята как окружили ее стайей со всех сторон – буквально налетели, хватают, тербят, галдят, тянут грязные ладошки! Отбиться невозможно – дети же, нельзя их ударить! Но иначе невозможно... Раздала всю мелочь, стала их расталкивать, чтобы прорваться к дверце машины. Один – она видела, что нарочно! – прямо перед ней упал в лужу и дико закричал: «Убила! Убила! А-а-а!». Остальные толпой подхватили, в машину сесть не дают, оттесняют, крики все громче... Вдруг, откуда ни возьмись – две взрослые цыганки: «Наших детей бьешь! Искалечила! Теперь тебе ввек здоровья и счастья не видать!». И вот тут женщина, очень хорошо осознавая действительность, – то, что ее грабят на улице! – стала сама снимать с себя кольца, серьги, дорогие часы и добровольно отдавать цыганкам. Затем открыла кошелек, вынула все наличные и тоже отдала, а вслед – и несколько дорогих безделушек из сумки: позолоченную зажигалку, серебряный с эмалью дамский портсигар, еще что-то... При этом она прекрасно понимала, что делать этого нельзя, она творит безумие, – но и остановиться не могла! Кончилось тем, что отдала лайковые перчатки, норковый берет и даже шелковый платок с шеи! И все это – безо всякого насилия!

Внезапно наступила тишина – женщина как вынырнула. Вокруг никого не было. Цыган и след простыл. Распахнутый пуховик и пустая сумка только с документами и картами внутри. Странно, что пуховик не сняли и сумку не забрали...

«Мне даже в голову не могло прийти, что такое может со мной случиться! – надрывалась соседка. – Я ведь просвещенный человек, сто раз об этом читала и слышала! Всегда сторонилась цыган, боялась их, как огня, никогда не заговаривала! Знала, что многие из них владеют гипнозом! И вдруг – такое! Со мной!».

Помочь ей было нельзя. Еле мы ее успокоили, она побрела домой, волоча ноги... Вот такая печальная история почти при мне приключилась.

Слушатели оживились и затараторили наперебой, на этот раз полностью сойдясь во мнениях:

- Это точно, они часто вокруг кладбищ промышляют!
- Меня однажды у нас в Питере у Смоленского чуть так же не ограбили!
- Они прекрасные физиономистки!
- И гипнотизерши!
- Матери, дети – все действуют сплоченной бандой!
- А дети еще опаснее родителей!
- Да, как хищная саранча!
- И управы на них нет – полиция их крышует!
- Или даже сама боится!
- Тихо!!! – гаркнул вдруг, перекрывая все голоса, Борис. – Слышите?!!

Все замерли в разных позах, с разинутыми ртами, накрытые очередным приступом глухой тишины. И, когда она уже почти перезрела и кто-то даже с облегчением прошелестел: «Показалось...», – издалека и сверху раздался отчетливый удар железом по железу...

Эпилог

Как была рассказана десятая история

...и другой, и третьей, и четвертый. А вслед началось негромкое, но вполне ясно слышное жужжание, переходящее в пока далекий, но уверенно обещающий вскоре стать пронзительным визг.

- Не лазер. Болгарка, причем, хилая, – как мог спокойно, сказал Максим. – Долго еще провозятся – дверь, хоть и не шибко толстая, но вскрывать им ее придется по периметру, так что у нас минимум четверть часа.

Катя подошла к мужу и молча припала головой к его плечу: она не видела, как он зажмурил глаза, изо всех сил сохраняя уверенный тон:

- Тебе нечего бояться. Мы же обо всем договорились. Сейчас спокойно возьмем твои вещи, и, когда дойдет до тебя очередь, без нервов скажешь им, что у тебя начинаются роды...

- Ага, – небрежно бросил Борис. – Это если они не откроют огонь, так сказать, с порога.

- А м-могут?.. – трясушимися губами еле выговорила Татьяна, на-
мертво притиснув к себе дочь.

- Не знаю, – честно ответил Максим.

- У нас вообще правовое государство или нет?!! Мы что им здесь
– крысы, которых можно просто перестрелять?!! Что, чума отменяет
демократию?!! – замахал руками Соломоныч.

Оля Большая и Станислав молчали, крепко взявшись за руки, Митя,
хоть и на дрожащих ногах, но подошел к матери и жестом защиты по-
ложил ей ладонь на плечо.

- Мужчины!!! – истерически вскрикнула вдруг Маша. – Да сделайте
же что-нибудь! Вы мужики или кто?!! Неужели мы будем все это время
покорно стоять и ждать своей участи?!! Примите какое-нибудь реше-
ние, если вы нормальные мужики!!! Ну, придумайте же!!!

- Разве что еще раз колесико в конце коридора попробовать крутануть
напоследок... – усмехнулся Борис.

- А это идея, между прочим, – неожиданно согласился Станислав. –
Что-то мы про него забыли последние дни...

Визг болгарки наверху тем временем звучал все отчетливей, посте-
пенно переходя в оглушительный треск – видно, работа шла споро.
Коллективный разум подземных жителей спрашивать личное мнение
каждого не стал: повинувшись единому тайному импульсу, все десять че-
ловек, не произнеся более ни слова, метнулись в тупик, к заколдован-
ной двери, – трое мужчин и мальчик с уханьем налегли на штурвал,
старик держал в поднятой руке керосиновую лампу, женщины сбились
в стайку неподалеку – и лишь любопытная Оля Маленькая подошла
близко с явным намереньем поучаствовать в процессе.

- Дохлый номер... – первым сдался Станислав, утирая лоб, но на ме-
сто выбывшего бойца в строй немедленно встал другой:

- Я тоже хочу!!! – пропищала Олечка, и, никем вовремя не остано-
вленная, встав на цыпочки, ухватила пухлыми пальчиками за колесо.

Раздался негромкий шелчок, потом что-то брякнуло – и мужчины
упали влево вместе с легко крутанувшимся штурвалом; еще не веря
происходящему, потянули дверь на себя – и она тяжело, почти бесшум-
но подалась наружу. Из черной щели пахнуло теплой затхлостью. Дверь
открывалась несколько секунд, и все поразились ее невероятной тол-
щине; с обратной стороны торчал точно такой же штурвал.

- Бронированная... Почти полметра... – пробормотал пораженный
Максим.

- Скорей!!! Внутрь!!! – спохватился Станислав. – Вещи!!!

- Кошки!!! – неожиданно вспомнил о главном боевой прапорщик.

Уже не обращая внимание на треск резки, заполнявший собой все вокруг, карантинники толпой рванулись на кухню за своими манатками, по дороге кое-как подхватывая ошалелых кошек. Запихнув их внутрь вслед за женщинами и Соломонычем, вновь судорожно вцепившимся в лампу, мужчины переглянулись и бросились назад, подсвечивая путь айфонами. Через неполную минуту за дверь перекочевала канистра с остатками бензина, плитка и несколько первых попавшихся ящиков с провизией. Третья вылазка не удалась: звук болгарки прекратился, и почти сразу в коридоре под спусковым люком показался яркий свет чужого налобного фонаря – сунувшийся было из-за двери Стас отпрянул и зверски скомандовал:

- Навались!!!

На дверь кинулись скопом. Максим всей тяжестью повис на штурвале, и тот со скрежетом провернулся. Борис, не растерявшись, заблокировал его торчавшей слева рукояткой и для надежности задвинул огромный тугой засов. Только после этого, забрав у Соломоныча лампу, Макс открутил фитиль до предела и осветил окрестности. Горстка людей с вытаращенными глазами стояла у немой железной двери, от которой вглубь, в кромешную тьму, уходил под уклоном вниз широкий покатый цементный коридор без единой двери.

- Что там? – спросила одна из женщин.

- Пойдем – узнаем, – ответил, переводя дыхание, Максим.

- Дядя Макс, а они могут эту дверь тоже разрезать? – спросил Митя.

Тот отдышался и помотал головой:

- Вряд ли. Здесь особая техника нужна – дорогостоящая. Это ведь не какой-то люк. Тут целая спецоперация требуется... Не думаю, что из-за нескольких нарушителей карантина они ее будут организовывать. Скорей, плюнут на это дело и уйдут.

- Но, может, просто откроют? Мы же открыли! – пытал Митя.

- Нет, Борис заблокировал... Кстати, а как мы ее открыли, я не понял? – Макс вдруг обвел присутствующих совершенно обескураженным взглядом.

- Так это Оленька сделала, а не мы, – усмехнулся Борис.

- Да, там такая пупочка была! Как в той грустной истории, которую я хотела рассказать! – охотно доложила девочка. – Посередине!

- Какая пупочка, какая история, что ты бредишь... – выдавила помертвевшая Татьяна.

- Господи... Я думал, это заклепка... Прямо в центре... Незаметная такая... – хрипло прошептал Максим.

- Да, как у бабушкиной деревянной собаки! – быстро похлопала в ладошки Оля.

- Точно... Этот случай... У мамы... – пробормотала Татьяна.

- Да я просто не успела! – торжественно сказала девочка. – Сейчас расскажу!

История десятая, рассказанная находчивой девочкой Олей Маленькой, о том, как она нашла у бабушки клад, а бабушка не обрадовалась, а заплакала.

Бабушкин папа любил вырезать всякие фигурки из дерева. Это у него было, ну... Вспомнила – хобби, вот! И потом он их раскрашивал... Он давно умер, я еще не родилась, даже мама маленькая была, в школу не ходила... У бабушки много фигурок сохранилось – везде стоят в квартире. Я с ними иногда играю, когда к бабушке прихожу. Ну, и там одна собака стояла в углу на подоконнике – такая большая и пыльная – фу. Я раньше с ней никогда не играла, а однажды решила просто посмотреть. Она такая вся... Облезлая... Только нос черный блестит. Смотрю – а он железный! Я говорю – «Би-бип!» – и нажала на него. А голова у собаки ка-ак отскочит назад! И внутри доллары лежат, такие, в трубочку свернутые. Я кричу: «Бабушка, бабушка, я клад нашла!». Она идет, такая, медленно, и говорит: «Ну, откуда у нас клад!» – а я ей деньги показываю... Бабушка посмотрела, такая, пощупала собаку, на нос ей нажала и говорит: «Надо же, тут пружинка была, а я и не знала!». Потом стала доллары рассматривать... Смотрит, смотрит... И вдруг ка-ак заплачет! Я говорю: «Бабушка, что ты плачешь, вон, сколько денег!» А она все равно плачет и отмахивается, слезы так и льются... Потом говорит: «Иди играй в игрушки... Ты все равно не поймешь...» – и опять плачет и все повторяет: «Если б я знала! Если б я знала! Ах, папа, папа, почему ты мне не сказал!». Ну, потом она успокоилась немножечко и говорит: «Это мой папа от мамы заначку сделал – и умер, никому сказать не успел... Десять стодолларовых бумажек... Тысяча долларов... Теперь они уже никуда не годятся, а тогда... Тогда ведь они спасти нас

могли... А мы такого хлебнули, такого...». Вечером мама за мной приехала – а бабушка все плакала...

- Так и было, – мрачно досказала Татьяна. – Мой дедушка умер в девяносто пятом, мне как раз пять лет исполнилось. Родители вообще нищие были – оба интеллигенты, ни к чему не приспособленные. Что бы дедушку похоронить, продали все, что могли, в долги влезли – а тут и бабушка умерла. Ее вообще кремировать пришлось, даже без торжественного зала – просто отдали гроб где-то в заднюю дверь крематория – и все, на большее денег не хватило. Родители потом много лет бились, из долгов не вылезали. С работы их увольняли постоянно – то с одной, то с другой... И все это время у них тысяча долларов, можно сказать, на виду лежала, а они не знали... Конечно, мама расстроилась, когда Оля «клад» нашла... Тогда, в девяностые, на все лето снять для детей дачу – двадцать долларов стоило... В этом году, в начале чумы, мама хотела их на рубли обменять, а ей сказали, что выпуска до 1996 года по новым законам не принимают, там защита плохая... Так что теперь это просто пачка бумаги... Нашли бы раньше, в девяностые, – многое могло бы в нашей жизни измениться. В те годы такие деньги казались целым состоянием, столько бед можно было с ними избежать... И вот, маленькая девочка через тридцать пять лет нажимает на нос деревянной собаки – и... – она махнула рукой и умолкла.

- А сейчас я увидела эту пупочку, вспомнила про ту, нажала – и колесо завертелось... – гордо закончила Оля Маленькая.

На этот раз молчали долго, со страхом и надеждой вглядываясь в разверзавшуюся перед ними тьму. Там ничто не шевелилось, не мелькало ни единого проблеска света.

- Ну, и что нам теперь делать, позвольте вас спросить? – вдруг требовательно изрек Соломоныч.

- Нужно найти другой выход... – жалобно сказала Катя. – Ведь мне завтра, скорей всего, ехать в роддом... Или уже... сегодня...

- Если он есть, – усмехнулся Борис.

- А вдруг будет хуже, чем быть пойманными? – еле слышно проговорила Маша.

- Может, да, а может – нет, – скрывая волнение, ответил ей Станислав. – Но, раз мы чудом попали сюда в такой страшный момент, это может значить только одно... – его голос дрогнул, и он осекся.

- ...что это именно наш путь, который мы должны пройти, – закон-

чила за него Оля Большая. – А что там в конце, – только Бог знает. Собственно, чем начало этого коридора хуже начала любого дня? Ведь мы же никогда не знаем, чем он кончится, а идем же.

- Ну что, Вергилий? – насмешливо глянул Борис на Макса, так и стоявшего с воздетой лампой. – Не помню, был ли у того факел, но у тебя он, во всяком случае, есть. Давай, возглавь шествие и освещай путь. Не обратно же в эту дверь ломиться.

Макс хотел подобающе ответить, но не стал, а молча развернулся и осторожно пошел по коридору; Катя, держась за куртку мужа, неотступно шла след в след. Поколебавшись, за ними последовал Борис, на ходу неосознанно взяв за руку Машу, потом кучкой тронулись остальные...

Шли пока налегке: ведь это была еще только разведка.

*4 июля 2020 года, во время морового поветрия
Санкт-Петербург*

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	
<i>Yersinia pestis</i>	3
Первый день Декамерона, <i>в который рассказываются истории с хорошим концом</i>	39
Второй день Декамерона, <i>в который рассказываются истории о Поступках с большой буквы</i>	67
Третий день Декамерона, <i>в который рассказываются страшные истории</i>	93
Четвертый день Декамерона, <i>в который рассказываются истории о животных</i>	117
Пятый день Декамерона, <i>в который рассказываются истории о любви</i>	140
Шестой день Декамерона, <i>в который рассказываются забавные истории</i>	171
Седьмой день Декамерона, <i>в который рассказываются истории о столкновениях со сверхъестественным</i>	195
Восьмой день Декамерона, <i>в который рассказываются истории о человеческой подлости</i>	222
Девятый день Декамерона, <i>в который рассказываются истории о жизни – такой, какая она есть, без прикрас</i>	253
Десятый и последний день Декамерона, <i>в который рассказываются грустные истории и происходит еще кое-что</i>	281
Эпилог	
<i>Как была рассказана десятая история</i>	305

Литературно-художественное издание

Наталья Веселова

ПРЕДПОСЛЕДНИЙ ДЕКАМЕРОН

Сказы морового поветрия
XXI века

Книга издается в авторской редакции

ISBN 978-5-996512-22-5

Подписано в печать 20.10.2020
Формат издания 60x84/16. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 18.14

Издательство «СУПЕР»
199178, Санкт-Петербург, 7-я линия ВО, д.82/1
www.super-izdatelstvo.ru